наиболее полный спектр известных на сегодня лингвистических и социолингвистических подходов к анализу текста и дискурса

Методы анализа текста и дискурса – это результат междисциплинарной и интернациональной работы. Особый интерес они представляют не только для лингвистов, но и для социологов. В основу книги легли специальные знания о каждом методе и процедуре его применения. Она дает возможность сравнить, противопоставить разные методы и выбрать тот, который наилучшим образом подходит под конкретную ситуацию.

Мы выбрали 10 наиболее эффективных лингвистических и социолингвистических методов анализа текста и дискурса. Самые известные из них обоснованная теория, контент-анализ, критический дискурс-анализ, конверсационный анализ.

Стефан Тичер – профессор социологии в Венском университете экономики и бизнес-администрирования.
Майкл Мейер – профессор факультета «Организационное поведение» в Венском университете экономики и бизнес-администрирования.
Рут Водак – профессор прикладной лингвистики и дискурс-анализа в Венском университете, профессор Австрийской Академии Наук, руководит исследовательским центром «Дискурс, политика и идентичность».
Ева Веттер – сотрудник на факультете романистики в Венском университете.

ISBN 978-966-8324-61-1

HUMANITARIAN CENTRE

Методы анализа текста и дискурса

Стефан Тичер, Майкл Мейер, Рут Водак, Ева Веттер

Methods of Text and Discourse Analysis

Methods of Text and Discourse Analysis

Stefan Titscher, Michael Meyer, Ruth Wodak
and Eva Vetter

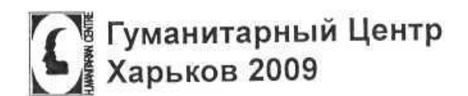
Translated by Bryan Jenner

London • Thousand Oaks • New Delhi

Методы анализа текста и дискурса

Стефан Тичер, Майкл Мейер,
Рут Водак, Ева Веттер

УДК 80.81'42
ББК 81.2-5
Т 54

Перевод и научная редакция
кандидата филологических наук
Анны Аркадьевны Киселевой

С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 356 с.

Если Вы – специалист в области лингвистики и социолингвистических исследований или стремитесь им стать – эта книга станет для Вас не заменимым подспорьем. Здесь представлен самый широкий спектр методов анализа текста и дискурса – как их определяют в теории и как их можно применить на практике. Все методы даны в сравнении с другими, что значительно облегчает выбор подходящего для каждой конкретной ситуации. Широта подхода и разносторонний опыт авторов значительно выделяет книгу среди других работ по текстовому и дискурс-анализу. Учитывая ее полноту, можно смело утверждать – перед Вами энциклопедия по социолингвистическим исследованиям.

Кому она будет полезна? Конечно же, всем социологам, лингвистам и филологам – теоретикам и практикам, студентам и опытным специалистам. Каждый найдет здесь для себя много ценной и интересной информации и расширит свои знания в работе с текстами и интерпретации дискурсов.

If you are a specialist in the field of linguistics and socio-linguistic researches or seek to become such specialist, then this book will be of great help and value for you. The book comprises the widest range of text and discourse analysis methods – how they are defined in theory and applied in practice. All the presented methods are given in the comparison to the others, which makes it substantially easier to choose the best and optimal method for each particular situation. The wide range of approaches and the profound experience of the authors makes this book an outstanding one among the other works on text and discourse analysis. Taking into account the width and depth of the presented material, one can claim that this book is an encyclopedia on socio-linguistic researches.

For whom will this book be of special interest? Of course, for all sociologists, linguists and philologists – academicians and practitioners, students and experienced specialists. Each will find here a great deal of interesting and useful information and will be able to deepen and extend his knowledge in the work with text and discourse interpretation.

ISBN 0-7619-6483-5 (англ.)

ISBN 978-966-8324-61-1

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие научного редактора 9
Введение 10
Часть 1. МЕТОДЫ И ТЕКСТЫ 12
Глава 1. СОЦИАЛЬНО-НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА 13
1.1. Способы доступа к данным 14
1.2. С какой целью? 25
Глава 2. ЧТО ТАКОЕ ТЕКСТ? 36
2.1. Определение 36
2.2. 7 критериев текста Богранда и Дресслера 39
2.3. Лингвистический анализ текста 43
2.4. Некоторые размышления о понятии *дискурс* 45
2.5. Контекст 48
2.6. Дальнейшие дискуссии о понятиях *текст* и *дискурс* 51
Глава 3. КАК СОБРАТЬ МАТЕРИАЛ ДЛЯ АНАЛИЗА. КРАТКИЙ ОБЗОР 54
3.1. Что нужно решить? 55
3.2. Как отобрать материал для анализа? 63
3.2.1. Выборка 65
3.2.2. Теоретическое формирование выборки 70
3.2.3. «Строго» теоретические посылки 71
3.2.4. Кейс-исследование 73
3.2.5. «Поход на рыбалку» 79
Глава 4. КАРТА МЕТОДОВ И ТЕОРИЙ 84
Часть 2. МЕТОДЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА 87
Глава 5. КОНТЕНТ-АНАЛИЗ 88
5.1. Теоретическая база 89
5.2. Основные теоретические посылки 91
5.3. Цели метода 92
5.4. Описание метода 93
5.4.1. Процедуры, инструменты и правила классического контент-анализа 93
5.4.2. Качественный контент-анализ 99
5.5. Критерии и качества 103
5.6. Предусловия и области применения 107
5.7. Сходства и различия с другими методами 108

Глава 6. ОБОСНОВАННАЯ ТЕОРИЯ 11
6.1. Теоретическая база 11
6.2. Основные теоретические посылки 11
6.3. Цели метода 11
6.4. Описание метода 11
6.4.1. Сбор данных 1
6.4.2. Концепты и индикаторы 1
6.4.3. Процедура кодирования 1
6.4.4. Дальнейшие процедуры и правила обоснованной теории 12
6.4.5. Дискуссия вокруг обоснованной теории 12
6.5. Критерии качества 12
6.6. Предусловия и области применения 12
6.7. Сходства и различия с другими методами 12

Глава 7. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ 13
7.1. Теоретическая база 13
7.2. Основные теоретические посылки 13
7.3. Цели метода 13
7.4. Описание метода 13
7.4.1. Общий этнографический анализ текста 13
7.4.2. Этнография речи 13
7.5. Критерии качества 14
7.6. Условия и области применения 14
7.7. Сходства и различия с другими методами 14

Глава 8. 2 МЕТОДА АНАЛИЗА ТЕКСТА, ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА ЭТНОМЕТОДОЛОГИЮ: АНАЛИЗ СПОСОБА КАТЕГОРИЗАЦИИ УЧАСТИЯ И КОНВЕРСАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ 14
8.1. Теоретическая база 14
8.2. Основные теоретические посылки 14
8.3. Цели метода 15
8.3.1. Цели анализа СКУ 15
8.3.2. Цели конверсационного анализа 15
8.4. Описание метода 15
8.4.1. Описание анализа СКУ 15
8.4.2. Описание конверсационного анализа 15
8.5. Критерии качества 16
8.6. Области применения и предусловия 16
8.6.1. Для анализа СКУ 16
8.6.2. Для конверсационного анализа 16
8.7. Сходства и различия с другими методами 168
8.7.1. Анализ СКУ 16
8.7.2. Конверсационный анализ 16

Глава 9. НАРРАТИВНАЯ СЕМИОТИКА (СТРУКТУРНАЯ СЕМАНТИКА) 172
9.1. Теоретическая база 172
9.2. Основные теоретические посылки 173
9.3. Цели метода 175
9.4. Описание метода 176
9.4.1. Нарративная структура 176
9.4.2. Глубинная структура 177
9.4.3. Процедура анализа 178
9.5. Критерии качества 181
9.6. Области применения и предусловия 183
9.7. Сходства и различия с другими методами 183

Глава 10. SYMLOG КАК МЕТОД АНАЛИЗА ТЕКСТА 185
10.1. Теоретическая база 185
10.2. Основные теоретические посылки 187
10.3. Цели метода 189
10.4. Описание метода 189
10.5. Критерии качества 192
10.6. Области применения и предусловия 192
10.7. Сходства и различия с другими методами 193

Глава 11. 2 ПОДХОДА К КРИТИЧЕСКОМУ ДИСКУРС-АНАЛИЗУ 195
11.1. Теоретическая база 195
11.2. Основные теоретические посылки 197
11.3. Цели метода 199
11.4. Описание критического дискурс-анализа (Фэркло) 201
11.4.1. Специфическое теоретическое обоснование 201
11.4.2. Метод 204
11.5. Описание исторического дискурс-анализа 211
11.5.1. Специфическое теоретическое обоснование 211
11.5.2. Метод 218
11.6. Критическая дискуссия 224
11.7. Критерии качества 225
11.8. Области применения и предусловия 226
11.9. Сходства и различия с другими методами 228

Глава 12. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА 233
12.1. Теоретическая база 233
12.2. Основные теоретические посылки 235
12.3. Цели метода 241
12.4. Описание метода 243
12.4.1. Процедура анализа паттерна 243
12.5. Критерии качества 249
12.6. Области применения и предусловия 250
12.7. Сходства и различия с другими методами 251

Глава 13. АНАЛИЗ ТЕКСТА: ТЕОРИЯ РАЗЛИЧИЙ....... 25
13.1. Теоретическая база..25
13.2. Основные теоретические посылки 25
13.3. Цели метода...25
13.4. Описание метода 25
13.4.1. Макро-дизайн... 25
13.4.2. Микро-дизайн... 25
13.5. Предусловия, области применения и критерии качества..26
13.6. Сходства и различия с другими методами 26
Глава 14. ОБЪЕКТИВНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА................ 27
14.1. Теоретическая база..27
14.2. Основные теоретические посылки 27
14.3. Цели метода...27
14.4. Описание метода 27
14.4.1. Принципы и процедуры 27
14.4.2. Отбор материала и единиц анализа................ 28
14.4.3. Структура интерпретации 28
14.4.4. Толкования и интерпретации.......................... 28
14.5. Критерии качества..289
14.6. Предусловия и области применения....................291
14.7. Сходства и различия с другими методами и процедурами...292
Часть 3. ОБЗОР И СРАВНЕНИЕ.................................295
Глава 15. БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ ОБЗОР: ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОВ АНАЛИЗА ТЕКСТА 296
15.1. Частота цитирования: известность публикаций .297
15.2. Частота встречаемости ключевых слов. Представленность методов 302
15.3. Сети цитирования: связи между методами..........306
Глава 16. СРАВНЕНИЕ МЕТОДОВ АНАЛИЗА ТЕКСТА .. 311
16.1. Отличие между лингвистическими и нелингвистическими методами..............................312
16.2. Действия по правилам 313
16.3. Область применения методов 314
16.4. Типы вопросов в различных методах: подтверждение и детальное изучение 315
16.5. Исследовательские часы Карла Вейка..................317
16.6. Объяснение и атрибуция 322
Глоссарий.. 328
Литература.. 345

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Эта книга — один из редких обзоров самых современных методов качественного и количественного анализа текстов, которые все чаще используют в практике социального исследования. Некоторые методы представлены впервые. Среди рассмотренных методов — дискурс-анализ, этнометодологический анализ, анализ способа участия, контент-анализ, конверсационный и нарративный анализ, граунд-теория, объективная герменевтика и др. Авторы концентрируют внимание и на способах организации современного исследования в области текстового анализа.

Методы сравниваются между собой по критериям надежности, валидности, достоверности, области применения и иллюстрируются примерами, раскрывающими отличительные особенности каждого метода.

Специалисты в области социального исследования, практики найдут здесь для себя структурированную информацию, позволяющую выбрать и обосновать метод в зависимости от целей и проблемы исследования и извлечь из полученных данных полезные результаты.

Научный редактор
Кандидат филологических наук
А.А. Киселева

г. Харьков, 28 мая 2009 г.

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга — результат междисциплинарного сотрудничества лингвистов, социологов, ученых в социальных и других науках. Ее разработали во время проекта исследования «Язык и Дипломатия» при поддержке Австрийского Научного Фонда. Фактические результаты предпринятого исследования опубликованы в отдельных работах. В ретроспективе оно кажется совершенно типичным социологически ориентированным анализом текста. Основное внимание было сосредоточено на проблеме выражения и концептуализации подхода профессиональной группы на лингвистическом уровне, при этом существенная часть исследования была чисто методологической. Эта научная часть конфликтна, недостаточно согласия о границах, и не все «сигналы-указатели» надежны. «Карты» этой области нет. Так что, те, кто ищут свой путь, испытывают явную потребность в помощи. В этой книге мы как раз и хотим предоставить некий обзор и надеемся, что наша работа, которая должна обеспечить некоторую ориентацию, не помешает читателям накопить собственный опыт.

Эта книга — это методологическая работа. В ней мы представили 12 методов текстового анализа и их теоретическую базу. Также мы постарались сравнить и противопоставить эти методы, ограничившись, в основном, их критическим анализом без наглядных примеров. Причин для этого несколько:

a) эта книга предназначена главным образом для студентов в области социальных наук и предлагает им обзорный материал по различным (возможным и практикуемым) методам текстового анализа;
b) использование примеров потребовало бы иного, более понятного описания практических процедур, что сделать весьма сложно;
c) самый банальный аргумент — сравнение методов предполагает, что практические процедуры описаны настолько точно, что их можно повторить. А их детальная презентация с конкретными примерами была бы лишним бременем, а не помощью читателю.

Мы надеемся, что эта книга создаст базу для проведения эмпирического исследования по анализу текстов, которое будет построено на теории.

Междисциплинарность нашей работы может быть очень на руку читателю. Но в то же время с этим связаны и некоторые проблемы. Так, лингвисты, социологи и другие ученые в области социальных наук, по-видимому, постоянно путаются в материале, который им кажется очевидным, но который звучит чуждо для специалистов по другим дисциплинам. По этой причине мы считаем, что книгу есть смысл использовать избирательно, и не относиться к ней как к последовательному, целостному тексту. Чтобы облегчить такое выборочное чтение, приведем краткий обзор книги.

Часть 1 — общая, вводная часть, которая формирует базу для всей нашей последующей работы. Сначала мы в общих чертах представим социально-научные методы текстового анализа, и затем перейдем к вопросу о том, что такое «текст» и как его идентифицировать — т.е. какие возможности существуют для выбора текста.

В Части 2 мы проанализируем 12 методов текстового анализа. Сюда мы отнесли и широко известные, и мало распространенные методы из разных социальных наук. Читатели могут выбрать те из них, которые представляют для них наибольший интерес.

В Части 3 мы впервые представим результаты библиометрического исследования, из которого видно, насколько широко распространены или известны те или иные методы исследования в научных публикациях. В заключительном разделе мы сравним наши 12 методов.

В кратком Глоссарии мы приводим объяснение некоторых технических терминов, что упростит переход читателя от одной научной дисциплины к другой.

ЧАСТЬ 1

Методы и тексты

ГЛАВА 1

СОЦИАЛЬНО-НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА

Прежде чем мы критически проанализируем методы анализа текста и сравним их между собой (см. часть 2), проясним с междисциплинарной точки зрения базовые концепты, важные для нашей темы. Мы считаем этот шаг необходимым и мудрым. Ведь даже на простой вопрос — *Что такое текст?* — ответить не так-то легко. Этот вопрос отсылает нас к разнообразным теоретическим подходам лингвистики текста и дискурс-анализа. А здесь даже базовые концепты *текст* и *дискурс* часто используют самыми разными способами, которые продиктованы разными исследовательскими традициями. Такая же ситуация и с термином *метод*, а также с нашим представлением о том — что же ученые в области социальных наук на самом деле делают при анализе текстов? Какие процедуры, правила и инструменты они используют, чтобы решить эту задачу?

2 первые главы послужат базой для всего последующего изложения. Они-то и проиллюстрируют междисциплинарную природу нашего проекта.

Методы, о которых мы будем говорить, не существуют сами по себе. Прямо или косвенно, они связаны с определенными теоретическими посылами и структурами. Но очень часто методы применяют без должной рефлексии и учета теоретической базы. Поэтому наша карта теорий и методов как раз и предназначена для того, чтобы сделать возможным такой рефлексивный подход. Она формирует представление о взаимосвязях традиций, о близости или дистанции между отдельными методами и указывает на теории, на которых эти методы построены.

Заключительная часть книги — это библиометрическое сравнение методов, частоты их упоминания и ссылок на них в различных литературных источниках. Конечно, мы понимаем, что этот вид сравнения не позволяет судить о качестве отдельного метода. Он просто отражает степень его распространения внутри «научного сообщества» — насколько метод признан, адаптирован и нашел применение. Частота упоминания о нем, сравнение его с другими методами и критерии, которые мы для этого используем, обеспечат дополнительную точку зрения, которая может стать важной для выбора отдельного метода.

1.1. СПОСОБЫ ДОСТУПА К ДАННЫМ

Термин *метод*[1] обычно означает *путь исследования*: с позиции исследователя или с точки *А* (теоретических посылок) другая точка *В* (наблюдение) доступна благодаря выбору пути, который дает возможность проводить наблюдение и накапливать опыт. Если действовать систематично, то неправильных «поворотов» можно избежать. Методическая процедура, как нить Ариадны, гарантирует исследователю безопасный путь для возвращения. По ходу она обогащает его опытом — тому, кто «оглядывается назад», она помогает иначе посмотреть на *стартовую* позицию и даже при решении «не возвращаться» указывает на другие интересные стартовые позиции. Неважно, каков путь «исследовательского путешествия» — методическая процедура упростит фиксирование результатов и составление отчетов об экспериментах.

В так называемом эмпирическом социальном исследовании проводят различия между методами сбора данных и методами оценки. Сбор данных можно проводить в полевых или лабораторных условиях, а процедуры оценки позволяют эти данные проанализировать. Методы сбора

[1] *Критику применения этого термина см. у Kriz & Lisch. 1988, с. 176. Авторы считают более приемлемым термином «модель», поскольку традиционные методы фактически описывают информационные структуры.*

данных предполагают проведение наблюдений; методы оценки регулируют преобразование данных в информацию и формируют возможности для выводов и интерпретации[1]. Для такого эмпирического исследования работа «в поле» означает те стадии в решении задачи, которые позволяют собрать данные прямо на месте. В большинстве случаев эта работа требует непосредственного общения исследователей и носителей/представителей исследуемых паттернов и структур.

Почти все методы, собранные в этой книге, можно отнести к области социального исследования[2], поскольку их результаты получены из реальной действительности, и эту действительность считают основным тестом для проверки (теоретических) выводов. Ни один из этих методов не является методом полевого исследования в смысле наблюдения за фактическим поведением участников при их взаимодействии (которое и хотят проанализировать), поскольку анализ текста можно начинать только после того, как собран материал. Хотя анализ текстов может и предшествовать работе «в поле» — например, при анализе ответов в интервью он может проходить и без этой подготовительной работы. Прежде всего, такое происходит, если исследуют общедоступные тексты, и специальная стадия сбора данных не требуется.

Первоначально решение о выборе направления эмпирического исследования принимают, исходя из проблемы исследования. В определенной мере эти направления детерминированы теоретическим подходом, которому решили следовать. Если необходимо исследовать установки, то скорее подойдет опрос, а не наблюдение. Если изучают конкретные невербальные способы поведения, то необходимо наблюдение. Если хотят исследовать поведение человека за какой-то прошедший период, то целесообразно

[1] *Это приравнивание сбора данных и наблюдения или оценки и интерпретации не валидно, если стадия сбора данных приобретает большее значение. Как, например, с открытыми интервью, которые не записывают на пленку, или наблюдения, которые оставляют кодировщикам большую свободу для действий.*

[2] *Критический дискурс-анализ и функциональная прагматика являются исключениями. Но нам известно, что это не разделяют все лингвисты.*

использовать уже имеющиеся, письменно зафиксированные тексты. Если интересно повседневное поведение, то исключены лабораторные условия. Эти простые примеры показывают, что первоначальная структура исследования обусловлена проблемами исследования. С одной стороны, проблемы задают определенные ограничения, с другой — помогают выбрать экономичные способы ее решения. Не каждая процедура одинаково подходит для решения всех вопросов. Не всегда нужно собирать данные — часто можно использовать имеющиеся материалы.

Любое исследование начинается с теоретических посылок. Так, «Исследователь «в поле» не может начать описывать какое-либо социальное событие, не конкретизировав, какой научной теории он будут следовать — теории объектов, модели актора или предполагаемого социального порядка»[1].

Используя эти модели, можно прояснить проблему исследования, а на основе этого получить определенную «стратегию исследования». Термин *стратегия исследования* подразумевает решения, которые необходимо принять при планировании исследования перед определением конкретных стадий эмпирической работы[2].

На фундаментальном уровне стратегия зависит от целей исследования, например:

a) изучить и объяснить исследуемые факты;
b) проверить теоретические концепты или гипотезы;
c) описать специфическое поле или конкретную выборку.

В первом случае подойдут *эвристические* или *интерпретативные* процедуры, поскольку в таком исследовании важно прояснить идеи или концепты (например, многочисленные исследования по теме «вежливость») и/или

[1] *Cicourel, 1964, с. 51*
[2] *Эти решения можно назвать макровопросами. См. также конструкцию 5-ти исследовательских направлений, которую предложили Reichertz & Schroeer, 1994, с. 58, в соответствии с которыми, по нашему мнению, можно классифицировать большинство эмпирических исследовательских работ, выполненных на данный момент в Германии.*

разработать теоретические посылки (*действенно-обусловленные* структуры или *исторически* и *социально* обусловленные паттерны значения). Такие исследования организованы в форме *кейс-исследования* (case-study). Один из примеров — это исследование Бенсмана и Гервера[1], в котором они изучили и интерпретировали девиантное поведение в производственном отделе на основе участия наблюдателя — важного элемента в поддержании социальной системы. По традиции[2], предварительное (пилотное) исследование в основном служит подготовке основному исследованию, где и будет проверена гипотеза.

Если необходимо проверить теоретические посылки (пункт (b)), подойдут *экспериментальные* или *квази-экспериментальные* проекты исследования[3], т.е. инструменты исследования, с помощью которых можно варьировать систематически независимые переменные и оценить их возможное влияние на зависимые переменные[4].

С целью описания (пункт (с)) обычно используют такие виды исследования, которые в экстремальных случаях можно проводить путем подсчета отличительных (дистинктивных) особенностей в процедуре оценки и формирования выборки. Пример тому — обзоры общественного мнения и — в области лингвистического анализа — подбор и оценка «корпуса изменений» (Wendekorpus) для анализа лексики немецкого языка, которые провели в 1989-90-х годах. Но описание может быть не самоцелью, а служить средством для достижения других, скрытых целей — охарактеризовать поведение акторов в особых социальных областях. Цель такого исследования — зафиксировать об-

[1] *Bensman & Gerver, 1973*
[2] *Последнее и понятное представление методов социально-научного исследования с позиции критического рационализма можно найти в работе Bortz & Doering, 1995.*
[3] *Главное значение экспериментов сформулировал физик Эрнст Мах (Ernst Mach, 1968, с. 183): «Люди накапливают опыт, наблюдая за изменениями во внешней среде. Однако, для них наиболее интересны и информативны изменения, на которые они могут воздействовать своим вмешательством и добровольными действиями. Они не остаются пассивными перед лицом этих изменений, а стараются адаптировать их к своим нуждам. Таким образом, эти изменения имеют самую большую экономическую, практическую и интеллектуальную значимость. Ценность эксперимента основана на этом».*
[4] *Kleining, 1994*

ласти существования феноменов, а не просто обнаружить количественные распределения. Иногда такое исследование выходит за границы описания и объясняет правила, которые определяют эти описания.

На уровне установления связи между процессом исследования и вовлеченными или возможными участниками необходимо получить информацию о форме контакта между исследователями и теми, кто будет обеспечивать необходимые данные (ответы, документы и т.д.). Здесь возможные позиции исследователя распределяются на континууме «максимальная вовлеченность — полная отстраненность». В первом случае типичны проекты, в которых используют *исследование-действие*. А во втором — *не-реактивные* методы, экспериментальный дизайн и все стандартизированные процедуры.

Важно указать и на требования, которые существуют к подходу исследователей. Если их подход к области исследования *открытый*, они не применяют стандартизированные инструменты или предопределенные категории. Открытый подход — это также стремление дистанцировать себя от любых изначальных представлений и, таким образом, допустить изменение процедуры в ходе исследования. *Эпистемологический* подход, наоборот, требует постановки и проверки гипотез, поскольку процедурные изменения в ходе исследования могут привести к результатам, которые трудно проверить[1].

Наконец, при выборе стратегии исследования возникает вопрос — должно ли исследование обеспечить «срез» (обобщенный относительно определенного времени) или быть направлено на анализ изменений. Первый вид исследования встречается значительно чаще. Он подразумевает сбор данных в определенный момент времени или в течение определенного этапа исследования. Во втором случае, исследователь должен либо выбрать одну из последова-

[1] *В его описании общепринятое отличие между качественным и количественным исследованием сформулировано по-другому, так как качественное социальное исследование никоим образом не означает, что можно обойтись без определения количества или статистического анализа. См. также Hopf, 1979, с. 14.*

тельных или 'панельных' процедур[1], либо собрать данные нескольких случаев, либо анализировать материал за различные промежутки времени.

Предварительные решения сужают спектр применяемых процедур, но, возможно, заставляют комбинировать отдельные виды исследования. Наверное, поэтому необходимо — или, по крайней мере, предусмотрительно — сначала изучить содержание текстов и разобраться в том, как они влияют на реципиентов. В любом случае такие вопросы всегда необходимо прояснять перед тем, как принять решение о методе, который будут применять в данном проекте. Под *эмпирическим* методом необходимо понимать набор процедурных правил с доступным набором принципов, которые регулируют то, как исследователи должны собирать данные и организовывать свои наблюдения, если они хотят действовать научно. Здесь под *научными действиями* мы понимаем систематическую работу по правилам. Следование схематизированным процедурам дает возможность сохранять дистантную позицию по отношению к изучаемым феноменам (сфере действия, структурам поведения) и удерживать роль нейтрального наблюдателя (но не партизана). Только таким способом ученые могут поддерживать собственные «структуры значений и приоритетов», которые они используют вначале для сбора информации и наблюдения за объектом исследования, а затем — для интерпретации и классификации полученных данных[2].

Наиболее часто встречаются такие методы сбора данных, как опрос, наблюдение[3] и социометрия. Чем более

[1] *Последовательные и панельные исследования предназначены для определения изменений в характеристиках массива, изучаемого вне определенной временной шкалы. Такие длительные исследования предполагают, по крайней мере, следующее: данные собирают по 3-м определенным событиям; ситуации, в которых собирают данные, должны быть максимально похожи; набор переменных не должен меняться. Панельные исследования используют одну и ту же выборку в каждом событии.*

[2] *Более точно этот принцип описан у Cicourel, 1964. с. 49. Цитируемые концепты отсылают к теоретической базе этнометодологистов — феноменологической социологии Альфреда Шутца (Alfred Schuetz). См. главу 8 и примечание 28.*

[3] *Термин наблюдение используют, по крайней мере, 3-мя разными способами. Первый — который мы используем здесь — как метод, при котором текущее действие (социальное действие в определенной ситуации) систематически наблюдают и анализируют. Во втором случае термин отождествляют/приравнивают к методологически подкрепленному восприятию/осознанию. (Это ис-*

разработан метод — тем более дифференцированы процедуры сбора данных. Поэтому можно провести отличие между письменным и устным, индивидуальным и групповым опросом, между участником и не-участником и между открытым и закрытым наблюдением. (Для большинства этих процедур или техник работы «в поле» можно применять более или менее стандартизированные варианты.) Данные для анализа групповых структур можно собирать с помощью социометрического опроса или *живых* социограмм. В *объективной герменевтике* (см. глава 14), которую ее создатель Оверман[1] назвал *синтетическим подходом*, также существуют различные процедуры (последовательный и детальный анализ — так называемые интерпретативные процедуры), которые можно применять в соответствии с целью исследования.

Итак, методы — это наборы схожих процедур, которые связывает воедино нечто общее. Это может быть общая теоретическая база (как в случае с объективной герменевтикой), их отношение к объекту исследования (социометрию используют для анализа групповых отношений, контент-анализ — для исследования содержания коммуникации), их эффективность и ограничения. Например, техники наблюдения можно использовать для исследования невербального поведения, но только поведения, которое можно наблюдать или записать на пленку. Опрос можно проводить, чтобы собрать данные об установках и намерениях, «внутреннем» поведении или прошлой деятельности. Во многих случаях отдельные методы предполагают использование стандартизированных процедур. Предварительное структурирование процесса сбора данных сводит к минимуму личное влияние тех, кто собирает информацию. Интервьюеры имеют заранее подготовленный

пользование термина «открывает дверь» к конструктивистским подходам и подчеркивает роль ученых как наблюдателей, которые наблюдают других наблюдателей (интервьюируемых, членов дискуссионной группы, которую исследуют и т.п.). Третий способ (Kleining, 1994) предполагает использование наблюдения как характеристики для всех эмпирических исследований, которые проводят не в форме эксперимента.

[1] Oevermann et al., 1979

список вопросов, наблюдатели — стандартизированную структуру для классификации наблюдений, специалисты по контент-анализу — единообразную систему категорий для классификации элементов текста. Кроме того, *высокоструктурированные* способы сбора данных обладают экономическими преимуществами — они упрощают последующие процедуры оценки. Но возможность использовать стандартизированные процедуры в значительной мере зависит от предварительных знаний, предметной области и цели исследования. Любые предопределенные категории предполагают знание событий, которые могут произойти (например, содержание текстов) или реакции (ответы на вопросы). Поле или предметная область исследования (например, повседневные ритуалы в спонтанном взаимодействии «лицом к лицу»[1]) могут сделать применение стандартизированных процедур бессмысленным. Разработка структуры ответов, наблюдения или категорий требует ясных теоретических посылок. По этой причине предварительное (пилотное) исследование структурировано либо не сильно, либо вообще не имеет структуры.

Для каждой из упомянутых процедур существует ряд более или менее широко принятых *правил*, которым исследователи обязаны следовать. Если они не следуют этим правилам, их могут обвинить в том, что они действуют «не чисто». Например, в интервью интервьюируемые не должны заранее знать вопросов (содержание или вид вопросов), порядок вопросов не должен иметь «гало-эффекта» и т.д. И еще один пример — в процедуре контент-анализа категории должны быть определены настолько четко, чтобы разные кодировщики могли получить одинаковые результаты. «Это значит, что категории должны быть детализированы относительно теории и набора *кодирующих* правил, кото-

[1] *Читателя направляют к работе Гоффмана (Goffman, 1974, с. 8): «Мой подход — это ситуационный подход. Здесь значение связано с существованием отдельного человека в конкретный момент. Такая ситуация часто включает других людей и не обязательно сведена к взаимному мониторингу арены очных встреч. Я полагаю, что, когда люди присутствуют в любой текущей ситуации, они сталкиваются со следующим вопросом — Что происходит?». Этим наблюдением, которое он затем классифицирует, Гоффман определяет свою программу «анализа фрейма». Обзор метода Гоффмана можно найти в статье у Willems, 1996.*

рые не зависят от интерпретации пользователя»[1]. Тем не менее, в большинстве процедур, представленных в этой книге, не стоит искать конкретных правил. Если их нет, можно предположить, что от таких процедур не стоит ожидать особо надежных результатов, поскольку надежность (воспроизводимость или повторяемость результатов) будет уменьшаться с ростом свободы при анализе текста[2].

Часто существуют отдельные *инструменты*, которые соотносятся с отдельными методами и их конкретными процедурами. Например, письменный опрос невозможен без анкет, а интервьюеры нуждаются, по крайней мере, в направляющих вопросах, когда они проводят полу-структурированное или неструктурированное интервью. Результаты наблюдений отражают в соответствующем бланке или — при скрытом наблюдении — в последующих отчетах. Правила, которым следуют при использовании определенных методов и процедур, обычно изучают в условиях исследовательской практики в процессе получения образования в области социальных наук. В университетах изучают *техники исследования* — как исследователь должен вести себя в определенной ситуации, как конструировать и использовать инструменты исследования. Таким образом, студент усваивает подход к исследованию — набор установок и структур наблюдения, который тренеры считают значимыми для исследователя.

Но, чтобы вводить определенные процедуры и применять инструменты для сбора данных, необходимы соответствующие суперструктуры — определенный теоретический подход, которому исследователи считают нужным следовать, и который наряду со здравым смыслом влияет на их мышление. Используя выбранный подход, исследователь принимает предварительные решения о возможных направлениях, которым он может или хочет следовать, чтобы достичь результатов. Так, традиционные процедуры контент-анализа строятся на предпосыл-

[1] *Cicourel, 1964, с. 148*
[2] *Эта тема рассмотрена под подзаголовком «Критерии качества» в разделе об индивидуальных методах.*

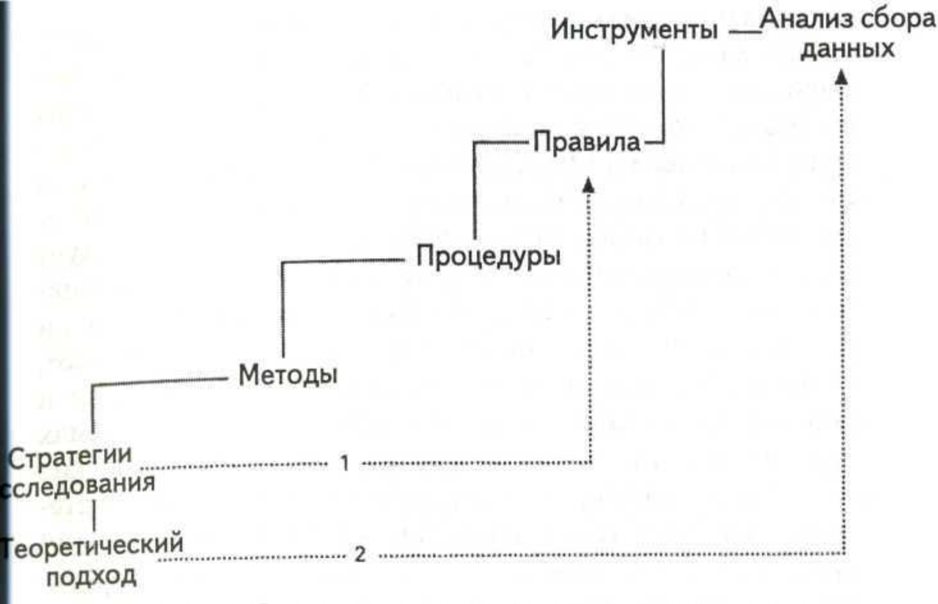

РИСУНОК 1.1. От теории к инструментам эмпирического исследования

ке — значения, которые можно извлечь из определенного содержания, соответствуют значениям, которые говорящий или пишущий «вложил» в свой текст, и тем значениям, которые получатель слышит или читает (см. главу 5). Это — предварительный посыл, в основе которого лежит модель коммуникации[1] «отправитель — получатель». Более того, утверждается, что у участников существует общий набор значений. Только при этих теоретических посылках исследователь может сосредоточиться на анализе выбранного уровня текста.

На рисунке 1.1 в виде иерархии показаны стадии эмпирического исследования — от теоретического подхода — до правил или инструментов.

Конечно, такое представление дает лишь упрощенную картину и ничуть не соответствует практике обычного исследования. Пунктиром мы обозначили следующее: существуют, например, стратегии исследования, которые не ог-

[1] *Этот вопрос мы также рассмотрим под подзаголовком «Критерии качества» в разделе об индивидуальных методах.*

раничиваются отдельными методами, не связаны с особыми методами и не имеют четко заданных процедур, но обеспечивают только конкретные правила. В качестве примера мы можем привести правила кодировки обоснованной теории (см. глава 6). Метод анализа способов категоризации участия (см. глава 8, 4.1) можно рассматривать как теоретически обоснованный метод исследования, который следует ограниченному набору вопросов и предоставляет не конкретные процедуры, а только набор правил. Авторы теории различий в текстовом анализе (см. глава 13) подчеркивают, что их подход зависит от точных теоретических посылок и включает четкие аналитические правила. В разных версиях теории различий можно определить общие теоретические посылки, но подход не согласован в методе. Исследователи, вовлеченные в дискурс-анализ, не только идут разными путями, но даже отвергают любые «связывающие их» методы (см. пунктирную линию 2). На другом конце гипотетического континуума находятся очень разработанные и тонкие инструменты. Их применение строго регулируют правила и процедуры, которые можно идентифицировать как семейство методов, требующих или предполагающих фиксированную стратегию исследования. Однако это не означает, что они должны быть связаны с определенным теоретическим подходом. Нет прямой связи между опросом и каким-либо теоретическим конструктом. Но, по крайней мере, в интерпретативных подходах в большинстве случаев стандартизированные интервью исключены.

Но существуют и такие примеры, где этой иерархии придерживаются. В качестве примера мы можем говорить о SYMLOG (см. глава 10). Дальше мы сосредоточимся на минимуме предварительных условий (предусловий), при которых из определенного метода можно вывести процедуры. Применение этих условий может дать полезные теоретические результаты — ограничить набор вопросов, создать полностью сформированную теоретическую базу, обеспечить многолетнее эмпирическое исследование в данной области и опубликовать некоторые процедуры и результаты, т.е. поддерживать некоторые критические споры.

Фундаментальное правило для любой научной работы — каждый способ получения результатов нужно подвергать проверке. Это требование в основном обусловлено постулатом, что научное открытие — это не только открытие для самого себя, всегда должна присутствовать возможность его генерализовать, перенести (распространить) и (по возможности) воспроизвести и повторить. Научный объект — это не отдельный опыт, который не могут разделить другие — всегда должна существовать возможность сравнить его и воссоздать. Таким образом, любая идея, открытие, наблюдение или интерпретация должны быть записаны так, чтобы ее могли реконструировать и подтвердить другие исследователи. Чем яснее отношения между выбранным теоретическим подходом, исследовательской стратегией и методами и процедурами, тем легче другим исследователям реконструировать и даже точно повторить исследование, а к тому же — прийти к подобным выводам. Поскольку научное исследование всегда подвергает сомнению знания, которые считают фиксированными, оно требует особой защиты[1].

Но этот последний аргумент может привести и к ложной посылке, что весь этот разработанный аппарат служит единственной цели — узаконить или защитить результаты исследования. Требование «чистой» процедуры можно полностью обосновать с помощью следующих 4-х положений:

а) Каждоецеленаправленноеисследованиепредполагает *решение — что изучать*. Это утверждение отличает научное исследование от случайных открытий. Идеи, которые приходят к кому-то в кровати, в ванне или на велосипеде[2], могут привести к разумным вопросам в

[1] *Это особенно верно для таких исследовательских программ, как, например, «критический дискурс-анализ». Защитить здесь — значит иммунизировать стратегию. В качестве примера этого можно привести объектную герменевтику, которую Оверман описал как «синтетическое исследование» (см. Reichertz, 1994, с. 128).*

[2] *Это намек на ситуации, характерные для англо-американских исследований, где лучшие идеи приходят в голову исследователям в кровати, ванной и на велосипеде.*

исследовании, но нуждаются в дальнейшей «работе за столом» — чтении и обдумывании, которые приводят к более конкретным формулировкам и определению вопросов исследования, выдвижению гипотез и т.д. Но можно сказать и проще — любое исследование (безусловно, речь идет о научном исследовании) не возможно без определенной структуры или категорий исследования. Ученые начинают привыкать к этому в процессе получения образования и обучаются тому, как смотреть на вещи и на что обращать внимание во время исследования.

b) У ученого предварительно уже должна быть *идея — почему целесообразно исследовать именно этот феномен*, а не какой-то другой, и именно этим, а не каким-либо другим способом. Таким образом, в фокус внимания сразу попадает мотив исследования. Обычно возможными стартовыми точками исследовательского проекта считают заказ, теоретический интерес и социальную проблему. Но какой бы мотив не лежал в основе, если речь идет о научном исследовании, ему должно предшествовать предварительное исследование, оно должно быть построено с учетом уже известных в этой области результатов и отличаться от предыдущих исследований на эту тему. Посылки ученых требуют обоснования, которые как раз и основываются на ранее опубликованных исследованиях.

c) *Формулировка целей должна давать возможность «вывести» процедуры для исследования.* Здесь возникает вопрос — какие методы наиболее приемлемы и/или экономичны для анализа определенного вопроса исследования.

d) Любая *процедура должна гарантировать исследователю возможность изучить выбранный феномен* (т.е. сравнить и выявить отличия). Решение о процедуре эмпирического исследования предполагает прохождение через все предварительные этапы — от (a) до (c). Иначе как узнать — относительно чего закодирован текст, как сформулировать вопросы в интервью или что фиксировать в ходе исследования?

Все эти этапы мы легко можем наглядно представить на довольно простом примере. Итак, мы решили изучить *ценностные ориентации молодежи*. Это решение мы приняли на этапе (a). Дальше мы можем пойти двумя путями — провести опрос или проанализировать репрезентативные тексты. На этапе (c) мы решаем, что это будет опрос. По экономическим причинам (экстра-научный критерий) он будет проходить в письменной форме. Предположим, что в нашем примере на этапе (b) мы решили использовать концепт, который определяет ценности как «социально-привлекательные идеи». Теперь с учетом этого определения мы должны составить опросник (этап (d)). Это можно рассматривать как важный этап в *операционализации* — мы переводим теоретический концепт (ценности, как их определил Клайд Клакхон) в конкретные процедуры. Таким образом, один из вопросов, который мы можем задать выбранным молодым людям, — это *Как, по вашему мнению, супруги должны разделять домашнюю работу?* Сейчас мы не будем останавливаться на том, как составить инструкцию для ответов и с какой целью мы будем ставить этот вопрос. Просто-напросто сам по себе вопрос не верен. Он не подходит, так как не соответствует тому концепту, который мы приняли в пункте (b). Это вопрос об идеях отдельных людей, а не о том, что является социально привлекательным[1]. Этот вопрос не валиден — он не позволяет получить данные, необходимые для нашего исследования.

В итоге, можно утверждать следующее:

Чтобы провести исследование, нужны определенные процедуры, которые, отчасти, можно обосновать, только ссылаясь на определенные теоретические подходы. Но, с другой стороны, это означает, что теоретические подходы — последователи кото-

[1] *Более детально этот пример представлен у Maag, 1989.*

рых не позаботились о том, чтобы разработать не только собственную методологию обоснования, но и методологию исследования, операционализации и формирования гипотез — все еще «коренятся» в философии. Такие ученые не могут заниматься каким бы то ни было исследованием, которое бы прямо соответствовало отдельной научной дисциплине[1].

Следовательно, когда исследователь выбирает метод, он должен точно понимать теоретическую программу исследования. Также он должен сослаться на используемый метод, если стоит вопрос о том, поддерживаются ли теоретические посылки, и какие другие посылки могли бы их заменить.

Для многих людей это покажется слишком похожим на дедуктивное исследование, направленное на проверку гипотезы — в отличие от исследования, генерирующего гипотезы — которое часто не приносит ничего нового. Здесь мы говорим об исследовании в традициях критического рационализма[2]. Скорее, мы «защищаем» то, что эмпирическое исследование нужно планировать (если у кого-то действительно есть желание их провести) и, в этом смысле, проводить в «аккуратной» манере, так, чтобы явные посылки (не обязательно «выведенные» из главных теорий) формировали стартовую точку для сбора данных и могли быть трансформированы в ясные исследовательские операции. Инновации возникают путем комбинирования или модификации элементов уже существующих теорий. Если кто-то стремится создать *новые* посылки (открытия) на базе исследования, значит, посылки уже существуют[3].

[1] *Kreutz, 1988: XXVIf.*

[2] *Этот взгляд находим даже среди этнографов, которых, в общем, едва ли можно обвинить в навязчивом применении метода: «Теория — это руководство к практике; ни одно исследование — этнографическое или другое — нельзя провести без ведущей теории или модели. То ли это явная антропологическая теория, то ли подразумеваемая модель того, как работают вещи — теоретический подход помогает определить проблему и то, как с ней справиться» (Fetterman, 1989, с. 15). Об эксплицитных/имплицитных теориях см. примечание 33.*

[3] *В лингвистике часто выдвигают аргумент против точки зрения, что эмпирические исследования служат единственной цели — использовать результаты для подтверждения правильности теоретических посылок. В таких случаях нельзя говорить об эмпирическом исследовании. В этом случае результаты имеют статус замысловатых аналогов или неубедительных примеров с эвристической ценностью. Примеры этого можно найти у Таппеп, 1986.*

В общем, правда в том, что качество исследовательских результатов не может быть лучше, чем теоретические соображения, которые лежат в основе сбора данных и применяемых для этого методов. Теории определяют структуру методов, методы задают условия для конкретных операций исследования. Конечно, выбор определенного метода не предопределяет все, многие решения приходится принимать в процессе реализации исследовательского проекта[1]. Например, применение конкретных методов или процедур часто не позволяет справиться с целым рядом важных вопросов — *Где, как и у кого собирать данные?* (Например, использовать тексты, интервью или опубликованные самоописания? Имеет смысл обращать внимание на новости на доске объявлений и граффити в туалетах? Достигнем ли мы цели, если будем использовать только тексты, или нужно проводить и наблюдения?) Точно так же нерешенным остается вопрос — *Как организовать сбор данных?* (Тексты должны быть получены в групповых или индивидуальных интервью? В каком порядке мы будем проводить интервью?) Открытым остается и вопрос — *Как хранить материал?* (Например, достаточно будет аудиозаписи или понадобится видеозапись? Какие правила транскрипции применять?)

Эти краткие замечания должны привлечь внимание к тому факту, что выбор процедуры может стимулировать изменение вопроса исследования. Если решено не использовать видеозаписи или, чтобы получить текст, проводят только интервью, то утверждения о невербальном поведении исключены. И дальше — если исследуют структуры коммуникации в больнице, то можно принять решение проанализировать лингвистические тексты, полученные

[1] *Здесь этот подход совершенно отличен от идей «качественного социального исследования», которое представляет методы иначе и совершенно осознанно отклоняет это самосконструированное искажение: «Методы называют и точно описывают все действия, которые нужно предпринять. Методы — это рецепты для точных действий, которые можно записать, даже узнать в процессе дистанционного обучения, изучить и применять многократно и повсеместно» (Reichertz, 1994, с. 127).*

в ходе интервью. Способ поиска и сбора данных у интервьюируемых имеет определенные последствия, так как беседы с несколькими людьми допускают только утверждения о групповой коммуникации, если в интервью участвовали именно группы. Конечно, это предполагает наличие теоретической посылки о группах и о том, чем они отличаются от любой другой интерактивной системы (несколько человек отличаются от группы тем, что они просто присутствуют одновременно в одном и том же месте). Если основное — это интервью с командой (например, с нянечками, докторами и другим персоналом больницы, который работает вместе), возникает дополнительный вопрос — отделяет ли она себя от всей организации? Если да — то какие коммуникативные стратегии она для этого использует? Но чтобы выяснить это, нужны другие техники интервью — группе нужно задавать другие вопросы, отличные от тех, которые задают отдельным людям, которые собрались вместе только для интервью.

Исходя из всего сказанного выше, взаимосвязи между теоретическими посылками, конкретными процедурами, правилами и инструментами можно представить так, как мы это сделали на рисунке 1.2[1]. Итак, разъясним. Гипотезы/посылки (1) формируют основу любого научного исследования, их необходимо операционализировать. Для этого принимают решение об эмпирических методах и процедурах (2), посредством которых организуют наблюдения и конструируют точку зрения на объект исследования. *Реактивный* сбор данных или (если нет работы «в поле») их анализ влияет на тех, за кем наблюдают и на тех (в *нереактивном сборе данных*), кто в исследовании выступает в роли наблюдателя. Эти реакции (4) рассматривают как данные и интерпретируют (5) в процессе объяснения. Путем систематизации, категоризации и сравнения с другими результатами данные становятся информацией (6), с помощью которой исследователь может корректировать или подтверждать первичные посылки (1). Интерпретация данных (5) позволяет верифицировать посылки (1), и они

[1] *Здесь за основу мы приняли схему Krohn & Kueppers, 1989, с. 58*

формируют структуру для выводов. Наблюдение реакций (4) позволяет судить о результатах операционализаций (2). С другой стороны, использованные методы — это критерии для проверки результатов сбора данных (4).

Связь между теоретическими и методологическими операциями исследования (см. рис. 1.2) следует представить как циклическую — она неоднократно замыкается в ходе эмпирического исследования. Представлены следующие этапы: выдвижение гипотез, выбор метода сбора данных, сбор и наблюдение реакций. Интерпретация (5) первых результатов (4) анализа текста может привести к выводу, что гипотезы (1) необходимо доработать и, используя те же (или некоторые дополнительные) процедуры, провести дополнительный анализ (3). Это имеет последствия для систематизации выводов (6) и ответного влияния на гипотезы (1).

Необходимость рассматривать этот процесс как *циклический* идет вразрез с идеей, что исследование должно идти

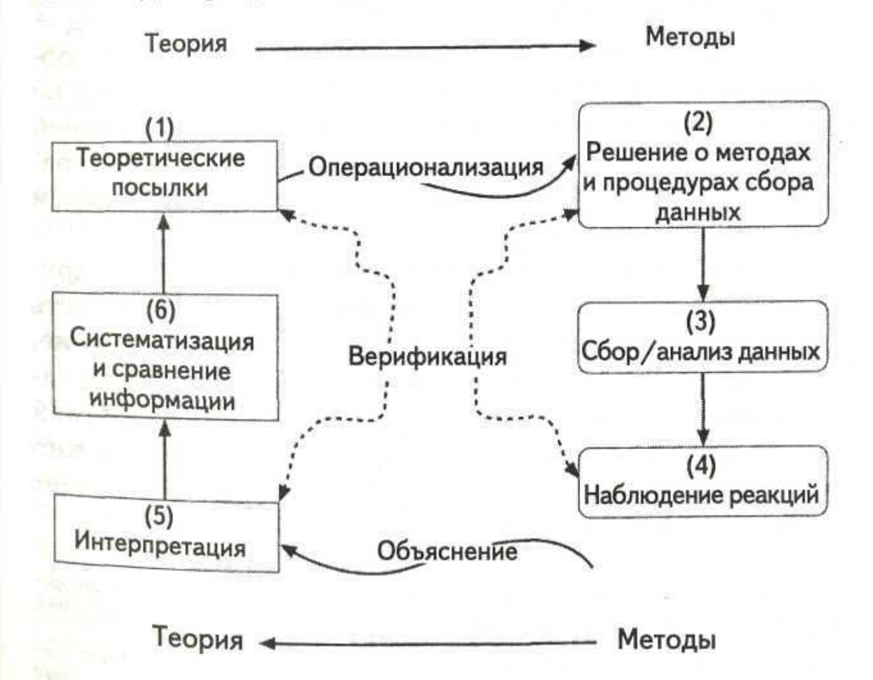

РИСУНОК 1.2. Теоретические и методологические операции исследования

«снизу вверх», и противоречит постулату, что оно должно идти в обратном направлении — т.е. вообще опровергает одностороннюю направленность процесса исследования (от теоретических посылок к конкретным данным). Происходит постоянное движение между двумя уровнями намеченного пути. И только завершенность этого процесса в эмпирическом исследовании дает право утверждать, что в нем обнаружены предположения, которые до сих пор еще никто не выдвигал или что эти предположения эмпирические, либо же, наоборот, подвергать сомнению хорошо проверенные гипотезы, исходя из новых результатов[1]. Представленные шаги следует предпринимать, только если исследователи считают, что они могут так действовать без формулировки каких-либо предварительных посылок. (Как при интерпретации данных ученые могут знать, как их рассматривать, если у них нет никаких предварительных идей по этому поводу? Что именно будет удивительно для них в этих условиях?) И противоположный взгляд — как вообще что-то обнаружить или повысить свою способность решить проблему, если не прослеживать связи и не учитывать предыдущие исследования — на самой поздней стадии перед публикацией собственной эмпирической работы — и не дистанцироваться от них. Но на этой стадии это уже слишком поздно.

Тогда, что есть цель? «Методы не имеют никакой другой цели, кроме как способствовать решению — что есть истина и что ею не является»[2]. Истинно ли утверждение, что женщины чаще, чем мужчины, приписывают свою карьеру случаю, в то время как мужчины приписывают свой успех собственным достижениям? На этот вопрос можно найти ответ, только если исследование по нему отвечает перечисленным выше условиям[3].

---

[1] *См. также требования методологии и методы «хорошо обоснованной теоретической конструкции в качественном социальном исследовании», у Kelle, 1994, с. 351 и Meinefeld, 1997.*

[2] *Luhmann, 1990a, с. 415. В этой фразе Луман использует антонимы истина и неистина (true and untrue) в очень специфическом смысле, а именно как категории наблюдателей.*

[3] *Конечно, это очень примитивный пример, но, тем не менее, он показывает репрезентативность вопросов, которые рождают простые описания, а не вклады*

Есть ли вероятность, что в этом исследовании исследователи-женщины, опираясь, например, на анализ публикаций, придут к другим результатам, чем исследователи-мужчины? Конечно, это тоже можно изучить (но только если исследование позволяет проводить сравнения, т.е. воспроизводимо в своей методологии).

Но конечная цель применения методов и процедур эмпирического социального исследования — это не только избежать эффектов такого сорта. Методы и процедуры направляют процесс исследования и их функция — сделать наблюдения исследователя наблюдаемыми. Например, тексты можно кодировать в соответствии с базовыми правилами обоснованной теории, можно вести соответствующие записи, фиксирующие — как образована каждая из категорий. На втором этапе, как правило, проводят проверку этой систематизации, что ставит исследователя в позицию самонаблюдателя — он изучает, как он пришел к соответствующей категоризации. Если явных показателей нет, последующая проверка становится в прямом смысле этого слова исследованием (наблюдением), так как категории наблюдения, которые исследователь хочет использовать для анализа своего предыдущего наблюдения, он разрабатывает только после предварительного события (первого наблюдения). Методы допускают и даже «требуют перехода процесса наблюдения на уровень второго порядка — самонаблюдения — т.е. наблюдения за собственным наблюдением»[1].

Существует и более короткая версия определения методов. «Методы — это инструкции для наблюдения второго порядка, наблюдения за наблюдателями». Это можно проиллюстрировать примером. Если кто-то хочет проанализировать нарративный/повествовательный текст, он вполне может воспользоваться методом Греймаса[2] (см. главу 9).

в теоретическую работу. Возможность установить связи для теоретической работы требует, среди прочего, рассмотрения более широкого контекста. В этом отношении, вопросы из опросного исследования несколько схожи с вопросами для анализа «конверсационных фрагментов».

[1] *Luhmann, 1990a, с. 413*

[2] *Greimas, 1983*

Этот метод предлагает рассматривать исследуемый текст как продукт повествователя, который излагает события. Следовательно, повествователь и есть наблюдатель (первый порядок), за которым наблюдают другие наблюдатели (исследователи, изучающие текст). Исследователи (второй порядок), опираясь на работу Греймаса, могут использовать конкретные инструкции — например, «определите в тексте те *актанты*, которые задают рассказ, т.е. *субъект*, *объект*, противодействующую силу (*предателя*)» и т.п.

На рисунке 1.2 мы как раз и представили нарративную семиотику Греймаса (этап 2) и применили его схему 6-ти актантов (этап 3). Так что, опираясь именно не его разработки (этап 4) мы можем наблюдать определенные эффекты, идентифицировать определенные роли — короче говоря, собирать данные.

Это может звучать очень экстравагантно, и, кроме того, это и есть очень экстравагантно — но наука существует для того, чтобы преумножить открытия и, тем самым, повысить свою сложность. Экстравагантность — «потребитель времени». Но, как отмечает Луман, методы одновременно и нуждаются, и обеспечивают время — например, время, которое необходимо для перевода и операционализации идей («атрибуция») и теоретических концептов, которые за ними стоят. В устном опросе, одна из функций *нити идей*, которые уже разработаны, — это выигрыш времени для размышления над следующим вопросом. Изучение лежащих в основе теоретических принципов объективной герменевтики и их инструкций для конкретного применения требует времени, так же, как и процесс анализа. Но непосредственно при анализе текста, эти предложения и правила полезны и оказывают поддержку — они задают структуру работы, необходимую, чтобы дистанцироваться от текста.

Исследователи могут дистанцироваться и увеличивать отстраненность от собственных посылок и процедур, что дает им возможность для рефлексии, они делают короткий перерыв и переносят свою деятельность на другой уровень. Чем больше исследователи увлекаются темой и подвержены влиянию собственного проекта, тем значимее необходимость дистанцироваться. Методы и теории, на которых так часто делают акцент, — это одновременно и «якоря», препятствующими быстрому и гладкому переходу от предвзятости к суждению.

Крис Аргирис[1] предложил идею, показывающую скрытую глубину теорий. Он дифференцировал теории на те, «которые поддерживают» и те, «которыми пользуются». Первые — хорошо знакомы и четко сформулированы. Они связаны с содержанием исследования и методом, которые формируют исследователи, и помогают им ответить на вопросы о проекте исследования. Но часто в тот момент, когда ситуация становятся угрожающей, исследователи подсознательно следуют теориям другого типа («которыми пользуются»). Это наиболее вероятно, когда мало времени, результаты или реакции участников исследования не соответствуют ожиданиям, данные не стыкуются и т.д. Изменения почти незаметно «прокрадываются» в опрос, процедуру, кодирование или интерпретацию. Но как снизить вероятность таких отклонений? Только точные записи процесса исследования дают возможность определить отклонения или согласованность между «(1) явным или скрытым проектом, (2) теорией и методологией и (3) изменением позиций со временем»[2].

[1] *Chris Argyris, 1995*

[2] *Cicourel, 1964, с. 69. Такое разграничение поддерживающей теории, и той, которой пользуются, мы будем использовать и в наших дальнейших объяснениях. Если теоретические посылки отклоняют как стартовые позиции для эмпирического исследования, исследователь игнорирует различие и двигается, только исходя из собственных «теорий, которыми пользуются».*

ЧТО ТАКОЕ ТЕКСТ?

2.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ[1]

«Что такое текст?» Этот вопрос был центральным в лингвистике текста и дискурс-анализе со времен их возникновения[2], хотя в настоящий момент эти научные подходы все больше сближаются. *Текст* и *дискурс* принято рассматривать как письменную (текст) и речевую форму (дискурс), хотя в научной литературе это вызывает споры[3]. Кроме того, тексты часто представляют как длинные отрезки, существующие в письменной форме. Здесь в голову нам приходят книги, письма или газеты. Лингвистика в ответ на это распространенное мнение ввела другой широко принятый концепт текста, определив его как любой тип коммуникативного высказывания. Итак, четко разграничить текст и дискурс можно на основе ясных критериев[4]. В Эти критерии лингвистичны по своей сути и в большинстве своем относятся к синтаксическим и семантическим связям внутри текста (см. разделы 2.2 и 2.4). В соответствии с этими критериями, текстом мы можем

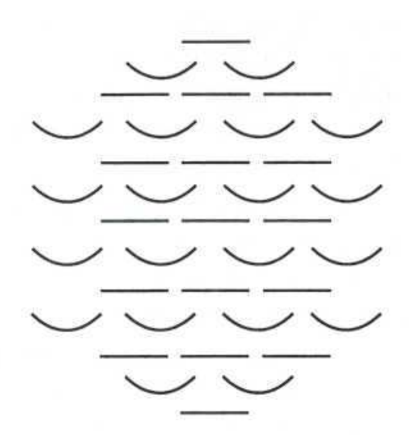
[1] *Мы благодарим Гельмута Груббера (Helmut Gruber) за важные предложения, которые он внес в эту главу.*
[2] *См. De Beaugrande, 1996; van Dijk, 1985a, 1985b, 1990a, 1990b; Wodak et al.,.1989, c. 115; Renkema, 1993, c. 36; Bruenner & Graefen, 1994a, c. 2; Wodak, 1996, c. 12; Jaeger, 1993, c. 138; Shi-xu, 1996, c. 12. Лингвистика текста и дискурс-анализ в процессе своего развития преследовали совершенно разные цели. Лингвистика текста работала с изолированными текстами, а дискурс-анализ — с текстами в контексте. Однако со временем эти 2 дисциплины стали сближаться, и четкое различие между ними стерлось. Тем не менее, многие авторы продолжают четко разграничивать текст и дискурс (см. дальше). Иногда это делают, когда относят понятие «дискурс» к теории Мишеля Фуко (Michel Foucault; Wodak, 1996, c. 24; Jaeger, 1993, c. 172; Pennycook, 1994; Fairclough, 1992a, c. 56), где оно означает социальную конструкцию. С другой стороны, в эмпирическом анализе эти 2 концепта часто используют как синонимы (Vass, 1992).*
[3] *Bruenner & Graefen, 1994a*
[4] *Fairclough, 1992a, c. 3*

или газетную статью. С одной стороны, это указывает на очень широкое определение коммуникации, согласно которому язык и речь — это формы действия. Это определение берет свое начало в «языковой игре» Витгенштейна[1]. С другой стороны, это предполагает обращение к понятию «знак», которое используют в современной семиотике[2]. Концепт «семиозис» (формирование значения) применим к любому знаку (включая, например, дорожный), отношение которого к социальным условиям *значимо*[3].

Итак, ответ на наш вопрос *Что есть текст?* зависит от теории (см. различные методы в ч. 2) и, как отмечает Грубер[4], в зависимости от определенного контекста и ситуации, не может быть совершенно однозначным. Давайте рассмотрим стихотворение Пауля Целана «Однажды» (Paul Celan, «Einmal»[5]) и Кристиана Моргенштерна «Ночная песнь рыбы» (Christian Morgenstern, «Fisches Nachtgesang»[6]):

Однажды
Я слышал его,
Он отмывал мир,
Незаметный, всю ночь,
Истинно.
Единственный и бесконечный
Уничтожен,
чтожить.
Свет был. Спасенье.[7]

[1] *Wittgenstein, 1984б с. 250; Wodak 1996*
[2] *Kress, 1993. Егер (Jaeger) ссылается на теорию речевой активности Леонтьева, в которой дополнительно к аспекту действия подчеркивается аспект знания. В конечном итоге, традиция Витгенштейна — которая стимулировала возникновение критической теории и своеобразного понятия коммуникации у Хабермаса (Habermas; Wodak, 1996, c. 28, Vass, 1992) — и советский подход имеют разные истоки. Первый происходит из философии, второй — из психологии. В обоих ударение сделано на фундаментальной функции (речевого) действия и говорения как деятельности или способа жизни.*
[3] *Halliday, 1978. Лемке (Lemke, 1995) и Кресс и Ван Леевен (Kress & van Leeuwen, 1996) обобщили различные подходы в современной семиотике, которые восходят к Ч. Моррису и Ч. Пирсу (C. Morris, Ch.S. Peirce). В нашей работе мы вынуждены будем обойтись без дальнейшего углубления в эти подходы.*
[4] *Gruber, 1996, c. 31*
[5] *Paul Celan (1982) Atemwende, Frankfurt: Suhrkamp, 103*
[6] *Christian Morgenstern (1975) Galgenlieder, Frankfurt: DTV, 27*
[7] *Перевод В. Бродского.*

Только если мы будем считать это стихами, их можно рассматривать как текст; в противном случае можно предположить, что перед нами упражнение по печати на машинке, как в случае с Моргенштерном или со случайной последовательностью фрагментов слов, как в случае с Целаном.

Одно из наиболее широко распространенных определений «текста» принадлежит де Богранду и Дресслеру[1]. Они определили текст как *коммуникативное событие*, которое должно удовлетворять нескольким условиям — а именно 7-ми критериям текста (дальше мы рассмотрим их более подробно). В соответствии с этим определением, дорожный знак, газетная статья, спор и роман — это тексты — разных жанров или типов. Все они обладают определенными лингвистическими чертами, выполняют определенные функции и связаны со специфическим производством и восприятием ситуации[2]. Поэтому существуют как внутритекстовые, так и внешнетекстовые условия значения, которые в конечном итоге подводят нас к сложному вопросу — *Как определить и проанализировать экстра-лингвистический контекст?* Примеры стихотворений показывают, что мы не можем понять текст, если у нас нет четких контекстуальных ожиданий.

[1] *de Beaugrande & Dressel, 1981, c. 1*
[2] *Swales, 1991*

Различные ожидания мы привносим, например, в политическую речь (не в пример программы новостей). Так, политическая речь следует классическому образцу риторической структуры[1], а программа новостей имеет одинаково точные условия и по содержанию, и по форме[2]. Неявные ожидания проявляются особенно сильно, когда нарушаются правила жанра — например, когда новости нарративно представляют на диалекте. Так, участники эксперимента не восприняли такой текст как официальную информацию. Значительно больше доверия они высказали новостным текстам, которые «звучали официально», даже если непонятно.

2.2. 7 КРИТЕРИЕВ ТЕКСТА БОГРАНДА И ДРЕССЛЕРА

Итак, перечислим критерии, которые предложили Роберт де Богранд и Вольфганг Дресслер. Их формулировки широко распространены и приняты, так что мы будем использовать их как основу для наших объяснений. Позже мы подробнее остановимся на каждом из критериев.

Связность затрагивает компоненты *внешней формы текста (поверхности теста)*, так что о ней говорят как о *синтаксической текстовой* связности. Линейная последовательность лингвистических элементов в тексте ни в коей мере не случайна и подчиняется грамматическим правилам и зависимостям. Связность включают все те функции, которые отвечают за создание связей между элементами поверхности текста. Дальше мы рассмотрим некоторые средства, которые обеспечивают эту связность:

- *Повторение.* Повторения лексических элементов, компонентов предложения и других лингвистических элементов формирует структуру текста.

[1] *Wodak et al., 1998*
[2] *Lutz & Wodak, 1987*

- *Анафора и катафора.* Анафора подчеркивает то, что было сказано или прочитано раньше (например, посредством про-форм). Катафора (посредством дейктических элементов) указывает на то, что последует дальше в тексте.
- *Эллипсис.* Элементы структуры обычно непонятны без коммуникативной ситуации и разделяемых знаний о мире (пресуппозиций) участников разговора. Поэтому сокращения (пропуск, исключение элементов) в тексте особенно зависят от элементов структуры разговора. Применение риторических средств в лингвистике текста не случайно, так как, кроме стилистической задачи, риторика (с исторической перспективы) играет роль одного из самых важных источников для грамматики *супер-предложений*.
- *Конъюнкции.* Показывают, какие отношения или связи существуют между событиями и ситуациями. Здесь выделяют *конъюнкции* (связывают структуры предложений одного и того же статуса), *дизъюнкции* (связывают структуры предложений с разным статусом), *контр-юнкции* (связывают структуры предложений с разным статусом, которые кажутся противоречивыми, например, причина и неожиданный эффект) и *подчинение* (используется, когда одна структура предложения зависит от другой).

Целостность (или семантика текста) формирует значение текста. Чаще всего она относится к тем элементам, которые совсем не обязательно требуют лингвистической реализации. Например, в некоторых видах исследований за основу принимают предположение, что у реципиентов есть когнитивные структуры, которые актуализируются посредством текста и помогают задать его интерпретацию. Подобным образом в определенных обстоятельствах невыраженные в тексте элементы знаний могут подразумеваться и влиять на восприятие[1]. Де Богранд и Дресслер считают, что определенные «концепты» (значения) связаны через «отношения» и реализуются во внешней форме текста (поверхности текста).

[1] *О понятии «подразумеваемое» см. у Grice, 1975; Kotthoff, 1996; Lutz & Wodak, 1987; Kintsch & van Dijk 1983*

Например, *причинность* — это такое отношение, которое позволяет некоторому событию или ситуации влиять на другие события или ситуации. Например, в высказывании *Джек зевнул и вывихнул челюсть* «зевнул» является причиной события «вывихнул». Сам по себе текст не имеет смысла — он обладает им только *в связи* со знанием о мире и тексте. Это означает, что в процессе освоения языка человек усваивает и определенные способы структурирования реальности и текстов[1]. Уже одно это указывает на центральный концепт *интертекстуальности* — каждый текст *синхронически* и *диахронически* относится к другим текстам, и это единственный способ, с помощью которого он приобретает значение.

Интенциональность связана с установкой и целью авторов текста — т.е. с тем, что они хотят и намереваются сделать с помощью текста. Соответственно, разговор во сне текстом не считают, в то время как телефонный справочник — считают.

Приемлемость — это «зеркало» интенциональности. Реципиенты в определенной ситуации должны *распознать* текст как таковой. Конечно, этот критерий условен и не означает, что реципиенты могут преднамеренно отвергать текст. Приемлемость определяет степень, до которой слушатели и читатели пред-ожидают полезность и релевантность текста. Здесь могут возникать большие коммуникативные конфликты — либо текст не приемлем (непонятен, бессвязен, фрагментарен и т.д.), либо слушатели подвергают сомнению его приемлемость, даже если его интенциональность выражена абсолютно четко. Например, в некоторых историях слушатель мо-

[1] *Знания о тексте и мире смоделированы различными способами. В некоторых подходах это попросту «списывают» на «контекст», в других конструируют модели для учета элементов контекста (см. Van Dijk, 1977; Wodak, 1996; Jaeger, 1993; Shi-xu, 1996, с. 17). Социально-психологические теории планирования и понимания текста (см. ч. 2 гл. 11) стремятся показать на базе эмпирических результатов — как происходят процессы когнитивного планирования и операционализация контекстуальных факторов (см. Wodak, 1986, Lutz & Wodak, 1987).*

жет подвергнуть сомнению мелкую деталь, которая не имеет особого отношения к данному разговору.

Информативность определяет количество новой или ожидаемой информации в тексте. Но здесь мы должны говорить и о качестве этой информации — какова структура нового материала, какие средства обеспечивают связность текста?[1]

Под *ситуационностью* понимают то, что структура разговора и речевая ситуация играют важную роль в создании текста[2]. Только определенные вариации или типы текста, разговорные стили или типы коммуникации *ситуативно* и *культурно приемлемы*. Этот критерий ведет нас к концепту «дискурса», поскольку дискурс определяют как «текст в контексте».

Интертекстуальность имеет 2 значения. С одной стороны, она предполагает, что текст всегда связан с предшествующим или параллельно разворачивающимся дискурсом. С другой стороны, она означает, что есть формальные критерии, которые связывают тексты между собой в определенных жанрах или типах текста. В терминологии текстового планирования эти жанры описаны как «схемы» или «фреймы»:

- Нарративные тексты (рассказы, истории и т.п.) построены по принципу упорядоченности во времени.
- Аргументативные тексты (пояснения, научные статьи и т.п.) используют средства противопоставления.
- Описательные тексты преимущественно применяют элементы указания на место (пространственные или временные) — например, описания, изображения и т.п.
- Инструктивные тексты (например, учебники) могут быть аргументативными и перечисляющими.

Приведенные критерии можно дополнительно классифицировать по одному из важных признаков, который присутствует во многих определениях текста. Так,

[1] *Подробно об этом см. Sperber & Wilson, 1986; Grice, 1975; Kotthoff, 1996.*
[2] *Wodak et al., 1989, с. 120*

первые 2 критерия (связность и целостность) мы можем обозначить как внутритекстовые, а остальные 5 — как внешнетекстовые. В этом случае мы можем провести первое различие между традиционной лингвистикой текста и дискурс-анализом. В подходах, которые сориентированы исключительно на «лингвистику текста», преобладает исследование и моделирование связности и целостности, а все внешнетекстовые факторы — т.е. внешние по отношению к тексту переменные — остаются на заднем плане. В дискурс-анализе именно внешние факторы играют первостепенную роль, а присущие конкретно тексту (феномены связности и целостности) — это проявление или результат определенной комбинации внешних факторов[1]. Современные подходы в большинстве случаев подчеркивают функциональный аспект[2].

2.3. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Мы — в отличие от Богранда и Дресслера — считаем, что эти критерии касаются различных измерений текста и поэтому их нельзя считать одинаково важными. Мы полагаем, что связность и целостность — это неотъемлемая часть любого текста, и каждый текст (или дискурс) должен удовлетворять этим критериям, независимо от *котекста и контекста*. С этой позиции, интенциональность, информативность, приемлемость и ситуативность не зависят от контекста. Здесь мы следуем сложной модели коммуникации — интерактивной и диалогичной по своему характеру — а не модели типа «отправитель — получатель» и традиционной теории коммуникации[3]. *Интертекстуальность* имеет прямое отношение к этому типу сложной модели коммуникации — каждый текст встроен в контекст и *синхронически* и *диахрони-*

[1] *Ср. определения текста и дискурса в функциональной прагматике (гл. 12) и критическом дискурс-анализе (гл. 11).*
[2] *Renkema, 1993; Dressler 1989.*
[3] *Shannon & Weaver, 1949*

чески связан со многими другими текстами (см. гл. 11). Таким образом, можно предпринять следующий шаг в анализе — обратиться к критической теории текста или дискурса. Простой подход к текстам, учитывая лингвистические измерения связности и целостности, нас не удовлетворит. С самого начала мы хотим обратить внимание на различные взаимоотношения текста с социальным, политическим или другими контекстами и сделать их основой для нашей интерпретации.

Итак, лингвистический анализ текста можно распознать по его акценту на связности и целостности. Именно этим он отличается от других (социологических) методов анализа текста, где выбирают небольшое количество примеров только одного из этих двух измерений (связности или целостности). Например, классический контент-анализ ограничен лексическим уровнем (т.е. одним измерением семантики; см. гл. 5); теория различий нацелена на поиск концептов-оппозиций, поэтому предмет ее анализа — это семантический уровень. Синтаксис здесь используют просто как поддержку в выборе единиц анализа (составляющие предложения; см. гл. 13). А вот лингвистический анализ текста работает и с синтаксическим, и с семантическим, и с прагматическим уровнями. Большинство же социологических методов «довольствуются» только одной из этих семиотических категорий. Специальная лингвистическая теория грамматики, призванная связать и детализировать отдельные примеры связности и целостности, — совершенно открыта и связана с разными теориями (например, описание функциональной прагматики в гл. 12 как противоположность теории Фэркло, см. гл. 11, раздел 11.4.1). Дальше мы сосредоточимся на понятиях *дискурс* и *содержание* и расскажем о некоторых изменениях, которые произошли со времен Богранда и Дресслера, не претендуя при этом на полный обзор.

2.4. НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОНЯТИИ *ДИСКУРС*

Итак, наконец-то удалось не сузить очень изменчивое значение понятия «дискурс», а дополнить его. Иногда я трактую его как общую область для всех высказываний, иногда — как некую отдельную группу утверждений, а иногда — как регулируемую практику, которая объясняет определенное количество утверждений. Разве я не разрешил одному и тому же слову «дискурс», которое должно было бы служить границей для термина «высказывание», изменяться, — как только я сместил свой анализ или точку его приложения, высказывание само исчезло из поля зрения[1].

Фуко был не единственным, кто столкнулся с многочисленными значениями «дискурса». Понятие *дискурс*, как в популярном, так и в философском его применении, объединяет целую гамму различных значений, которые часто кажутся противоречивыми или взаимоисключающими. В этой главе мы не будем долго задерживаться на этой «многослойной» дискуссии и заострим внимание только на ряде основных способов использования этого термина. Речь о них пойдет и при рассмотрении каждого из методов анализа (см. гл. 8, 11 и 12)[2]. Итак, для начала остановимся на кратком этимологическом описании этого понятия.

Предположительно, этимологически *дискурс* происходит от латинского *discurrere* — бегать туда-сюда или от его номинальной вариации — *discursus* («убегать», в переносном смысле — «увлекаться и позволять себе что-то» или «давать информацию о чем-то»)[3]. Средневековое латинское *discursus*, кроме разговора, означало также споры и

[1] *Foucault, 1972, с. 80*
[2] *См. также Van Dijk, 1985a, 1985b, 1985c, 1990a, 1990b; Schiffrin, 1994; Renkema, 1993; Vass, 1992.*
[3] *Vass, 1992, с. 7*

разговорчивость, а позже — *орбиту* и *движение*[1]. Фома Аквинский (1225 или 1227-1274) был первым, кто использовал этот термин в философии. Для него он значил что-то наподобие *интеллектуального рассуждения*. *Дискурсивный*, т.е. «путем рассуждения», он противопоставил *simplici intuiti* — «просто интуитивному». *Дискурсивный* означало обнаруженное, осознанное посредством концептов и мышления *в* концептах[2]. Такое же противопоставление мы находим у Гоббса, Лейбница и Канта, которые считали, что человеческая мысль, в общем, абсолютно дискурсивна[3]. Маас[4] показывает, что во всех западно-европейских языках популярное значение развивалось вокруг «ученой дискуссии» и затем перекочивало к «диалогу». Васс[5] перечисляет следующие значения «дискурса»:

1. (Общее): речь, разговор, дискуссия;
2. Дискурсивная презентация мыслей путем ряда утверждений;
3. Утверждения или высказывания, цепочка утверждений;
4. Некая цепочка мыслей; способ ее получения (археология): научный, поэтический, религиозный дискурс;
5. Поведение, регулируемое правилами; приводит к цепочке или взаимосвязанной системе утверждений (=формы знания) (медицина, психология, и т.д.) (например, в работе Мишеля Фуко);
6. Язык, который практикуют; разговорный язык (например, в работе Поля Рикера);
7. Язык как множество, языковой универсум;
8. Дискуссия и оспаривание критерия валидности с целью — добиться консенсуса среди участников дискурса (например, в работе Юргена Хабермаса).

[1] *Vogt, 1987б, с. 16*
[2] *Eisler, 1927, с. 286*
[3] *Kant, 1974, с. 109*
[4] *Maas, 1988*
[5] *Vass, 1992, с. 9*

Фэркло упорядочил способы применения термина «дискурс» в современном дискурс-анализе. Он противопоставил «речевые диалоги и письменные тексты», «разговорный и письменный язык», указал на «ситуационный контекст использования языка», «интеракцию между читателем/писателем и текстом», «понятие жанра (например, газетный дискурс)». Часто такие различные значения дискурса используют бездумно. Зачастую же непонятно — идет речь о некоторой последовательности текстов или их завершенном множестве, или же все сведено к абстрактному феномену. Принимая во внимание все это, в своей работе мы постараемся дать максимально точное определение — что такое *дискурс* и, следовательно, *дискурс-анализ*.

Главным образом мы будем ссылаться на определение Ван Дейка[1], который представил дискурс в общих чертах — как *текст в контексте* и как *событие, которое необходимо описывать эмпирически*. Ван Дейк подчеркивает один важный момент — *дискурс* нужно понимать *как действие*. Центральное значение для него имеет и самодостаточность дискурса, а также акт коммуникации. Такое определение приводит нас к более сложному и комплексному вопросу — *Как определить единицу дискурса?* Как отграничить ее от других? Есть ли связь между методом и единицей исследования? Заметим, что по причине *интертекстуальности* здесь в принципе не может быть объективного начала и конца — любой дискурс связан со множеством других дискурсов, и понять его можно только на их основе. Таким образом, решение об единице исследования — это субъективное решение исследователя и зависит от проблемы, которую он перед собой ставит и которая направляет его исследование[2].

Дальше мы сосредоточимся прежде всего на аспекте действия и предлагаем следующее определение *дискурса*, которое станет основой для наших последующих рассуждений[3]:

[1] *Van Dijk, 1977*
[2] *Kress 1993*
[3] *Fairclough & Wodak, 1997*

> *Критический дискурс-анализ рассматривает дискурс — язык, используемый в речи или письме — как форму «социальной практики». Дискурс как социальная практика предполагает диалектическую взаимосвязь между определенным дискурсивным событием и ситуацией(ями), институтом(ми) и социальной структурой(ами), которые задают его структуру — они формируют дискурсивное событие, но также дискурсивное событие формирует их. То есть, дискурс социально конституирующ, так же как и социально конституирован — он конституирует ситуации, объекты знания, социальные идентичности людей, групп и их взаимоотношения. Он конституирует — в смысле помогает поддерживать и воспроизводить социальный статус-кво и, в то же время, способствует его трансформации*[1].

Здесь дискурс представлен как тот, что конституирует (формирует) реальность. Кроме того, становится ясно, что непосредственное отношение к дискурсу имеют вопросы власти и идеологии: «Поскольку дискурс социально обусловлен (конституирован), он подчеркивает важность проблемы власти. Дискурсивные практики могут иметь существенные идеологические результаты — они могут способствовать производству и воспроизводству неравных отношений власти... представляя вещи и позицию людей теми или иными способами». Итак, мы ввели понятие дискурса, как его используют в критическом дискурс-анализе (КДА; гл. 11).

2.5. КОНТЕКСТ

С одной стороны, дискурсы встречаются в макро-контекстах, в организациях и институтах (например, «медицинский дискурс»[2]). Но, кроме того, они появляются в определенное время, в определенном месте, с определенными участниками и т.д. — т.е. в микро-контекстах[1]. Таким образом, мы можем выделить отдельный дискурс и рассмотреть его в макро-контексте с целью — уловить значение особой последовательности текстов и дискурсов[2]. Но существуют и специфические паттерны особых видов текстов — например, политическая речь подчиняется правилам, которые отличаются от правил телевизионного ток-шоу или автобиографического интервью. Эти специфические жанровые элементы также необходимо учитывать[3]. Ценности и нормы, обусловленные социально-культурной средой, так же, как и физические склонности, находятся в динамичных отношениях с социальным производством дискурса. А значит, мы обязательно должны включать их в свой анализ. Но именно это «включение» именно этих факторов, которые влияют на производство и понимание текста, выходит за пределы традиционного исследования, основанного на анализе содержания[4].

Арон Сикурел проводит различие между *широким* и *локальным* контекстом. Таким образом он стремится примирить взаимоисключающие принципы этнографического и конверсационного анализа. Последний (конверсационный анализ) предполагает, что контекст постоянно воссоздается исключительно через дискурс[5] (см. гл. 8). Конверсационный анализ тесно связан с идеей Гумперца[6], его *намеками о контекстуализации*: «Любой аспект лингвистического поведения — это лексический, просодический, фонологический и синтаксический выбор вместе с использованием определенных кодов, диалектов и стилей. Он может функционировать как таковой, указывая на те особенности контекста, которые релевантны для интерпретации того, что подразумевает говорящий». Есть некоторое сходство между этим понятием и поня-

[1] *Wodak, 1996, c. 15*
[2] *Foucault, 1993*

[1] *Wodak 1996*
[2] *Lalouschek et al., 1990*
[3] *Wodak, 1994, c. 36*
[4] *Матоушек и Водак (Matouschek & Wodak, 1995/6, c. 46) подчеркивают, с одной стороны, отличие от контент-анализа и, с другой стороны, сходство с обоснованной теорией. См. также Kromrey, 1994, c. 170.*
[5] *Drew & Heritage, 1992, c. 16*
[6] *Gumperz, 1982, c. 162*

тием «фрейма» Гоффмана[1]. Так, «фрейм» означает соответствующее определение ситуации и действий, которое люди приписывают своим коммуникативным действиям. Он включает субъективный опыт людей. Понятие «широкого контекста» Сикуреля мы относим к макро-уровню, а «локального контекста» — к микро-уровню. Цель социологического исследования — примирить эти измерения (макро- и микро-уровни) с учетом всей их сложности.

Так, мы можем следовать так называемому *дискурс-социолингвистическому подходу* (см. гл. 11). С одной стороны, существенное количество информации можно получить посредством этнографического анализа, с другой стороны, дискурс указывает на релевантный контекст. Однако остается еще один вопрос — как определить, сколько необходимо контекстных знаний? Где начинается и где заканчивается контекст? Этот вопрос становится особенно острым, когда анализу должны подлежать такие факторы, как *мир дискурса* и *интертекстуальность*. Здесь мы согласны с Сикурелем, который говорит:

> *Несомненно, открытым для многих читателей остается широко распространенный вопрос — возможен ли непрерывный регресс из-за того, что наблюдатель должен описывать «все», что касается контекста? Но описывать все — невозможно, потому что никто не может требовать детализировать все локальные и более широкие, социокультурные особенности контекста. Исследователи или аналитики, как и участники речевых событий, должны постоянно обращаться к практическим обстоятельствам, которые являются неотъемлемой частью исследования повседневной жизни.*

Наконец, элементы контекста, которые нужно включить или исключить из области исследования, необходимо точно обосновать и подтвердить в конкретном анализе определенного случая. И эти решения должны учитывать теоретические вопросы, поставленные в исследовании.

[1] *Goffman, 1974, 1981*

2.6. ДАЛЬНЕЙШИЕ ДИСКУССИИ О ПОНЯТИЯХ *ТЕКСТ И ДИСКУРС*

Богранд и Дресслер утверждают, что в каждом конкретном случае определения специфического текста всегда необходимо применять все 7 критериев, если мы вообще можем говорить о «тексте». Это поднимает много вопросов, потому что — как отмечает Ренкема[1] — критерии 3, 4 и 5 (интенциональность, приемлемость и информативность) — субъективны и зависят от отдельных наблюдателей. Последовательность высказываний «Шекспир написал более 20-ти пьес. Ты поужинаешь со мной вечером?» многие реципиенты, вероятно, не воспримут как текст. Но в определенной ситуации эта последовательность может быть абсолютно приемлема (например, если кто-то держал пари на ужин, что он или она знает, сколько приблизительно пьес написал Шекспир). Итак, критерии Богранда и Дресслера не выявляют предсказуемых и объективируемых различий между текстами, которые можно точно определить. Кроме того, любое высказывание в конечном итоге может быть текстом в определенном контексте.

Здесь необходимо затронуть вопрос о жанре. Ренкема об этом ничего не говорил, но, например, Фэркло обращал на них внимание и даже придавал им значение *порядков дискурса*. Таким образом, определенную последовательность знаков можно полностью принять как поэму, даже если ее общий смысл нарушен.

Ван Дейк определял текст подобно Богранду и Дресслеру, следуя идее, что «только те последовательности предложений, которые имеют макро-структуру, ... можно считать текстами». Простыми словами, для Ван Дейка «макро-структура» — это лежащая в основе тематическая и пропозициональная структуру, которая позволяет тексту существовать как единое целое. Ван Дейк вводит большое количество ограничивающих факторов (в ос-

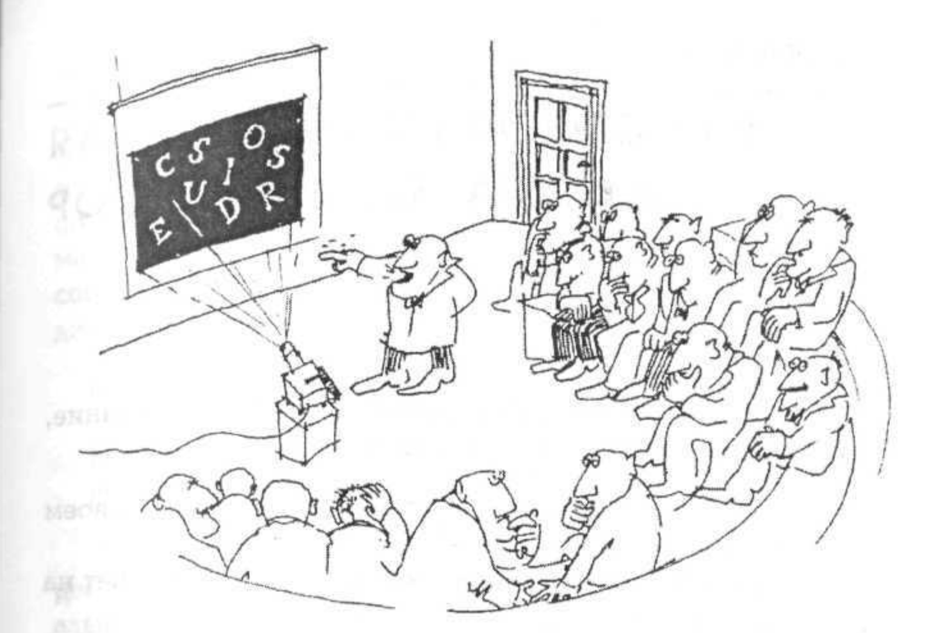
[1] *Renkema, 1993, с. 36*

новном, подобных факторам Богранда и Дресслера), которые вновь «разрешают» любой последовательности предложений, в отдельном случае, считаться текстом.

Этих проблем нет в чисто функциональном определении текста у Холлидея[1]. Он считает, что центральной единицей исследования должна быть социальная интеракция. Таким образом, Холлидей подходит близко к «критическому анализу текста», о котором мы говорили выше. С лингвистической позиции он акцентирует внимание на текстах, речевой ситуации и лингвистической системе — т.е. факторах, которые неразрывно связаны друг с другом. По его мнению, не может быть «не-текстов», как это предполагают Богранд и Дресслер. Холлидей подчеркивает, что «понятие «текст» не предопределенно по своей сути». Для него текст — это все, что имеет значение в определенной ситуации: «Так, под текстом мы понимаем непрерывный процесс семантического выбора» (см. понятие *семиозис*).

Еще одна важная подгруппа «чисто» лингвистических подходов к тексту — это когнитивные теории текста, которые получили свое развитие в конце 1970-х годов благодаря модели Кинча и Ван Дейка[2]. Они интерпретировали тексты как более или менее выраженные (эксплицированные) *сопутствующие явления* когнитивных процессов (это можно продемонстрировать на примере следования текстов, как и когнитивных процессов, принципам причинности). Контекст играет подчиненную роль. Анализ текстов на основе этих когнитивных теорий выполняют в строго экспериментальной манере. Многие модели (за исключением модели Кинча и Ван Дейка) можно использовать только для очень узкого набора отдельных видов текстов, а именно — сообщений и историй.

[1] *Halliday, 1978*
[2] *Kintsch & van Dijk, 1983*

ГЛАВА 3

КАК СОБРАТЬ МАТЕРИАЛ ДЛЯ АНАЛИЗА. КРАТКИЙ ОБЗОР

Тот, кто хочет провести эмпирическое исследование, должен ответить себе на 4 вопроса:

a) На какой вопрос я хочу ответить в своем исследовании?
b) При помощи какого анализа я смогу найти ответ на свой вопрос?
c) Какие данные и от кого мне необходимы, чтобы провести этот анализ?
d) Какое этапы на практике я должен пройти, чтобы получить и зафиксировать необходимые данные?

Именно эти вопросы[1] — ключевые центральными для этой главы, при этом основное внимание мы сосредоточим на третьем вопросе. Когда проблема исследования уже сформулирована, и стратегия исследования уже определена, открытым остается вопрос — как получить материал для анализа. Прежде всего, исследователи должны отдавать себе отчет в том, какую функцию выполняет текст (корпус текстов) в контексте исследования, и принять решение о выборе текстов. Все это непосредственно связано с вопросом о том, что такое текст, и станет предметом нашего обсуждения в первом разделе этой главы. Во втором разделе мы кратко представим различные техники выбора материала для анализа. Четвертый вопрос станет темой Части 2 нашей книги, где мы будем говорить об отдельных методах и процедурах.

[1] *Burgoyne, 1994, c. 195*

Если в распоряжении исследователя есть не один текст для анализа по содержанию, синтаксической связности (связности), конструкции смысла (целостности) и функции, то в этом случае перед ним стоит та же проблема, что и для большинства исследователей — какие тексты собирать и какие из них анализировать. Выбор происходит между:

a) текстами, сгенерированными самим исследователем для ответа на поставленный вопрос;
b) собранным материалом и
c) комбинацией первого и второго.

В первом случае мы имеем дело с *реактивным*, во втором — с *не-реактивным* проектом исследования. В социальных науках исследование, в котором используют такие техники сбора данных, которые исключали бы влияние исследователя на данные, — все еще большая редкость. Типичный пример — исследование, где материал получен из официальной статистики, вторичного анализа, и исследования уже существующих текстов, а не специально собранных для исследования. Например, опубликованные тексты (газетные статьи, телевизионные передачи и т.п.) или внутренние бумаги — например, документация организации[1]. Более редкий случай — исследование, где скомбинированы преимущества обеих процедур. Редкость таких исследований можно объяснить только растущим количеством требований. Их преимущества становятся очевидны, как только материал, не зависимый от исследователя, сравнивают с данными, полученными в ответ на вопросы, поставленные исследователем.

Решение о том, какие тексты исследовать — те, что инициировал сам исследователь, или те, что существовали раньше, (или использовать тексты обоих типов) — это

[1] *Некоторые принципы дизайна исследования, построенного на анализе внутренних документов организаций, описаны у Forster, 1994. Вопрос о том, какую реальность отражают эти документы, обсуждают Atkinson & Coffey, 1997.*

совсем не первое решение, которое принимает исследователь. Как правило, оно сильно зависит от статуса исследуемого материала. Это значит, что ответ на вопрос — как отбирать тексты — в первую очередь определяется тем, существуют ли тексты сами по себе или что-то репрезентируют и их следуют рассматривать как выражение чего-то или для чего-то.

На рисунке 3.1 мы показали различие между 3-мя противоположными функциями текстов как материала для исследования. Эта дифференциация базируется на различии функций текстов в процессе отбора.

(1) Тексты сами по себе могут быть объектом исследования. Это тот случай, когда, по мнению исследователя, за текстом ничего нет, и ему интересны именно особенности текста как таковые.

(2.1) Тексты можно рассматривать как высказывания, как компоненты коммуникации, и на их основе формулировать некоторые утверждения о выбранной группе людей, которые эти тексты произвели. В этом случае выбранные тексты служат показателями при анализе феноменов, в которых люди выступают носителями определенных качеств.

(2.2) К текстам можно относиться как к явной рефлексии в коммуникации, элементу «помощи» и индикатору, который позволяет анализировать коммуникацию (или коммуникативную ситуацию), которая задокументирована в этой форме.

Каждый из приведенных подходов может быть полезен в зависимости от вопросов исследования и предлагает абсолютно разные модели выбора текста.

Материал первого типа представляет интерес для любого исследования, сориентированного на анализ именно самих текстов (функция 1) и не нацеленных на установ-

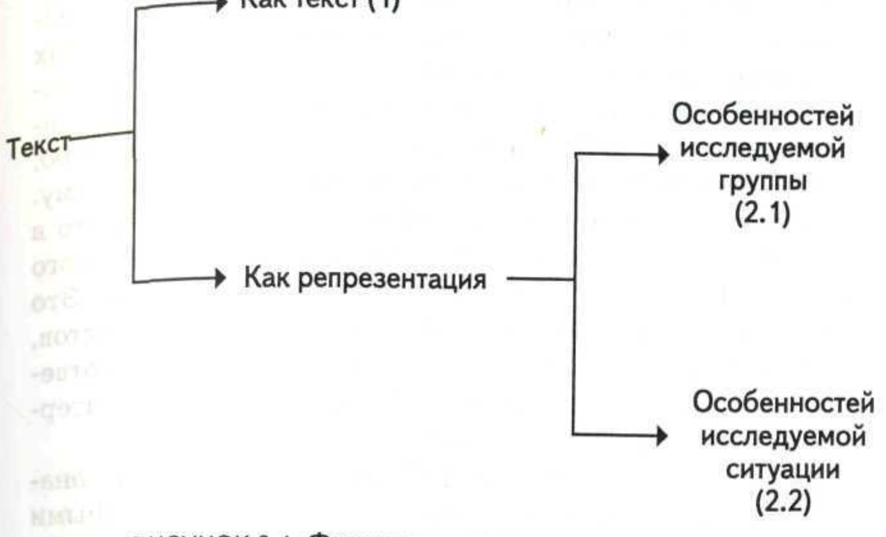

РИСУНОК 3.1. Функции текстового материала

ление их связи с экстралингвистической реальностью[1]. В качестве примеров можно привести исследование статистической структуры текстов, анализ компонентов текста или описательное грамматическое исследование. В любом из этих исследований объект определен достаточно точно. Это может быть исследование одного текста или множества доступных текстов, при этом их массив можно достаточно легко определить в соответствии с вопросом исследования. Ситуативный контекст и акторов в таких исследованиях не учитывают — таким образом, их нельзя отнести к социальным. Исходя из этого, дальше не будем акцентировать на них свое внимание.

Если тексты исследуют как высказывания определенной группы людей (2.1), то отбор таких текстов необходимо начинать с отбора соответствующих групп — именно они являются *единицами сбора данных*. Анализ речевых (и транскрибированных) или письменных отрывков текста подчинен цели, сформулированной в вопросе исследования. Например, если исследователю интересно изу-

[1] *Здесь термин «текст» используется другим способом, отличным от того, как он в основном использован в этой книге.*

чить стиль дипломатов и сравнить его со стилем какой-нибудь другой группы людей (например, иностранных телекорреспондентов), то вначале он должен сформировать выборку дипломатов (и иностранных корреспондентов). Затем он должен выбрать подходящую ситуацию, в которой он сможет изучить поставленную проблему. Эта краткая схема процедуры выбора проясняет, что в исследованиях такого типа критерием для первичного отбора (или единицами сбора) являются *не* тексты. Это становится еще понятней на примере анализа текстов, который представляет собой оценку интервью или ответов на открытые вопросы. В этих случаях отбор (интервьюируемых) проводят заранее.

Третий тип материала (2.2) подразумевает, что анализируемые тексты не «закреплены» за конкретными людьми, которые представляют определенную группу (например, дипломатов, корреспондентов и т.д.). Транскрибированная коммуникация служит описанием определенной ситуации или тематической области, которая и является объектом исследования. Здесь в первую очередь необходимо определить такую ситуацию или область, о которой потом и будут формулировать выводы. Таким образом, здесь единицами сбора данных являются ситуации, а единицами исследования — записи, которые эти ситуации описывают.

Когда решение о том, какую роль текст играет в исследовании, принято, необходимо перейти к дальнейшим решениям — отобрать именно тот материал, который имеет смысл или есть возможность подвергнуть анализу:

a) *Из какого материала я выбираю?* Первая стадия в процессе отбора — определить то множество материала, из которого дальше можно будет выбрать все необходимое, то, что позволит решить конкретную исследовательскую задачу. Такой отбор проводят преимущественно из речевых и письменных отрывков коммуникации, которые не поддаются подсчету — т.е. из пространства возможных текстов.

В социальном исследовании, как мы уже знаем, прежде всего нужно идентифицировать группы или ситуации, для исследования которых затем будут использовать тексты. Следовательно, на первой стадии стоит задача — определить массив (если говорить на языке теории формирования выборки).

b) *Что я выбираю?* Если потенциальные группы или ситуации для исследования уже определены и после этого выяснилось, что их нельзя исследовать в массе, необходимо провести второй отбор — т.е. заново определить выборку или провести отбор по другим критериям. Идентифицировать единицы сбора можно несколькими способами — мы обсудим их позже.

c) *Как много из выбранного я анализирую?* Как только выборка сформирована, и отбор проведен, исследователи могут приступить к выбору текстов для анализа или их генерированию — например, если они проводят интервью или транскрибируют записи. Созданные таким образом корпусы текстов часто принимают слишком большие размеры, так что нет возможности оценить их в полном объеме. Поэтому на следующем этапе из уже собранного материала отбирают тот, который будут оценивать. В этом нет необходимости, если все было хорошо продумано заранее и выборка сформировано более точно.

d) *Что является единицей анализа?* Самые малые единицы, которые используют для анализа, могут сильно разниться между собой — расположение синтагм, предложения, единицы разговора, темы или изменения тем, единичные слова, знаки и т.д. Поскольку в тексте анализируют именно значимые категории, то единицей анализа является та единица, которую исследователь оценивает как значимую для исследования определенного текста. При этом он должен учитывать 3 обязательных требования: единицы анализа должны быть

a) теоретически обоснованы,
b) однозначно определены и

c) не должны совпадать.

Например, если исследуют связь между «критическими жизненными событиями» и «эмоциональными встрясками», оба концепта должны быть точно определены. Кроме того, должна присутствовать возможность решить о каждом отрывке текста — относится ли он к одному из этих концептов (или не относится ни к какому) и является ли он показателем для одного (и какого именно) из теоретических конструктов[1].

Все эти 4 решения «опираются» на 2 существенных «столпа» — выбранный теоретический подход и основополагающий вопрос исследования. Проиллюстрируем это на примерах (см. табл. 3.1). Если соотнести то, что мы получили, с изображением функций текста (см. рис. 3.1), то получаем следующее.

Исследования I и III — это примеры исследования ситуаций. Оба автора выбирают для их анализа тексты.

Цель исследования II — изучить конкретную группу людей или модель поведения и стратегии сопротивления этой группы. Первым этапом здесь было — сформировать выборку людей — представителей этой группы. Затем было принято решение о проведении интервью — т.е. выбранные люди должны были производить тексты. После ученые транскрибировали эти тексты и проанализировали их. Конечно, этот пример можно было бы рассматривать иначе, если бы мы акцентировали внимание на исследуемой ситуации и изучали ее как показатель особо трудных личных обстоятельств. (Это похоже на исследование психологических особенностей трудных решений, когда исследователь изучает людей, которые бросают курить или сталкиваются с вопросом — делать ли хирургическую операцию.) Результаты рассматривали как те, что можно генерализовать. Но в некоторых ситуациях полученные результаты могут не иметь особого значения. Такого типа исследование проводят с целью — найти теоретическое

[1] *Более подробно об единицах анализа у Altmann, 1996*

ТАБЛИЦА 3.1. 4 решения об отборе

4 отбора	**Пример I**	**Пример II**	**Пример III**
(1) Из какого материала я выбираю?	Из газет: *New York Times* и *Los Angeles Times*	Беременные женщины, употребляющие кокаин	Из трагедий Эсхила, Софокла и Эврипида
(2) Что я выбираю?	Первые страницы с 1890 по 1989 год	60 беременных женщин, которые сообщили, что употребляют кокаин	Все отрывки из текстов, в которых автор описывает сон
(3) Как много из выбранного я анализирую	Случайная выборка (стратифицированная многоступенчатая кластерная выборка): каждое 10-е предложение из 10-ти дней каждого года.	Транскрибированные интервью в полном объеме	Завершенный отрывок текста
(4) Что является единицей анализа?	Выбранные слова и классы слов (например, «ритуальные слова», слова-изменения»)	Темы, которые затрагиваются в интервью	Завершенный отрывок текста
Автор:	Danielson & Lasorsa (1997)	Kearny et al. (1995)	Devereux (1976)
Вопрос исследования:	Какие серьезные изменения американского общества отражены во влиятельных периодических изданиях?	Какими способами беременные женщины пытаются преодолеть эту ситуацию?	Являются ли сны, написанные авторами для драматических актеров, психологически достоверными?
Функция текста:	Ежедневная газета как подходящий источник социально значимых символов	Вербальные высказывания и индекс использования предлогов of... by ...	Проверка психоаналитической интерпретируемости или достоверности сна
Подход:	Контент-анализ	Обоснованная теория	Психоаналитический анализ литературы

обоснование сложной ситуации. Но это уже ведет нас к теме кейс-исследования, которую мы обсудим позже (см. раздел 3.2.4).

На рисунке 3.2 мы представили схему решений, принятых на пути от формулировки вопроса исследования к определению единиц анализа, что крайне необходимо, чтобы начать работу с текстами. Но представленной хронологической последовательности следуют не всегда и не во всех типах исследования. Но по ходу исследования должны быть приняты все перечисленные решения. А вот «способы исследования» могут отличаться в зависимости от позиции исследователя, которая и определяет отбор текстов, формирующих материал для исследования.

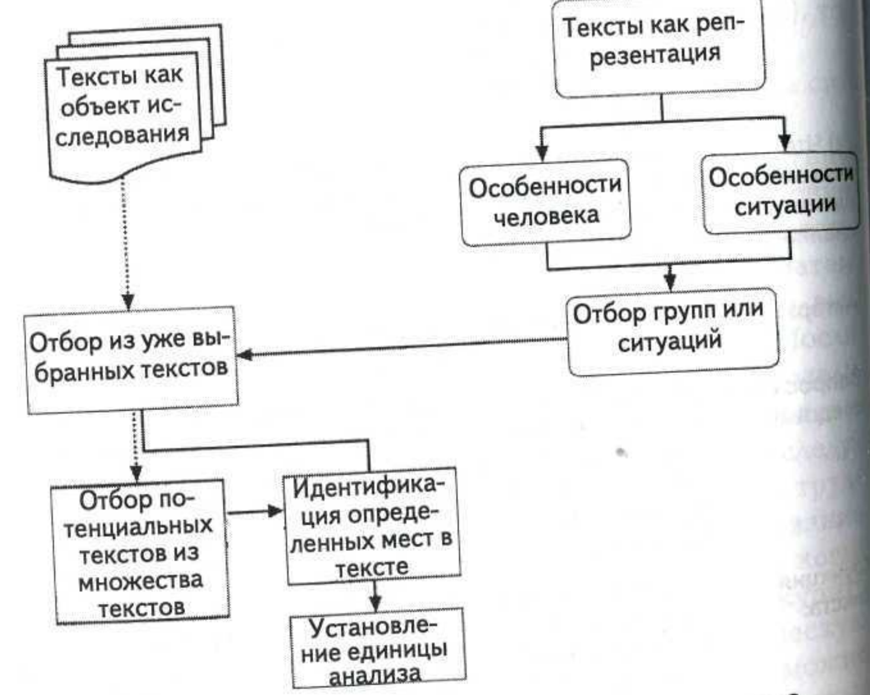

РИСУНОК 3.2. Как найти материал для анализа?

3.2. КАК ОТОБРАТЬ МАТЕРИАЛ ДЛЯ АНАЛИЗА?

В этом разделе мы постараемся ответить на вопрос — *Как отобрать материал для исследования?* Какие процедуры существуют для отбора из множества возможных текстов? Как сделать дальнейший выбор из этого материала уже отобранных текстов? Что необходимо учитывать, чтобы идентифицировать конкретные текстовые отрывки для дальнейшего анализа?

Чтобы предупредить возможные разочарования, необходимо ввести два ограничения:

a) ответы на эти вопросы можно сформулировать только в общем, поскольку эти ответы тесно связаны с определенной проблемой исследования;
b) установление единицы анализа с поиском ответов никак не связано.

Эти ограничения вводятся потому, что *задача всегда зависит от решения* (т.е. зависит от теории) о том, какой метод или способ анализа использовать.

Поэтому ответить на эти вопросы можно только по отношению к конкретным примерам или точным описаниям определенных методов. В дальнейшем мы компенсируем этот недостаток детальным обсуждением отдельных методов в части 2 этой книги.

На рисунке 3.3 мы кратко представили наиболее известные процедуры отбора материала в социальном исследовании. Дальше в этой главе мы кратко опишем некоторые из них, другие объяснены в глоссарии. Основное внимание мы уделим значению различных способов отбора для анализа текстов[1].

[1] *Статистические процедуры в большом количестве приведены в специализированных учебниках (например, у Sirkin, 1995). Более детальная трактовка должна включать более специализированные процедуры. Здесь мы ссылаемся на единичное исследование по теме, которая имеет значение в настоящем контексте и обсуждается ниже — тема генерализации. Кук (Cook 1993) в своей статье описывает «квази-выборку» как способ построить причинные связи, т.е. способ генерализации. Процедуры формирования выборки детально проанализированы у Sudman, 1976; Maisel& Persell, 1996.*

РИСУНОК 3.3. Процедуры отбора текстов

Итак, возможные способы сбора материала для анализа можно разделить на 2 большие группы. Все способы, которые мы отнесли к группе *выборка* (1), — это стратегии сбора материала для исследования, который можно использовать для прогноза относительно всего массива. Все они предполагают, что решение об исследовании с помощью формирования выборки уже принято. Ко второй группе относятся остальные 4 способа сбора материала (2-5). Они отрицают возможность прогноза относительно всего массива — его нужно исследовать полностью. Кроме того, (в зависимости от эпистемологической школы или традиции), они отрицают возможность проверить посылки и гипотезы.

Это различие вполне обоснованно, поскольку согласуется, по крайней мере, с двумя важными точками зрения. Во-первых, многие исследователи (и вслед за ними научные журналы), которые основываются на «классических» критериях, все еще полагают, что получить генерализацию, как неопровержимое доказательство, можно только с помощью эмпирического исследования, т.е. сформировав выборку. Способы отбора в первой группе, в сущности, соответствуют этим критериям. Во-вторых, кроме методов, в социальном исследовании различаются и функции текстов. Если исследователь хочет сформулировать генерализированные утверждения о группе (или отдельных людях как носителях определенных особенностей), он не может избежать исследования репрезентативной выборки. Если исследователь считает, что исследуемые тексты должны репрезентировать определенные ситуации, то он будет использовать одну из четырех других процедур — и, если необходимо, последнюю, которую мы назвали «поход на рыбалку».

3.2.1. Выборка

6 процедур отбора, которые мы объединили под общим концептом *выборка*, на первый взгляд, имеют только одну общую черту — их характеристики включают термин «выборка». Т.е. все они требуют формирования выборки из некоторой популяции (массива) для формулирования прогнозов относительно этой популяции (массива) и проверки на основе полученных результатов первоначальных гипотез. Из рисунка 3.3 мы видим, что эти процедуры подчиняются двум различным принципам[1]. В п. 1.1 мы перечислили основные типы выборки, которые используют *принцип случайности*:

- случайная;
- стратифицированная;
- многоступенчатая;
- кластерная.

Это предварительное условие вероятностной выборки, где каждый элемент имеет известную не-нулевую вероятность отбора. Это условие — лучшая начальная точка для репрезентативного исследования. Именно в вероятностной процедуре любое субъективное искажение исключают с помощью внешних критериев, например, случайных чисел.

[1] *Краткое определение типов выборки, которые здесь перечислены, вы найдете в глоссарии.*

Группа 1.2 включает 2 вида отбора с *не-вероятностным* формированием выборки:

- частичная выборка;
- полная выборка.

Не-вероятностные процедуры совершенно разными принятыми способами десубъективируют контроль информационного отбора. Конечно, в качестве руководства простого отбора они не предлагают законченных советов для решения вопроса — как определить целевую группу.

Все эти способы формирования выборки обычно ассоциируют с так называемым «количественным» социальным исследованием. В строгой форме это исследование связано, прежде всего, со следующей основной посылкой или утверждением: гипотезы — это прогноз, если они относятся к определенному массиву. Другими словами, гипотезы не утверждают общую валидность, но имеют определенную *область валидности*. Их проверяют на определенных объектах исследования, которые являются репрезентативными относительно исследуемого массива. На основе этого подхода возникает 3 посылки:

a) гипотезы можно проверить только в исследованиях, организованных относительно полного массива или направленных на репрезентативную выборку;
b) вопрос — *Как определить целевой массив* (тексты, группы, ситуации)? — возникает из посылок, которые направляют определенное исследование;
c) сделать утверждения об определенном массиве можно только с помощью контролируемого формирования выборки (в противоположность произвольному отбору).

Если исследователь хочет сделать утверждения об определенном массиве, он должен собрать данные обо всех тех случаях, которые имеют отношение к вопросу исследования. Но поскольку исследователи редко имеют или ищут возможность охватить весь массив во всей его полноте, они довольствуются лишь ее частью. Возможность работать со всем массивом в первую очередь определяется проблемой исследования, а затем — доступностью материала. Если исследователь стремится исследовать изменения в стиле академического журнала, он может работать с ограниченным набором текстов (например, выпусками журнала за последние 15 лет), который действительно можно исследовать полностью. Если он ставит перед собой задачу — проанализировать типичные вербальные реакции на результаты политических выборов в разговорах завсегдатаев пивной в маленькой деревушке, то такие вербальные реакции тоже достаточно легко организовать в виде полного перечня (всего массива). Если же исследователь намерен определить способы обращения врачей со своими пациентами за пределами больницы, он должен быть крайне осторожен, чтобы не выбрать нетипичные примеры. (Это требует определенных посылок, как, например — время эпидемии гриппа отличается от времени обычных выходных). Оба примера — паб и больница — можно использовать, чтобы сделать выводы об области исследования, о которой у исследователя есть полные данные; но эти данные нельзя использовать, чтобы сделать утверждения об области вне определенной деревни или больницы. Исследователь не сможет избежать формирования выборки, если, например, определенная часть исследования направлена на анализ языка художников. Следующий пример исследования с акцентом на выборках — это анализ содержания первых страниц *New York Times* и *Los Angeles Times* за последние 100 лет[1], исследование направлено на описание символической репрезентации социального изменения[2].

В общем, можно сказать — чем более точно структурирован вопрос исследования с точки зрения времени и темы и чем более точно определено содержание исследования, тем легче сформировать перечень (массив) — при условии, что у исследователя есть доступ к материалу. Конечно, при

[1] *Danielson & Lasorsa, 1997*
[2] *Это исследование кратко представлено в табл. 3.1.*

увеличении точности увеличивается и генерализуемость (обобщаемость). Например, анализ скрытого смысла рекламной брошюры определенной компании позволяет сделать выводы об этой компании (возможно, об ее отношении к клиентам или имидже), но такое исследование не дает возможности генерализовать результаты исследования.

Логика всех исследований, ориентированных на выборку, имеет следующие особенности. Эмпирическая работа начинается с *идентификации массива*. Какой массив является релевантным — ясно из вопроса исследования и начальных посылок. Затем для *исследования* из этого массива делают *выборку* (которая является «сокращенным вариантом» массива). Исследователь отбирает определенные случаи, при этом каждый случай «отвечает» за множество других и является их «представителем». Из результатов анализа выборки делают *выводы* обо всем массиве. В этом случае желаемая цель ясна — генерализовать. И, согласно классическим убеждениям, ее можно достичь с теми выводами, которые гарантирует теория вероятности (см. «вывод» в глоссарии). Такие выводы можно получить только при способах отбора, которые указаны в п. 1.1 на рисунке 3.3, т.е. при вероятностных выборках.

В строгом смысле, все процедуры отбора, о которых мы будем говорить дальше, являются ненаучными, если генерализуют результаты, основанные на них. Исследование, построенное на них, не позволяет что-либо утверждать обо всем массиве. Здесь мы имеем дело с процедурами, которые можно использовать только для предварительного исследования — они позволяют сформулировать гипотезы или прояснить концепты. С другой стороны, эти виды исследования подходят для генерирования идей или для ситуаций с высокой неопределенностью. По этой причине их часто причисляют к пилотным исследованиям. Тем не менее, не все ученые в области социальных наук считают такие исследования предварительными или ненаучными, за исключением разве что последнего — «поход на рыбалку» (см. раздел 3.2.5). Как оценивать эти исследования — в конечном счете зависит от ответа на главный в этой связи

вопрос — могут ли эти процедуры дать такие результаты, которые можно генерализовать?

Конечно, ответ будет зависеть и от того, что считать *генерализацией*[1]. Обычно имеют в виду *эмпирическую* генерализацию — выводы из наблюдения ограниченного набора объектов, применимые ко всему классу, к которому наблюдаемые объекты принадлежат. Здесь мы имеем дело с индуктивным выводом, который на самом деле вообще не вывод, а *гипотеза*. Но кроме этого, существует и теоретическая или *аналитическая* генерализация. Она означает, что по результатам исследования можно сформулировать другие теоретические посылки; например, результаты исследования могут считать более поздним доказательством (подтверждением) или обогащающим дополнением к существующим (теоретическим) посылкам, которые не были центральными в исследовании. Проиллюстрируем эту возможность аналитической генерализации с помощью примера. В исследовании лингвистического поведения дипломатов мы установили — когда эта профессиональная группа делает официальные утверждения, она дает пояснения реже, чем контрольная группа (иностранные корреспонденты). Вначале мы объяснили это следующей посылкой — дипломаты, в силу своей профессии, принимают на себя меньше обязательств. Но последующий анализ показал, что эти первоначальные данные были противоречивы. Кроме того, выяснилось, что между двумя профессиональными группами не было никаких различий в частоте пояснений. Тем не менее, мы обнаружили, что при объяснении определенных политических событий иностранные корреспонденты чаще ссылались на личности и личностные характеристики. Проще говоря, вновь подтвердилась гипотеза из исследования социальной психологической атрибуции — «генеральная ошибка атрибуции», согласно которой, внешний наблюдатель склонен приписывать события внутренним (личностным) факторам.

[1] *Более полно об этом в статье Firestone, 1993.*

3.2.2. Теоретическое формирование выборки

Это название получила процедура в обоснованной теории[1], в которой после анализа собранных случаев принимают решение — как постепенно эти данные расширить[2]. Таким образом, теоретическое формирование выборки — это обдуманный отбор, который может гарантировать, что категории, темы или концепты (ключевые для исследуемого материала) можно достаточно хорошо представить (полностью или очень детально) и тем самым обеспечить их наиболее точный анализ. Для этого рекомендуется 2 типа процедур. Во-первых, можно собрать все случаи, соответствующие возникшим гипотезам; во-вторых, если это возможно, отобрать случаи, которые отклоняются от результатов, полученных до сих пор. В этом процессе четко выражен один из принципов обоснованной теории — уход от привычного разделения сбора данных и стадий анализа. Термин «теоретическое формирование выборки» позволяет предположить, что между этим способом отбора материала и традиционными способами формирования выборки существуют определенные взаимосвязи. Но это не так, поскольку в обоснованной теории отсутствуют попытки сделать утверждения о массиве, в ней нет требования, чтобы материал был типичной выборкой относительно некоторого массива, который определяют четко и заранее. Некоторые исследователи четко придерживаются этого подхода, чтобы обеспечить репрезентативность исследуемых концептов (например, теоретические термины, такие, как «преодоление боли», «неопределенность», «рабочие будни») и зафиксировать различные варианты этих концептов[3]. Начальная точка здесь — это формулировка проблемы исследования. Обычно исследование сориентировано на конкретную проблему (например — какие организационные меры принимают те, кто имеет дело с наркоманами?), а не на поиск возможных способов описания некоторого массива или желание проверить гипотезу. Относительно вопроса исследования исследователь принимает решение — где можно наблюдать феномен, в каких событиях, у каких личностей и в каких документах. Ключевой критерий в отборе — самая большая (из возможных) вариация в подходах. Принимать за основу этот критерий необходимо для того, чтобы исследовать вопрос, используя максимально противоположные или экстремальные случаи. Если это сужает область исследования, тогда начинают со сбора данных, которые затем — в ходе анализа — постепенно расширяют.

[1] *Glaser & Strauss, 1967; Strauss & Corbin, 1990.*
[2] *Более детально этот подход представлен в части 2.*
[3] *В качестве примера см. исследование Kearny et al., 1995 в табл. 3.1.*

3.2.3. «Строго» теоретические посылки

Один из возможных способов отобрать материал для исследования, не принимая во внимание принципы теории формирования выборки, — это обратиться к «строгим» теоретическим посылкам. Мы имеем в виду хорошо обоснованные суждения, которые управляют отбором материала без привлечения статистики или требований репрезентативности. В сущности, такой отбор встречается в двух формах. Первая — исследователи определяют — почему критерии отбора в принципе не нужны и вторая — привлекают вне-текстовые теоретические соображения, которыми и руководствуются при отборе.

Как пример для первой формы отбора мы можем привести подход Овермана «объективная герменевтика» (более подробно о нем в гл. 14). Последователи этого подхода стремятся обнаружить латентные структуры значений, используя записи интеракций. Этот метод используют для анализа структур, которые упрочились сами по себе «за спиной» акторов, и акторы не могут на них прямо повлиять. Теоретическая посылка состоит в том, что эти структуры повторяются вновь и вновь в каждой детали, которая есть в каждой единице интеракции. По этой причине нет необходимости рассуждать — какие тексты или их отрывки использовать для анализа. Отрывок выбирают наугад[1],

[1] *Единственное исключение — это исследование недавно возникшей системы интеракции — например, первый контакт. «Следовательно, мы знаем, что при*

единственное условие — выбранная «сцена» должна быть достаточно продолжительной, чтобы сформировать устойчивую гипотезу о системе, на которой должно быть построено исследование. На практике это означает, что, например, из транскрибированного интервью продолжительностью 90 мин. выбирают и анализируют приблизительно 8 строк.

Для примера второй формы отбора материала — т.е. его сокращения с помощью вне-текстовой посылки — мы можем упомянуть *разговорограмму*, которую разработали Тичер и Мейер в контексте исследования языка дипломатов. Здесь мы говорим о процедурах, ориентированных на социометрию[1]. С их помощью можно получить количественные показатели интеракций, представленных в дискурсивных текстах. Дополнительно, на первом этапе «измеряют» собранные и транскрибированные эпизоды (в нашем случае встречи) такими, какими они были, — т.е. задают количество слов и вкладов отдельных говорящих. На втором этапе записывают и кодируют ссылки на отсутствующих и присутствующих людей и содержательные ссылки на актуальный вклад в дискурс. Таким образом можно идентифицировать основных говорящих и их вклад во встречи. Наконец, на основе показателей, которые измеряют концентрацию активных и пассивных ссылок на говорящего, можно сделать «разговорограммы» определенной встречи. Они показывают социометрический статус (или «значимость» вкладов) отдельных говорящих на встрече.

Разговорограммы обеспечивают разумную основу для отбора данных, особенно, когда тексты должны репрезентировать особенности ситуации (социальной интеракции). Считают, что интеракция всегда реализуется в тексте, если есть ссылки на других акторов. Таким образом, например, можно концентрироваться на тех отрывках текс-

анализе интеракций в обычном смысле, без предыдущей истории, правильное начало — открытая последовательность в терминах Шеглоффа — должно формировать начало сцены интеракции, которую анализируют» (Oevermann et al., 1979, с. 434).

[1] *Moreno, 1953*

та, где найдены эти виды ссылок. Наоборот, можно сфокусировать внимание на вкладах, на которые часто делается ссылка. Вероятно, эти вклады проявились как особенно «связанные» с этими ссылками и поэтому могут сказать о структуре интеракционной системы больше, чем другие вклады. Следующая возможность отобрать тексты — это провести количественный анализ разговорограммы — для сравнительного исследования. Например, можно исследовать особенно *заметные* или *незаметные вклады*.

2 примера представляют альтернативные способы — как сократить громадное количество текстов до приемлемого для анализа. Это важно, если исследователь заинтересован в качественном анализе, который нельзя выполнить с помощью компьютерных программ. Например, с помощью разговорограммы мы смогли обоснованно сократить текст до 295 вкладов с общим числом слов 81036 до 6 вкладов и 8045 слов.

3.2.4. Кейс-исследование

Термин *кейс-исследование* (исследование случаев) больше относится к стратегии исследования, чем к методу. Эта стратегия предполагает исследование определенного феномена с использованием одного или более объектов исследования в их реальном контексте[1]. Кейс-исследование особенно уместно, если контекст необычайно богат или сложен. Контекст считают сложным, если исследование имеет больше переменных, чем единиц сбора данных. Исследователь, который проводит кейс-исследование, не ограничен определенным методом — в кейс-исследованиях редко довольствуются одним единственным методом сбора данных. Объяснить это можно тем, что при всестороннем анализе определенного кейса (в его контексте) почти всегда необходимо проводить многоуровневый анализ — а значит, использовать разные методы сбора данных.

[1] *Это нельзя принимать как должное, так как контекст никоим образом не включен в контекст всех исследований. Необходимо думать только об исследованиях на основе опросников или лабораторных экспериментах.*

Цель кейс-исследования — очень тщательно проанализировать феномен и каждую единицу исследования как объект сам по себе. Также стараются очень детально исследовать — как под микроскопом — взаимосвязи между переменными. Кейс-исследование можно проводить на предварительном этапе — чтобы лучше понять объект исследования. Кроме того, с его помощью можно проверить гипотезы или подкрепить количественные исследования.

В кейс-исследовании единицы исследования не заимствуют из заранее определенного массива. Критерий отбора кейсов (случаев) — это их определенная типология — т.е. их принадлежность к классу проблем, которые представляют интерес. В этом смысле такой тип исследования имеет совершенно другие цели, чем исследования, основанные на репрезентативности, и представляют собой альтернативу формированию выборок. Следует отметить, что по этому поводу возникает масса возражений относительно сравнимости, репрезентативности и генерализуемости результатов такого исследования[1].

В отличие от того, что предполагает термин «кейс-исследование», такие исследования обычно очень затратны, поскольку направлены на полное описание, точное понимание и исчерпывающее объяснение сложного случая. Таким образом, кейс-исследование можно понимать очень по-разному, и концентрация на одном случае вовсе не означает исследование одного единственного «объекта». В экстремальном случае их может быть даже 100. Когда в исследование включено большое количество отдельных случаев одного типа, каждое кейс-исследование имеет статус независимого.

[1] *Эта стратегия исследования имеет долгую традицию в психологии и социологии. Приведем 2 примера из современного социального исследования. Первый пример — это специфическая характеристика обоснованной теории, которая состоит в движении от единичного случая как дискретной единицы исследования. Следующий пример — это исследования в структуре «объективной герменевтики». Здесь исследуют схожие последовательности инетракций. На основе этого, Оверман разработал описание и анализ структуры взаимоотношений определенной семьи в ее «объективном» массиве, т.е. структуре, которая существует независимо от лейтмотивов и особенностей отдельных членов семьи. Применение кейс-исследования в специальной области исследования — организационном исследовании — представлено в статье Hartley, 1994.*

По мнению Йина[1], любое кейс-исследование должно быть построено с учетом 5-ти факторов:

- вопроса исследования;
- теоретических посылок;
- единиц(ы) анализа;
- логических взаимосвязей между посылками и данными и
- критериев для интерпретации результатов.

Особое значение придают третьему пункту (мы уже упоминали о нем несколько раз) — *единице анализа* или *случаю* в кейс-исследовании. Что считать единицей анализа — в сущности, зависит от точной формулировки вопроса исследования. Но при выборе единицы анализа следует добавить еще один, вторичный критерий — существующую литературу или другое исследование, которые исследователь может использовать для сравнения. Обычно различают *единичное* и *множественное* кейс-исследование. Дальше мы охарактеризуем эти формы исследования, при этом акцент сделаем на единичном кейс-исследовании, поскольку на его примере проще представить особенности стратегии.

Единичное кейс-исследование проводят, если исследователь

- хочет описать и/или проанализировать определенный экстремальный случай или случай, пока не поддающийся исследованию (описание); и/или
- намерен использовать этот случай для формирования гипотез (предварительное исследование);

и/или

- стремится проанализировать объяснительную силу конкурирующих теорий.

Вопросы *Как?* и *Почему?* — наиболее типичные начальные вопросы в кейс-исследовании. Это определенный «подход к» или способ постижения исследуемого объекта в массиве объектов с целью — понять, *как он «работает»*.

[1] *Yin, 1984, 29*

«Случай» могут составлять многие вещи — человек, группа, класс людей, семья, организация, общество, определенное событие или класс событий, которые представляют что-то определенное.

Единичное кейс-исследование поддерживает целостность исследуемого социального объекта[1]. Поэтому оно отличается от всех процедур, в которых единичный случай становится одним из пунктов данных и затем уже не появляется вновь как единица оценки. Так происходит потому, что кейс-исследование всегда связано с описанием и анализом уникальности сложного случая, для которого данный случай является типичным.

Единичное кейс-исследование подвержено большому риску. Оно обязательно требует от исследователей интенсивной вовлеченности в данный случай, поэтому исследователи могут легко поддаться иллюзии, что они знают все (или больше, чем нужно) об «их» объекте исследования. Этой ложной безопасности лучше всего противодействовать с помощью кропотливой методологии (см. гл. 1) и очень детального плана исследования.

На основе 4-х возможных функций кейс-исследования мы можем сформулировать и рекомендации к его применению[2]:

a) *Иллюстрация*: довольно часто в публикациях по социальным наукам исследователь находит общие утверждения (т.е. генерализации), которые проиллюстрированы материалом из единичного случая. Но такие случаи лишь иллюстрируют то, что утверждается, но не доказывают это.

[1] *Эта «целостность» — всегда интеллектуальная конструкция. В классическом исследовании Гуда и Хатта (Goode & Hatt, 1952) установлены 4 критерия, с помощью которых можно проанализировать случай в его целостности: (a) широта информации (посредством обширных данных и сбора материала); (b) абстрагирование (игнорирование единственного случая и анализ связей с внешней средой); (c) определение индексов и типов (к какому классу феноменов принадлежит случай и какова типичная версия реальности; (d) временные измерения (исследования единичного случая значимы, когда в них не только делают утверждения, зафиксированные во времени, но и когда в них записывают и анализируют временные изменения).*

[2] *Aleman & Ortlieb, 1975, с. 162*

b) *Разработка гипотезы*: это принципиальная функция, которую обычно приписывают единичным кейс-исследованиям. Эта процедура выполняет важную роль (как пилотное исследование) в предварительном исследовании или проведенные единичные кейс-исследования подвергают вторичному анализу для построения собственной гипотезы исследования.

c) *Проверка гипотез*: если исследователь придерживается точки зрения, что даже одного девиантного случая достаточно, чтобы опровергнуть регулярность социального закона, то посылку можно проверить с помощью «девиантного кейс-анализа». Следует взять проверенную гипотезу, найти случай, к которому ее можно применить, и изучить его в деталях. Если не подтверждается, что посылка истинна, — ее отвергают, но если результаты единичного случая соответствуют гипотезе, ее продолжают считать валидной. Чтобы проверить гипотезу, лежащую в основе исследования, в контексте единичного кейс-исследования необходима случайная выборка. В кейс-исследовании выборку формируют не из определенного количества объектов, а из различных эпизодов внутри единичного случая (которые необходимо отделить друг от друга во времени). Если случай — это один единственный человек (как в биографических исследованиях), необходимо изучать выборки его различного поведения — например, реакцию на различные профессиональные ситуации. Если случай — это организации, то исследуемая выборка может состоять из различных конкурирующих ситуаций и реакции организации на них. Конечно, точное определение выборки зависит от вопроса, который лежит в основе кейс-исследования. Но всегда необходимо определять «базовую линию», описывать норму и уметь отличить эти случаи от ситуаций, где влияние независимой переменной

можно и необходимо исследовать. В специальной методологической литературе приведено определенное количество способов — как организовать эксперимент — которые разработаны специально для этой цели. А примеры организации экспериментов подкреплены исследованиями, где из исследуемого массива извлекают специальный случай (возможно, с помощью опросника) и очень детально его исследуют для проверки выводов, сделанных на основе статистического анализа.

d) *Прогноз*: довольно глупо делать прогноз на основе единичного случая. Но его делают — например, на всех собеседованиях при приеме на работу и тестировании. На основе прошлой истории человека делают выводы о его паттернах поведения, которые от него можно ожидать в определенных ситуациях.

Множественное кейс-исследование — это такая форма исследования, при которой анализируют несколько случаев. Исследование каждого случая сам по себе — это завершенное исследование. Множественные кейс-исследования проектируют не для того, чтобы путем увеличения количества случаев получить репрезентативные результаты. Исследователи заинтересованы скорее в теоретических, чем в статистических генерализациях.

Что касается количества случаев, участвующих в исследовании, в общем, можно сказать следующее — если исследование включает 2 случая, оно становится сравнением. Если исследование включает много случаев — оно направлено на разработку системы классификации или повторение результатов. В повторных исследованиях на основе одного случая можно сделать прогноз относительно следующего случая/ев — предположить возможные результаты. Из этого короткого описания уже ясно, что кейс-исследование этого типа требует хорошо разработанную теоретическую структуру.

В этой книге мы довольно полно описали стратегию кейс-исследования, потому что, по нашему мнению, она составляет альтернативу методам отбора данных, строго ориентированным на формирование выборки[1]. Какой бы ни был случай, из нашего изложения ясно, кейс-исследования — это совсем не то, что можно предпринимать абсолютно беззаботно. Исследователь далеко не свободен от всех точных методологических процедур: «Типичное анти-теоретическое утверждение «давайте соберем информацию обо всем» — не работает, и исследователь без теории описания очень скоро столкнется с бесконечными проблемами в ограничении области исследования»[2]. Эта не относиться к последнему виду процедуры, которую мы рассмотрим дальше.

3.2.5. «Поход на рыбалку»

Выражение *поход на рыбалку* в нашем контексте означает процедуру, в которой исследователи пытаются получить данные в той или иной степени *наугад* или, по крайней мере, без точного плана. Полученные данные они оценивают, не задаваясь вопросом (или не имея возможности ответить) — *Насколько типичны случаи? Относительно чего они типичны?* или *Какой спектр различий они обнаруживают?* Мы выбрали термин «поход на рыбалку», потому что форма сбора данных очень напоминает забрасывание сети — если кто-то знает рыбные места, он точно что-то поймает, а улов можно «проанализировать». К выборке типа «поход на рыбалку» можно отнести и такие подходы, как *само-отобранная выборка* и *удобная или бессистемная выборка*[3].

Эта процедура имеет, по крайней мере, 2 недостатка. Так, в социальных науках не всегда легко или даже возможно однозначно разграничить «старый ботинок и съедобную рыбу». В этой связи уместно утверждение

[1] *По этой причине мы должны снова сослаться на дополнительную литературу: статья Tellis (1997a, 1997b) дает хороший краткий обзор. В книге Hakim (1992) приведено сравнительное описание кейс-исследования и других стратегий исследования.*
[2] *Yin, 1993, с. 21*
[3] *Maisel & Persell, 1996, с. 4*

Сильвермана[1]: «В социальной жизни, в отличие от иностранных фильмов, отсутствуют субтитры». Второй недостаток — в любом случае остается непонятно, какие данные представлены.

Пример такой процедуры можно найти в подходе Брауна и Крепса[2], где «исследователи собирают организационные истории и с помощью нарративного анализа исследуют их». Они рекомендуют «собирать только релевантные организационные истории от людей, представляющих различные области и уровни организации, а также от участников релевантной внешней организационной среды». К чему это приводит? «Эти истории дают возможность исследователю идентифицировать и изучить различные проблемы, с которыми сталкивается организация». Несомненно, такая процедура может дать интересные результаты. Только возникает вопрос — действительно ли эти результаты интересны исследователю или участникам организации, и «интерес» — это то же, что и «релевантность исследованию». Трудности начинаются с того, что критериев для идентификации «релевантных» историй не существует, и заканчиваются тем, что остается непонятно — к каким проблемам организации здесь обращаются. Если исследователь хочет действовать точно, он должен сделать выборку из организационных историй и проанализировать их. А представленная процедура — это совершенно несистематичный отбор людей в организации (как носителей историй) и «релевантной» внешней среды.

Вернер и Бернард[3] начинают свое исследование с утверждения: «Для многих культурных антропологов термин «этнографическая выборка» — это просто шутка». В конце они дают 4 рекомендации — о чем думать при таком формировании выборки. К этому они приходят в ходе анализа сбора таких данных, как истории, который лежит в основе работы Клакхона[4]. Это исследование имеет заголовок «Поход на рыбалку» именно потому, что авторы

[1] *Silverman, 1993, c. 82*
[2] *Brown & Kreps, 1993, c. 53*
[3] *Werner & Bernard, 1994*
[4] *Kluckhohn, 1944*

приходят к следующему утверждению о выборе участников интервью в исследовании Клакхона: «Он интервьюировал тех, кого мог». Таким образом, по мнению Вернера и Бернарда, исследование Клакхона — хотя оно может быть вполне информативным — не допускает никакой статистически обоснованной генерализации. Более того, остается непонятно, что считать типичным для исследуемой системы («Колдовство Навахо»).

Другие примеры такого «дикого сбора информации» можно найти в исследованиях, где в той или иной степени случайно извлекают, выбирают и анализируют из огромного корпуса текстов, независимо от того, почему был выбран именно этот корпус. Один из таких примеров мы находим у Кепплера[1] в конверсационном анализе семейных разговоров за столом. Отчет о базе данных начинается с утверждения, что «это исследование основано на обширном корпусе *магнитофонных записей*. Детальнее, мы имеем дело с магнитофонными записями — общей продолжительностью более 100 часов [...] — *разговоров за столом* в семьях и группах, проживающих вместе». Об отборе семей ничего не известно — детали об этом корпусе текстов отсутствуют (он получен из другого проекта исследования). «В этом проекте материал частично транскрибировали для дальнейшего анализа индивидуальных коммуникативных жанров». Представление базы данных заканчивается утверждением: «Мы не можем все это объяснить исчерпывающе. Более того, нет необходимости делать это. Поскольку [...] можно использовать значимые примеры для получения информативной интерпретации, которую можно подтвердить, дифференцировать и расширить с помощью дальнейших примеров». Проблема всегда одна и та же: если упоминают «значимые» примеры или «типичные» истории, то всегда непонятно как исследователь при таком способе их использования определяет «типичность», относительно которой в конечном итоге он что-то утверждает. Исследования такого сорта исключительно индуктивны и поэтому приводят к чересчур смелым генерализациям. И поскольку цель иссле

[1] *Keppler, 1994*

дования — это генерализация, такие исследования не могут ограничиваться интерпретацией обнаруженных примеров и должны формулировать «определенные гипотетические следствия относительно целостности современных семей».

В каких обстоятельствах уместен и выгоден «поход на рыбалку»? Первое условие — исследователь должен осознавать, что он «забрасывает сеть», которая может иметь узкие или широкие ячейки. Это значит, что сеть — если соотнести этот образ с утверждением Хемпеля[1] — состоит из узлов и связующих линий, которые могут быть сформированы концептами и посылками. Итак, исследователь должен определить — можно ли с помощью этих концептов поймать рыбу. Ярлык «релевантный»[2] — слишком уж неопределенный и предоставляет слишком широкую сеть. Второе условие для адаптации этой процедуры — исследователь должен осознать ограниченную ценность результатов, полученных с помощью такого способа сбора данных. Из этого следует, что эта форма сбора данных может быть вполне обоснована, и, возможно, это единственный способ сузить поле для предварительного исследования. Такое исследование может привести к посылкам, которые требуют дальнейшей проверки, или прямо к дальнейшему исследованию. Тогда исследователь действует так, чтобы сначала собрать и оценить материал, имея при этом очень мало предварительных посылок. Сбор материала можно считать завершенным, если больше уже ничего нельзя обнаружить, если информация по интересующему вопросу иссякает и если начинают появляться паттерны (или повторения) и различия (или отличающиеся виды). Таким образом, исследователь накапливает данные и интерпретации, которые помогут ему в более детальном исследовании. Вернер и Бернард показывают, насколько важно *точно* планировать сбор данных и документировать их в виде таблицы. Только таким способом исследователь может обеспечить себе краткий обзор материала и передать его другим исследователям, сохранить понимание границ исследования и удержать, по крайней мере, частичный контроль над любым субъективным отклонением.

[1] *Hempel. 1952*
[2] *См. Brown & Kreps, 1993*

Процедура имеет одно большое преимущество — исследователь свободен от разработки сложного плана исследования. Конечно, это преимущество обычно очень быстро увлекает исследователя, но в ходе анализа оно так же быстро превращается в недостаток — исследователь не знает, как оценить тексты. Когда исследователь имеет не точные первоначальные вопросы и не систематически собранный материал, на вопрос — какие оценочные процедуры или методы подходят — едва ли можно дать удовлетворительный или — с точки зрения исследователя — полезный ответ. Окончательная оценка, пригодная для этого вида исследования, — это метафора, которую часто используют для характеристики статистических исследований — *джунгли данных, пустыня концептов.*

ОНИ ДУМАЮТ, ЧТО ОНИ РЕШИЛИ ПРОБЛЕМУ ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ ПРОСТО ПОТОМУ, ЧТО ВСЕ МОЖНО ПРЕВРАТИТЬ В МИСКУ СУПА ИЗ АЛФАВИТА.

ГЛАВА 4

КАРТА МЕТОДОВ И ТЕОРИЙ

Методы находятся в фактических отношениях с теориями и в социальных отношениях с научными сетями. Они зависят от теоретических оснований – т.е. от объяснительного паттерна научной области, и обычно разрабатываются в границах отдельной дисциплины. На рисунке 4.1. мы представили общий обзор 12 методов анализа текста, которые мы отобрали, и отношения между методами и теориями.

Рисунок 4.1 следует читать так:

- Методы текстового анализа, обсуждаемые в этой книге, показаны в затемненных прямоугольниках.
- Различные геометрические формы символизируют типы теорий разной степени абстракции:
  - a) философские и эпистемологические подходы (например, феноменология, герменевтика, общая семиотика);
  - b) социальные теории (например, теория Фуко, культурная антропология, критическая теория, теория поля);
  - c) лингвистические теории (например, функциональная системная лингвистика, теория речевых актов, Пражская школа, структурная лингвистика) и
  - d) концепты коммуникации (например, Лумана, Бюлера, Шеннона и Вивера).

  Распределение отдельных подходов по этим типам теорий проблематично и в некоторых источниках может быть разным.
- Связующие стрелки между теориями и методами показывают, что определенная теория имеет особое

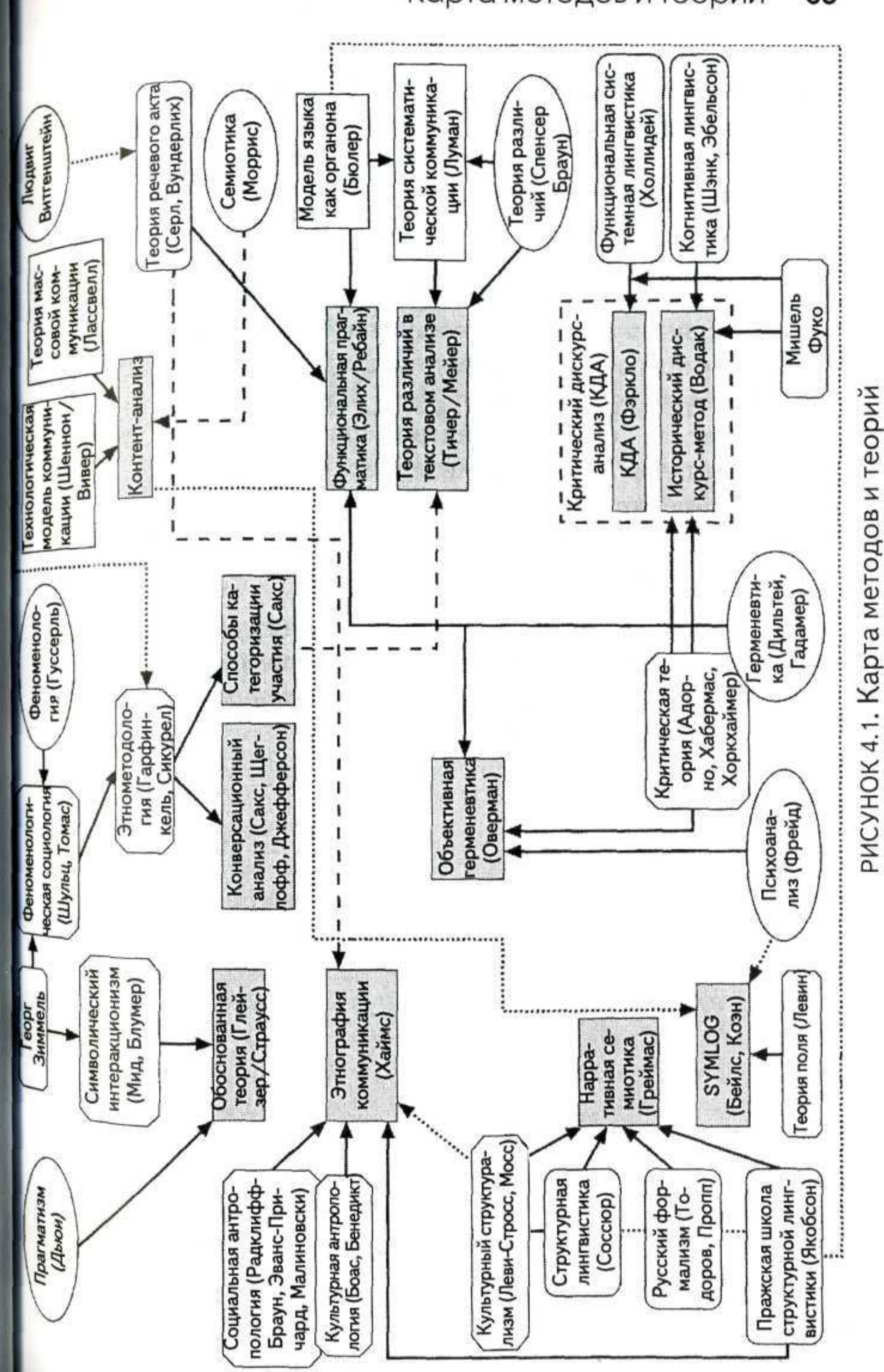

РИСУНОК 4.1. Карта методов и теорий

отношение к развитию метода, ее часто цитируют в литературе по этому методу. Толщина стрелок или линий указывает на силу связей между теорией и методом. Непрерывные линии показывают адаптацию теоретических концептов и отсутствие дистанцирования от отдельных частей теории. Линии «пунктир-точка» показывают слабые связи или некоторое дистанцирование от частей теории. К примеру: линия между теорией речевого акта и этнографией коммуникации Хаймса состоит из пунктиров, потому что Хаймс действительно берет за основу понятие «речевой акт»[1], но, в конечном итоге, анализирует «речевые события» и заменяет категорию «намерения говорящего» на «этнографический контекст» — т.е. паттерном культуры.

К этому краткому обзору связей между теориями и методами текстового анализа в дальнейшем мы не будем возвращаться — мы более полно представим некоторые методы и их теоретические обоснования.

[1] *Например, Hymes, 1962, с. 24*

ЧАСТЬ 2

МЕТОДЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА

ГЛАВА 5

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ

Контент-анализ — это наиболее устоявшийся метод текстового анализа среди эмпирических методов социального исследования[1]. Но в настоящее время использование этого метода на основе его однородного понимания затруднено ввиду богатства и разнообразия литературы по «контент-анализу». Первоначально термин употребляли к методам, которые применяли к таким компонентам содержания текста, которые можно было легко и непосредственно измерить. Как правило, это была абсолютная или относительная частота слов в тексте или единицы поверхности текста. Позже концепт расширился и включил все процедуры, которые оперируют категориями (синтаксической, семантической или прагматической), и, как минимум, направлены на определение количества этих категорий путем наблюдения частоты классификаций (отнесения к данной категории).

Введение «качественного контент-анализа»[2] затруднило его отмежевание от других методов анализа текста — особенно от тех, которые были сориентированы на этнографические методы или обоснованную теорию. Стало понятно, «что перечень процедур в контент-анализе громаден, как в терминах аналитических целей, так и в терминах средств или процессов, разработанных для их достижения»[3]. Если принять эту интерпретацию, то в качестве вариантов контент-анализа можно описать все методы текстового анализа, которые, так или иначе, имеют в подходе категории, поскольку это уже вопрос не только коммуникативного содержания текстов, а и их (лингвистической) формы. Таким образом, в контент-

[1] *Holsti, 1968; Silbermann. 1974; Herkner, 1974*
[2] *Mayring, 1988*
[3] *Merten, 1983, с. 46*

анализе возникает вопрос скорее о стратегии исследования, чем об отдельном методе анализа текста. Дальше мы представим основы классического, количественного контент-анализа, дадим типологию процедур контент-анализа в широком смысле и «качественные варианты» как их дальнейшее развитие.

5.1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА

По сути, на развитие контент-анализа повлияло развитие масс-медиа и международной политики. Если не считать ранней работы по психоанализу (интерпретацию снов Фрейда), то значимость контент-анализа выросла — особенно в связи с резким распространением СМИ — в первой половине XX века. Берельсон[1] в своей ключевой работе «Контент-анализ в исследовании коммуникации» обосновывает, что в Соединенных Штатах с 1921 по 1930 гг. было проведено только 10 или 15 исследований методов контент-анализа. Первая заметная активность в этом направлении — вызванная стремительным развитием прессы, кино и радио — проявилась во второй половине 1930-х гг.[2]

Теоретической основой первого движения по направлению к анализу содержания была модель массовой коммуникации Гарольда Д. Лассвелла[3]. Формула Лассвелла *кто, что, кому говорит и с каким эффектом* определила курс исследований в современных средствах массовой коммуникации. Как следствие, основной интерес представлял коммуникатор, получатель и коммуникативный эффект; между ними предполагали четкие причинные взаимосвязи. Чтобы исследовать эти взаимосвязи, необходимо было подсчитать коммуникативное содержание как можно точнее. Лассвелл преуспел в упрочении метода, подчеркивая политическую ценность контент-анализа[4].

[1] *Berelson, 1952*
[2] *Silbermann, 1974, с. 254*
[3] *Lasswell, 1946, с. 37*
[4] *Работы по военной пропаганде см. у Smith et al., 1946.*

По сути, развитие контент-анализа было отмечено тремя конференциями[1]. Первая — по исследованию междисциплинарных средств массовой коммуникации — состоялась в Чикаго в августе 1941 г.; среди других в ней принимали участие Гарольд Д. Лассвелл, Бернард Берельсон и Пол Лазарсфельд. Во время этой конференции создали новый термин для нового метода — контент-анализ. Кроме этого, Лассвелл в своей программной речи изложил подход и цели контент-анализа — анализ знаков и утверждений с целью — проверить их влияние на аудиторию; результаты анализа — это частота определенных символов, их интенсивность и оценка отправителя. Вторая конференция была организована в 1955 г. Чарли Е. Осгудом в Аллертон Хаус (Монтичелло, штат Иллинойс). В ходе этой конференции были представлены количественные и качественные подходы. Новые теории — например, «информационная теория» Шеннона и Вивера[2] — и тонкие аналитические техники (анализ взаимообусловленности и анализ оценочных утверждений Осгуда[3]) вместе с «анализом процесса интеракции» Бейлса[4] привели к ситуации, когда контент-анализ стали рассматривали как «анализ коммуникации», и его направленность на печатные тексты постепенно уменьшилась. В 1967 г. состоялась третья конференция по контент-анализу. Она прошла в Анненбергской школе в Филадельфии; основной темой для обсуждения здесь стала область действия метода. С теоретических позиций прежний анализ подвергли критике, основываясь на том, что результаты контент-анализа останутся неоднозначными до тех пор, пока исследователь не прояснит процедуру отбора, которая продиктована контекстом содержания и целями анализа[5].

Согласно Мертену[6], дальнейшее обсуждение контент-анализа происходило в 4 направлениях:

[1] *Merten, 1983, c. 41*
[2] *Shannon & Weaver, 1949*
[3] *Osgood et al., 1954; Osgood, 1959*
[4] *Bales, 1950*
[5] *Krippendorff, 1969, c. 70*
[6] *Merten, 1983, c. 45*

- обсуждали структуру и избирательность коммуникативного процесса;
- разрабатывали воспринимаемые индикаторы и мультивариативные техники анализа;
- оптимизировали систему записей через включение в нее области невербального поведения и
- совершенствовали анализ данных через разработку пакетов, предназначенных для электронного анализа текста.

«Запоздалые споры с лингвистикой, чей опыт в классификации текстов и текстовом анализе до настоящего времени совершенно игнорировали в контент-анализе, — очень медленно начинают возрождаться».

5.2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ

Когда исследования методом контент-анализа только начинались, несомненно, существовала простая бихевиористски-ориентированная модель коммуникации «стимул — реакция», которая устанавливала ассиметричные взаимоотношения между отправителем, стимулом и получателем. Содержание рассматривали как результат процесса коммуникации, структурированного в соответствии с классической формулой Лассвелла «кто, что говорит, по какому каналу и с каким эффектом». «Здесь мы совершенно неслучайно сталкиваемся с моделью массовой коммуникации, в которой коммуникацию рассматривают как «транспортировку контейнера», известного как «содержание». Коммуникатор «транспортирует» его через некоего посредника к получателю».

Работы Морриса[1] по семиотике позволили понять, что коммуникация происходит не на основе стимулов, а на основе значений, которые им приписывают и которые могут быть не доступны через конкретную форму стимула. С другой стороны, на контент-анализ больше повлияла мо-

[1] *Morris, 1938, 1946*

дель передачи информации Шеннона и Вивера, несмотря на то, что она явно была направлена только на синтаксический уровень. *Информационный источник* (*отправитель*) передает через *передатчик* некоторую *информацию* как *сигнал*, который идет к некоему *получателю* и таким образом достигает своего места назначения. Во время передачи есть ряд источников интерференции. Шрамм[1] адаптировал эту модель передачи информации к общей модели коммуникации и (неправильно) истолковал синтаксическое декодирование как семантическое декодирование содержания[2]. «Это упрощение атрибуции значения и всего процесса коммуникации было принято для целей контент-анализа и, возможно, внесло значительно вклад в образ контент-анализа как объективируемого механизма анализа знаков»[3].

5.3. ЦЕЛИ МЕТОДА

Цели метода контент-анализа можно понять, обратившись к следующему списку цитат, которые мы расположили в хронологическом порядке:

> *В контент-анализе мы рассматриваем утверждения и знаки как сырой материал, который затем суммируем, чтобы выявить (1) как содержание влияет на аудиторию или (2) как контроль влияет на содержание*[4].

> *Контент-анализ — это техника исследования для объективного, систематического и количественного описания очевидного содержания коммуникации*[5].

> *Контент-анализ — это любая техника исследования для формирования выводов путем систематической*

[1] Schramm, 1954
[2] Merten, 1983, с. 74
[3] Merten, 1983, с. 74; Herkner, 1974, с. 167; Lisch & Kriz, 1978, с. 32
[4] Lasswell, 1941, 1946
[5] Berelson, 1952, с. 18

> *и объективной идентификации специфических характеристик сообщений*[1].

> *Классификация символического материала научно подготовленными наблюдателями, которым необходимо оценить с помощью эксплицированной классификации и процедурных правил — какие части текстового материала входят в категории исследовательской схемы и являются правильными характеристиками контент-анализа*[2].

5.4. ОПИСАНИЕ МЕТОДА

5.4.1. Процедуры, инструменты и правила классического контент-анализа

5.4.1.1. Формирование выборки

Только в очень малом количестве случаев можно исследовать весь материал по определенной проблеме. Как альтернативу идеальной тотальной обработке можно использовать выборки, сформированные по вероятностному принципу и — при определенных обстоятельствах — частичные выборки[3]. Холсти[4] рекомендует многоэтапный процесс отбора:

a) отбор отправителя,
b) отбор документов и
c) отбор подмножества документов.

5.4.1.2. Единицы анализа

Единицы анализа — наименьшие компоненты текстов, в которых выясняют то, как часто встречаются (*встреча-*

[1] Holsti, 1968, с. 601
[2] Ritsert, 1972, с. 17
[3] Merten, 1983, с. 280
[4] Holsti, 1968, с. 647

емость) и чем характеризуются переменные (свойства категории). Поскольку тексты не содержат «естественных единиц», их необходимо определить на синтаксическом или семантическом уровнях для каждого конкретного исследования[1]. Например, синтаксическими единицами могут быть знак (слово), предложение, целый текст, место или время; семантические единицы — например, личность, утверждение и единица значения.

Холсти различает *зафиксированные единицы* и *единицы контекста*. Зафиксированная единица — это самая маленькая текстовая единица, в которой определяют *встречаемость* переменных. Единица контекста предназначена для того, чтобы установить характеристики переменных, такие, как их позитивная или негативная оценка.

5.4.1.3. Категории и кодирование

Суть и основной инструмент любого контент-анализа — это его система категорий. Каждая единица анализа должна быть закодирована — т.е. закреплена за одной или более категориями. Категории понимают как более или менее операционализированные определения переменных. Любое определение категории должно быть эксплицированным, полным и адекватным. В процессе кодирования рекомендуется иллюстрировать каждую категорию текстовыми примерами, которые впоследствии принимают как данность и которые помогают определять следующие текстовые единицы. В этом процессе могут быть полезны программы, которые соотносят единицы анализа с кодами (так называемые программы «кодирования и декодирования»)[2].

Прежде, чем предпринять кодирование, необходимо установить систему категорий — в отличие от этнографически ориентированного анализа или анализа, ориентированного на обоснованную теорию. Но если в процессе кодирования становится ясно, что модифицированная система более предпочтительна — поскольку некоторые категории пропущены или двусмысленны, или просто никогда

[1] *Herkner, 1974, с. 174*
[2] *Weizman & Miles, 1995, с. 148*

не используются — то текстовый материал необходимо полностью пере-кодировать, используя новые категории.

В большинстве случаев категории задуманы как *номинальные шкалы* — единица анализа либо принадлежит, либо не принадлежит этой категории. Но в принципе, возможен и более высокий уровень шкал. Категории переменной должны отвечать обычным требованиям — они должны быть взаимоисключающими и полными[1].

Следовательно, система категорий направлена на операционализацию переменных определенного вопроса исследования и, таким образом, сфокусирована на вопросе исследования или построенной на нем гипотезе. Таким образом, возможно установить индуктивные схемы категорий — используя некоторые предварительные интерпретации текста (например, этнографические или ориентированные на обоснованную теорию; см. гл. 6 и 7) — но также дедуктивные схемы, полученные на основе уже существующих теорий. Нередко эти схемы категорий стремятся объединить и создать одну, интегрированную систему. Но методы, которые используют такие стандартизированные инструменты, не подходят ко всем вопросам исследования. Хорошо разработанные системы категорий подходят для отдельных областей, например, для:

- анализа интеракций — например, анализ процесса интеракций Бейлса и метод SYMLOG (*S*ystem for *M*ultiple *L*evel *O*bservation of *G*roups — Система для Много-Уровневого Наблюдения Групп) Бейлса и Коэна[2];
- анализа установок и оценочных утверждений Осгуда и
- анализа мотивации достижения — например, метод МакКлелланда[3].

Холсти, вслед за Берельсоном составил перечень типов категорий, которые можно использовать как основу для проектирования системы категорий:

[1] *Herkner, 1974, с. 175*
[2] *Bales & Cohen, 1979*
[3] *McClelland, 1953*

- Предмет, тема — *о чем?*
- Направление — *как разворачивается тема?*
- Нормы — *что является основой для классификации и оценки?*
- Ценности — *какие установки, цели и желания выражаются?*
- Средства — *какие средства используются для достижения цели?*
- Особенности — *какие особенности используются при описании людей?*
- Акторы — *кто инициирует определенные действия, и кто их выполняет?*
- Авторство — *от чьего имени сделаны утверждения?*
- Источник — *откуда исходит коммуникация?*
- Цель — *к кому она направлена?*
- Место — *где происходят действия?*
- Конфликт — *какая причина любого конфликта? Кто участники? Насколько сильный конфликт?*
- Результат — *конец конфликта счастливый, трагический или неопределенный?*
- Время — *когда происходит действие?*
- Форма или вид коммуникации — *какой канал коммуникации используется?*
- Форма утверждения — *какие грамматические и синтаксические формы можно обнаружить?*
- Методы — *какие риторические приемы или методы пропаганды применяются?*

Этот список имеет много общего со списками этнографического вопросника и показывает, что даже классический контент-анализ не ограничивается лишь эксплицированным содержанием текста. В отличие от этнографических процедур (см. гл. 7) контент-анализ не позволяет ответить на эти вопросы, обращаясь напрямую к тексту, зато есть возможность создать основу для разработки инструмента — т.е. схемы категорий.

5.4.1.4. Кодирование и достоверность

Когда схема категорий точно определена, начинают процесс кодирования. Здесь идентифицируют единицы анализа и привязывают их к категориям. Чтобы кодировщик в процессе кодирования использовал одинаковые критерии при отнесении единиц анализа к определенным категориям и не изменял определения категорий (*интра-достоверность кодировщиков*), необходимо проводить регулярные операциональные обсуждения[1]. Чтобы обеспечить приемлемый уровень *интра- и интер-достоверности кодировщиков* (согласованности между различными кодировщиками), необходимы эксплицированные определения категорий, основанные на многочисленных примерах, и тренировочные сессии по кодированию с использованием материала, который прямо связан с анализируемыми текстами. Интер-достоверность кодировщиков можно оценить при помощи различных измерений, которые показывают относительную пропорцию единиц анализа, отнесенных в одну и ту же категорию двумя различными кодировщиками[2].

5.4.1.5. Анализ и оценка

Частоты и индексы. Самый простой способ оценки — подсчитать частоту встречаемости категории (здесь предполагается определенная взаимосвязь между частотой содержания и значением). Безусловное принятие этой посылки было одной из принципиальных причин разногласий между Берельсоном и Кракауэром[3], который придерживался «качественного» подхода. Также традиционно используют индексы, которые соотносят 2 отдельных измерения[4]. Чисто синтаксические индексы можно проиллюстрировать *соотношением типов знаков* (соотношением суммы различных слов к общему количеству слов) и *долей действия* (отношением количества глаголов к количеству прилагательных). Примером семантического ин-

---
[1] *Herkner, 1974, с. 176*
[2] *Herkner, 1974, с. 177; Lisch & Kriz, 1978, с. 88; Merten, 1983, с. 302*
[3] *Kracauer, 1952*
[4] *Herkner, 1974, с. 179*

декса может служить *доля выраженности дискомфорта* (общее число слов, указывающих на неприятное условие из общего числа слов, указывающих либо на приятное, либо на неприятное условие).

Обусловленности. В анализе обусловленности исследуют не только частоту, но и взаимозависимость переменных. Это вопрос того, будет ли вероятность определенного типа феномена (например, двух тем) больше, чем случайно высокой или низкой.

Более сложные процедуры. Здесь грамматический и семантический аспекты проверяют на предмет эксплицированных правил. В качестве примера можно привести анализ оценочных суждений[1], в котором установки отправителя исследуют по отношению к определенным людям или фактам. Этот метод включает стандартизированную скалярную схему категорий и точных правил для кодирования и оценки[2].

Также доступен *многофакторный анализ*, основанный на результатах контент-анализа, который зависит от скалярного уровня переменных. В оценке нужно учитывать проблемы вывода, сделанного на основе отобранного материала по отношению ко всему материалу, а также на основе отобранного материала по отношению к отправителю, получателю или коммуникативной ситуации).

5.4.1.6. Типология процедур контент-анализа

Мертен, используя такие критерии, как *аналитические цели* и *инструменты анализа*, постарался разработать типологию процедур контент-анализа, где коммуникаторы, реципиенты и ситуационная ориентация принадлежат к аналитическим целям, а семиотические уровни (беспорядочно) принадлежат к методам анализа.

- На синтаксическом уровне анализируют такие единицы, как буквы, слоги, слова или предложения и их структуры, поскольку они чисто формальны.

[1] *Osgood et al., 1954*
[2] *Детально у Merten, 1983, с. 192; Herkner, 1974, с. 181*

- На семантико-синтаксическом уровне исследуют — как синтаксические структуры влияют на формирование значения.
- На семантическом уровне анализируют значения слов, предложений и т.п.
- На прагматико-синтаксическом уровне определяют взаимосвязь между синтаксисом и эффектом текста.
- Семантико-прагматический анализ соотносит этот эффект с определенными словами или предложениями, несущими значение.
- И, наконец, чисто прагматический анализ направлен на поиск чисто прагматических структур, которые управляют восприятием текста (например, риторические структуры).

Геркнер[1], вслед за Холсти, классифицирует процедуры контент-анализа по следующим характеристикам: цель исследования, семиотический уровень, тип сравнения и вопрос исследования (используя формулу Лассвелла). Если попробовать скомбинировать эти 2 таксономии, процедуры контент-анализа, найденные в релевантной литературе, можно классифицировать по семиотическим уровням и вопросу исследования так, как мы сделали это на рис. 5.1.

5.4.2. Качественный контент-анализ

В 1950-х гг. возникла дискуссия о стратегии исследования в контент-анализе. Берельсон был первым, кто объединил методы и цели количественного контент-анализа, разработанные к тому моменту и сосредоточенные на оценке на основе частотного анализа. Кракауэр отреагировал на это количественное направление критически, потому что в нем отрицали особое качество текстов — их содержательное значение. Кракауэр понимал, что особое внимание необходимо обратить на реконструкцию контекстов. «Паттерны» или «целое» в тексте можно проде-

[1] *Herkner, 1974, с. 165*

монстрировать без подсчета и измерения его очевидного содержания, показывая различные возможности интерпретации «множественных коннотаций». Категории для Кракауэра тоже имели центральное значение: «То, что отдельно считается в количественном анализе — это отбор и рациональная организация таких категорий, как «конденсированные» субстантивные значения данного текста, с позиции проверки уместных посылок и гипотез». Однако он предпочитал конструировать эти категории относительно латентного содержания и реконструкции контекста, и учитывать значение отдельных примеров/случаев. Тем не менее, предложения Кракауэра — это скорее смещение акцентов, чем независимый метод[1].

Популярность получил более поздний качественный контент-анализ Мэйринга[2], хотя его независимость по отношению к классической модели, подвергали сомнению. Мэйринг разработал последовательную модель и предложил 3 аналитические процедуры, которые можно выполнять либо по отдельности, либо комбинируя — в зависимости от проблемы исследования:

1. *Краткое содержание* позволяет сократить материал так, чтобы сохранить необходимое содержание, и путем абстракции создать управляемый корпус, который отражает первоначальный материал. Для этого текст
   a) перефразируют,
   b) обобщают или создают его краткое содержание и
   c) сокращают.
2. *Экспликация* включает объяснения, разъяснения и аннотацию материала.
   a) на первом этапе дают лексико-грамматическое определение; затем
   b) определяют материал для экспликации; после этого следует

[1] *О противоречии между количественным и качественным контент-анализом см. у Ritsert, 1972.*
[2] *Mayring, 1988, 1991; см. также Lamnek 1989, с. 202*

Семиотический уровни	Объект	Примеры процедуры	Вопрос исследования						
			Кто?	Что?	Как?	Кому?	Почему?	В какой ситуации?	Какой эффект?
Синтаксический	Синтаксические характеристики сообщения	Анализ автора (анализ стиля)	о		о				
		Анализ структуры личности	о		о		о		
Семантико-синтаксический	Синтаксис и создание значения	Анализ класса слов	о		о				
		Анализ синтаксической сложности	о		о			о	
Семантический	Значение слов, предложений	Анализ тем	о	о				о	
		Анализ обусловленности (контингентности)	о	о					
		Анализ поля значений	о	о			о		
Прагматико-синтаксический	Синтаксис и эффект сообщения	Частотный анализ читабельности	о		о	о			о
		Структурный анализ читабельности	о		о	о			о
		Анализ влияния	о		о	о			о
Семантико-прагматический	Значение и эффект сообщения	Анализ ценностей	о	о			о		
		Анализ установок	о	о			о		
		Анализ мотивов	о	о			о		
		Анализ структуры личности	о	о			о		
		Анализ понятности	о	о		о			о
		Анализ объективности	о	о			о		
		Семантический дифференциал	о	о		о			о
		Символический анализ	о	о			о	о	
		Анализ реальности	о	о				о	о
		Анализ процесса взаимодействия	о	о		о	о	о	о
		Атрибутивный анализ	о	о	о		о	о	
Прагматический	Эффект сообщения	Анализ откликов		о	о	о			о
		Анализ интервью	о	о		о	о	о	о

РИСУНОК 5.1. Типология процедур контент-анализа

c) узкий анализ контекста и
d) широкий анализ контекста.

Узкий анализ контекста включает текст (котекст) и его соответствие значению контекста, используемого в конверсационном анализе (см. гл. 8). Широкий анализ включает дополнительную информацию об отправителях и ситуации[1].

e) наконец, определенную порцию текста подвергают эксплицирующему перефразированию; после чего
f) экспликацию рассматривают относительно общего контекста.

3. *Структурирование* в той или иной степени соответствует процедурам, которые используют в классическом контент-анализе. Мэйринг рассматривал его как наиболее важную технику контент-анализа, цель которого — «отфильтровать определенную структуру от материала». Здесь текст может быть структурирован в соответствии с содержанием, формой и шкалированием.

a) первая стадия — это определение единицы анализа; после чего
b) на основе определенной теоретической базы устанавливают измерения для структурирования и
c) фиксируют особенности системы категорий;
d) впоследствии конструируют определения и согласовывают ключевые примеры для кодирования в отдельные категории;
e) в ходе первой оценки материала маркируют места расположения данных и
f) при повторном, более тщательном анализе их обрабатывают и извлекают. При необходимости, систему категорий перепроверяют и пересматривают, что влечет за собой переоценку материала;

[1] *Различия между широким и локальным контекстом или макро- и микро-контекстом см. также в гл. 2, разделе 2.5*

g) на заключительной стадии обрабатывают результаты.

Центральная часть процесса — структурирование — явно берет начало в классическом контент-анализе. Здесь тоже устанавливают единицы кодирования и оценки и упорядочивают их в схему категорий.

Итак, как мы видим, процесс контент-анализа состоит из 9-ти стадий:

- определение материала;
- анализ ситуации, в которой возник текст;
- формальная характеристика материала;
- определение направления анализа;
- теоретически подготовленная дифференциация вопросов для ответов;
- отбор аналитических техник (краткое содержание, экспликация, структурирование);
- определение единицы анализа;
- анализ материала (итог, экспликация, структурирование);
- интерпретация.

5.5. КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА

Для «классического» контент-анализа подходят критерии объективности, систематичности и квантификации Берельсона. Стратегия исследования, которой регулярно следуют, подчиняется традиционным критериям валидности и достоверности, где последний — достоверность — это предварительное условие для первого — валидности — и не наоборот. Итак, дальше мы обсудим 2 специфические проблемы контент-анализа — проблему вывода и достоверности.

Проблемы вывода связана с возможностью делать заключения

- с одной стороны, о целом тексте на основе выборки текстов и

- с другой стороны, о лежащих в основе (теоретических) конструктах, таких, как мотивы, установки, нормы и т.д. на основе текста.

В результате, вывод в контент-анализе ограничен только специфическими особенностями внешней и внутренней валидности. Если операционализация валидна, есть ли (внутреннее) соответствие между конструктами и индикаторами? Если процесс измерений успешен, то репрезентативна ли выборка (внешне) по отношению к совокупности?

Рассматривая *проблему достоверности*, особое внимание уделяют тому, заслуживает ли доверия кодирование. В какой степени разные кодировщики действуют согласованно при кодировании одного и того же текста (интер-достоверность кодировщиков)? Насколько устойчиво кодирование одних и тех же кодировщиков (интра-достоверность кодировщиков)? Именно для оценки интер-достоверности кодировщиков был разработан ряд измерений и индексов, которые, прежде всего, выражают количество идентичных кодирований по отношению к общему количеству кодирований[1]. Например, Геркнер рекомендует индекс достоверности π, который рассчитывают следующим образом:

$$(1)\ \pi = \frac{P - P_e}{1 - P_e}$$

где

$$(2)\ P_e = \sum_{l=1}^{k} P_l P_J$$

P_e здесь — мера согласованности, которую можно бы ожидать на основе случая; где
P — согласованность, установленная эмпирическим путем и
1 — это максимальное значение P.

[1] *Herkner, 1974, c. 177; Lisch & Kriz, 1978, c. 88; Merten, 1983, c. 302*

Таким образом, π рассчитывают как частное — разницу между действительной согласованностью кодировщиков и случайным значением делят на максимально возможную разницы. Измерение случайной согласованности P_e рассчитывают по формуле (2) следующим образом: относительную долю P_{il} суждений в категории 1 кодировщика i умножают на относительную долю P_{jl} суждений в категории 1 кодировщика j. В конце эти вероятности складывают для всех возможных утверждений k.

Этот индекс учитывает эмпирическое распределение суждений относительно категорий в удобной форме для измерения случайной согласованности. Таким образом, появляется возможность не только сравнить эмпирически обнаруженную и максимально возможную согласованность, но и точно исключить из обеих согласованностей вероятность «случайной согласованности».

Криппендорф[1] формулирует следующий специфический качественный критерий для анализа содержания:

1. Валидность:
   a) ориентированная на материал — семантическая валидность, валидность выборки;
   b) ориентированная на процесс — корреляционная валидность, прогностическая валидность;
   c) ориентированная на процесс — конструктная валидность.
2. Достоверность:
   a) устойчивость;
   b) повторяемость;
   c) точность.

Семантическая валидность относится к реконструкции значения материала и выражается в соответствии определений категорий, ключевых примерах и правилах для кодировщиков. *Валидность выборки* относится к обычным критериям точного формирования выборки.

[1] *Krippendorff, 1980, c. 158*

Корелляционная валидность относится к корелляции с некоторыми внешними критериями (например, результатами других методов). *Конструктная валидность* относится к предыдущему успеху в отношении подобных конструкций, установленных моделей и теорий, репрезентативных интерпретаций. Устойчивость связана с тем, получаются ли те же самые результаты при новом применении аналитического инструмента к тому же самому тексту. Повторяемость эксперимента — это степень, при которой анализ дает одинаковые результаты при разных обстоятельствах, например, с разными кодировщиками. Наконец, точность предполагает устойчивость и повторяемость и указывает на степень, в которой анализ имеет определенный функциональный стандарт[1].

Криппендорф считает, что существует 4 возможных источника ошибок, которые могут привести к потере достоверности:

a) особенности единицы оценки — отличаются ли систематически места несогласованности в кодировании от другого материала?
b) особенности отдельных категорий — есть ли особое совпадение примеров несогласованности с определенными категориями? Имеют ли эти категории неясные определения?
c) дифференцирование категорий — достаточно ли четкие различия между категориями?
d) особенности кодировщиков — если недостаток достоверности нельзя отнести к (a) (b) и (c), то проблема обычно в кодировщиках, и, вероятно, ее можно решить с помощью более тщательного отбора, более качественной подготовки, более коротких периодов их действия и.т.д.

[1] *Mayring, 1988*

5.6. ПРЕДУСЛОВИЯ И ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Контент-анализ будут использовать всегда, если

- есть коммуникативное содержание;
- можно заранее сформулировать операциональные схемы категорий или
- анализ связан только с лексикой текста.

Если необходимо применить классические процедуры, то следует абсолютно четко сформулировать вопрос исследования и, в идеале, набор интересующих переменных, которые можно «поместить» в форму гипотезы. Исключение составляют те процедуры, которые имеют стандартные схемы категорий и — таким образом — стандартные цели исследования. Кроме вариантов, ограниченных простым подсчетом слов, контент-анализ основан на схемах категорий, которые необходимо заранее определить как в количественном, так и в качественном виде.

Так, требования к транскрипции зависят от исследуемых переменных. Но в контент-анализе существует тенденция — не исследовать невербальные и пара-вербальные феномены. Поскольку интер-достоверность кодировщиков — это обязательный критерий качества результатов анализа текста, то рекомендуется в процессе категоризации привлекать к кодированию текстов, по крайней мере, двух независимых кодировщиков.

В какой степени необходимы контекстуальные знания и необходимы ли они вообще — зависит от стратегии исследования. Например, в классической методологии Берельсона интерес представляет только очевидное текстовое содержание. Вопросы, сформулированные Холсти в качестве основы для схем категорий, действительно относятся к контексту, но отвечать на них нужно только исходя из содержания текстов. Но избежать влияния контекстуальных знаний на исследователей крайне трудно. Котекст играет роль в том смысле, что текстовые примеры обеспечивают существенную помощь в процессе кодирования. В процедуре экспли-

кации Мэйринга анализ как котекста, так и контекста включен эксплицированно.

Для обработки большого количества текста используют компьютерные программы — они могут быть разными в зависимости от единицы анализа. Так, подсчет слов и вычисление индексов проводят с помощью программы *Textpack*, известный декодировщик текста — программа *Wordcruncher*, менеджер текстовой базы — *MAX*, кодирующие и декодирующие программы — *WinMax*, *AQUAD*[1].

Перечень различных академических дисциплин, которые используют процедуры анализа текста, охватывает целую область социальных наук и важные области гуманитарных знаний. Еще в 1974 г. Геркнер привел примеры применения контент-анализа в психологии, психиатрии, социальной психологии, социологии, исследованиях коммуникации, этнологии и литературных исследованиях. Примеры лингвистического анализа содержания можно найти у Водак[2].

5.7. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С ДРУГИМИ МЕТОДАМИ

Этнографические методы и методы обоснованной теории также работают с категориями, которые функционируют как аналитическая структура. Но в отличие от них, процесс категоризации в контент-анализе требует, чтобы категории были заранее установлены и операционализированы. Изменения в схемах категорий во время процесса кодирования необходимо делать только в исключительных случаях. Этнографические методы — и в особенности обоснованная теория — напротив, провозглашают индуктивную разработку категорий (концептов и индикаторов) на основе текстовых данных. Более того, эти процедуры часто обходятся без количественных подсчетов и, таким образом, никогда не операционализируют значимость

[1] *Weizman & Miles, 1995*
[2] *Wodak, 1981, 1984; Wodak & Schulz, 1986*

отдельных категорий с помощью частоты кодирования внутри этих категорий.

Дополнительно, SYMLOG и нарративную семиотику можно классифицировать как семантико-прагматический контент-анализ. Эти процедуры заранее обеспечивают специфическими вопросами исследования и полученными на их основе схемами категорий. И если мы вернемся к широкому определению контент-анализа, то даже процедуры критического дискурс-анализа можно рассматривать как многомерный и много-этапный контент-анализ. В любом случае, техники контент-анализа можно успешно использовать в критическом дискурс-анализе.

Этнометодологические методы (анализ способов категоризации участия, конверсационный анализ) четко отличаются от контент-анализа, поскольку они совершенно обходятся без категоризации данных. Отличия между контент-анализом и функциональной прагматикой, и между объективной герменевтикой и теорий различий в текстовом анализе имеют похожую основу.

ГЛАВА 6

ОБОСНОВАННАЯ ТЕОРИЯ

Наши библиометрические (см. гл. 15) и другие исследования[1] дают возможность предполагать, что обоснованная теория — это наиболее заметный подход среди так называемых «качественных» подходов к анализу данных. Конечно, это вовсе не означает, что сейчас в большей степени используют методологии, разработанные Ансельмом Страуссом и Берни Глейзером, но, тем не менее: «Когда исследователей, использующих качественные методы, просят описать их подход, то ссылка на «обоснованную теорию» имеет самый высокий показатель упоминаемости»[2].

6.1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА

Один из источников обоснованной теории — американский прагматизм и, в частности, работа Джона Дьюи «с ее акцентом *на действии* и *проблемной ситуации*, а также необходимости замысливать метод в контексте решения проблемы»[3]. Истина — это «прагматичный» концепт: ее критерии — это польза, ценность и успех. Истинно то, что работает на практике. В качестве следующего источника Страусс упоминает Чикагскую Школу социологии, в которой центральное значение приписывают *полевому исследованию* и *глубинному интервью* — как методам сбора данных, а также социальным интеракциям и процессам — как объектам исследования. «К тому же, в Чикагской школе почти с первых дней подчеркивали необходимость пос-

[1] *См. Coffey et al., 1996; Lee & Fielding, 1996*
[2] *Lee & Fielding, 1996*
[3] *Strauss, 1987, c. 5*

тичь позицию актора, чтобы понять интеракции, процесс и социальные изменения».

Будучи студентом в Чикаго, Ансельм Страусс — вместе с Берни Глейзером — одним из основателей обоснованной теории — познакомился с Гербертом Блумером, который впервые ввел термин *символический интеракционизм*. Однако Страусс не разрешил называть себя символическим интеракционистом. Берни Глейзер, в свою очередь, учился вместе с Полом Лазарсфельдом и, таким образом, внес в обоснованную теорию свой собственный опыт и свое недовольство стандартизованными методами и многофакторным анализом[1].

6.2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРТЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ

Обоснованную теорию в какой-то мере объединяют с символическим интеракционизмом общие базовые посылки относительно коммуникации и интеракции. Джордж Г. Мид[2], как и Дьюи, учился в Чикаго, и именно он привлек внимание социологической теории к субъективным, связанным с языком компонентам процессов интеракции. По его словам, акторы реагируют на социальные объекты на основе значений, которые они им приписывают. Эти значения возникают, развиваются и постоянно модифицируются в ходе процесса интеракции. Но они «объективируемы» и становятся *структурой или структурами условий*, которые и определяют поведение человека. Конечно, язык и коммуникация не являются явными темами обоснованной теории, но в этом подходе есть много указаний на то, что интеракцию исследуют, в первую очередь, относительно языковой коммуникации.

Хотя процедуры обоснованной теории в равной степени применимы и к не-текстовым данным, основную значимость в них придают все же тексту как материалу в форме

[1] *Чтобы лучше разобраться в предыстории обоснованной теории, Страусс рекомендует работы Dewey, 1937; Hughes, 1993.*
[2] *George H. Mead, 1938a, 1938b*

транскрибированных интервью, записей наблюдателей, книг, газетных статей и т.п.[1] Таким образом, наиболее значимая область применения обоснованной теории — это анализ текста. Но напрасный труд — искать в структуре обоснованной теории теорию текста и сколько-нибудь эксплицированное понимание термина «текст».

Обоснованная теория — это не метод, который можно четко очертить, это школа социальной научной методологии, исследовательские стратегии которой можно резюмировать следующим образом.

- *Отдельный случай* как независимая единица исследования. Вначале в связи какой-то теоретической целью необходимо реконструировать автономные единицы действия — которые имеют историю — согласно их собственной логике. Т.е. необходимо сформулировать концепты на основе случая, который может объяснить обстоятельства отдельного случая.
- *Социологическая интерпретация* как *искусство*. Процесс теоретического генерирования подобен художественной деятельности, где необходимо объединить 2 конфликтующих подхода — беспристрастный взгляд и научное упорядочивание действительности.
- *Непрерывная связь между* обыденным и научным мышлением. Обыденные знания по своей структуре не отличаются от знаний научных — это незаменимый источник *научного* процесса и должен быть для него полезен.
- *Открытость* социально-*научной* терминологии. Обоснованная теория не выдвигает никаких неоспоримых теорий. Термины, концепты, категории и гипотезы, которые в ней разрабатывают, должны доказать свою пригодность для научного декодирования реальности.

[1] *Strauss, 1987, c. 26; Strauss & Corbin, 1990, c. 46*

6.3. ЦЕЛИ МЕТОДА

Анализ текста с применением обоснованной теории всегда направлен на концептуализацию посылок, основанных на данных. Основной акцент — на исследовании и порождении гипотез; их проверка имеет меньшее значение:

> *Обоснованная теория — это детальное обоснование данных, которые систематически и интенсивно анализируют. Часто полевые заметки, интервью или другие документы анализируют предложение за предложением, фразу за фразой. Путем постоянного сравнения, данные собирают «широким фронтом» и кодируют... Таким образом производят хорошо сконструированную теорию. Анализ направлен не просто на сбор или упорядочивание массива данных, а на организацию множества идей, которые возникли на основе их анализа*[1].

> *Обоснованная теория — это одна из теорий, которая возникает индуктивно на основе исследования феномена, который она представляет. То есть, ее (теорию) обнаруживают, разрабатывают и предварительно проверяют с помощью систематического сбора и анализа данных, имеющих отношение к этому феномену. Поэтому сбор и анализ данных, и сама теория находятся во взаимообратных отношениях. Здесь исследователь не начинает с теории, которую затем доказывает. Скорее, исследователь начинает с области исследования; это дает возможность появиться тому, что релевантно этой области*[2].

[1] *Strauss, 1987, c. 22; Glaser, 1978*
[2] *Strauss & Corbin, 1990, c. 23*

6.4. ОПИСАНИЕ МЕТОДА

Описание метода основано на двух книгах[1]. Согласно им, *обоснованная теория — это программа исследования, которая объединяет планирование, выполнение и анализ.* Конечно, в представленном здесь описании основной акцент мы сделали на применении метода при анализе текста. С этой позиции, обоснованная теория направлена на разработку концептов или категорий на основе текстовых данных. Приведем краткий обзор основных процедур и правил обоснованной теории.

6.4.1. Сбор данных

Применение обоснованной теории не требует специфических методов сбора данных. Часто в этой связи упоминают наблюдение и интервью. Но данные можно собирать и другими способами — например, получать их из документов. В любом случае, сбор данных в обоснованной теории не рассматривают как какую-то специфическую стадию, которую необходимо завершить перед тем, как начать анализ. После первого опыта в сборе данных возникает вопрос — как провести первый анализ, найти показатели определенных концептов, распространить концепты на категории и — на основе полученных результатов — продолжить сбор данных (*теоретическое формирование выборки*). В такой процедуре сбор данных никогда полностью не исключают, так как в процессе кодирования и написания заключений (подготовки письменных отчетов об анализе, имеющих отношение к разработке теории) всегда возникают новые вопросы, которые можно разрешить, только если исследователь собирает новые данные или перепроверяет прежние.

6.4.2. Концепты и индикаторы

Обоснованная теория базируется на модели *концепт — индикатор*, согласно которой эмпирические индикаторы

[1] *Strauss, 1987; Strauss & Corbin, 1990*

кодируют в соответствии с концептами. Концепты — это обозначения или метки, которые «закреплены» за отдельными событиями — индикаторами. Здесь не существует вопроса первоочередности операционализации теоретических концептов (как, например, в классическом контент-анализе), но существует вопрос поиска в данных индикаторов промежуточных концептов. Страусс приводит пример исследования стационарного лечения в больнице, где концепт «зависимость от медицинского оборудования» идентифицировали как значимый. Исследователь анализирует и сравнивает с другими множество индикаторов (способы поведения, события) и затем «кодирует» и классифицирует их как индикаторы класса событий.

Что касается концептов, то здесь главным является вопрос о так называемых *«чувствительных» концептах* или центральных идеях, которые трансформируются в промежуточный вопрос исследования. В качестве следующего важного вопроса можно назвать анализ предварительного представления исследователей — он позволит охватить поле релевантных объектов. Для этих процедур рекомендуется метод мозгового штурма, групповой дискуссии среди исследователей и анализ соответствующей литературы.

Рассмотрим дальше структуру (теоретических) концептов, которые считают стимулами к процессу кодирования. Эта структура концептов, которую Глейзер называет *семьями кодирования*, может включать следующее:

- «с»-семьи — причины, следствия, корреляции, ограничения (causes, consequences, correlations, constrains);
- «процесс»-семья — стадии, фазы, продолжительности, фрагменты, последовательности, продвижение;
- «степень»-семья — измерение, степень, интенсивность, уровень, пограничное значение, критическое значение;
- «тип»-семья — типы, классы, жанры, классификации;

- «стратегия»-семья — стратегия, тактика, техники, механизмы, управление;
- «интеракция»-семья — отношения, взаимодействия, симметрия, ритуалы;
- «идентичность»-семья — идентичность, образ «Я», изменение идентичности, образ другого;
- «культура»-семья — нормы, ценности, социально разделяемые установки;
- «консенсус»-семья — договор, согласие, определение ситуации, подчиненность, однородность;
- «управление»-семья — социальный контроль, согласие, социализация, организация, институт.

Итак, это краткое содержание коллективных и абстрактных концептов (причин, эффектов, этапов и т.п.), которые могут подходить к самым разным областям исследования и типам проблем. Для конкретных случаев только некоторые семьи кодирования будут подходящими и релевантными. Затем на основе этих семей кодирования из *чувствительных* концептов разрабатывают структуры теоретических концептов с постоянной ссылкой на индикаторы. Во время этого различные индикаторы исследуют и сравнивают между собой, и рассматривают их сходство и различие. На основе такого анализа индикаторов в конце концепты детализируют — эта процедура является центральной в обоснованной теории. Здесь теоретическим концептам задают параметры — т.е. определяют все различия или отличительные особенности концептов. «Изменение индикаторов и, таким образом, генерирование новых свойств кода будет продолжаться до тех пор, пока аналитик благодаря *взаимозаменяемости индикаторов* не заметит *насыщенности* идеи. Чем больше количество индикаторов, которые имеют одинаковую значимость для концепта, тем выше степень насыщенности концепта свойствами для возникающей теории.

6.4.3. Процедура кодирования

Несомненно, процедура кодирования — центральная в обоснованной теории, и именно этим обоснованная теория отличается от классического контент-анализа. На основе текстовых и контекстуальных знаний концепты разрабатывают, категоризируют и определяют для них параметры. Одновременно их обогащают индикаторами (текстовыми примерами). Основу для кодирования обеспечивают семьи кодирования, которые считают первичным эвристическим «ключом к разгадке». Некоторые из этих кодирующих семей — условия, взаимодействия, стратегии и тактики, вместе с последствиями — Страусс считает основными составляющими его «кодирующей парадигмы», которую необходимо помнить во всех процедурах кодирования.

Путем постоянного сравнения концептов, используя ассоциируемые текстовые единицы, концепты последовательно *категоризируют* (т.е. соотносят один с другим, упорядочивают, например, располагают по иерархии) и задают для них *параметры* (т.е. разбивают по параметрам, при этом переменные устанавливают на различных скалярных уровнях).

В процессе кодирования исследователь постоянно переключается с индуктивного на дедуктивное мышление и наоборот. Постоянный выбор между созданием и проверкой концептов и гипотез — одна из существенных особенностей обоснованной теории. Для кодирования обоснованная теория предлагает определенное количество процедур.

6.4.3.1. Открытое кодирование

Открытое кодирование в обоснованной теории рассматривают как процесс разделения, проверки, сравнения, концептуализации и категоризации данных. Это первый шаг в процедуре интерпретации текста. Цель — разработать концепты, основанные как на данных, так и на контекстуальных знаниях исследователя. В ходе этого процесса необходимо проводить сравнение и формулиро-

вать вопросы. Открытое кодирование начинается с анализа единичных отрывков текстов и фраз — т.е. с «тонкого» уровня анализа. На начальной стадии процесса кодирования задают следующие вопросы:

a) Что действительно происходит в тексте? и
b) Какие категории предполагает текстовый отрывок?

Затем проводят поиск *живых* кодов (интерпретаций, распознаваемых в самом тексте) и традиционных категорий, таких, как возраст, пол, социальный уровень. Страусс рекомендует проводить открытое кодирование очень тщательно и исследовать текст с микроскопической точностью, чтобы снизить риск пропуска важных категорий. В то же время он избегает каких-либо рекомендаций о возможных единицах анализа, тем не менее, демонстрируя «элементарный построчный анализ». В процессе кодирования необходимо делать теоретические заметки (умозаключения), для того чтобы регистрировать развитие концептов, категорий и измерений.

Постановка вопросов, точный анализ слов, фраз и предложений вместе с постоянным процессом сравнения (с помощью полярных оппозиций, систематическим, но, возможно, несколько «натянутым» способом) — все это поможет увеличить «теоретическую чувствительность» и креативность процесса кодирования.

6.4.3.2. Осевое кодирование

В обоснованной теории этот термин используют по отношению к тем процедурам, которые, на основе уже упомянутой «парадигмы кодирования», перегруппируют результаты открытого кодирования путем создания новых взаимосвязей между концептами. Это помогает усовершенствовать и дифференцировать уже имеющиеся концепты, благодаря чему они приобретают статус категорий. Затем проводят осевой анализ этих категорий. После открытого кодирования, как правило, сразу не ясно — определенные концепты имеют отношение к условию, стратегии или к следствию? Поэтому каждый отдельный концепт анализируют и определяют в соответствии с пунктами «парадигмы кодирования»:

a) Какие условия событий включены в концепт?
b) Как можно описать отношение между акторами?
c) Какие стратегии и тактики можно определить?
d) Каковы последствия событий?

В процессе кодирования, который начинается с открытого кодирования, осевое кодирование в дальнейшем преобладает. При этом, либо извлекают отдельные отрывки текстов и интерпретируют их «по осям», либо интерпретируют несколько текстовых отрывков, сравнивая их друг с другом. В таких случаях процедура похожа на открытое кодирование — сформулировать вопрос, разработать параметры и т.п.[1]

В осевом кодировании вначале прорабатывают те свойства категории, которые означают, что у категории — явно или неявно — есть измерения. Затем детализируют и проверяют те посылки относительно условий, взаимосвязей, стратегий и последствий, которые усиливают взаимосвязи данной категории с другими категориями. Связи между категориями необходимо зафиксировать в виде репрезентаций сетей, а исследователь должен «схватить» в форме заметок о кодировании и теоретических заключений как можно больше мыслей, которые возникли в ходе процесса.

6.4.3.3. Избирательное кодирование

Обоснованная теория использует этот термин по отношению к процессу отбора *корневой* категории, систематическому связыванию корневой категории с другими категориями, проверки валидности этого процесса связывания, наполнения других категорий, требующих дальнейшего усовершенствования и разработки. Корневая категория — это центральный феномен, вокруг которого объединены все другие категории. Вначале этой заключительной стадии

[1] *Boehm, 1994, c. 130*

необходимо пересмотреть и отсортировать, с позиции теории, списки кодирования, записи и модели сети.

Дополнительно Страусс и Корбин рекомендуют изучить «историю», содержащуюся в данных. Ключевые события необходимо совместить с помощью ответов на следующие вопросы:

- Что является самой заметной особенностью области исследования?
- Что я считаю главной проблемой?
- Какова центральная тема истории?
- Какие феномены в данных повторяются вновь и вновь?

Центральная история, полученная таким образом, вращается вокруг корневой категории и показывает ее взаимосвязь с другими категориями. В самом простом случае корневую категорию можно распознать и идентифицировать уже на основе модели сети, в то время как в более сложном случае ее необходимо идентифицировать совершенно по-новому, усовершенствовать относительно ее свойств и определить ее местоположение в сети взаимосвязей. Промежуточные результаты необходимо постоянно проверять относительно текстовых данных. Таким образом, шаг за шагом появляется обоснованная теория.

6.4.4. Дальнейшие процедуры и правила обоснованной теории

Теоретическое формирование выборки означает выбор или отбор текстов и сегментов текстов на основе концептов разрабатываемой теории. Такой сравнительный анализ способствует желаемому поиску и распознаванию индикаторов в текстах. Основа для этого обеспечена релевантными концептами, которые появляются повторно во время сравнения или не представлены совершенно четко. Теоретическое формирование выборки можно применять во всех процедурах кодирования:

- «открытом формировании выборки», которое характеризуется открытостью и, в меньшей степени, специфичностью;
- формировании выборки взаимосвязей и вариаций, цель которого — найти наиболее сильные различия на уровне измерений при кодировании «по осям», и
- «выборке по принципу дискриминации» с целью — подтвердить центральную тему, максимизировать взаимосвязи между категориями и заполнить не до конца разработанные подкатегории при избирательном кодировании.

Матрица условий — это инструмент, предложенный Страуссом и Корбином для записи условий и следствий из отдельных концептов или категорий на различных уровнях (например, на уровне социальной общности). В завершение, Страусс и Корбин особенно рекомендуют использовать записи (заметки о кодировании, теоретические заметки) и диаграммы, чтобы визуально представить связи между категориями.

6.4.5. Дискуссия вокруг обоснованной теории

Разработка программы исследования на основе обоснованной теории сопровождается разногласиями. В данный момент существует несколько фундаментальных различий между позициями Берни Глейзера, Ансельма Страусса и Джульет Корбин. Эту дискуссию — временами довольно горячую — резюмирует Келле[1]:

- В то время как Страусс и Корбин настаивают на взаимодействии с объектом исследования с помощью «открытых» вопросов, Глейзер предпочитает, чтобы к изучаемой области подходили без каких-либо предварительных посылок или вопросов исследования.
- Глейзер требует, чтобы к эмпирическому полю обращались без каких бы то ни было контактов с

[1] *Kelle, 1994, с. 333*

научной литературой. Все фоновые знания он считает вредными. Со своей стороны, Страусс и Корбин позволяют — и даже рекомендуют — перед началом эмпирической работы интенсивно анализировать соответствующую литературу.

- Глейзер сильно критикует многоэтапную открытую процедуру кодирования, которую предложили Страусс и Корбин. Страусс и Корбин предлагают с самого начала «закреплять код за каждым событием, и затем суммировать эти коды на основе сравнения с категориями. Глейзер же настаивает на постоянном процессе сравнения в процессе кодирования. Но он осознает, что для этого необходимо иметь параметры для сравнения. Глейзер предлагает свои «семьи кодирования» в качестве единственных параметров для сравнения.
- В то время как Корбин и Страусс делают несколько серьезных попыток разработать критерии для верификации результатов, Глейзер считает это ненужным/излишним. Он видит ценность обоснованной теории в разработке гипотез и утверждает, что только они должны подчиняться стандартам правдоподобности.
- Кодирование «по осям», при котором закодированные события систематически упорядочивают как звенья цепочки событий (условия контекста, стратегии действия, вмешивающиеся условия, следствия и т.п.), Глейзер жестко отвергает на том основании, что оно навязывает полученным данным концепты исследователей[1].

В целом, это противоречие дает несколько различных ответов на вопрос — действительно ли возможно предпринимать эмпирическую работу со стратегией индуктивного исследования без каких бы то ни было теоретических концептов.

[1] *Glaser, 1992, с. 82; Kelle, 1994, с. 338*

6.5. КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА

Обоснованная теория позиционирует себя как методология генерирования теорий на основе данных. Соответственно, проверка гипотез уходит на задний план. «Обычные критерии «хорошей науки» ... значимость, теоретическое наблюдение, непротиворечивость, генерализуемость, последовательность, воспроизводимость, точность и верификация» необходимо пересмотреть, с тем «чтобы они соответствовали реалиям качественного исследования и сложности социальных феноменов»[1].

Корбин и Страусс стремятся разработать специальные критерии для оценки исследований, ориентированных на обоснованную теорию. Но в них канонизация методологии является центральной и представленные критерии тяготеют к стратегии исследования обоснованной теории. Эти «критерии» в вопросительной форме направлены на оценку:

a) адекватности процесса исследования и
b) эмпирического обоснования результатов.

Первый набор вопросов разработан для того, чтобы читатели могли судить — адекватна ли выбранная методология и разработанная теория объекту исследования. Тщательно документированное исследование с помощью обоснованной теории, в любом случае, должно позволить ответить на эти вопросы:

- Критерий №1. Как была отобрана первоначальная выборка? На каких основаниях? (избирательное формирование выборки)
- Критерий №2. Какие появились основные категории?
- Критерий №3. Какие из событий, случаев, действий и т.д. определили некоторые основные категории?
- Критерий №4. На основе каких категорий проходило формирование выборки? т.е. Как теоретические

[1] *Strauss & Corbin, 1990, с. 250*

формулировки направляли сбор данных? После того, как теоретическая выборка сделана, насколько репрезентативно подтверждение этих категорий?

- Критерий №5. Какие из гипотез затрагивают связи между категориями? На каких основаниях они были сформулированы и проверены?
- Критерий №6. Были ли примеры, когда гипотезы противоречили тому, что было очевидно? Как объяснялись разногласия? Повлияли ли они на гипотезы?
- Критерий №7. Как и почему была выбрана корневая категория? Этот отбор был случайным или постепенным, трудным или легким? На каких основаниях были приняты окончательные аналитические решения? Насколько высока «объяснительная сила» изучаемых феноменов и какую роль в решениях играет «релевантность», которую мы обсуждали раньше?

Второй набор вопросов позволяет проверить эмпирическое обоснование теорий, которые получились в конечном итоге:

- Все ли концепты сгенерированы?
- Систематичны ли связи между концептами?
- Насколько много концептуальных связей и хорошо ли разработаны категории? Имеют ли категории концептуальную насыщенность?
- Достаточно ли большая вариация создана внутри теории?
- Удалось ли с помощью теоретических объяснений создать более широкие условия, которые влияют на исследуемый феномен?
- Учитывался ли «процесс»?
- Существенны ли теоретические результаты и до какой степени?

Кроме этих вопросов Страусс и Корбин модифицируют «общепринятые» критерии качества:

a) Воспроизводимость означает: «если исследователь использует тот же теоретический подход, что и другой исследователь; если он следует тем же основным правилам сбора и анализа данных и подобным набором условий — то он должен прийти к тем же теоретическим объяснениям одного и того же феномена.

b) Генерализуемость означает, что условия и следствия, в соответствии с которыми определенные интеракции относятся к каким-либо феноменам, должны быть детализированы, и что затем результаты можно распространить на все те ситуации, которые соответствуют этим предусловиям. «Естественно, чем более систематично и распространенно теоретическое формирование выборки, и чем больше условий и вариаций обнаружено и построено на основе теории, тем больше ее генерализуемость (и, как следствие, точность и прогностическая сила).

В любом случае, исследование, ориентированное на обоснованную теорию, должно удовлетворять критериям валидности, достоверности и *доверительности* данных, теоретической убедительности и ценности, так же, как и соответствовать методике проведения исследования.

6.6. ПРЕДУСЛОВИЯ И ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Согласно Страуссу, вся область социальных и гуманитарных наук подходит для применения обоснованной теории. «Обоснованная теория подходит везде, где необходимо понять большое количество текста (углубление понимания) или получить из текста новые идеи, контексты, следствия и рекомендации для действий в определенной предметной области»[1].

Несомненно, исследование, объективно ориентированное на генерирование теории, — это предусловие для

[1] *Boehm, 1994, с. 123*

применения процедур обоснованной теории. Только там, где феномены определенной предметной области нельзя удовлетворительно объяснить с помощью существующих теорий или моделей, целесообразно применять экстравагантную методологию обоснованной теории. Большие затраты времени и персонала — это, с одной стороны, результат детализированных аналитических требований открытого кодирования и, с другой стороны, необходимости полного повторного анализа ранее закодированных текстов, когда бы ни были найдены и обозначены новые концепты или категории.

Обычно данные состоят из текстов, транскрибированных интервью и области заметок и отчетов о наблюдении. Нормы транскрипции в литературе по обоснованной теории не представлены. Степень, в которой информационное содержание и/или форма, вербальные, паравербальные и невербальные феномены необходимо отражать в анализе, в конечном итоге, зависит от разработанных концептов и связанных с ними индикаторов.

Для качественного анализа данных можно использовать компьютерные программы[1]. Из них *OSR* (NUDIST QSRN Vivo programs and ATLAS/ti[2]) имеет особое отношение к основным предпосылкам обоснованной теории[3]. Эти программы поддерживают экстравагантные процедуры кодирования, помогая аналитикам составить краткий обзор систем категорий, которую они разработали. Они показывают «привязку отрывков текста к категориям и упрощают управление заметками (об определениях, комментариях, категориях). Проверку последовательности кодирования для больших объемов текста можно провести только с помощью такого компьютерного обеспечения. Второе преимущество этих программ состоит в том, что они — без перекодирования — создают более высокие порядки категорий и суммируют их. В-третьих, программы дают возможность провести простые количественные измерения.

[1] *Weizman & Miles, 1995*
[2] *Muhr, 1994*
[3] *Более детальную информацию об этих и других программах можно найти http://www.scolari.com*

Например, можно подсчитать — какой процент от общего количества строк в тексте участвует в процессе кодирования, и какая часть текста за какими кодами закреплена.

Использование такого программного обеспечения в анализе текста больше принимают безоговорочно. Так, Коффи[1] опасается, что аспект кодирования слишком уж часто подчеркивают: «Обоснованное теоретизирование — это больше чем кодирование, и программы можно использовать для чего-то большего, чем просто анализ текста по принципу «кодирование и декодирование».

6.7. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С ДРУГИМИ МЕТОДАМИ

Перед тем как сравнить обоснованную теорию с другими методами, необходимо отметить, что обоснованная теория — это в меньшей степени специфический метод анализа, а скорее подход к разработке концептов (основанных на текстовых данных) и теорий (небольшого или среднего уровня). Поэтому это вопрос стратегии исследования.

Этнографические методы преследуют похожие цели, но в их распоряжении отсутствует такой продуманный набор правил кодирования, как в обоснованной теории. Тем не менее, различия между этнографическими методами и процедурами обоснованной теории не четкие. Возможно, это объясняет то, почему различные качественные исследования рекомендуют проводить в соответствии с принципами обоснованной теории, но часто в них используют лишь малую часть из репертуара принципов этой теории. Относительно обоснованной теории особенно подчеркивают, что тексты нельзя рассматривать, используя готовые концепты — концепты необходимо разработать непосредственно на основе исследуемого материала. Этнография и обоснованная теория — хорошее сочетание, поскольку в фокусе обос-

[1] *Coffey et al., 1996*

нованной теории — анализ данных, а в этнографии основное внимание сосредоточено на их сборе.

Главное отличие обоснованной теории от этнометодологических подходов состоит в цели исследования. Если обоснованная теория определенно направлена (на основе материала исследования) на поиск теоретических концептов и объяснений, которые непонятны основным действующим лицам (или в этом просто нет необходимости), то этнометодологические подходы ориентированы на реконструирование объяснительного паттерна и паттерна значений участников. В анализе способов категоризации участия и в конверсационном анализе проблема состоит в упорядочивании принципов, которые релеватны по отношению к участникам, в то время как в обоснованной теории это проблема концептов исследователей (по текстовому анализу), которые и представляют интерес.

В сравнении с методами контент-анализа в обоснованной теории подчеркивают скорее разработку концептов и категорий, а не их применение. Как в SYMLOG, так и в нарративной семиотики, в отличие от обоснованной теории, используют схемы категорий, которые заранее зафиксированы и подтверждаются теоретически. Методы, ориентированные на обоснованную теорию, можно использовать как промежуточную стадию в процессе исследования в контент-анализе, так как они направлены скорее на поиск, а не на проверку гипотез.

В отличие от многих строго герменевтических методов (функциональная прагматика, дискурс-анализ), обоснованную теорию можно отнести к методам, полностью ориентированным на объект или текст. С одной стороны, обоснованные правила создают необходимость дистанцироваться от текста, а с другой — они ставят это на первый план и регулируют влияние «интерпретирующего субъекта». Обоснованная теория отличается от герменевтических методов и теории различий в анализе текста тем, что теория различий и герменевтические методы осмысленно обходятся без категоризации компонентов текста, в то время как обоснованная теория четко связана с разработкой концептов и категорий.

Несмотря на то, что анализ текста, ориентированный на обоснованную теорию, может быть направлен на исследование лингвистических категорий (например, индикаторов концептов), он не является (по сравнению с этнографией коммуникации, функциональной прагматикой и дискурс-анализом) явным лингвистическим подходом, поскольку отношение между связностью и целостностью не имеют в нем первостепенного значения.

ГЛАВА 7

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

В этнографии можно провести различие. С одной стороны, это в той или иной степени разработанные этнографически-ориентированные методы, которые можно применять к текстам (по мнению многих авторов, включая и обоснованную теорию), а, с другой стороны, это работа Делла Хаймса «Этнография речи».

7.1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА

Теоретические истоки этнографических методов можно найти в антропологических и этнологических работах Бронислава Малиновски, Франца Боаса и в лингвистических исследованиях Эдварда Сепира. Суть этнографической методологии в ее «фундаментальной рефлексивности». Все социальное исследование основано на способности человека к включенному наблюдению и способности его рефлексировать. «Мы действуем в социальном мире и, кроме того, способны рефлексировать самих себя и свои действия как объекты в этом мире»[1]. Эпистемологическая основа многих этнографических методов представлена в социальных феноменологических подходах Альфреда Шюца и в работе Питера Бергера и Томаса Лукмана[2].

В лингвистике Джон Гумперц и Делл Хаймс представили свою «этнографию коммуникации» или «этнографию речи» в специальном выпуске журнала *Американский Антрополог* (1964) и как метод, и как теорию, в которой паттерны коммуникации представлены как часть культурных знаний и поведения. В своей работе Хаймс использовал

[1] *Hammersley & Atkinson, 1995, с. 21*
[2] *Alfred Schuetz; Peter Berger & Thomas Luckmann, 1967*

формальные лингвистические модели для интерпретации поведения человека в культурном контексте. Поскольку он сделал акцент на описательном аспекте этнографии, он придерживался подходов Малиновски и Сепира и сознательно находился в оппозиции к подходам Леви-Стросса и Хомского. Хаймс критиковал Леви-Стросса за излишний акцент на компаративном подходе, а Хомского — за «анализ языка безотносительно коммуникации, где он объясняет только грамматичность» и за его «предвзятость в формулировании универсалий»[1].

7.2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ

В этнографии язык и текст анализируют в контексте культуры: культура «выражает исторически передаваемый паттерн значений, воплощенный в символах, а также систему унаследованных концепций, выраженных в символической форме. С помощью них люди общаются, сохраняют и развивают свои знания и отношения к жизни»[2]. «Так, культурные паттерны обеспечивают такие программы для института социальных и психологических процессов, которые формируют публичное поведение». Таким образом, они обеспечивают и программы для языка и текста.

Вопрос взаимосвязи культуры и языка — это отправная точка «этнографии речи». Бесспорно, язык существует в культурном контексте, но остается открытым вопрос — как детализировать эти связи: функционирует ли лингвистика как выражение культуры и задано ли это функционирование нелингвистическими особенностями культуры (как об этом говорит Радклифф-Браун)? Отличаются ли в принципе лингвистический и нелингвистический компоненты культуры? Имеет ли лингвистика определяющее влияние на культуру, как на организующий принцип материального мира (гипотеза Сепира-Уорфа)? Эту точку зрения (гипотезу Сепира и Уорфа) трудно считать логичной,

[1] *Coulmas in the Foreword to Hymes, 1979, с. 14*
[2] *Geertz, 1973, с. 89*

не делая скидки на ее двусмысленность[1], хотя в настоящий момент ведется работа по ее реабилитации[2].

Этнография речи направлена на описание способов речи в соответствии со способами конструирования и отражения социальной жизни внутри определенного речевого сообщества[3]. Делл Хаймс противопоставляет *грамматичность*, которую пытается объяснить Хомски, *приемлемости*[4] и фокусируется на *коммуникативной компетентности* говорящих. «Необходимый шаг — это поместить говорящего внутрь иерархии *включенности*: с позиции участников, не всякое поведение коммуникативно; не вся коммуникация — языковая; а языковое мышление включает больше, чем речь».

Этнография речи направлена на формирование структуры, внутри которой можно выполнить и антропологическое, и лингвистическое исследование коммуникации. Она имеет общий с традиционными этнографическими подходами интерес к полному объяснению значений и поведения, который встроен в широкую структуру ценностей, действий и норм[5].

7.3. ЦЕЛИ МЕТОДА

Вероятно, интерпретировать тексты на фоне культурных структур или использовать тексты для реконструкции этих культурных структур — это общая особенность всех этнографических методов.

> *Этнографическая работа подобна попытке прочитать манускрипт (в смысле «сконструировать чтение») — иностранный, выцветший, полный эллипсисов, бессвязности, подозрительных исправлений, тенденциозных комментариев, написанный не в традиционной звуковой форме, а в мимолетных примерах сформированного поведения*[1].

> *Итак, существует 3 характеристики этнографического описания: интерпретируемое — то, что это описание интерпретирует — поток социального дискурса; интерпретирующее — это попытка спасти «сказанное» в этом дискурсе от губительных случаев и зафиксировать это в терминах, которыми можно пользоваться*[2].

> *В своей наиболее характерной форме это приводит к тому, что этнограф в течение длительного периода времени участвует — явно или неявно — в повседневной жизни людей, наблюдает то, что происходит, слушает то, что говорят, задает вопросы. На самом деле, он собирает любые доступные данные, чтобы пролить свет на вопрос, который является предметом исследования*[3].

Центральная проблема этнографического анализа, по утверждению Хаймса, состоит в следующем: «Мы должны знать, какие паттерны, в каких контекстах существуют, как, где и когда они вступают в игру». Хаймс полностью соглашается со структурализмом Леви-Стросса, но расширяет объекты структурного анализа:

> *Под структурным анализом следует понимать больше, чем просто размещение данных в артикулированном наборе категорий. Такое размещение данных — это необходимая стартовая точка. Также это желаемый результат — в том случае, когда системы, анализируемые по-отдельности, исследуют в сравнении. Но для отдельных систем структурный анализ означает научную и моральную «приверженность» индуктивному обнаружению единиц, критериев и разработке паттернов, которые валидны в*

[1] *Coulmas, 1979, c. 18, 1997*
[2] *Lucy, 1992; Gumperz & Levinson, 1996; Lee, 1996*
[3] *Fitch & Philipsen, 1995, c. 263*
[4] *Coulmas, 1979, c. 14*
[5] *Schiffrin, 1994, c. 140*

[1] *Geertz, 1973, c. 10*
[2] *Geertz, 1973, c. 20*
[3] *Hammersley & Atkinson, 1995, c. 1*

терминах самой системы... Категории, представленные здесь для этнографии речи, необходимо принять как способы понимания в отдельных системах, как аналоги фонетики и, возможно, часть практической фонемики. Интенция эвристична, не априорна.

7.4. ОПИСАНИЕ МЕТОДА

Для начала определим несколько особенностей этнографического метода. Во-первых, акцент в этнографических методах сделан на *сборе данных*, где наиболее важный метод сбора («королевский способ») — это наблюдение участника. Анализ текста есть только в перефирийных зонах (документах) или же выполняет вспомогательную функцию в анализе отчетов о наблюдении[1].

Во-вторых, анализ данных — это неотделимый этап исследовательского процесса. Основной постулат здесь: диалектическое взаимодействие сбора и анализа данных[2].

В-третьих, анализ текста проводят в форме вопросов о тексте. Сикурел использует анализ психиатрических интервью[3] как пример, в котором поднимаются следующие вопросы:

> *Что говорит каждый участник? Почему он говорит это? Как он это говорит? Как это влияет на другого участника? Korga, как и кто привнес новый материал в общую картину? О чем неосознанно идет коммуникации? Почему? Как меняется ориентация каждого участника при продолжении коммуникации? И как мы об этом узнаем? И если это знает участник, то благодаря какому событию?*

В-четвертых, Хамерсли и Аткинсон[4] задавали подобные вопросы относительно анализируемых документов:

> *Как написаны документы? Как их читают? Кто их пишет? Кто их читает? Для какой цели? По какому случаю? С какими результатами? Что записывают? Что пропускают? Что о читателях автор подразумевает как само собой разумеющееся? Что читателям необходимо знать, чтобы извлечь смысл из текстов?*

В-пятых, центральное значение в этнографическом подходе имеет привлечение контекста в исследование лингвистических структур. Здесь контекст означает не только лингвистику или узко заданный ситуационный контекст, но и «выражение лица, жесты, движения тела, целую группу людей, представленных при обмене высказываниями, часть внешней среды, в которой задействованы люди»[1].

И, в заключение, весь этнографический анализ связан с обнаруженными культурными и лингвистическими паттернами и ключевыми событиями. Относительно визуализации этих паттернов, часто считают, что «карты, блок-схемы и матрицы помогают кристаллизовать и отразить целостную информацию»[2].

Попытка дать сжатый обзор этнографических методов анализа текста «разбивается» на множество неоднородных аналитических методов под этим названием. Чтобы дать краткий обзор, необходимо изучить обобщающее введение в процесс анализа, содержащееся в современных учебниках[3], и затем специально уделить внимание социолингвистической «этнографии речи».

7.4.1. Общий этнографический анализ текста

В анализе данных Хамерсли и Аткинсона можно провести параллели с обоснованной теорией, хотя обоснованная теория — что касается правил и процедур кодирования — разработана значительно детальнее. Важный инструмент этнографического анализа — это «категории

[1] *Silverman, 1993, c.30; Schlobinski, 1996, c. 218*
[2] *Hammersley & Atkinson, 1995, c. 205*
[3] *Pittenger et al., 1960, c. 210*
[4] *Hammersley & Atkinson, 1995, c. 173*

[1] *Malinowski, 1966, c. 22*
[2] *Fetterman, 1989, c. 95*
[3] *Например, Hammersley & Atkinson, 1995*

анализа», которые необходимо разрабатывать для любых случаев применения. Первый шаг — это разработка концептов, которые помогают исследователю «извлечь смысл из того, что происходит в сценах, зафиксированных в данных». Эти концепты могут быть «фольклорными терминами» или «идентифицированными наблюдателем»: «Чтение корпуса данных и генерация концептов — это начальные стадии этнографического анализа».

Затем, с помощью этих концептов кодируют текст. «Само собой разумеется, процесс кодирования данных повторяется; когда возникают новые категории, ранее закодированные данные необходимо перекодировать, чтобы убедиться в том, содержат ли они какие-либо примеры новых кодов». Цель анализа данных — во-первых, разработать устойчивый набор категорий, во-вторых, кодировать все данные, используя эти категории.

Затем категории, которые отражают центральные и наиболее важные концепты для определенной части анализа, необходимо проанализировать детальнее, чтобы точно определить их значение и их взаимосвязи с другими категориями.

«Метод постоянного сравнения»[1] — это еще одно заимствование из обоснованной теории; для каждой единицы анализа, которая закодирована и, таким образом, отнесена к категории, исследователь определяет черты сходства и отличий от других единиц, которые закодированы в той же категории. Таким образом, с одной стороны, существующим категориям можно придать более точное значение, а с другой стороны — выделить под-категории[2] Для того чтобы повысить валидность результатов, применяют *методы триангуляции*[3]. Триангуляция — термин, заимствованный из навигации, — в общем, означает сравнение результатов на основе различных данных (например, количественных и качественных) и использование различных методов. «Теоретическая триангуляция»[4]

[1] Glaser & Strauss, 1967
[2] Hammersley & Atkinson, 1995, с. 213
[3] Fetterman, 1989, с. 89
[4] Denzin, 1970

предполагает применение различных подходов и гипотез. При этом ставят вопрос — *Что в отдельных теориях дает возможность понимать данные?* Здесь теории используют для того, чтобы обеспечить различный фокус анализа.

Этот концепт теоретической триангуляции подвергся сильной критике[1]. Денцина[2] обвинили в эклектицизме и теоретической размытости. Критики говорили — было бы лучше следовать определенному теоретическому подходу и выбрать методы и источники данных, которые дают информацию о значениях и структурах, постулированных в выбранном теоретическом подходе. «Главная проблема триангуляции, как метода проверки валидности, — это то, что при противопоставлении различных контекстов в ней игнорируется контекстно-обусловленный и изощренный характер социального взаимодействия, а участников считают «культурными дураками», которым нужен социолог, чтобы рассеять их иллюзии»[3].

7.4.2. Этнография речи

Центральные концепты подхода Хаймса, которые в основных компонентах заимствованы у Якобсона[4], — это *речевая коммуникация, речевая ситуация, речевое событие, речевой акт* и *установка*. Этнография речи исследует речевые акты внутри культурно-обусловленных речевых событий. Ядро метода состоит из систематического анализа контекста как основной структуры, внутри которой определенная форма выполняет определенные функции. Это происходит потому, что только одна форма не может объяснить *иллокутивную* силу речевого акта[5]. Поэтому единицами анализа являются речевые ситуации, речевые события и речевые акты[6].

[1] Fielding & Fielding. 1986; Silverman, 1993, с. 157
[2] Denzin, 1970
[3] Silverman, 1993, с. 158; Garfinkel, 1967; Bloor, 1978
[4] Jakobson, 1960
[5] Schiffrin, 1994, с. 145
[6] Saville-Troike, 1989, с. 26

Для категоризации речевых событий Хаймс предлагает следующие вопросы:

- Каковы примеры речевых событий?
- Какие классы речевых событий можно распознать или вывести?
- Каковы параметры противоположностей, каковы их отличительные особенности? (Это подразумевает обращение к тому, как представлены факторы и как выполняются функции).
- Каков паттерн их встречаемости, их распределения друг по отношению к другу и во внешнем проявлении (в терминах некоторого общего поведения или выбранного аспекта)?

Здесь необходимо использовать анализ слов, которые выражают речевые события, внутри структуры оппозиции. «Речевая решетка» (см. табл. 7.1) представляет приблизительную, «грубую» аналитическую структуру речевых событий.

ТАБЛИЦА 7.1. Речевая решетка

Регулирование, сцена	Физические обстоятельства, субъективное определение случая
Участники	Говорящие, отправитель, адресант, слушатель, получатель, аудитория, адресат
Итоги	Предназначение, цели, результаты
Последовательность действий	Форма и содержание сообщения
Тональность	Тон, манера
Инструменты	Канал (вербальный, невербальный, физический), формы речи, заимствованные из репертуара сообщества
Нормы	Нормы интеракции и интерпретации, специфические особенности речи, интерпретация норм внутри системы культурных убеждений
Жанр	Категории текста

Результирующие вопросы исследования должны быть следующими: *Кто говорит? С кем? Когда? Где? В каком коде? О чем?* Хаймс перечислил факторы, обозначающие

«компоненты» внутри речевого события, которые приобретают особо заметное положение как *речевая решетка*. Их необходимо понимать «просто как начальная эвристическая структура».

С помощью речевой решетки, хотя это и грубая аналитическая схема, следует определить локальные (т.е. культурно-обусловленные) единицы коммуникации: речевые ситуации (например, конференция), речевые события (например, последовательность «вопрос — ответ) и речевые акты. «Для любой группы присущие ей категории будут различаться количеством и видом, и их примеры и классы нужно определять эмпирически»[1].

Речевые события и речевые акты необходимо анализировать относительно их функции. Для этого Хаймс предлагает расширенный каталог возможных коммуникативных функций:

- экспрессивная, эмотивная;
- директивная (познавательная, прагматическая, убеждающая, влияющая на мнение);
- поэтическая;
- функция контакта (речь идет о контакте при передаче сообщения);
- металингвистическая;
- репрезентативная или функция референции (включает содержание темы);
- контекстуальная функция.

Здесь единица анализа — отдельный речевой акт. Анализ способа использования конкретного речевого акта (например, вопросов) внутри речевого события показывает культурные знания лингвистической структуры и функции, а также организацию социального взаимодействия и социальные роли[2].

[1] *Hymes, 1962, c. 25*
[2] *Schiffrin, 1994, c. 181*

7.5. КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА

Вопрос — *Какие критерии качества подходят для оценки этнографического исследования?* — это предмет спора в этнографической традиции[1]. В сущности, есть 2 линии аргументов. Первая — это отказ в целом от «позитивистских научных» критериев качества, таких, как валидность, достоверность, объективность или интер-субъективность. Вторая — это принятие, в принципе, этих критериев качества, хотя и в модифицированной форме, чтобы привести в соответствие объект (культурные или социальные структуры) и стратегию качественного исследования.

Сторонники аргументов первого типа отказываются от критериев валидности и достоверности в пользу интенсивной личной вовлеченности. Они защищают отказ от традиционного научного контроля, импровизирующий стиль исследования, который может иметь дело с ситуациями, независимыми от влияния исследователей, и способность учиться на повторных ошибках[2]. В свою очередь критики этой позиции задают вопрос — есть ли разница между этнографией и определенными формами журналистики — и обращают внимание на недостатки этнографического исследования, которые могут возникнуть при этой исследовательской ориентации[3]:

a) данные отобраны таким способом, чтобы соответствовать идеализированной (пре-) концепции и
b) критерий отбора данных — это, в основном, их экзотическое или драматическое качество.

Соответственно, этнография должна заботиться о качестве своих заявлений, чтобы гарантировать основу для дискуссии и независимость от предрассудков, иррациональности и романтичности мышления XIX века.

Хамерсли предлагает адаптированный концепт валидности, называя его «утонченной формой реализма»:

[1] *Hammersley & Atkinson, 1995, с. 227; Silverman, 1993, с. 145*
[2] *Agar, 1986, с. 12*
[3] *Silverman, 1993, с. 153*

- валидность означает доверие к результатам, а не абсолютную определенность;
- реальность — это независимость от мнений исследователя;
- реальность регулярно рассматривают с различных позиций.

Следовательно, валидность утверждений задают 3 критерия:

a) убедительность,
b) доверительность и
c) эмпирическое подтверждение.

Так как (a) и (b) могут способствовать консерватизму и принятию «само собой разумеющихся знаний», то валидность определяют, главным образом, на основе критерия (c). По мнению Сильвермана[1], постулат Поппера о формулировании гипотез и попытках их опровергнуть имеет центральное значение для этнографического исследования, хотя применяют его очень редко.

Для проверки посылок можно использовать 2 разных подхода[2]. Первый — это триангуляция данных и методов. С помощью этого подхода проверяют промежуточные результаты исследования, используя разнообразные данные (типы текстов) и методы (например, количественный контент-анализ). Также результаты рассматривают относительно различных теоретических подходов[3]. Но триангуляция кажется проблематичной, так как не позволяет проанализировать контекстно-обсловленную природу социальной интеракции достаточной хорошо[4]. Второй подход — это *валидизация респондента*. Эта процедура позволяет сопоставить объект исследования или «участников», чьи интеракции были предметом исследования, с результатами. Должно ли принятие объекта и участников как таковых быть предусловием валидности — этот вопрос пока

[1] *Silverman, 1993, с. 153*
[2] *Hammersley & Atkinson, 1995, с. 227; Silverman, 1993, с. 156*
[3] *Denzin, 1970*
[4] *Silverman, 1993, с. 158*

остается очень спорным. Открытая «валидизация респондента» возможна только в тех случаях, когда результаты совместимы с образом «Я» исследуемых людей.

Так как эти методы/подходы также имеют слабые места, то, по мнению Сильвермана, единственная оставшаяся возможность — это тщательный отбор единиц исследования для того, чтобы обеспечить, по крайней мере, некоторую генерализуемость утверждений. Проблема репрезентативности — это вопрос, который касается всех качественных социальных исследований. Так как пока нет доступного решения, сравнимого с процедурой формирования случайной выборки, обсуждают следующие альтернативы:

- сравнение релевантных аспектов случая со случаями из большего массива;
- дополнительный количественный анализ случайных выборок;
- сопоставление нескольких этнографических исследований.

Сильверман придерживается мнения, что генерализация относительно теоретических концептов более уместна, чем попытки сделать выводы о большем массиве на основе отдельных случаев. Поэтому необходимо проводить «теоретическое формирование выборки» и отбирать случаи относительно интересующих концептов (см. гл. 3).

Обсуждению подлежит и критерий достоверности. Хамерсли определяет его как «степень согласованности, с которой разные или одни и те же наблюдатели по разным событиям относят примеры к одной и той же категории». Сильверман проводит различие между *диахронической* и *синхронической* достоверностью. Вопреки радикальному отказу от критерия достоверности на основе «неопределенного потока» социальных феноменов, Сильверман указывает, что нет никакого основания для систематического социального исследования без принятия определенных, по крайней мере, временно устойчивых качеств в социальных феноменах. В области анализа текста он предлагает правила для подготовки материала; для самоанализа он предлагает множественное кодирование, чтобы гарантировать достоверность, и коэффициенты интра- и интеркодирования, чтобы ее измерить.

Остается отметить, что в социолингвистической «этнографии коммуникации» не проводили никакого сравнительного обсуждения критериев качества. Хаймс упоминает только «эмпирическую адекватность области исследования» без дальнейшего объяснения этого критерия. Но, по-видимому, этот метод ориентируется на существующие критерии качества:

> *Полное избегание субъективности невозможно никогда в связи с нашей природой культурных животных; однако ограничения и директивы методологии предназначены для того, чтобы минимизировать наше перцептуальное и аналитическое искажение. Традиция «участник — наблюдение» — основная для всей этнографии, но ее можно усилить разнообразием других методов сбора данных и процедур валидизации*[1].

7.6. УСЛОВИЯ И ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

По-видимому, этнографический анализ подходит всегда, когда интерес представляют не только текстовые паттерны, но и их взаимосвязи с культурными ограничениями. В любом этнографическом анализе подчеркивают большое значение контекстуальных знаний; анализ контекста — это неотъемлемый компонент анализа текста. Соответственно, чтобы понять, как организованы социальные действия в специфических условиях, как способа сбора данных используют скрытое или открытое наблюдение участника. Эту контекстуальную информацию обязательно необходимо собирать в процессе анализа текста.

Сейчас для этнографического анализа текста разработан ряд компьютерных программ[2], которые, в частности,

[1] *Saville-Troike, 1989, с. 4*
[2] *Hammersley & Atkinson, 1995, с. 193*

упрощают хранение и определение местонахождения специально закодированных сегментов текста. Эти программы предназначены для того, чтобы заменить ручную операцию «отрежь и наклей». Процедуры «кодирования и декодирования»[1] сейчас можно выполнять с помощью таких программ, как, например, *Ethnograph*, *Kwalitan*, *MAX* и так называемых «основанных на коде строителей теории», таких, как *NUDIST* и *ATLAS/ti* — они также дают возможность связать коды и концепты с «обоснованными теориями»[2].

Этнографию речи часто рассматривают как интегративный, но экстравагантный подход к анализу текста[3]. «Речевая решетка» содержит далеко идущие (глубокие) вопросы, которые отчасти относятся к субъективному наблюдению интерактивных паттернов и на которые, вероятно, можно ответить только ориентировочно и гипотетически. Хотя в процессе различения речевых событий самую большую отличительную силу приписывают таким факторам, как «участники», «итоги» и «последовательность актов», в анализе «ключа» и «инструментов» необходима очень деликатная система записи и транскрипции, которая может уловить вербальные и невербальные события.

7.7. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С ДРУГИМИ МЕТОДАМИ

Общий этнографический метод имеет сходства с методами, основанными на обоснованной теории и этнометодологии. Здесь так же, как и в обоснованной теории, есть процесс обнаружения концептов, тем не менее, обоснованная теория разработана более детально. Она сконцентрирована на процедуре кодирования и, соответственно, ее можно рассматривать как дополнение к этнографическому анализу текста. Этнометодологические методы отличаются от этнографии своими целями — их основная цель — обнаружить обычные паттерны объяснения и рационализации для «членов» социальных единиц. А вот этнография направлена на объясняющие культурные паттерны с концептами, которые сами акторы не используют.

Этнография имеет четкие отличия от всех методов, которые подходят к тексту с помощью заранее зафиксированных концептов (контент-анализ и т.п.). Действительно, этнографические методы также работают с категориями, но эти категории имеют скорее промежуточный характер. Точная операционализация, избирательность, независимость и недвусмысленность — это не те критерии, которые предъявляют к этнографическим категориям, и очень маленькую ценность имеют количественные показатели.

В отличие от герменевтических методов, этнографические подходы можно охарактеризовать как полностью объектно-ориентированные: центральную важность имеет сам материал, а не компетенция исследователей в интерпретации.

В отличие от анализа текста, основанного на теории различий, этнографические методы обходятся без каких-либо возможностей экспериментального подхода к текстам — в частности, без декомпозиции и реконструкции. Этот систематический эвристический компонент в этнографии отсутствует.

Можно обнаружить заметное сходство между речевой структурой «этнографии коммуникации», структурными концептами обоснованной теории и категориями контент-анализа Холсти и Берельсона, которые релевантны по отношению к любому анализу текста (см. гл. 5, раздел 5.4.1.3).

От лингвистических методов, таких, как дискурс-анализ и функциональная прагматика, этнография коммуникации отличается в первую очередь тем, что она не придает особого значения лингвистическим категориям (например, связности). В этом отношении этнография коммуникации похожа на сравнительный анализ, тем не менее, от него она отличается более широким пониманием контекста.

---

1 *Weizman & Miles, 1995, с. 148*

2 *Более подробно об ATLAS, the Ethnograph, NUDIST, QSR N Vivo и Am Mex см. www.//scolari.com/products.htm*

3 *Schiffrin, 1994, с. 181*

2 МЕТОДА АНАЛИЗА ТЕКСТА, ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА ЭТНОМЕТОДОЛОГИЮ: АНАЛИЗ СПОСОБА КАТЕГОРИЗАЦИИ УЧАСТИЯ И КОНВЕРСАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

8.1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА

«Этнометодология» Гарфинкеля возникла под влиянием «феноменологии» Альфреда Шюца и его концепта повседневного мира или мира будничной жизни. В отличие от других направлений социологии, в этнометодологии не исследуют социальный порядок. Ее цель — идентифицировать повседневные процедуры, которые члены общества используют, чтобы такой социальный порядок создать.

Философские корни этого направления социологии уходят не только в феноменологию Гуссерля, но и в философию Витгенштейна, и особенно — в его концепт языковой игры. В своем философском исследовании Витгенштейн привлек внимание к связи между речью и образом жизни: «Выражение «языковая игра» использовано здесь для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что речь на определенном языке — это часть определенной деятельности или образа жизни»[1].

Этнометодология базируется на предположении, что в процессе интеракции его участники создают социальный

[1] Wittgenstein, 1984, с. 250; Kenny, 1974, с. 186

порядок, причем делают они это в любой текущей ситуации — так сказать, «локально». Мир социальных фактов создается посредством непрерывной практики его участников. Этнометодология включает исследования повседневной рациональности, разговорного языка и ежедневных событий. «Следовательно, этнометодология — это исследование методов, которые участники группы используют, чтобы понять коммуникацию, принять решения, чтобы быть рациональными, объяснять действия и т.д.»[1].

Создателями этнометодологической теории считают Гарольда Гарфинкеля[2] — ученика Альфреда Шюца, социального философа, эмигрировавшего из Вены, — и Аарона Сикурела. Гарфинкель сообщает, что разработал основные концепты этнометодологии в ходе исследования отчетов о рассуждениях жюри, записанных на пленку, с использованием системы Бейлса[3]. Но этот анализа процесса интеракции (см. гл. 5, раздел 5.4.1 и гл. 10) был недостаточным для того, чтобы «справиться» с полученным богатством материала, в результате чего и была разработана этнометодология. После того, как Гарфинкель перешел в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (UCLA), образовался круг социологов, этнологов и лингвистов из различных университетов Калифорнии, к которым принадлежал и Харви Сакс. Анализ способа категоризации участи (СКУ) — один из первых методов этнометодологии, впоследствии на его основе был разработан конверсационный анализ[4]. Его тесная связь с этнометодологией проявляется в его названии — «этнометодологический конверсационный анализ».

Я хочу предположить, что существует область исследования, которая не является частью какой-либо известной науки. Область эта такова, что те, кто ею занимаются, готовы назвать ее этнометодологией/конверсационным анализом. Предназначение

[1] Mullins, 1973, с. 182
[2] Garfinkel, 1974
[3] Bales, 1950
[4] Mullins, 1973

этой научной области — в описании методов, которые люди используют в своей социальной жизни[1].

Здесь есть четкое отличие от не-этнометодологических методов конверсационного анализа, которые, по многим немецким источникам, упоминают, когда говорят о подходах, которые анализируют естественные тексты эмпирически.

В 1960-х и 1970-х гг. конверсационный анализ развивался как независимое направление в исследовании в группе под руководством Харви Сакса. Именно его «Лекции» вместе с классическими исследованиями Эммануэля А. Щеглоффа и Гейла Джефферсона заложили основу для создания метода[2]. Уже в этой ранней работе по конверсационному анализу основной акцент сделан на главном предмете исследования — регуляторных принципах последовательности в социальном взаимодействии, таких, как организация смены реплик — принципах, лежащих в основе смены говорящего, — или восстановительной стратегии, т.е. механизмах, которые участники применяют, чтобы преодолеть коммуникативное разногласие и достичь межсубъективного понимания.

Развитие конверсационного анализа в 1970-х гг. совпало с двумя существенными изменениями в лингвистике и оказало на них значимое влияние[3]. Первое изменение — это отход от идеализированной модели «говорящий — слушатель» Хомского и интерес к естественному языку; второе — это исследование речевых действий, которое было мотивировано прагматикой, дискурс-анализом и теорией речевого акта.

8.2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ

Поскольку анализ СКУ и конверсационный анализ приобрели свой специфический характер благодаря этнометодологии, их теоретические посылки можно понять, только если рассмотреть этнометодологические принципы. Как наиболее значимые выделяют 4 посылки этнометодологии:

a) перформативная природа социальной реальности;
b) индексивность;
c) рефлексивность и
d) наглядность действий.

Перформативная природа социальной реальности. Гарольд Гарфинкель в своей диссертации, которую он выполнил под руководством Талкотта Парсонса, изучал «условия, при которых человек создает непрерывный смысл мира, который его окружает»[1]. В ней он рассматривал социальную реальность как *деятельностную реальность*, которая задана не объективно — ее постоянно «локально» производят участники, и принимают ее межсубъективно. В этом Гарфинкель явно ассоциирует себя (даже в своей поздней работе) с феноменологией Альфреда Шюца и, особенно, с идеей «повседневной» жизни[2]. Его интересовал «видимые, но «не отмеченные» основания для повседневной деятельности», к которым участники обращаются, когда обсуждают реальность локально и интерактивно. По мнению этнометодологов, исследователи должны находить указатели, которые значимы для самих участников. Аарон Сикурел считает, что валидность результатов исследования зависит от скрытой согласованности между индикаторами, которые использует «человек с улицы», и индикаторами, которые используют ученые-социологи. Вследствие этого, этнометодологический анализ избегает общей генерализации и формирования стереотипов, для того чтобы «уловить» категоризации, которые в процессе интеракции делают сами участники[3]. «Исследование само собой разумеющихся знаний и само собой разумеющейся деятельности состоит в том, что в качестве проблемы рас-

Footnotes (p. 148):
[1] Sacks, 1984, c. 21
[2] Jefferson, 1972; Sacks, 1972a; Schegloff et al., 1978; Sacks & Schegloff, 1979
[3] Streeck, 1983; Bergmann, 1994

Footnotes (p. 149):
[1] Garfinkel, 1952, c. 1; Bergmann, 1994, c. 5
[2] Garfinkel, 1952
[3] Haritage, 1984, c. 292

сматривают актуальные методы, с помощью которых члены общества непрофессионально или профессионально формируют социологию, делают наблюдаемыми социальные структуры повседневной деятельности»[1]. Анализ СКУ и конверсационный анализ, исходя из перформативной природы реальности, приходят к заключению, что значение и порядок в разговорах создаются в конкретном текущем взаимодействии. Язык, подобно любой другой деятельности, — это ситуативный продукт систем и правил.

Индексальность означает, что все наблюдаемые феномены «привязаны» к ситуативным условиям их производства. Значение лингвистических высказываний также индексивно, и, следовательно, означает то, что свойственно языку определенных людей в совершенно специфических контекстах. Таким образом, смысл лингвистических высказываний можно понять, исходя из конкретного контекста их использования. Даже эти контексты этнометодологи не рассматривают как объективные — они считают их частью интерактивного процесса.

Рефлексивность связана со следующим фактом: *действия* и *контекст* взаимно конституируют друг друга. Для конверсационного анализа понятие *контекст* означает следующее: *частью контекста* можно считать только то, что значимо для участников текущей коммуникативной ситуации. Язык *контекстно-связан* двумя способами. С одной стороны, высказывание возникает в контексте его производства и интерпретации, с другой — оно одновременно оно вносит вклад в контекст следующего высказывания[2]. Эта рефлексивная ориентация на контекст характеризуется связностью высказываний, она значима для локального создания порядка.

С рефлексивностью тесно связана *наглядность* — здесь речь идет о правилах, которые участники используют, чтобы сделать действия наглядными и узнаваемыми[3].

[1] *Garfinkel, 1952, с. 30*
[2] *Haritage, 1984, с. 242*
[3] *Schiffrin, 1994, с. 234*

На основе этих теоретических посылок этнометодология разработала специфические методы анализа текста. Особая область его применения — повседневный разговор и повседневные истории. Анализ СКУ направлен на реконструкцию инструментов, которые участники используют для описания и категоризации. Конверсационный анализ связан с «коммуникативными принципами *(вос-)производства социального порядка* в ситуативной лингвистике и не-лингвистической интеракции»[1].

8.3. ЦЕЛИ МЕТОДА

8.3.1. Цели анализа СКУ

Цель анализа СКУ — понять, когда и как члены общества создают описания. Это нужно, чтобы впоследствии представить механизм, который они используют для производства уместных и подходящих описаний[2].

> *На что должен быть нацелен исследователь — так это на то, чтобы построить аппарат, который объяснит — как так получается, что любые действия, которые члены общества совершают так, чтобы эти действия узнавали другие, действительно становятся узнаваемыми*[3].

8.3.2. Цели конверсационного анализа

Конверсационный анализ направлен на поиск тех генеративных принципов и процедур, которые участники используют для производства *структур характеристик* и *порядка коммуникативной ситуации*[4].

[1] *Bergmann, 1994, с. 3*
[2] *Silverman, 1993, с. 80*
[3] *Sacks, 1992b, с. 236*
[4] *Bergmann, 1994, с. 7*

Феномены, с которыми мы собираемся иметь дело, — это всегда транскрипции актуальных случаев в их актуальной последовательности. И я считаю именно нашим делом — пытаться сконструировать механизм, который производил бы эти высказывания (случаи). То есть, мы будем находить и называть некоторые объекты, также мы будем находить и называть некоторые правила использования этих объектов, где эти правила будут производить такие высказывания[1].

Таким образом, цель анализа — обнаружить «механизм», с помощью которого возможно воспроизводить то, что делают участники. Следовательно, мы можем говорить, что обнаружение повседневных феноменов посредством этнометодологии представлено и в конверсационном анализе. Он направлен на поиск знаний участников об их повседневных обстоятельствах и обнаруживает, как сами говорящие рассматривают определенные аспекты разговора. Исходя из этого, исследователи анализируют поведение и на основе этого формулируют единицы анализа, паттерны и правила[2]. Пример наблюдаемого феномена, основные механизмы которого представляют фундаментальный интерес для конверсационного анализа, — это смена говорящего. Участники говорят поочередно и редко одновременно; один говорящий может назначить следующего говорящего или следующий говорящий может назначить себя сам и т.п. Основные правила этого повседневного поведения представлены как простая система у Харви Сакса, Эммануэля Щеглоффа и Гейла Джефферсона. Далее мы опишем ее более детально (см. раздел 8.4.2).

Частью теоретической базы конверсационного анализа является также то, что он направлен на анализ текста естественных, а не экспериментальных ситуаций. Этот метод контекстно-связан, а принятая в нем идея текста тесно переплетается с этнографической традицией. Текст

[1] Sacks, 1985, с. 13
[2] Schiffrin, 1994, с. 236

понимают как интерактивный продукт и результат обоюдной интерпретации паттернов в разговоре. Взаимодействие структурировано: пример такого структурирования можно найти в парах близких высказываний. Имеется ввиду последовательность двух высказываний, которую производят разные говорящие, где упорядочены и первая, и вторая часть. Т.е. первая часть подразумевает вторую — например, в последовательностях «вопрос — ответ».

С этим связана идея контекста, которая также имеет этнометодологическую ориентацию. Посылка этой перспективно-ретроспективной атрибуции значения состоит в следующем: каждое высказывание привязано к контексту предыдущего высказывания и одновременно является контекстом для следующего высказывания. «Значение действия любого говорящего дважды контекстуально — оно *контекстно-сформировано* и *контекстно-возобновляемо*»[1]. Факторы, отличные от этих контекстно-создающих факторов в самом тексте, не имеют первостепенного значения: «тот факт, что 2 человека «фактически» — это доктор и пациент, соответственно, не делает такие характеристики релевантными *просто в силу самого этого факта*»[2]. Контекстом можно считать только то, что очевидно для участников. Следовательно, идея контекста в конверсационном анализе основана на тексте.

8.4. ОПИСАНИЕ МЕТОДА

8.4.1. Описание анализа СКУ

Анализ СКУ начинается с анализа маленьких единиц текста — как правило, отдельных утверждений или предложений. Вот пример из работы Сакса:

Малыш заплакал. Мама взяла его на руки.

[1] Haritage, 1984, с. 242
[2] Schegloff, 1987, с. 219

Цель анализа СКУ — выяснить, на чем участники определенной группы основывают пониманием этих маленьких единиц. Если мы обратимся к нашему повседневному пониманию, станет ясно следующее: мы понимаем, что есть мама какого-то конкретного ребенка, которая берет его на руки, потому что он плачет. Таким образом, текст понятен, даже если нет явных ответов на следующие вопросы:

- Речь действительно идет о матери ребенка?
- Заплакал ли ребенок перед тем, как его взяли на руки?
- Ребенка взяли, потому что он заплакал?

По всей видимости, эту последовательность двух предложений все потенциальные слушатели понимают одинаково, даже если они не знают точно, о каком ребенке и какой матери идет речь, заплакал ли ребенок перед тем, как его взяли, и какими были мотивы матери.

Кроме того, анализ СКУ направлен на конструирование «механизма», который покажет — как получается так, что слушатели понимают этот фрагмент в основном одинаково. Этот механизм — способ категоризации участия — согласно Саксу, состоит из следующих компонентов:

a) *категории*, которые используют для определения объектов или людей — например, «мать»;
b) *совокупности* — т.е. категории, которые воспринимают как принадлежащие к одной и той же совокупности — например, категории «мать», «отец» и «ребенок» принадлежат к совокупности «семья»;
c) *деятельность, связанная с категориями*, — это те действия, которые обычно *приписывают* членам категории — например, «плачет» приписывают «ребенку», а «берет малыша» приписывают его матери.

Эти компоненты обычно применяют по двум правилам:

a) правило последовательности: когда бы говорящий ни использовал 2 или более категории, если есть возможность воспринимать эти категории как принадлежащие к одной совокупности, их всегда будут понимать таким образом. Следовательно, «мать» и «ребенок» принадлежат к одной семье. Как только использована категория из определенного набора, люди предпочитают относить другие не категоризированные члены к категориям из этого же набора.
b) правило эффективности: каждого человека относят только к одной категории, и когда все люди отнесены к категориям, интерпретация завершается.

Следующая задача анализа СКУ — реконструировать этот механизм в текстах. Посредством этого механизма можно обнаружить схемы наблюдения и оценки групп (или членов групп).

8.4.2. Описание конверсационного анализа

8.4.2.1. Правила и процесс анализа

Во вступлении к классическому сборнику работ по конверсационному анализу Джим Шенкайн[1] говорит об общем «аналитическом менталитете» исследований, которые он включил в свою книгу. Этнометодологическая ориентация означает реконструкцию реальности с позиции интеракции ее участников. С этим связано требование обнаруживать методы, которые используют сами участники при производстве объекта. Поэтому определенные процедуры анализа необходимо адаптировать к конкретному объекту исследования. По этой причине в конверсационном анализе какая-либо общая или закрепленная методология не сформулирована. Тем не менее, этот анализ систематический и подчиняется определенным правилам. В качестве примера закрепленных обоснованных правил

[1] *Schenkein, 1978a, c. 1*

для любого конверсационного анализа мы можем привести требования, сформулированные Харви Саксом:

> *Первое правило процедуры проведения анализа (правило, которое вы должны использовать обязательно, или не сможете выполнять работу) гласит: устанавливая, что же, по всей видимости, произошло — прежде чем решить проблему — не позволяйте Вашему представлению о том, что могло случиться, решать за Вас — что же все-таки произошло.*
>
> *Нет необходимости выбирать между сложностью/простотой аппарата, с помощью которого вам необходимо сконструировать объект, и номинальной сложностью/простотой объекта.*

Это означает, что в любом анализе реконструкцию реальности с позиции участников исследователь не должен «заслонять» своими идеями. Простые повседневные вопросы совсем не обязательно описывать с такой же простотой. В качестве примера Харви Сакс приводит английскую грамматику, где предложения, которые 6-летний ребенок может запросто построить, трудно адекватно объяснить.

Дополнительные шаги к обоснованным правилам можно описать только в очень общих терминах, так как они «заимствованы» из поведения участников и формируются постепенно, по мере обнаружения структуры определенного объекта. Согласно Вернеру Кальмейеру[1], последовательная процедура, скрупулезное наблюдение за упорядоченной природой действий и разработка взаимной интерпретаций — все это отличительные особенности метода.

Тип описания, который используют в конверсационном анализе, применяют к звуковым и визуальным документам шаг за шагом — т.е. последовательно. В качестве первого шага Бергманн[2] рекомендует группе интерпретаторов анализировать небольшой сегмент данных, «не перескакивая» назад или вперед по транскрипции. Интерпретативные гипотезы разрабатывают, отклоняют или утверждают совместно. Цель интерпретации — идентифицировать объекты — лингвистические и нелингвистические высказывания, при этом их рассматривают как компоненты упорядоченного события, созданного участниками. Упорядоченную природу активности в конверсационном анализе рассматривают как результат методологического решения некоторых структурных проблем в социальной организации интеракций, другими словами — как ответ на предшествующий вопрос. Следуя гипотезе о структуре лежащих в основе проблем, конверсационный анализ реконструирует те повседневные методы, которые участники используют для решения определенной проблемы и для производства наблюдаемого порядка действий. Чтобы проверить валидность интерпретации, в конце изучают серию случаев. Отправная точка — это представление участников о релевантности. Таким образом, вопрос не в том, что говорящие намеревались сделать с помощью определенного высказывания, а в том, как они «обходятся» с этим высказыванием в разговоре. В конце классифицируют техники, которые участники используют в разговоре при интеракции. Следовательно, категоризацию обычно предпринимают на последнем этапе.

> *Мы хотели бы назвать такие объекты и показать, как они работают, — точно так же, как мы знаем, как работают глаголы, прилагательные и предложения. Таким образом, мы могли бы увидеть, как организована деятельность, так, как мы можем увидеть, что предложение организовано с помощью глагола, предиката, и т.д. В идеале, конечно, мы имели бы формализованный метод, так же, как формализована организация предложения. Torga описание могло бы управлять не только последовательностями, но и определенными предложениями. То, что бы мы делали затем — так это разрабатывали бы другую грамматику. А грамматика, конечно, — это модель*

[1] *Werner Kallmeyer, 1988, с. 1101*
[2] *Bergmann, 1994, с. 11*

постоянно наблюдаемой, четко упорядоченной социальной активности[1].

Таким образом, конверсационный анализ расположен на границе между социологией и лингвистикой. Даже при исследовании языка грамматические категории и структуры не представляют интереса для анализа, поскольку нет ни одной сформулированной категории, которая не была бы релевантна для говорящего в данном разговоре[2].

Основной интерес представляют регуляторные механизмы организации процесса социального взаимодействия. Классические объекты исследования — организация смены говорящего и последовательная организация разговора, который связывает 2 высказывания в последовательность интеракций. Организация *смены реплик* — центральный компонент в системе взаимодействия, и это пример процедуры, которую используют в конверсационном анализе[3]. В своей классической статье Сакс, Щеглофф и Джефферсон заявляют, что необходимо найти *контекстно-свободную* и *чувствительную к контексту* систему организации вклада в разговор. Контекстно-свободную, потому что доступна формальная система, которую можно применить ко всем возможным ситуациям разговора, а *чувствительную к контексту* — потому, что система одновременно учитывает контекстуальные факторы (см. рис. 8.1). Система включает 2 компонента, а именно: *компонент конструкции реплики* и *компонент расположения реплики*, и правила их комбинирования. Понятие *реплика* в конверсационном анализе используют для того, чтобы обозначить высказывание (или последовательность высказываний) одного говорящего с момента, когда он получил право говорить, до момента, когда это право получил следующий говорящий. Компонентами конструкции реплики могут быть предложения. Слушатели распознают эти компоненты и получают возможность оценить дальнейший вклад в диалог. Первый возможный вывод о

[1] *Sacks, 1984, c. 24*
[2] *Schiffrin, 1994, c. 239*
[3] *Sacks et al., 1978, c. 10*

типе конструкции — это так называемое «место передачи реплики» (МПР). Среди компонентов расположения реплики выделяют компоненты, с помощью которых говорящие выбирают следующих говорящих, и компоненты, с помощью которых говорящий выбирает себя сам для следующего вклада. Дополнительно к этому формулируют 2 правила. Первое правило подразделяется на 3:

a) если вклад в разговор содержит инструмент для выбора говорящего, то говорящий, которого выбрали, имеет право сделать следующий вклад;
b) если реплика не содержит инструмента «выбора другого говорящего», говорящий может выбрать себя сам, и тот, кто начинает говорить первым, получает возможность для следующего вклада;
c) если реплика не содержит инструмент для выбора другого говорящего, то ныне говорящий может продолжать. Это не касается тех случаев, когда в разговор вступает другой человек.

Второе правило гласит: если на первом месте передачи реплики говорящий никого не выбрал, если никто не начал говорить и если говорящий продолжает говорить, то на следующем удобном месте для смены реплики рекурсивно будет применяться правило 1. Система смены говорящего представлена на рисунке 8.1.

Шлобински[1] иллюстрирует эту систему примером последовательности реплик в разговоре с покупателем:

1) Продавец: фунт яблок, так (.)
2) Покупатель: и 4 груши, пожалуйста.

Пауза в конце реплики продавца указывает на подходящий момент для смены реплик. Следующий говорящий интерпретирует ее как подходящий момент смены реплики и выбирает говорить сам.

1) Продавец: фунт яблок, так (.) Что-нибудь еще?
2) Покупатель: и 4 груши, пожалуйста.

[1] *Schlobinski, 1996, c. 209*

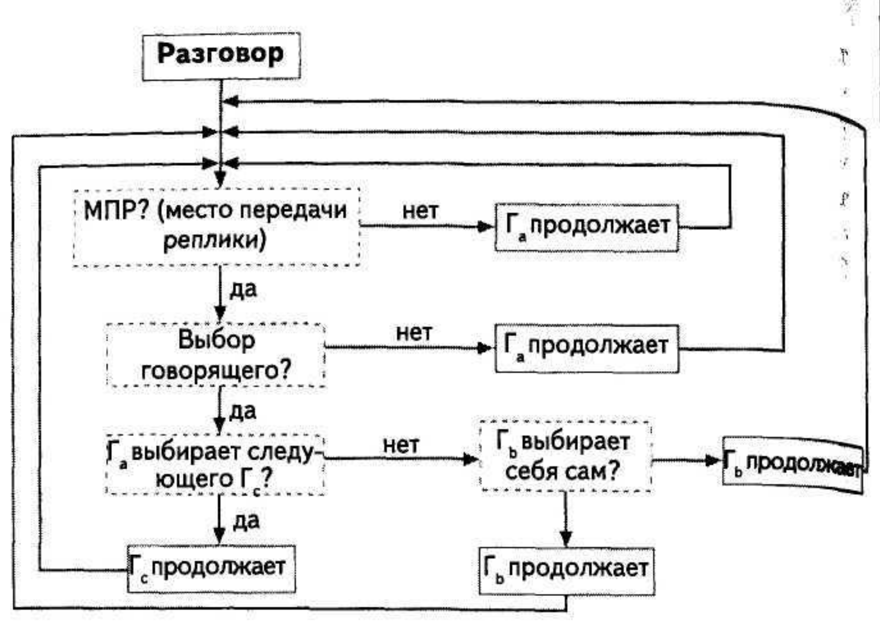

РИСУНОК 8.1. Система смены говорящего

Здесь ныне говорящий передает право говорить следующему участнику, интонация в этом играет решающую роль. Следующий участник принимает этот «выбор другого говорящего» и произносит свою реплику.

На более высоком уровне, чем организация смены говорящего, в конверсационном анализе расположен принцип организации последовательности, т.е. соединения двух соседних высказываний в последовательность взаимодействия. Здесь анализируют различные последовательности взаимодействия, которые выходят за предыдущие границы. Для этого были разработаны концепты *условной релевантности* и *предпочтительной организации*. Условная релевантность означает зависимость между двумя репликами. Например, после вопроса ожидают ответ, а приветствие предполагает ответное приветствие[1].

[1] Schegloff & Sacks, 1973

Термин *предпочтительная организация* используют в конверсационном анализе, чтобы описать тот факт, что не все возможные реакции на лингвистическую деятельность имеют одинаковую ценность. Так, существует различие между *предпочтительной* и *непредпочтительной деятельностью*. Предпочтительная структура — это когда после вопроса следует ответ, а непредпочтительная — это когда за вопросом следует встречный вопрос. Первым предпочтительную деятельность исследовал Щеглофф. Он проанализировал предпочтения само-коррекции говорящего по отношению к коррекции другими говорящими. Конечно, с помощью категорий условной релевантности и предпочтительной организации конверсационный анализ имеет дело со сложными и широкими контекстами[1].

8.4.2.2. Критическая дискуссия

Конверсационный анализ подвергли резкой критике из за его подхода к пониманию текста[2]. В ответ на лекцию Щеглоффа «Чей текст? Чей контекст?» Теун ван Дейк заявил, что он считает иллюзией изучать текст сам по себе, вне условий, как это предлагает конверсационный анализ. Исследователи всегда проецируют свои собственные категории на тексты, просто, чтобы их понять. Участники во взаимодействии могут имплицитно принимать как данность такую категорию как пол. Кроме того, по мнению ван Дейка, нельзя провести четкую границу между текстом и тем, что на него влияет, поскольку в тексте много предполагаемого и подразумеваемого. Наконец, необходимо рассматривать передачу богатого социокультурного знания в когнитивных процессах. Ван Дейк считает, что сейчас стоит вопрос о разработке точной теории, которая объяснит все связи, которые существуют между текстом со всеми его особенностями и многообразными социальными, культурными и когнитивными контекстами, поскольку эти связи нельзя принимать как данность или считать очевидными.

[1] Kallmeyer, 1988, c. 1099
[2] Cicourel, 1992; Kotthoff, 1996; Gruber, 1996; Mey, 1993

Коттхофф[1] критикует конверсационный анализ примерно за то же. Когда в конверсационном анализе провозглашают, что обнаружат все релевантные макро-феномены, такие, как социальный уровень и возраст, в одном единственном разговоре[2], то тем самым предполагают у исследователей знания процедур, которые делают релеватными для разговора различия в культуре и власти и т.д. Коттхофф рассматривает этот аргумент как циклический, поскольку только систематическое сравнение разговоров может раскрыть различие между участниками, обусловленное, например, их различиями во власти. Грубер и Сикурел показывают, что разделенные знания участников вместе с их культурными и организационными условиями обнаруживаются в понимании разговоров. Эта критика и тот факт, что классические этнометодологи, например, Гарольд Гарфинкель и Харви Сакс (в его «Лекциях») ссылались на *фоновые знания* участников, привел к более широкому пониманию контекста в конверсационном анализе[3].

На основе этнометодологического ограничения «здесь и теперь», Фладер и фон Трота[4] пришли к серьезному академическому ограничению: если смотреть на процедуры, которые участники используют в решении проблем, то результаты органичены участниками разговора и не обладают объяснительной силой «за пределами» отдельного случая[5].

Связи между лингвистическими и инетрактивными структурами, и значениями, которые конверсационный анализ приписывает лингвистическим единицам, — также подвергли критике[6]. Роль лингвистических структур серьезно недооценивают, потому что трактуют язык просто как показатель в структуре интеракции. В исследованиях, более ориентированных на лингвистику, эту критику стараются учесть[7].

[1] *Kotthoff, 1996*
[2] *Schegloff, 1987*
[3] *Atkinson & Haritage, 1984; Bilmes, 1993*
[4] *Flader & von Trotha, 1988*
[5] *Wodak et al., 1990, c. 43; Rehbein, 1988, c. 1183*
[6] *Kallmeyer, 1988, c. 1100*
[7] *Например, Guelich & Kotschi, 1987*

8.5. КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА

Если принять суждение Маллинса[1], то наиболее важный программный стимул для этнометодологии возник в работе Аарона Сикурела «Метод и измерение в социологии», где он утверждает:

> *Рецепты повседневной жизни состоят из набора аналогий, которые постоянно маскируются, изменяются и создаются в ходе интеракции. Исследование культурных значений с их инвариантными и инновационными свойствами остается эмпирически открытым. Наши методы часто следуют за посылками систем измерения, которые мы хотели бы использовать, и ведут нас к тому, что мы применяем их без вопроса о возможных альтернативных видах измерения или даже необходимых для структуры исследуемых событий.*

Конечно, Сикурел избегает обсуждения «классических» критериев качества или формулирования новых, но его рекомендации по проведению исследований можно использовать, чтобы получить определенное количество «критериев» для этнометодологического анализа текста:

- Цель исследования должна быть сформулирована как можно более ясно, необходимо проанализировать теоретические утверждения и проверить гипотезы.
- Необходимо получить каждую дополнительную часть знаний об исследуемой ситуации. Все виды информации, необходимые для целей исследования, нужно сделать явными. Этого правила, которое Сикурел формулирует в общем для этнометодологического исследования, в конверсационном анализе не придерживаются.
- Все заметки на всех стадиях исследования необходимо делать точно, чтобы сделать заметными любые расхождения между «(1) явными и неявными пла-

[1] *Mullins, 1973, c. 190*

нами, (2) теорией и методологией и (3) изменяющимися с течением времени позициями».

- Возможно, исследователь начал с очень «бедного» проекта исследования и размытых понятий, связанных с проблемой исследования. Но с помощью детальной спецификации методологических процедур и их ограничений он может прийти к проверке некоторых специфических гипотез, если это позволят условия».

Если принять эти правила, то в этнометодологии можно найти следы критериев валидности, достоверности и, в частности, возможности повторить результаты. Сакс определяет «адекватность участников» как центральный критерий этнометодологического анализа. Щеглофф обсуждает этот критерий «релевантности», сравнивая «позитивистский» и «альтернативный» вариант. В позитивистском варианте успех в категоризации участников можно приписать специальной «технологии» — будь это технология для определения статистической значимости или для анализа исторического события. Альтернативное» решение основано на том факте, что характеристика участников зависит от аспектов, которые сами люди ясно не осознают как релевантные. Это понятие валидности — даже хотя Сакс и Щеглофф не идентифицируют его как таковое — по-видимому, имеет отношение к «валидизации участия» (см. гл. 7, раздел 7.5).

8.6. ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПРЕДУСЛОВИЯ

8.6.1. Для анализа СКУ

Этнометодология всегда предполагает поиск повседневной реальности. Поэтому она всегда связана с объяснением социальных феноменов с помощью «этно»-концептов. Первоначально СКУ был разработан для анализа повседневных ситуаций, разговоров и интеракций. Но нет причины, по которой эту аналитическую структуру

нельзя было бы применить и к другим текстам. Правда, анализ СКУ в том варианте, как его предложил Сакс, применим только к небольшому количеству текстов. Результаты анализа СКУ — хотя это и не предусмотрено в самой методологии — могут служить стартовой точкой для (подкрепленных теорией) интерпретаций, связанных с вопросом — какие социальные структуры стоят за механизмами категоризации, обнаруженными в процессе анализа.

8.6.2. Для конверсационного анализа

Бергманн считает конверсационный анализ — который направлен только на анализ «разговоров» в смысле неформального повседневного разговора — жертвой недоразумения. Действительно, повседневные разговоры — которые предварительно не структурируются и в которых распределение реплик, последовательность тем и длина вкладов не фиксируется — представляют центральный интерес, поскольку это основная форма лингвистического взаимодействия[1]. Кроме того, повседневные разговоры формируют основу для анализа всех других текстов[2]. Основания для расширения области применения конверсационного анализа приведены в сборнике статей Джима Шенкайна:

> *Есть разговоры, которые проводят по телефону и в виде сообщений; в спрятанных магнитофонах и открытых микрофонах; в жилых комнатах и на заводах; на улицах и на борту корабля; за едой и под арестом; среди незнакомых, коллег, близких и других людей; при передаче новостей, проведении деловых переговоров, произнесении похвал, регистрировании жалоб, при продаже страховки, раздаче инструкций, звонках в полицию, рассказывании историй, при оправданиях, в терапии, во время светских бесед и т.д. При этих очевидных ограничениях, это очень разнообразный материал.*

[1] *Heritage, 1984*
[2] *Silverman, 1993, с. 134*

Как следствие этого разнообюразия, анализ институциональной коммуникации быстро развивался[1].

Неоднородность потенциальных областей применения означает строгие предусловия для изучаемого материала[2]. Предварительные этнографические исследования должны подготовить и обеспечить доступ к дальнейшему полю исследования и помочь обнаружить и — если возможно — отобрать релевантные феномены. Особо важно, если поле исследования не является частью жизненного опыта самого исследователя и если к специфическим ситуациям, таким, как судебные дела и т.п., относятся как к чему-то большему, чем как к общим механизмам. Степень, в которой этнографические исследования становятся анализом, зависит от лежащего в основе понятия «контекст». Данные получают не экспериментальным путем, а извлекают из естественного взаимодействия. Насколько это возможно, анализу подвергают транскрибированные тексты и материал фильмов, а не сокращенные и интерпретированные данные. В исследовании коммуникативные феномены необходимо полностью записать, включая начало и выводы, так как они важны для реконструкции последовательно упорядоченной целостности. В принципе, это справедливо и для так называемого анализа выборки, где нет специфических коммуникативных событий, таких, как терапевтическая беседа, которую исследуют, а есть совокупность таких данных, как последовательности «вопрос — ответ» или инструменты коррекции в беседе. Здесь точно так же необходимо реконструировать каждый пример из определенной выборки как индивидуальный случай.

Наконец, записанные данные готовят к анализу при помощи специфической системы транскрипции, которую разработал Гейл Джефферсон[3]. Важно уделить внимание фонетическим и невербальным феноменам, поскольку в конверсационном анализе заранее ничего не исключают и не считают нерелевантным. Например, квадратные

[1] *Atkinson & Drew, 1979; Drew & Heritage, 1992*
[2] *Kallmeyer, 1988, с. 1102*
[3] *Schenkein, 1978:xi*

скобки указывают на частичное совпадение (одновременность реплик), а тире — на протяженность звуков. Знаки пунктуации используют для указания на интонационные феномены. Так, точка показывает понижение интонации, запятая — продолжительную (ровную) интонацию, а знак вопроса — повышение интонации; дефис указывает на резкую остановку, а восклицательный знак — на повышенный тон. Стрелки изображают особо сильное изменение в повышении или понижении тона. Подчеркивание используют, чтобы сделать ударение, а другие комментарии заключают в круглые скобки. Эту систему записи Джим Шенкайн поясняет в своем сборнике работ на нескольких примерах:

ТОМ: Я начал курить, когда был молодым
[[
БОБ: Я начал курить Кэмэл

Двойные квадратные скобки указывают на то, что 2 высказывания проговаривают одновременно.

ТОМ: Я привык курить больше, чем надо =
[
БОБ: Ты привык курить
ТОМ: = но я никогда не вдыхал дым

Одна квадратная скобка указывает, что 2 или более высказывания происходят одновременно, а « = » показывает, где в записи высказывание продолжается.

ЭНН: Так случилось, что это ***мое***
БЕН: Это не ваше, это ***мое***
ЭНН: И Я НЕ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ ВЫ ТАК НАСТАИВАЕТЕ НА ЭТОМ

Ударения показаны жирным шрифтом или заглавными буквами. *«Я привык ((кашляет)) курить много»:* — комментарии заключены в круглые скобки в самом тексте.

8.7. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С ДРУГИМИ МЕТОДАМИ

8.7.1. Анализ СКУ

Главная особенность, которая отличает анализ СКУ от других методов текстового анализа — это его специфический вопрос исследования. В анализе СКУ ищут механизм категоризации, который люди используют в своих функциях как члены социальных единиц. Например, схемы восприятия — это также принципиальный предмет исследования в текстовом анализе, в котором используется теория различия.

Разница между СКУ — с его строгой ориентацией на текст и на интерпретацию — и процедурами категоризации контент-анализа ясна с первого взгляда. Конечно, анализ СКУ можно рассматривать как количественный контент-анализ. Концепты групп, категорий и действий устанавливают (дедуктивно или индуктивно) и иллюстрируют, создавая возможность для количественных оценок. Для этой цели можно использовать программы обнаружения текстов с развитой функцией «ключевое слово в контексте» (например, *WordCruncher*).

8.7.2. Конверсационный анализ

Самый важный источник данных (хотя дополнительно можно использовать и другие — например, аудио- или видеодокументы) — это написанные тексты, особенно — транскрипции устной коммуникации. Хотя, предположительно, этот метод можно применять и к другим типам текстов[1]. Таким образом, конверсационный анализ отличается от других методов, где поле применения не ограничивается только устной коммуникацией. Кроме того, в конверсационном анализе, в отличие от большинства других методов, анализируют только те тексты, которые производит более, чем один человек. Как и в критическом дискурс-анализе и в функциональной прагматике, абсолютно необходимая предпосылка анализа — это очень точная транскрипция, с учетом совпадений реплик, вербальных и невербальных феноменов.

[1] *Knauth et al., 1990/91*

Следующее отличие конверсационного анализа от других методов анализа текста состоит в понимании контекста. Оно очень отличается от понимания, принятого в других методах и этнометодологической традиции. В них рефлексивная ориентация на контекст означает, что каждое высказывание сформировано контекстом предыдущего высказывания и одновременно обеспечивает контекст для следующего высказывания. Таким образом, высказывание не только *контекстуально формируется*, но и *контекстно модифицируется*. В классическом конверсационном анализе контекст рассматривают как часть текста. Поэтому классический конверсационный анализ проводят на основе значительно более узкого понимания контекста, чем это принято в других методах, где в контекст включают особенности говорящих и ситуацию, исторические факты и макросоциальные взаимоотношения. (В этнографических терминах это представляют так: «доступны любые данные»[1]). Критика такого определения контекста в конверсационном анализе привела к его дальнейшему развитию в некоторых исследованиях[2].

Более того, ориентация на локальный контекст в конверсационном анализе означает, что макросоциальные феномены (статус, возраст и т.п.) учитывают, только когда они релевантны для определенного разговора. Такая концентрация на «непосредственной локальности» означает, что в отличие от других методов, конверсационный анализ не концептуализирует теоретическую связь между языком и обществом. В критическом дискурс-анализе Фэркло[3] — вслед за Фуко — указывает на эту связь в своем так называемом *дискурс-строе*;

[1] *Hammersley & Atkinson, 1995, с. 1*
[2] *Gruber, 1996; Kotthoff, 1996; Cicourel, 1992*
[3] *Fairclough, 1995a*

исторический дискурс-метод также включает социальную структуру в социо-психолингвистическую теорию планирования текста[1]. Функциональная прагматика объясняет эти связи относительно целей, которые лежат в основе всех речевых действий, и относительно того, как их передают различные институты[2].

Подобное отношение к теоретическому обоснованию заметно в свете того, что конверсационный анализ не основан на заранее пред-определенных концептах. В этом смысле, он во многом оперирует такими же способами, как этнография и обоснованная теория. В обоих методах, насколько это возможно, практикуют беспристрастный подход к материалу и не используют заранее определенные концепты и теории. Беспристрастность конверсационного анализа базируется на этнографических принципах — он не использует лингвистических категорий, которые не релевантны по отношению к самим говорящим в определенном разговоре.

Мы считаем, что между всеми «лингвистическими» методами, которые объединяют (текстово-) лингвистические единицы анализа и теории, следует проводить различие. Фэркло отталкивался от многофункциональной теории языка Холлидея; его аналитическая модель также включает анализ содержания и «формы» или текстуры. Водак основывает свой исторический дискурс-метод на социо-психолингвистической теории планирования текста; аналитическая модель Водак также включает, в формах лингвистических реализаций, текстуальный уровень. Функциональная прагматика тоже прибегает к грамматическим категориям как «средствам выражения» для «процедур».

В отношении практической релевантности различных методов есть четко определенное разграничение между конверсационным анализом — с одной стороны и функциональной прагматикой и критическим дискурс-анализом — с другой.

[1] *Wodak et al., 1990*
[2] *Ehlich & Rehbein, 1986*

Если в функциональной прагматике и критическом дискурс-анализе результаты должны привести к более или менее ясным изменениям в поведении участников, то конверсационный анализ направлен на обнаружение генеративных процедур, которые используют участники, и не исследует влияние или изменение этих процедур.

ГЛАВА 9

НАРРАТИВНАЯ СЕМИОТИКА (СТРУКТУРНАЯ СЕМАНТИКА)

Нарративы можно понимать как истории с началом, серединой и концом, которые содержат вывод или некий опыт рассказчика. Повествование истории, как правило, связано с каким-то необычным событием или сложностью, которая возникла в ходе события. Нарративный жанр зависит от темпоральных принципов упорядочивания[1].

Нарративный анализ существует в различных методологических вариантах, которые отличаются по степени их формализации, дедуктивной и индуктивной процедурой. *Дедуктивные* варианты исходят из набора правил и принципов и используют их для разъяснения значения текста. *Индуктивные* варианты в основном имеют этнографическое происхождение и направлены на идентификацию контекстно-зависимых единиц текста и реконструкцию структуры, а также влияния истории. Подавляющее большинство нарративных методов «слабо формализованы, всегда интуитивны, в них используют термины, заданные исследователем-аналитиком»[2]. Это заявление не распространяется на нарративную семиотику французского семиотика и структуралиста Альгирдаса Жюльена Греймаса[3], которую мы представим здесь более детально.

9.1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА

Теоретическая база для нарративных семиотиков — это семиотические исследования Чарльза С. Пирса, Чарльза Морриса и структурная лингвистика Фердинанда де Соссюра. Семиотики рассматривают язык как одну из множества возможных систем знаков с различающимися стандартами, применимостью и сложностью. В лингвистике Соссюра, с одной стороны, подчеркивается аспект *отношений* в языке: отношения между знаками — это источник значения. С другой стороны, Соссюр вводит различие между *языком* (langue) и *речью* (parole), т.е. между лежащими в основе правилами и конвенциями (*язык*) и актуализированным и конкретным речевым актом (*речь*).

Нарративный компонент метода Греймаса берет начало в русском формализме (Роман Якобсон, Виктор Шкловский), в частности — в анализе русских сказок Владимира Проппа, где подчеркивается роль формы в передаче значения. Сказки задают нарративные структуры, которые являются стержневыми для всех историй. В результате анализа более чем 100 сказок Пропп выделил 31 «функцию» (например, несчастный случай, препятствие), которые могут выполнять различные действующие лица. Эти функции определенным образом связаны друг с другом и, таким образом, образуют 7 областей действия (например, злодей, сторонник, истинный герой, ложный герой), присутствие или отсутствие которого дает в результате 4 сказочных сюжета[1]. Греймас сокращает общее число возможных функций и сфер действия. В конструкцию своих *актантов*, которые воплощают роли или силы, двигающие нарратив, Греймас также вводит психоаналитический и психодраматический концепты.

9.2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ

Методика Греймаса основана на семиотическом понимании коммуникации. В соответствии с ним, коммуникация состоит из семиотических процессов, которые связывают *знаки* и *означаемое* посредством значений:

[1] *Labov & Waletzy, 1967; Gulich & Quasthoff, 1985*
[2] *Manning & Cullum-Swan, 1994, с. 464*
[3] *Greimas, 1983*

[1] *Silverman, 1993, с. 74*

- Согласно Пирсу, *семиозис* означает «действие, влияние, которое само является единством или включает единство *3-х* субъектов — знака, его объекта и его интерпретанта; это влияние из «3-х отношений» никоим образом не может быть реализовано в парных действиях»[1]. Компонент «значение» (или «интерпретант») — это посредник между *означаемым* (объектом) и *означающим* (знаком), и здесь также есть ссылка на условность или *социальность*: знаки не имеют «естественной» связи с означаемым. Таким образом, взаимоотношения условны.
- Знаки — это не автономные сущности, они приобретают значение только посредством своей позиции в семиотической системе и благодаря отличиям от других знаков. В лингвистике Соссюра знаки взаимосвязаны друг с другом двумя различными способами. С одной стороны, они могут комбинироваться, т.е. упорядочиваться в некоторое имеющее смысл множество, например, цепочку. Такие связи называют *синтагматическими*. С другой стороны, знаки могут взаимоисключать друг друга; в этом случае они являются разными репрезентациями одной категории и могут быть упорядочены, например, как парная оппозиция (да/нет). Такую связь между знаками называют *парадигматической*.

В семиотике *тексты* — это системы знаков, которые всегда состоят из 2-х компонентов: *поверхностной структуры* на уровне синтаксиса и слов и лежащего в основе *значения*. Для нарративной семиотики эта модель всегда имеет следующий вид[2]:

- *Поверхностная структура* — это непосредственно, мгновенно узнаваемые и легко доступные формы текста. Это структура, которую регулярно исследуют в традиционном текстовом и контент-анализе.

[1] *Charles S. Peirce, Collected Papers, 1934, 5, c. 484; Eco, 1991, c. 29*

[2] *Greimas & Rastier, 1968; Fiol, 1990, c. 380*

- *Глубинная структура* — это фундаментальная система ценностей, встроенная в текст. Она состоит из норм, ценностей и установок, которые универсальны в том, что отражают в тексте ценностные и нормативные структуры специфических социальных систем.

Нарративная семиотика — как связь между этими двумя уровнями — создает третий уровень — *структуру представления*, которая связана с нарративными структурами. «Генерация значения сначала не имеет формы производства высказываний и их комбинации в дискурсе; она получает ее, двигаясь по траектории от нарративных структур — они как раз и производят осмысленный дискурс, артикулированный в высказываниях»[1]. Нарративные структуры используют для производства и организации значений поверхностной структуры. Эти значения можно получить благодаря серии выборов, базовых условий и ролей, которые встречаются в тексте.

9.3. ЦЕЛИ МЕТОДА

Нарративная семиотика связана с реконструкцией нарративной структуры и глубинной структурой текстов, хранящих значение:

> *Мы должны собрать вместе те формальные модели, с помощью которых мы сможем манипулировать содержанием и упорядочивать его таким образом, чтобы формальные модели контролировали производство и сегментацию дискурса и организовывали, при определенных условиях, проявление нарративности*[2].

Следовательно, нарративная семиотика направлена (на первом этапе) на идентификацию нарративных струк-

[1] *Greimas, 1987, c. 64*

[2] *Greimas, 1987, c. 65*

тур текста, которые формируют связь между поверхностной и глубинной структурой текста. Только понимание этих *промежуточных* структур делает возможным понимание глубинной структуры[1].

9.4. ОПИСАНИЕ МЕТОДА[2]

В нарративной семиотике категории применяют как инструменты для анализа и нарративной, и глубинной структур, а процедура подчиняется предопределенным шагам и указаниям.

9.4.1. Нарративная структура

Нарративную структуру текста можно охарактеризовать 6 ролями, которые Греймас называет *актантами*. Собственно они и направляют историю:

a) *Дестинатор* — это определенная сила, которая устанавливает правила и ценности в действии и представляет идеологию текста.
b) *Получатель* — несет ценности (а), поэтому имеет отношение к объекту, на который (а) распространяет ценности.
c) *Субъект* — выполняет главную роль в повествовании.
d) *Объект* — то, к чему стремится субъект повествования. Это цель, на которую направлен интерес субъекта.
e) *Помощник* — поддерживающая сила, которая помогает субъекту в его стараниях, направленных на объект.
f) *Предатель* — препятствующая сила, которая олицетворяет все, что удерживает субъекта от достижения цели.

[1] *Fiol, 1990, с. 380*
[2] *Ср. системы жанров, схемы или фреймы у Sandig & Rothkegel, 1984; Swales, 1991; Wodak, 1986. Различие часто проводят между нарративными, аргументативными, описательными и инструктивными типами текста.*

Эти *актанты* не обязательно являются *акторами*. Между этими различными силами возможны только очень определенные связи. *Субъект* направляет себя на *объект* и в этом его поддерживает *помощник* и сдерживает *предатель*. Все это происходит внутри ценностной структуры *судьбы*, которой наделен *получатель*. Идеологию *судьбы* часто представляет рассказчик.

2 других вида влияния, которые определяют сюжет, — это место и время. Греймас характеризует эти виды влияния как *изотопы*:

- *Изотоп места* характеризует внешнюю среду, в которой разворачивается история. Внутреннее пространство, в котором действует субъект, называется *утопическим*, в то время как неопределенное и неточно определенное окружение называют *гетеротопическим*.
- *Изотоп времени* характеризует перемещение по оси времени, которое означает ориентацию повествования по отношению к прошлому, настоящему и будущему.

Цель анализа нарративной структуры — описать эти 6 актант и 2 изотопа в повествовании.

9.4.2. Глубинная структура

Анализ глубинной структуры текста должен идентифицировать лежащие в основе ценности и нормы. Различные нарративные структуры могут иметь общую глубинную структуру. Компоненты глубинной структуры должны:

a) быть достаточно сложными, логичными и достаточно устойчивыми, чтобы формировать адекватное представление о тексте;
b) осуществлять посредническую и объективирующую функцию между текстом и исследователями и
c) быть достаточно точными.

Подходящая модель, чтобы наглядно представить глубинную структуру — это семиотический квадрат (см. рис. 9.1).

Любовь (+) S1	Ненависть (-) S2
Не ненависть (+) S-2	Не любовь (-) S-1

РИСУНОК 9.1. Семиотический квадрат

Концепты, расположенные в семиотическом квадрате, обозначены в тексте как позитивные (+) или как негативные (-). Квадрат объединяет 2 вида логических взаимосвязей: связь между S1 и S2 (и также между S-1 и S-2) — это одна из *оппозиций*, а связь между S1 и S-1, и также между S2 и S-2 — одно из *противоречий*. С позиции статики, квадрат представляет нормативное условие в определенный момент повествования; с позиции динамики его можно использовать для иллюстрации различных изменений в области ценностей и норм.

Чтобы идентифицировать статическую структуру каждой части повествования, необходимо последовательно редуцировать текстовое содержание от поверхностной структуры до глубинной посредством нарративной структуры. Для этого существует набор правил[1].

9.4.3. Процедура анализа

Первый этап. Первый этап анализа должен создать общее впечатление о трех уровнях текста. На этом этапе

[1] *Fiol, 1990, с. 383*

текст разбивают на тематические блоки и прослеживают изменение каждой из тем или идентифицируют направление их развития. Затем определяют основные силы, действующие в этой истории и классифицируют их на актанты. Это дает возможность охарактеризовать пространственные и временные изотопы.

Второй этап. Здесь отдельные тематические блоки анализируют более точно. С помощью формальных правил, которые применяют к каждому блоку, выявляют глубинную структуру:

- Сначала актанты, время и пространство анализируют отдельно для каждого тематического сегмента.
- Затем для каждого сегмента задают связь и модальность актантов — активны они или пассивны, связаны они друг с другом или нет?
- Третий шаг — анализируют движения актантов. Как можно охарактеризовать эти движения? Список возможных движений включает *приобретение*, *конфронтацию*, *подавление*, *познание*, *увеличение* и *модификацию*. Эти движения используют для уточнения связи между актантами.
- Затем определяют задачу и цель определенного сегмента. Здесь проводят различие между когнитивной вовлеченностью (т.е. приобретением знаний и навыков) и прагматической вовлеченностью (т.е. валидностью или применением знаний и навыков).
- На заключительной стадии первоначальные тематические сегменты сопоставляют с результатами анализа. Здесь на основе результатов тематические блоки, которые были определены на первом этапе, описывают как нарративную программу. Существуют ли внутри этих сегментов какие-либо нарушения в отношениях между актантами? Изменяется ли модальность актантов? Если это действительно происходит, то блоки определяют еще раз и повторят процедуру из первых 4-х шагов.

Третий этап. Исследователь должен продвинуться от нарративных структур текста к глубинным. Таким образом, поверхность текста «оставляют в стороне», чтобы обеспечить дистанцию между аналитиком и текстом. Дальше работу продолжают на основе формализованных нарративных программ — т.е. результатов второго этапа. Третий этап подчиняется правилам значительно меньше, чем предыдущие.

На основе нарративных программ, в которых определяют пространство, время, актанты, расположение актант, взаимосвязи между ними и их движения, а также цель программы, должна появиться возможность выявить лежащие в основе ценности и разместить их в семиотических квадратах. В этом процессе важно различать ценности субъекта и ценности дестинатора и получателя; для них составляют дополнительный семиотический квадрат — так называемый квадрат суждения (аналогия логическому квадрату Аристотеля)[1] (см. рис. 9.2).

	Правда		
Тайна	существует (+)	появляется, чтобы существовать (-)	Заблуждение
	не появляется, чтобы существовать (+)	не существует (-)	
	Неправда		

РИСУНОК 9.2. Квадрат суждения

[1] *Greimas & Rastier, 1968*

Таким образом, можно представить развитие наблюдаемых и «актуальных» ценностей. Конфликт между наблюдаемыми и «актуальными» ценностями связан с ассоциации или диссоциации между субъектом и другими актантами.

Результат нарративного семиотического анализа должен обеспечить, по крайней мере, некоторое понимание глубинной структуры текста, как это представлено в семиотическом квадрате для всех нарративных программ. Способы, с помощью которых развиваются ценности субъекта и решается конфликт с «актуальными» ценностями, обеспечивают окончательное понимание цели, лежащей в основе повествования.

9.5. КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА

Как можно было ожидать, Греймас не упоминает в эксплицированном виде традиционные критерии качества. Но семантика также

> *имеет право «вообразить» существующие корреляции (до сих пор так или иначе проигнорированные или не замеченные) между элементами системы и алгоритмами, распознаваемыми в различных микровселенных, которые обосновывают формулировку гипотез и построение моделей описания из частичных структурных элементов.*

Таким образом, нарративная семиотика также направлена на формулирование и проверку гипотез, чтобы представить структуры в виде моделей.

Греймас формулирует требования к корпусу текстов. По его мнению, это должен быть набор посланий, образованных с помощью лингвистической модели. Поэтому, с помощью именно этого анализа интерпретируют корпус текстов. Корпусы должны соответствовать следующим требованиям:

- Они должны быть *репрезентативны*. Здесь Греймас ссылается не на статистические критерии, а на гипотетическое отношение подчинения между компонентами дискурса.
- Они должны быть *исчерпывающи*. Т.е. они должны по умолчанию включать все элементы модели.
- Они должны быть *однородны*. Это зависит от ситуационных параметров, где вариации необходимо рассматривать либо на уровне говорящего, либо на уровне всей области коммуникации.

Чтобы удовлетворить этим абстрактным критериям, Греймас предлагает следующие «более экономичные средства, которые позволили бы гарантировать верное описание корпуса, как критерии, которые являются исчерпывающими»:

- На первом этапе в описании необходимо использовать только репрезентативный сегмент корпуса и интерпретировать модель на его основе.
- Второй этап — это «верификация временной модели»; для этого Греймас предлагает 2 процедуры:
  a) «Верификация с помощью насыщения модели (Владимир Пропп, Клод Леви-Стросс)». Здесь еще нетронутую часть корпуса систематически сравнивают с моделью или обрабатывают с помощью модели. Затем модель обогащают дополнительными элементами до тех пор, пока все структурные вариации не будут исчерпаны и она прекращает изменяться.
  b) «Верификация через озвучивание (Жан Дюбуа)». Здесь делают выборки из нетронутой части текста и используют их для проверки модели. Это может привести к отклонению, подтверждению или усовершенствованию модели.

Без явного упоминания понятий валидности и достоверности Греймас все же руководствуется ими в анализе текста. У него они представлены, главным образом, статистическими процедурами.

9.6. ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПРЕДУСЛОВИЯ

По-видимому, нарративную семиотику уместно применять везде, где исследуют истории — это позволит определить лежащие в их основе структуры и ценности. Таким образом, предусловие для применения нарративной семиотики — это наличие в текстах нарративных компонентов. Так, ее можно применить к «типичным» историям (особенно сказкам), но точно не к не-нарративным текстам. Если исследователь намерен использовать этот метод не только в отношении чисто литературных форм, то наиболее подходящими можно считать нарративные и биографические интервью.

Область анализа для нарративной семиотики ограничена, если сравнить ее, например, с герменевтическими методами. Дело в том, что нарративная семиотика сосредоточена на текстовых сегментах в большей степени, чем на минимальных семантических единицах. До тех пор пока метод остается очень управляемым (это связано с направленностью метода на выявление нарративных структур повествования), шаги к глубинной структуре требуют проверки навыков интерпретации.

9.7. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С ДРУГИМИ МЕТОДАМИ

Из-за того, что метод сосредоточен на нарративных структурах, сравнить его с другими методами текстового анализа довольно трудно. Нарративную семиотику отличает от всех других методов, представленных в этой книге, специфический вопрос исследования. Сходства можно найти, только если использовать для сравнения более абстрактные критерии.

Нарративная семиотика — это дедуктивный метод, который базируется на семиотико-нарративной теории текста и языка. С этой позиции он сходен с SYMLOG и с другими семантическими процедурами, которые используют в контент-анализе.

Метод редуцирует представленный материал, «освобождая» его от поверхностной структуры текста и продолжая исследовать его, используя результаты редукции категорий, которую производят на первых двух этапах анализа. В этом еще одно сходство с SYMLOG.

Подобно функциональной прагматике и объективной герменевтике, нарративная семиотика направлена на выявление глубинных структур текстов. Но функциональная прагматика рассматривает глубинные структуры как целенаправленность лингвистического поведения; объективная герменевтика — как латентное значение; а нарративная семиотика — как фундаментальные ценности и нормы, лежащие в основе истории.

ГЛАВА 10

SYMLOG КАК МЕТОД АНАЛИЗА ТЕКСТА

SYMLOG (A System for the Multiple Level Observation of Groups) означает «Система для Многоуровневого Анализа Групп»[1]. В первоначальной форме он представлял собой структуру для наблюдения групп[2]. Другие авторы рекомендуют использовать его и для контент-анализа повседневных описаний социальных взаимоотношений[3]. Если следовать типологии процедур контент-анализа Мертена, SYMLOG — подобно анализу процесса интеракции — это семантико-прагматическая процедура, предмет исследования которой — это «ситуация».

10.1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА

Бейлс и Коэн[4] указывают на огромное количество теоретических концептов, которые легли в основу их «систематической многоуровневой теории поля». Среди них различные социально-когнитивные теории (например, теория баланса Фрица Хайдера, теория диссонанса Леона Фестингера, теория атрибуции Гарольда Келли), символический интеракционизм, теории социального обмена (Тибаут и Келли, Блау и Хоманс), теория действия Талкотта Парсонса и подходы семейной терапии (Мюррей, Боуэн, Сальвадор Минухин). Особую роль сыграла теория психоанализа и теория поля Курта Левина.

[1] *Bales & Cohen, 1979, c. 3*
[2] *«Не подлежит сомнению, что SYMLOG — это метод для наблюдения групп» (Titscher, 1995a)*
[3] *Schneider, 1989*
[4] *Bales & Cohen, 1979, c. 11*

Роберт Ф. Бейлс — один из самых выдающихся представителей социологического исследования малых групп, он во многом способствовал формированию этой дисциплины в течение 1950-х гг. Так, в начале 1950-х гг. Бейлс в сотрудничестве с Талкоттом Парсонсом обнаружил, что категории, которые он разработал для анализа взаимодействия малых групп, близки «паттерну переменных», который ввел Парсонс. Таким образом, хотя 2 набора категорий были разработаны независимо друг от друга, они состояли из одинаковых измерений. Схема Парсонса включает общие особенности всех социальных систем, а набор категорий Бейлса отражают то же самое для микро-мира малых групп. Главный вопрос, на который старался ответить Бейлс — *Какие проблемы должна преодолеть группа, чтобы обеспечить свое равновесие или даже выживание?* Проблемы можно классифицировать по 2-м уровням: социально-эмоциональная сфера и область решения проблем.

На социально-эмоциональном уровне каждая группа должна:

a) интегрировать своих участников эмоционально;
b) преодолеть возникающее напряжение и
c) принять решения.

Каждая из этих категорий может встречаться в форме положительных или отрицательных реакций — например, в форме дружелюбия или враждебности.

На втором уровне — уровне решения проблем — также существуют 3 категории. Для того, чтобы решить определенную задачу, группа должна преодолеть проблемы:

a) ориентации;
b) оценивания и
c) управления.

С этими категориями всегда связаны вопросы (например, направленные на выяснение мнений) и попытки дать на них ответ (выразить мнение). Отсюда и возникла хорошо известная схема наблюдения с 12-ю категориями.

10.2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ

Бейлс и Коэн сравнивают свою «систематическую многоуровневую теорию поля» с «обоснованной теорией» Глейзера и Страусса, поскольку они сформулировали ее на основе обширных наблюдений за групповыми процессами. Эта теория многоуровневая, так как учитывает и динамику групп, и динамику индивидуальных характеров; таким образом, она способствует систематическому пониманию отношений между личностной динамикой и динамикой социального поля. В отличие от теории поля Курта Левина, в теории Бейлса и Коэна различаются множественные поля, а именно:

a) поле индивидуального восприятия,
b) многоуровневое поведение всех людей в разные моменты времени,
c) процесс взаимодействия между людьми независимо от времени,
d) развитие отношений между всеми парами людей в группе,
e) вся внутренняя структура группы, т.е. поле социального взаимодействия в определенный промежуток времени и
f) динамические изменения в поле социального взаимодействия вне определенного периода времени.

Прежде всего, подход SYMLOG направлен на исследование 3-х уровней[1]:

- вербальное и невербальное поведение,
- содержание идей в процессе коммуникации,
- ценности («за» и «против»).

Все 3 уровня можно расположить в общем трехмерном пространстве наблюдения и оценки — в пространственной модели SYMLOG. С помощью факторного анализа были идентифицированы следующие 3 измерения:

[1] *Schneider, 1989, c. 10*

- *усиление* влияния или *уклонение от влияния* (направление *вверх* и направление *вниз*);
- склонность к эмоциональным проявлениям — эмоциональной дистантности (*позитив* — *негатив*);
- сотрудничество и целенаправленность — импульсивность и эмоциональность (*вперед* — *назад*).

Если сформулировать 3 возможных варианта для каждого из этих измерений, мы получим 26 положений в пространстве[1]. Эти 26 положений получают путем всевозможных комбинаций 3-х измерений, каждая из которых имеет 2 варианта (с неотмеченной средней позицией). Визуально их можно представить в форме SYMLOG-куба (см. рис. 10.1).

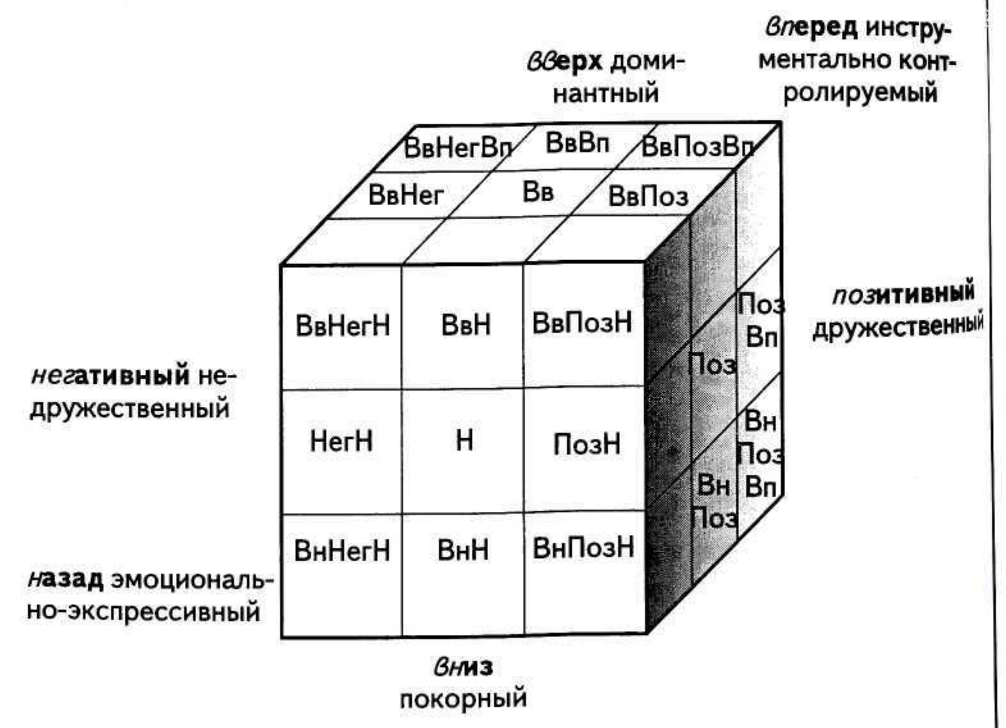

РИСУНОК 10.1. Пространственная модель SYMLOG

[1] *Bales & Cohen, 1979, c. 23*

Чтобы проанализировать поле социального взаимодействия, диаграммы индивидуального поля участников группы обобщают в групповую среднюю диаграмму. Здесь начинают действовать *поляризация* и *унификация* — как важные концепты теории групп. Поляризация означает, что группа при определенных условиях потери баланса склонна формировать подгруппы. Участники таких подгрупп стремятся устранить дисбаланс, это происходит путем закрепления за определенными людьми определенных ролей — им навязывают либо роль козла отпущения, либо посредника. Унификация означает единое для всех восприятие и общие для всех идеи внутри группы.

10.3. ЦЕЛИ МЕТОДА

SYMLOG — это набор методов исследования групп разных видов, но в основном — малых естественных групп, таких, как семьи, команды или группы учеников, где в центре внимания находятся характеры отдельных людей и их взаимоотношения друг с другом[1].

10.4. ОПИСАНИЕ МЕТОДА

SYMLOG — это процедура кодирования, которая объединяет поведение, содержание и ценности в форме «сообщений» в кодированной форме, учитывая следующие переменные:

1. время итеракции;
2. имя актора;
3. имя адресата;
4. простой языковой комментарий о поведении или резюме идеи в лингвистической форме;

[1] *Bales & Cohen, 1979, c. 3*

5. ценность, которую выражает актор по отношению к идее (за — против);
6. кодирование поведенческой ориентации внутри пространства SYMLOG или кодирование ориентации идеи внутри пространства SYMLOG (рейтинг); и
7. размещение идеи в одним из 6-ти классов содержания (я, другие, группа, ситуация, общество, фантазия).

Шаг 6 «рейтинг» и другие шаги можно охарактеризовать как *обозначение*. Рейтинги даны для последовательного описания, их можно получить стандартным образом; функция обозначения должна обеспечить детальное наблюдение и описание отдельных участников. В качестве аналитического инструмента Бейлс и Коэн предоставляют стандартизированную «форму обозначения» и «форму рейтинга прилагательных». Результаты процедуры рейтинга обычно показывают в так называемых диаграммах полей с измерениями Поз-Нег по горизонтальным осям и измерениями В-Н по вертикальным осям. Степень оказания влияния (Вв-Вн) показана в виде кругов различных диаметров[1].

Чтобы продемонстрировать применение SYMLOG в текстовом анализе, Орлик[2] разработал «семантический атлас», который можно использовать при кодировании письменного или устного повседневного языка. На первом этапе определяют единицу анализа — один из 4-х типов поведения (отступление, конфликт, симпатия, достижение). Затем 26 пространственных категорий SYMLOG распределяются по этим 4-м типам:

- отступление: Вн, ВнН, ВнНегВп, ВнНег, ВнНегН;
- конфликт: НегВп, Нег, НегНаз, ВвНегВп, ВвНег, ВвНегН;
- симпатия: ВвН, Н, ВвНПоз, ПозН, ВнПозН, ВвПоз, Поз, ВнПоз;
- достижение: ВвПозВп, ПозВп, ВнПозВп, Вв, ВвВп, Вп, ВнВп.

[1] *Bales & Cohen, 1979, c. 20; Orlik & Schario, 1989, c. 24*
[2] *Orlik, 1987; Orlik & Schario, 1989, c. 47*

Семантический атлас уточняет прилагательные для каждой из пространственных ориентаций, что позволяет точно закрепить единицы анализа за одной пространственной ориентацией.

Орлик и Шарио[1] предлагают следующую процедуру для применения SYMLOG в текстовом анализе:

1. Закодированная поведенческая информация, по возможности, должна быть полным предложением с актором в роли субъекта.
2. Используя атлас SYMLOG, действие, представленное в предложении, кодируют с помощью подходящей лингвистической характеристики.
3. Затем предложение закрепляют за одним из 26 ориентационных кодов.
4. При оценивании используют проверочный список, который показывает частоту каждой из 6-ти ориентаций в SYMLOG-пространстве для каждого актора.
5. Используя формулу Бейлса и Коэна, частоты трансформируют в координаты:

$$L_i = 5 \bullet \left(\frac{m(p_i - n_i)}{P + N} + \frac{p_i - n_i}{p_i + n_i} \right)$$

L_i — позиция актора i в измерении P — N
m — количество акторов
p_i — количество P-кодирований актора i
n_i — количество N-кодирований актора i
P — общее количество P-кодирований
N — общее количество N-кодирований

6. Используя рассчитанные координированные по значению ценности, можно построить SYMLOG-диаграмму поля, поместив туда всех акторов, которые фигурируют в тексте.

[1] *Orlik & Schario, 1989, c. 21*

10.5. КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА

Подход SYMLOG основан на традиционных критериях валидности и достоверности. Но ввиду того, что его применяют подобно контент-анализу, в нем используют спецификации, характерные для этого метода (см. гл. 5, раздел 5.5).

Бейлс и Коэн открыто уделяют существенное внимание проверке достоверности и валидности их процедуры — особенно основных процедур в подходе SYMLOG: рейтинга прилагательных и обозначения во взаимодействии. Что касается процедуры наблюдения, они приходят к следующему выводу:

> *Теоретическая конструкция трехмерного SYMLOG-пространства однозначно подтверждается результатами обоих методов. У этих двух методов есть тенденция к конвергенции. Это значит, что каждый метод производит валидные измерения и при этом независимую информацию. Интер-достоверность исследователей достаточно высока для каждого из двух методов, и это подтверждает то, что группы соответствующего размера для меняющихся команд исследователей могут дать результаты с удовлетворительной достоверностью.*

Сохраняется ли эта оптимистическая оценка достоверности и валидности для исследования текста? Вопрос — *Можно ли проводить контент-анализ по схеме SYMLOG?* — остается открытым. Тем не менее, SYMLOG-атлас Орлика внес существенный вклад в повышение интер-достоверности кодировщиков.

10.6. ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПРЕДУСЛОВИЯ

Так как основное внимание в SYMLOG уделяют анализу взаимодействия, его применяют в следующих областях:

- анализ транскрибированных интеракций — особенно, в малых группах (например, групповое обсуждение);
- анализ протоколов наблюдений (наблюдений взаимодействия);
- анализ нарративов — например, новелл и сказок[1] — и нарративных интервью;
- анализ стереотипов[2], систем личностных конструктов[3] и свободных описаний личности[4].

Использование метода SYMLOG требует тщательной тренировки кодировщиков[5]. Штурм[6] отмечает, например, что у начинающего пользователя существует препятствие — ему необходимо «потратить много усилий на изучение языка SYMLOG, чтобы иметь возможность достоверно работать с этой моделью».

10.7. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С ДРУГИМИ МЕТОДАМИ

Если SYMLOG применяют для анализа текста, то говорят о специфическом контент-анализе, который — в типологии Мертена — направлен на исследование семантико-прагматического уровня текста и сфокусирован как на получателе, так и на ситуации. Инструменты, применяемые в SYMLOG (схемы категорий, список примеров), также связаны с ориентацией на контент-анализ.

Между своим подходом и этнографическими и этнометодологическими методами Бейлс и Коэн проводят четкое различие:

> *Мы отделяем свой подход от экстремальной феноменологии некоторых символических интеракцио-*

[1] *Orlik & Schario, 1989*
[2] *Lobel, 1989*
[3] *Sturm, 1989*
[4] *Becker-Beck, 1989*
[5] *Schneider, 1989, с. 12*
[6] *Sturm, 1989, с. 106*

нистов, которые, тем не менее, склонны подчеркивать субъективность, уникальность и вариативность значения в восприятии и поведении каждого человека. Все это подчеркивают в такой степени, что использование любого семантического метода, любого стандартизированного подхода или поиск общих тенденций кажется просто бессмысленным.

В отличие от этнографических и этнометодологических методов, SYMLOG оперирует стандартными, теоретически управляемыми инструментами — т.е. действует дедуктивно.

Если принять формулировку Бейлса и Коэна, то теория, на которой базируется SYMLOG, — это некая разновидность обоснованной теории; другими словами, это теория, основанная на данных и разработанная на основе данных. Но SYMLOG направлен не на расширение теории, а на ее (дедуктивное) применение к эмпирическим полям.

Хотя SYMLOG и нарративная семиотика основаны на разных теоретических традициях — SYMLOG на социологии поля и малых групп, а нарративная семиотика на структурализме — все же между этими двумя методами просматриваются четкие параллели. Оба метода не только имеют теоретически управляемую дедуктивную ориентацию, но и ищут специфические связи между акторами или ролями и поэтому особенно хорошо подходят для анализа нарративных текстов. Для классификации акторов SYMLOG предлагает более детальную схему, а анализ глубинной структуры в SYMLOG отсутствует.

ГЛАВА 11

2 ПОДХОДА К КРИТИЧЕСКОМУ ДИСКУРС-АНАЛИЗУ

11.1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА

Термин *дискурс-анализ* используют в литературе очень по-разному[1]. Точно так же термин *критический дискурс-анализ* (далее *КДА*) очень далек от того, чтобы его понимали однозначно. Таким образом, мы можем описать его общую теоретическую базу, его основные посылки и цели, но его методологию можно представить только относительно определенных подходов и их особого теоретического обоснования. Итак, мы отобрали 2 подхода — критический дискурс-анализ в той форме, как его разработал Норман Фэркло, и исторический дискурс-метод Рут Водак.

Теоретическая структура дискурс-анализа — даже если она присутствует неявно — берет свое начало в теории идеологии Луи Альтюссера, теории жанра Михаила Бахтина, философских традициях Антонио Грамши и во Франкфуртской школе. Огромное влияние на представителей критического дискурс-анализа — включая Нормана Фэркло — оказал Мишель Фуко. Кроме того, КДА Фэркло связан с системной функциональной лингвистикой Майкла Холлидея, а вот Рут Водак и Теун ван Дейк больше испытали на себе влияние когнитивных моделей планирования текста[2].

[1] *Ehlich, 1993, c. 145, 1994; Schlobinski, 1996; Widdowson, 1995*
[2] *Wodak et al., 1990; van Dijk, 1984*

Критический дискурс-анализ «критический» в двух смыслах. Первый связан с идеями Франкфурсткой школы (особенно работой Юргена Хабермаса); второй — с традициями, которые объединяют его с так называемой критической лингвистикой. Согласно Хабермасу, критическая наука должна быть саморефлексивной — т.е. рефлексировать интересы, на которых основана — и принимать во внимание исторические контексты взаимодействия. Концепт идеальной речевой ситуации Хабермаса — это утопическое представление об итеракции или отношениях власти. С помощью рационального дискурса идеологически «загрязненный» дискурс можно преодолеть и приблизиться к идеальной речевой ситуации[1].

Термин *критическая лингвистика* впервые появился в связи с исследованиями Холлидей использования языка в организациях[2]. Появление в лингвистике критического подхода целесообразно рассматривать как реакцию на современную прагматику (например, теория речевого акта) и квантитативно-коррелятивную социолингвистику Уильяма Лабова[3]. Джекоб Мей[4] яростно защищал критическое направление в лингвистической прагматике. А точку зрения Кресса и Ходжа[5], что дискурс не может существовать без социальных значений, а между лингвистической и социальной структурой есть тесная связь, впоследствии приняли исследователи из разных традиций — таких, как социолингвистика, формальная лингвистика, социальная психология или литературный критицизм. Эту точку зрения развивали, часто подчеркивая ее междисциплинарную природу.

КДА — молодая наука и большинство ссылок — особенно на методы Фэркло и Водак, которые мы выбрали — датированы 1990-ми годами[6].

[1] *Habermas, 1970, 1971*
[2] *Fowler et al., 1979; Kress & Hodge, 1979*
[3] *William Labov; Wodak, 1995, c. 205*
[4] *Jacob Mey, 1985*
[5] *Kress & Hodge, 1979*
[6] *Fairclough, 1989, 1992a, 1993, 1994, 1995a; Wodak et al., 1990, 1994, 1998; Wodak & Matouschek, 1993; Matouschek & Wodak, 1995/96; Wodak, 1996; Wodak & Reisigl, 1999; Weiss & Wodak, 1999a, 1999b; Straehle et al., 1999; Iedema & Wodak, 1999; van Leeuwen & Wodak, 1999*

11.2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ

Теоретическую основу (единственное исключение — это идеи Мишеля Фуко), можно описать как нео-Марксистскую — в ней утверждается, что скорее культурные, а не просто экономические измерения значимы для создания и поддержания отношений власти. Более того, между инфраструктурой и суперструктурой нет четкого разделения.

Согласно Антонио Грамши, политическая структура общества зависит от специфической комбинации политического/институционального и гражданского общества. Чтобы достичь согласия большинства в том, что политическое общество может оказывать давление, необходимо сформировать коллектив. Сделать это можно при помощи идеологий[1]. Идеологии приобретают в дискурсе «реальную материальность в лингвистическом знаке»[2]. Известность — это такая характеристика значения, которую участники диалогического процесса приписывают определенным знакам. Это — «часть сложного процесса формирования дискурса». Значения производятся и воспроизводятся в диалектическом процессе переговоров. В работе «Концепт механизмов»[3] институты или социальные механизмы рассматривают как устройства-медиаторы между сложными механизмами общества и феноменами взаимодействия. Идеологии тесно связаны с практикой, которую эти институты проводят. Поэтому они также тесно связаны и с дискурсом, который можно рассматривать как тип социальной практики. Идеологии специфически позиционируют людей как социальных субъектов.

В дальнейшем влияние на КДА оказали русские теоретики Михаил Бахтин и Валентин Волошинов. В их лингвистической теории идеологии каждый пример использования языка рассмотрен как идеологический. Лингвистические знаки — это область классовой борьбы, которая одновременно является борьбой за значение знаков[4]. Бах-

[1] *Matouschek & Wodak, 1995/96, c. 42; Fairclough & Wodak, 1997*
[2] *Demirovic, 1992, c. 38*
[3] *Gramsci, 1983; Althusser, 1971*
[4] *Volosinov, 1975*

тин подчеркивает диалогический характер текстов — их «интертекстуальность», в терминах Юлии Кристевой[1] — где каждый текст — это часть серии текстов, на которые этот текст реагирует и ссылается и которые он трансформирует. Теорию жанров Бахтина также адаптировали в КДА. Так, каждый текст рассматривают как зависимый от социально заданных репертуаров жанров (например, научные статьи), и это означает, что различные жанры могут смешиваться, как, например, в рекламе.

Основные принципы КДА можно резюмировать следующим образом[2]:

- КДА ориентирован на социальные проблемы. Он рассматривает не язык или использование языка как такового, а лингвистический характер социальных и культурных процессов и структур. Соответственно, КДА носит междисциплинарный характер.
- Отношения власти рассматривают как те, что имеют непосредственное отношение к дискурсу[3]; таким образом КДА исследует власть в дискурсе и власть над дискурсом.
- Общество и культура диалектически связаны с дискурсом — они формируются дискурсом и в то же время конституируют дискурс. Каждый отдельный пример применения языка воспроизводит или трансформирует общество и культуру, включая отношения власти.
- Использование языка может быть идеологическим. Чтобы определить это, необходимо проанализировать тексты и исследовать их интерпретацию, восприятие и социальное влияние.
- Дискурсы носят исторический характер, их можно рассматривать только в контексте. На метатеоретическом уровне это согласуется с подходом Витгенштейна, в соответствии с которым, значение высказывания зависит от ситуации. Дискурсы не только встроены в определенную культуру, идеологию или историю, но и связаны интертекстуально с другими дискурсами.
- Связь между текстом и обществом не прямая, а опосредована социо-когнитивно, как это предлагается в социально-психологической модели понимания текста[1].
- Дискурс-анализ — интерпретивный и объяснительный метод. Критический анализ подразумевает систематическую методологию и связь между текстом и его социальными условиями, идеологиями и отношениями власти. Интерпретации всегда динамичны и открыты для новых контекстов и новой информации.
- Дискурс — это форма социального поведения. КДА рассматривают как социальную научную дисциплину, которая открыто заявляет о своих интересах и применяет свои открытия к практическим вопросам.

[1] Moi, 1986
[2] Wodak, 1996, с. 17-20
[3] Foucault, 1990; Bourdieu, 1987

11.3. ЦЕЛИ МЕТОДА

КДА концептуализирует язык как форму социальной практики. Метод направлен на то, чтобы показать людям, что язык и социальная структура взаимно влияют друг на друга, так как часто они этого не осознают[2].

Его цели можно вывести из теоретических оснований:

> *Хотя и в различных терминах, и с разных точек зрения, большинство из нас все же сталкивается с властью, доминированием, гегемонией, неравенством и дискурсивными процессами введения их в силу, маскировки, легитимации и воспроизводства. И многим из нас интересны «тонкие» средства, с помощью которых текст и разговор управляют мышлением и*

[1] Wodak, 1986
[2] Fairclough, 1989; van Dijk, 1993; Wodak, 1989

производят согласие, с одной стороны, а также артикулируют и выдерживают сопротивление и вызов, с другой стороны[1].

КДА рассматривают как политическое исследование с эмансипаторными требованиями — он сориентирован на влияние на социальную практику и социальные отношения, например, в обучающем развитии, в разработке руководства для не сексистского[2] использования языка или в предложениях по повышению понятности новостей и юридических текстов. Акценты исследования, которые возникли при реализации целей, — это использование языка в организациях и, в общем, предрассудков, в частности, расизма, антисемитизма и сексизма.

Анализ проводят с использованием разнородных данных, в которых обычно проводят различие между текстом и дискурсом (см. гл. 2). «Я использую термин «текст» как для письменных текстов, так и для транскрипции речевых интеракций»[3]. Термин «текст» используют для обозначения продукта, который возникает в процесса создания текста. А вот понятие «дискурс» более информативно и представляет больший интерес для КДА, так как КДА, в общем, анализирует не тексты, а дискурсы. Дискурс имеет более широкое значение, чем текст: «Но я буду использовать термин *дискурс* для обозначения всего процесса социального взаимодействия, частью которого является текст».

Критический дискурс-анализ рассматривает дискурс — использование языка в речи и на письме — как форму «социальной практики». Описание дискурса как социальной практики означает диалектическое отношение между отдельным дискурсивным событием и ситуацией (ситуациями), институтом (институтами) и социальной структурой (структурами), которые его формируют. Диалектическое

[1] *van Dijk, 1993б с. 132*
[2] *Без дискриминации по половому признаку (прим. науч. ред.)*
[3] *Fairclough, 1993, с. 166*

отношение — это двустороннее отношение: ситуации, институты и социальные структуры формируют дискурсивное событие, а дискурсивное событие в то же время формирует их[1].

Из этой сложной смеси языка и социальных фактов часто возникают неясные и завуалированные идеологические эффекты использования языка, так же как и влияние отношений власти. В дискурсной практике выражены структуры и идеологии, которые обычно не анализируют или не подвергают сомнению. КДА с помощью тщательного и детального анализа должен прояснить именно их.

Контекст, в отличие от того, как его понимают в этнометодологическом анализе текста, включает как интертекстуальные, так и социологические знания. Дискурсы всегда связаны с дискурсами, которые были произведены перед этим (одновременно с ними и вслед за ними). Они понятны только в терминах, лежащих в основе соглашений и правил (вместе с их историческими контекстами в историческом дискурс-методе).

11.4. ОПИСАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА (ФЭРКЛО)

11.4.1. Специфическое теоретическое обоснование

Фэркло основывает свои теоретические рассуждения и схему анализа на очень специфических определениях нескольких концептов. Его подход помогут понять следующие ключевые термины:

- *Дискурс* (абстрактное существительное) — «использование языка как социальная практика».
- *Дискурсивное событие* — «пример использования языка, которое анализируют как текст, дискурсивную практику, социальную практику».

[1] *Fairclough & Wodak, 1997, с. 55*

- *Текст* — «письменный или разговорный язык, воспроизведенный в дискурсивном событии». Позже Фэркло подчеркивает мульти-семиотический характер текстов и добавляет визуальные образы и звук — используя пример телевизионного языка — как другие семиотические формы, которые могут быть одновременно представлены в текстах.
- *Интердискурсивность* — «образование текста из разнообразия дискурсов и жанров».
- *Жанр* — «использование языка, связанное с определенной социальной деятельностью».
- *Порядок дискурса* — «совокупность дискурсивных практик определенного института и взаимоотношения между ними».

Фэркло рассматривает КДА в контексте исследования напряжения между двумя посылками относительно использования языка: язык конституирует *социальное*, и одновременно является социально детерминированным. Фэркло выстраивает свои идеи на мультифункциональной лингвистической теории, воплощенной в функционально-системной лингвистике Холлидея: каждый текст имеет функцию *представления*, которую он реализует посредством репрезентации опыта и мира. Дополнительно тексты производят социальные интеракции между участниками дискурса и поэтому выпоняют также *межличностную* функцию. Наконец, тексты имеют *текстуальную* функцию, поскольку они объединяют отдельные компоненты в целое и комбинируют их с ситуативными контекстами, например, путем использования ситуативного дейксиса.

С помощью понятия *многофункциональность* языка в текстах Фэркло операционализирует теоретическую посылку, что тексты и дискурсы являются социально *конституирующими* (образующими, формирующими): «Использование языка всегда одновременно конституирует (i) социальные идентичности, (ii) социальные отношения и (iii) системы знаний и убеждений». Функция языка *представление* конституирует системы знаний; межличностная функция создает социальные субъекты, идентичности или взаимоотношения между ними. Это означает, что каждый текст вносит вклад — хотя и небольшой — в конституирование этих трех аспектов общества и культуры. Далее Фэркло утверждает, что идентичности, отношения и знания всегда представлены одновременно, хотя один аспект может доминировать над другими.

Для Фэркло использование языка имеет вдвойне конститутивный характер — в традиционном и в креативном смысле. Традиционное конституирование идентичностей, отношений и знаний означает для него воспроизводство этих феноменов в языке. Креативность, в этом контексте, означает противоположное — она выражает социальное изменение. Какую функцию имеет использование языка — воспроизводящую или трансформирующую — зависит от преобладающих социальных обстоятельств — например, от степени гибкости отношений власти.

Язык не только социально конституирующий, он также социально заданный. Фэркло считает это очень сложным отношением: с одной стороны, совершенно разные типы дискурса могут сосуществовать в одном и том же институте, а с другой стороны, отношение между актуальным использованием языка и лежащими в основе конвенциями и нормами — это не простое линейное отношение. Фэркло подходит к этому сложному отношению с помощью концепта *дискурс-строй*, который он определяет со ссылкой на Фуко: «дискурс-строй» некой социальной области — это совокупность типов дискурса в этой области и взаимоотношения между ними. Социальная область «школа» включала бы дискурсы кабинета, школьной игровой площадки и учительской. Четкое разделение между дискурс-типами, обнаруженными внутри одного или различных дискурс-строев, или их частичное пересечение может стимулировать конфликты, борьбу за власть, социальные и культурные изменения. Внутри дискурс-строя Фэркло различает 2 категории дискурс-типов: дискурсы и жанры. «Дискурсы» формируются на основе специфических областей опыта и знаний; «жанры» — это особые

способы деятельности, например, интервью при приеме на работу, журналистское интервью или реклама.

Следовательно, дискурс-анализ — это анализ взаимоотношений между конкретным использованием языка и более широкими социальными и культурными структурами. В терминологии Фэркло это взаимоотношения между специфическим коммуникативным событием — например, документальным фильмом — и всей структурой дискурс-строя, а также модификацией порядка дискурса и его составляющими, жанрами и дискурсами.

11.4.2. Метод

11.4.2.1. Структура анализа

Чтобы операционализировать теоретические рассуждения, Фэркло разработал структуру анализа. Сюда он включил концепты *интердискурсивности* (т.е. комбинации жанров и дискурсов в тексте) и *гегемонии* (преобладания и доминирования политической, идеологической и культурной сфер в обществе). Каждое дискурсивное событие он характеризует по 3-м измерениям. Каждое дискурсивное событие — это одновременно и текст, и дискурсивная практика — которая включает производство и интерпретацию текстов — и социальная практика. Таким образом, Фэркло проводит анализ по этим 3-м измерениям.

На *текстовом уровне* он анализирует содержание и форму. Правда, он говорит не о форме, а об *организации текста и текстуре*, как они представлены в работе Холлидея и Хасана[1]. Эти 2 аспекта текста — содержание и форма/текстура — для Фэркло не разделимы. Содержание реализуется через специфические формы, и различное содержание подразумевает различные формы и наоборот. Таким образом, форма — это часть содержания. Лингвистическим анализом текста Фэркло означает фонологию, грамматику, словарь и семантику, и дополнительно супра-

[1] *Halliday & Hasan, 1976*

аспекты организации текста, которые существуют «над предложением», — связность и смена реплики.

Уровень *дискурсивной практики* — это связь между текстом и социальной практикой. Здесь Фэркло оперирует социо-когнитивными аспектами производства и интерпретации текста. С одной стороны, на производство и интерпретацию текста влияет социальная практика, и они оказывают на нее свое влияние. С другой стороны, производство и интерпретация текста тесно связаны с текстовым уровнем: в процессе производства текста в тексте сохраняются так называемые *ключи*, и интерпретация происходит на основе этих текстовых элементов. Как следствие, анализ дискурсивной практики включает не только точное объяснение того, как участники взаимодействия интерпретируют и производят тексты, но и отношения дискурсивных событий к порядкам дискурса — т.е. затрагивается вопрос *интердискурсивности*. Интертекстовые или интердискурсивные компоненты текстового анализа в работе Фэркло связывают ее с концептом интердискурсивности Михаила Бахтина и концептом интертекстуальности Юлии Кристевой, в которых объединены исторические и социальные факты. Интертекстовый анализ должен выявить, как тексты комбинируют и модифицируют эти социальные и исторические факторы, и как сочетаются дискурсы и жанры. Фэркло приводит в пример широко известные документальные тексты, где сочетаются жанры информации, убеждения и развлечения. Из динамики типов дискурсов и жанров возникла идея, что тексты не обязательно должны быть лингвистически однородными. На самом деле, они могут быть очень разнородными и иметь противоречивую стилистику и семантику, которые представляют интерес для лингвистического анализа[1]. Интертекстовый и интердискурсный анализ Фэркло, в отличие от дескриптивного лингвистического анализа, интерпретативный в более строгом смысле, поскольку исследователи, которые отслеживают связи между текстами и социальным репер-

[1] *Maingueneau, 1987; Kress & Threadgold, 1988*

туаром дискурсивных практик, больше зависят от социального и культурного понимания текстов[1].

Интердискурсивность в текстовом анализе, согласно Фэркло, выполняет связующую роль между текстом и контекстом — она показывает, как репертуары жанров и дискурсов используют внутри дискурс-строя для производства и интерпретации текста. Как комбинируются дискурсы и жанры или как, в конечном итоге, производят и интерпретируют тексты — зависит от социального контекста. Постоянный набор социальных отношений и идентичностей подразумевает ортодоксальное и нормативное использование дискурсов и жанров, учитывая и социальные конвенции. Например, тексты семантически менее однородны там, где социальные отношения нестабильны. В качестве примера нестабильных взаимоотношений Фэркло приводит отношения между мужчиной и женщиной в современном европейском и американском обществе. Вопрос о принятых межгендерных взаимоотношениях стимулирует креативность и инновации в использовании порядков дискурса; в результате мы получаем неоднородные тексты.

Анализ третьего измерения дискурсивного события — *социальной практики* — направлен на различные уровни социальной организации: ситуации, институциональный контекст, более широкую группу или социальный контекст. Основной интерес здесь — это вопросы власти; власть и идеологии могут влиять на каждом из контекстуальных уровней. Здесь Фэркло ссылается на концепт гегемонии Антонио Грамши. Он исходит из существенной связи между дискурсом и гегемонией и рассматривает контроль над дискурсивными практиками как борьбу за превосходство над дискурс-строями. Гегемонию расценивают как преходящую и нестабильную. Дискурс-строй — это область потенциальной культурной гегемонии. Чтобы проиллюстрировать это, Фэркло приводит пример политического превосходства Маргарет Тэтчер в Великобритании, которая обычно сильно контролировала дискурсивные практики и их комбинацию.

[1] *Fairclough 1992b, 1995a, c. 61*

Здесь Фэркло полагается, в основном, на толкование идентичности Тэтчер как политического лидера, который вышел из «народа», и на отношения между самим лидером и народом. Тэтчеризм — как новое политическое течение — сначала должен был создать политическую основу из сторонников и был сконструирован и реконструирован политиками. Дискурсивная конструкция такого сорта измеряется степенью, в которой ее принимают и внедряют. В радио-интервью в 1985 г. Тэтчер во время беседы о «Британских Людях» смешала либеральный дискурс индивидуальной уверенности в себе с дискурсом консерватизма, обращаясь к темам семьи, общества, закона и порядка: «Британия — страна, где люди думают о себе, действуют для себя, могут действовать по собственной инициативе, им не нужно ничего говорить, и они не любят, когда на них давят, они зависят только от себя»[1].

Связь типов дискурса остается неявной, ее должны сконструировать адресаты. Сама личность Тэтчер отличается «напряжением» между маскулинным авторитетом и женственностью, которую она подчеркивает различными средствами — например, прической. Для публики или слушателей есть другой тип напряжения — в отношении между авторитетом и солидарностью. По мнению Фэркло, это можно увидеть в смешении традиционного политического дискурса и дискурса повседневного опыта. Фэркло анализирует отношение Тэтчер с публикой, обращая внимание на использование местоимений. «Мы» иногда подразумевает как политическую партию, так и широкую публику, а иногда относится только к Консервативной партии, и часто его намеренно используют размыто. С одной стороны, использование местоимения *мы* сигнализирует о солидарности, а с другой стороны — об авторитарности, в которой Тэтчер берет на себя право говорить от имени широкой общественности. С помощью «Вы» Тэтчер обозначает публику вообще, и этим не претендует на авторитарную солидарность. «Вы» — это, скорее, разговорный двойник литературного «кто-то». Поэтому это форма, которую Тэт-

[1] *Fairclough 1989, c. 173*

Доктор: вы не начали [(неясно)
Пациент: [но, я мм, но одна вещь, которую леди во вторник мне сказала, если моя мать выдворит меня из [дома, что она
Доктор: [да
Пациент: думает, может сделать, [потому что ей не нравится способ
Доктор: [хм
Пациент: которым я жил, она [выгнала [меня раньше и мм
Доктор: [хм [хм
Пациент: Она сказала, что я мог, она думала, что это возможно для меня, чтобы я пошел в Совет [Дома
Доктор: [да, хорошо, [эх
Пациент: [но она сказала, что это слишком, она не
Пациент: была предприимчивой, потому что моя мать указывала
Доктор: хм
Пациент: на целое [множество [вещей, она сказала, что это трудно
Доктор: [хм [хм
Пациент: [и э-э-э, здесь нет спешки. Я не знаю
Доктор: [хм
Пациент: так ли я понимаю то, о чем говорят в АА, что Вы ничего не измените
Доктор: [в течение года
[хм
Доктор: хм да я думаю, я думаю это мудро, я думаю это мудро (5 секунд пауза) хорошо посмотреть, Я хотел бы оставить вас, наблюдая Вас, знать, слушая слушая, как идут дела время от времени, если это возможно

На уровне текста Фэркло замечает противоречия, которые он иллюстрирует, указывая на разницу между «фактом» — содержательный и прагматический аспект — и «манерой» — способом лингвистической реализации. С одной стороны, доктор задает вопросы — например, о возможном рецидиве у пациента-алкоголика — и убеждает его прийти снова на консультации. Но с другой стороны, он смягчает авторитарность с помощью различных лингвистических способов — например, размытостью, переформулированием, ускоренным темпом речи (который Фэркло замечает, но не указывает в транскрипции), и задает важный медицинский вопрос о рецидиве как второстепенный вопрос.

На уровне дискурсивной практики (в терминах Холлидея *межличностная функция*) Фэркло обнаруживает 2 различных дискурса, а именно — традиционный медицинский и консультационный дискурс. Традиционно доктор доминирует во взаимодействии, но здесь, посредством специфических лингвистических реализаций, доктор не только получает больший контроль над разговором с пациентом, но и одновременно выказывает сочувствие. Таким образом, он добавляет к конвенциям традиционного медицинского разговора конвенции консультационного дискурса.

Что касается социально-культурной практики (у Холлидея *функция представления*), на институциональном уровне можно объяснить, что доктор — это участник группы, которая более восприимчива к нетрадиционным практикам, в отличие от представителей официальной медицины, и которая ведет себя анти-авторитарно по отношению к пациентам.

Специфическое смешение двух дискурсов, анализируемых в примере, Фэркло интерпретирует как выражение общей характеристики современных дискурс-строев. Он называет ее «конверсационализацией дискурса». Это обусловлено пропитыванием институционального дискурса элементами из частной сферы. Такое изменение придает институциональному дискурсу заметный неформальный характер. Теперь взаимодействие происходит не между ролями и статусами, как в традиционном институциональном дискурсе. Из-за четко распределенного контроля над разговором и уменьшения ассиметрии отношений взаимодействие становится более неформальным и демократичным. Согласно Фэркло, «конверсационализация» — это дискурсивный компонент социального и культурного изменения.

11.5. ОПИСАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРС-МЕТОДА

11.5.1. Специфическое теоретическое обоснование

Исторический дискурс-метод — это часть исследовательского фундамента социолингвистики и лингвистики

текста[1]. Он опирается на теорию лингвистической деятельности и анализирует уровень содержания и отношения в интервью, этапы дискуссий и т.п. Также в его основу легла теория планирования текста, которая позволяет идентифицировать намерения говорящих и экстралингвистические факторы производства текста.

Теория планирования текста возникла как реакция на значительный недостаток теории лингвистической деятельности, в которой совсем не учитывали экстралингвистические факторы. Но речевая ситуация, статус участников, время и место, вместе с социологическими переменными (членство в группе, возраст, профессия) и психологическими детерминантами (опыт, принятые нормы поведения и т.п.) играют существенную роль в производстве текста. Все эти категории включены в социо-лингвистическую *теорию планирования текста*, которую разработали Рут Водак.

Водак полагает, что при производстве текста особого внимания заслуживают социально-психологическое, когнитивное и лингвистическое измерения (см. рис. 11.2). Социально-психологическое измерение включает различные стратегии, которые позволяют прийти к согласию с реальностью, которую исследуют как часть процесса социализации. Сюда относят и участие в культурной, гендерной и классовой группе, речевую ситуацию и личность или психо-патогенез как детерминанты индивидуального поведения. Из этой социально-психологической обусловленности возникают «фреймы» и «схемы» для структурирования и понимания реальности. Фреймы рассматривают как глобальные паттерны, которые обобщают наши знания о некоторой ситуации, например, о лекциях; поэтому их рассматривают как *образ* определенной ситуации, который сохраняется у нас в памяти. Схемы — это точные паттерны конкретного проявления ситуации или текста. Они имеют большое значение для производства текста — это паттерны, которые ведут к назначенной цели. Значимы также и *скрипты*, которые представляют собой стабилизированные планы. Они — после частого использования — детерминируют роль и ожидаемые действия коммуникаторов[1].

[1] *Wodak et al., 1990, с. 33*

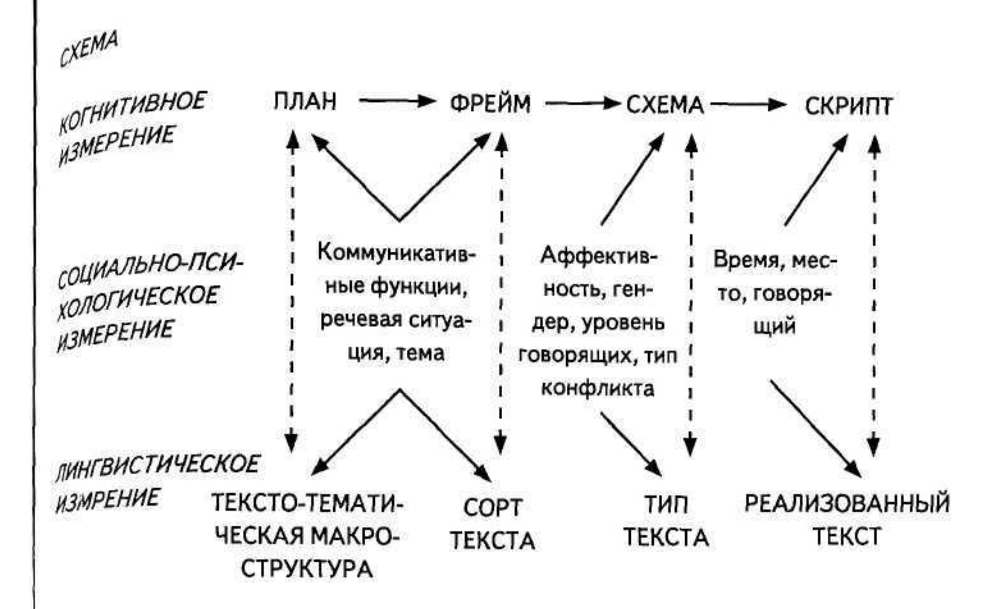

РИСУНОК 11.2. Планирование текста

Применение этой теории можно проиллюстрировать на примере дипломатии. Если перед дипломатом стоит задача — написать отчет для правительства своей страны о ее двусторонних отношениях со страной, в которой он пребывает, в первую очередь он создает план содержания того, что он хочет написать. Ему удастся это сделать с большим или меньшим успехом — в зависимости от его когнитивной схемы, которая задает форму отчета. Кроме того, при написании отчета дипломат руководствуется фреймом или общими знаниями об отчетах такого типа, который задает нормы — что позволено говорить и в какой форме. Как, в конце концов, будет выглядеть скрипт отчета, зависит от личности автора, времени и места написания отчета и т.д. Это значит, что тексто-тематическая макроструктура, такая, как одобрение работы министра в области двусторонних отношений, реализуется через

[1] *Beaugrande & Dressler, 1981*

влияние планов и фреймов на различные варианты текста; они, в свою очередь, являются непосредственными детерминантами различных типов текста.

Понятие *стратегия* тесно связано с концептами фрейма, схемы и скрипта. В принципе, стратегии используют для достижения целей. Водак[1] не определяет стратегию как нечто рациональное и понятное от начала и до конца. Она рассматривает ее скорее как зависимую от субъективных оценок и возможностей. Несомненно, стратегии ориентированы на цель, но это не означает, что участники взаимодействия всегда их осознают. Часто они действуют неосознанно, иррационально и эмоционально. Если говорящие поддерживают идеи расизма, то, согласно теории производства текста, их нельзя обвинить в сознательном выражении этих идей. (Конечно, это не уменьшает ответственности за собственные высказывания.)

Интегративная модель понимания[2] похожа на теорию планирования текста, хотя ее нельзя рассматривать как одну из вариаций теории планирования текста. Понимание текста также зависит от социально-психологического влияния, которое важно при производстве текста. Слушатели и читатели, в первую очередь, классифицируют текст в соответствии с фреймом и подходят к оригинальному тексту «стратегически». Они интерпретируют текст, чтобы сконструировать его текстуальную основу, и в конечном итоге, понять его. Водак предполагает, что не существует общей текстовой основы, которая валидна для всех слушателей и читателей. Различия связаны с тем, что слушатели и читатели конструируют не только текст, но и социальный контекст, при этом текст и контекст взаимодействуют друг с другом. В этой модели понимание текста представлено как циклический и интерпретативный процесс.

С помощью теории планирования и понимания текста появилась возможность выявить систематические различия в формировании зависимости текста как от темы, так и от контекста и текстовой разновидности. Также появилась

[1] *Wodak et al., 1998; Projektteam, 1989, с. 93*
[2] *Lutz & Wodak, 1987; Wodak, 1996*

возможность уловить различия между устными и письменными текстами и увидеть систематические различия в восприятии текста. Таким образом, Водак эмпирически иллюстрирует теоретическое утверждение, что дискурс необходимо рассматривать как социальную практику.

Недавнее исследование привело к дальнейшим разработкам и усовершенствованию. Так, был разработан *концепт критики, концепт дискурса и поле действия, концепт реконтекстуализации* и *концепт контекста*[1]. *Концепт социальной критики* охватывает 3 взаимосвязанных аспекта, а именно — *текст* или *постоянную дискурсивную критику, социо-диагностическую критику*, которая демонстрирует «манипулятивный» характер дискурсивных практик, и, наконец, *возможную критику*, связанную с этико-практическим измерением и этическим чувством справедливости, основанным на нормативном и универсальном представлении о правах человека.

Концепт дискурса как он представлен в последней работе Водак и Рейсигл[2], можно понимать как сложный «узел» одновременных и последовательных взаимосвязанных лингвистических актов, которые представлены внутри и на пересечении социальных областей действия. Они проявляются как тематически взаимосвязанные семиотические знаки (т.е. тексты), которые принадлежат к специфическим семиотическим типам (жанрам). Области действия[3] можно понимать как сегменты социальной «реальности», которая вносит вклад в конституирование и формирование «фрейма» дискурса[4].

На рисунке 11.3 интердискурсивность (например, пересечение дискурса *A* и дискурса *B*) показана двумя большими частично перекрывающимися эллипсами. Интертекстовые отношения — это отношения типа ссылки, соотнесения, формально или структурно иконического типа (в виде диаграммы) или в форме тематических корреляций, воспоминаний, ссылок или (прямых или косвенных)

[1] *Wodak & Reisigl, 1999; Weiss & Wodak, 1999a, b*
[2] *Wodak & Reisigl, 1999*
[3] *Girnth, 1996*
[4] *Reisigl, 1999; Wodak & Reisigl, 1999*

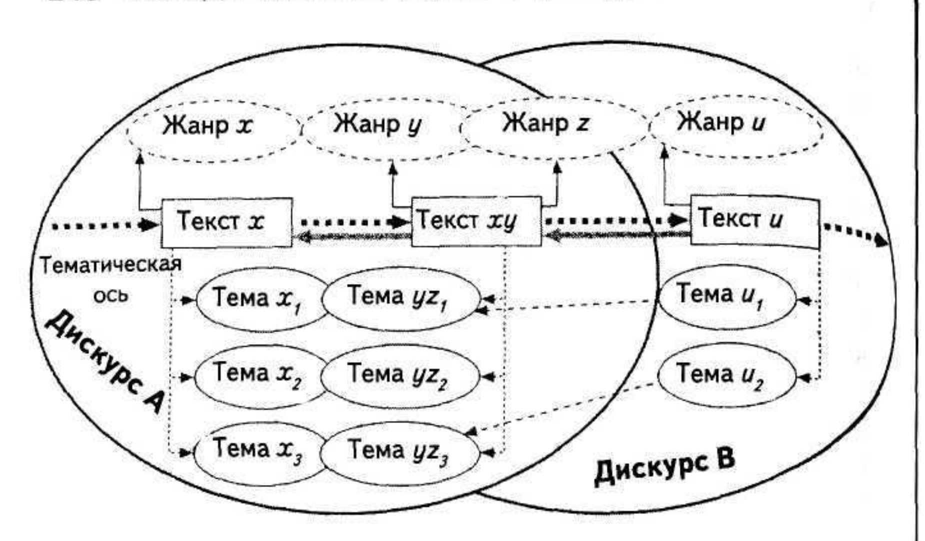

РИСУНОК 11.3. Интердискурсивные и интертекстовые взаимоотношения между дискурсами, темами дискурса, жанрами и текстами

цитат и т.п. Они показаны двойными жирными стрелками. Отнесение текстов к жанрам обозначено простыми стрелками. Темы, к которым обращается текст, отмечены маленькими эллипсами, на которые указывают простые пунктирные стрелки, тематические пересечения различных текстов показаны маленькими пересекающимися эллипсами. Наконец, специфическое интертекстовое отношение тематической ссылки одного текста на другой показано простыми пунктирными стрелками.

Концепт ре-контекстуализации связан как с *интертекстуальностью,* так и с *интердискурсивностью* (см. раздел 11.4.2.1). Его используют, чтобы зафиксировать «сдвиг» значения либо внутри одного жанра — как в различных версиях специфического письменного текста — либо на пересечении семиотических измерений; например, в организационном контексте текст может «сдвигаться» от дискуссии к монологу и затем к действиям, которые могут принадлежать даже к другому семиотическому виду.

Исторический дискурс-подход включает также принцип триангуляции Сикурела. Это дает возможность изучать *интерсвязанность* дискурсивных и других социальных практик и структур. Принцип основан на концепте контекста, который учитывает:

a) непосредственный языковой и внутри-текстовый котекст и локальные интерактивные процессы обсуждения и управления конфликтами;
b) интертекстовые и интердискурсивные отношения между высказываниями, жанрами и дискурсами;
c) внешне-языковые социальные/социологические переменные и институциональные фреймы специфического «контекста ситуации» (т.е. формальности, место, время, событие, группы, роли участников и т.п.);
d) более широкий социально-политический и исторический контекст, который включает дискурсивные практики — т.е., другими словами, области действия и историю дискурсивного события — так же, как историю, к которой относятся темы дискурса.

Такое понимание контекста очень важно в критическом этнографическом подходе, который характеризует цели Венской школы. В исследовании организаций или политических дискурсов реконтекстуализация аргументов и топосов[1] (а именно, обязательной части аргумента) следует от одного жанра к другому, или от одной публичной сферы к другой[2]. Эта «жизнь аргумента» иллюстрирует борьбу за власть вокруг определенных мнений, убеждений или идеологий. Например, результаты исследований Европейского Союза и дискурсов о безработице[3], интервью, письменных текстов, парламентских дебатов и встреч противоречили друг другу. Поэтому отличие подхода Венской школы от многих других КДА-подходов состоит в 3-х аспектах: акцент на междисциплинарности, принцип триангуляции и этнографический подход к источникам данных.

1 *Топос от греч. topos, topoi — место (прим. перев.)*
2 *Wodak et al., 1998, 1999; Wodak, 1996*
3 *Weiss & Wodak, 1999a, 1999b; Straehle et al., 1999; Iedema & Wodak, 1999*

11.5.2.1. Аналитический аппарат

Исторический дискурс-метод, вслед за представленной выше моделью, пользуется трехмерным аналитическим аппаратом (см. рис. 11.4).

Здесь есть фундаментальное отличие между уровнями анализа — содержанием, стратегиями аргументации и формами лингвистической реализации. В лингвистической реализации проводят различие между уровнем текста, предложения и слова. Стратегии важно понимать как набор процессов, которые действуют (сознательно или несознательно) на разных уровнях коммуникации[1]. Стратегии, как более или менее автоматизированные или сознательные планы действия, — это посредники между целями различных партнеров по коммуникации и реализацией этих целей[2]. Эти 3 уровня анализа выдерживают независимо от объекта исследования, который имеет категории. Только на уровне содержания категории специфичны и непереносимы на другие объекты исследования. В отличие от этого, однажды идентифицированные стратегии и лингвистические реализации, в принципе, применимы к другим дискурсам.

В контексте дискурсов о мигрантах в Австрийских СМИ в период 1989-90 гг. Матоучек представил аналитический аппарат (см. рис. 11.4), чтобы объяснить так называемые дискурсы о различиях.

11.5.2.2. Процедура

Процедуру исторического дискурс-метода рассматривают как герменевтическую и интерпретативную, на которую в определенной мере повлияли и когнитивные науки[3]. Таким образом, ее необходимо понимать не как последовательность отдельных оперативных шагов, а как

[1] *Projektteam, 1989, с. 3*
[2] *Heinemann & Viehweger, 1991, с. 215*
[3] *Wodak et al., 1990, с. 53; Wodak, 1996*

Мы-ты-дискурс	
Дискурс о различиях	*Лингвистическая реализация*
1. Категоризация и оценка	1. Содержательное определение групп
2. Мы-дискурс: - Конституирование «мы» - Положительное самоописание	2.1. Грамматически связанные элементы 2.2. Отказы, оценка себя, уважение к нормам

Стратегии/техники аргументации (подтверждение)	
Приписывание ответственности или вины	*Отрицание ответственности или вины*
Описание в черно-белом цвете	Обесценивание или дискредитация с помощью искажения
Отрицание вины	
Стратегия «козла отпущения»	
Подмена жертвы-агента	a) Преувеличение: например, теории конспирации
Вышеупомянутые стратегии и отрицания реализуются также с помощью определенных «техник» аргументации искажения →	b) Преуменьшение: балансирование / рационализация
Цель: обесценить или дискредитировать точку зрения «оппонента»	c) Отклонение, отрицание

Формы лингвистической реализации		
- нереальные сценарии	- риторические вопросы	Неопределенность:
- сравнения	- вводные формулы	- генерализованная ссылка
- аналогии	- намеки, предположения	- точка зрения говорящего
- предположения	(также на текстовом и словесном уровне)	- стилистики / ситуативность
- уравнивание/генерализация	- утверждения	- эвфемизмы
- репрезентация дискурса	- метафоры	- целостность текста
- цитаты	- предикация	- метафорические лексемы

РИСУНОК 11.4. Аналитическая схема исторического дискурс-метода[1]

[1] *Matouschek, Wodak & Januschek, 1995, с. 57*

цикл, в котором 3 уровня анализа систематически и рекурсивно соотносят со всей совокупностью контекстуальных знаний. Точное описание отдельных текстов и анализ больших корпусов данных позволяет делать утверждения о реконструкции контекстов дискурса и на микро-, и на макроуровне. Общие принципы исторического дискурс-метода можно подытожить следующим образом:

- Условия и контекст необходимо зафиксировать как можно точнее, так как дискурсы можно описать, понять и интерпретировать только в их специфическом контексте.
- Содержание высказывания необходимо сопоставить с историческими событиями и фактами, так же, как и представленные отчеты (интертекстуальность).
- Тексты должны интерпретировать разные специалисты по данной проблеме (социологи, историки, психологи). Все стадии подразумевают междисциплинарный подход, это наиболее важная характеристика исторического дискурс-метода.
- Текст должен быть описан как можно точнее на всех лингвистических уровнях.

Сторонники исторического дискурс-метода оценивают различие между их подходом и подходом в других текстовых и социолингвистических исследованиях с помощью полезной сети различных научных подходов.

Первый шаг в анализе текста — это определенные обобщения, которые затем классифицируют в соответствии с аналитическим аппаратом. Затем текст анализируют еще раз и т.д. Историческую дискурс-процедуру можно удачно проиллюстрировать популярным отчетом Австрийской эмиграционной полиции[1]:

Канцлер: Экономическая помощь восточным соседям / Хайдер: Саммит по предоставлению убежища беженцам

[1] *Matouschek & Wodak, 1995/96, с. 57*

ЗА 11 ЛЕТ: 7,5 МИЛЛИОНОВ НА БЕЖЕНЦЕВ

Повестка дня: (6 строк, 2 колонки)

Какие финансовые пожертвования Австрия делает, чтобы выполнить свои гуманитарные обязательства по помощи беженцам, можно увидеть из новых данных, которые предоставило Министерства финансов: с 1980 до конца 1990 гг. на нужды беженцев (жилье и социальные пособия) было потрачено 7,5 биллионов шиллингов

Текст: (3 колонки, 82 строки)

За прошедшие 34 года наша страна должна была справиться с тремя волнами беженцев: (абзац 1)

В 1956 г., после Венгерской революции, подавленной с особым кровопролитием, нашу границу пересекли 182432 человека. (§2)

В 1968 г., после разгрома Пражской Весны, на нашу территорию перебежали 162000 жителей Чехословакии. (§3)

В 1981 г., после введения военного положения в Польше, политического убежища в нашей стране искали 33142 беженца. (§4)

На следующей неделе, как подтвердил вчера министр внутренних дел Лешнак, Австрия должна будет сделать шаг к экстренной остановке. (§5)

Кабинет введет обязательную визу для румын, большинство из которых — это экономические мигранты. (§6)

Но наши границы будут по-прежнему открыты для тех, кого преследуют по политическим, расистским или религиозным причинам. (§7)

Продолжают утверждать, что за повышение уровня преступности в Австрии ответственны беженцы с Востока. По этому поводу министр внутренних дел проинформировал вчера: (§8)

Уровень преступности среди легальных рабочих-иностранцев ниже, чем среди австрийцев. (§9)

С другой стороны, беженцы с Востока, которые работают нелегально, в среднем более склонны совершить преступление, чем наши граждане. (§10)

Уровень преступности в Австрии растет (Заголовок жирным шрифтом)

Уровень преступности в Австрии действительно вырос: с 1987 по 1988 гг. на 2,5-3%, а с 1988 по 1989 гг. на 3,5-4%. Это тревожный рост, и, согласно министерству внутренних дел, это результат влияния 3-х факторов: (§11)

Уровень преступности растет во всем мире; резко увеличился бандитизм, в который вовлечены австрийцы; и беженцы с Востока. (§12)

Вчера проблему беженцев прокомментировали 2 главных политических деятеля:

Канцлер Враницкий гарантировал, что Австрия останется государством, которое будет принимать беженцев. Но будет сделано различие между политическими и экономическими мигрантами. Враницкий заявил, что лучшей политикой по отношению к эмигрантам будет предоставить экономическую помощь восточным соседям. (§13)

Лидер Австрийской партии свободы Хайдер настоятельно требовал от министра внутренних дел созвать конференцию государственных деятелей по вопросу предоставления убежища беженцам. Министр социального обеспечения Гепперт должен гарантировать, что беженцам предоставят рабочие места.

(Конец)

Условия и контекст. Текст возник в результате дискуссий о принятии 800 румынских беженцев в районе Кайзерштейнбруха — это высшая точка 18-месячного обсуждения возможности Австрии принимать беженцев и иммигрантов из бывшего Восточного блока. Был некий дискурс о сочувствии и симпатии, который возник под влиянием про-революционных отчетов о страданиях румынского народа. Затем это стало дискурсом об изгнании беженцев, доставляющих неприятности. Из-за этого возник дискурс аргументации, в том смысле, что те, чьи страдания вызывали сочувствие, теперь были проигнорированы из-за проблем насилия, криминала и социального паразитизма.

Тема и содержание, интертекстуальность. Темы этой части отчета отражают темы предвзятых дебатов о миграции на межнациональном уровне: акцент на количестве беженцев, метафоры угрозы («толпы», «потоки», «массы»), нелегальность, преступность, нечестность и придание статуса «экономических мигрантов». В этой статье вновь проявился акцент на теме «преступность беженцев». Весь корпус текстов, кроме этого короткого текста из выборки, отражает установку ксенофобии в широком ряду вариантов текста из широкого ряда СМИ. Различия только в выраженности ксенофобии. Даже более либеральные СМИ неспособны однозначно дистанцироваться от этого дискурса изгнания. Группы были определены и противопоставлены друг другу: группа «мы» представлена «полезными» австрийцами, перегруженными огромным количеством беженцев и их преступностью, — эта группа представлена в позитивном свете. Ей противопоставлены *беженцы, восточные беженцы, экономические мигранты* и т.п., которые явно отмечены негативным содержанием.

Сопоставление с данными и фактами отчета. Детальные контекстуальные знания других специалистов дают информацию об искажениях в текстах.

Наиболее точное описание текста на всех лингвистических уровнях с помощью различий между стратегиями и лингвистическими реализациями. Предвзятые негативные установки по отношению к группам иностранцев подтверждаются самыми различными стратегиями. Размытые формулировки (*Восточные соседи, ищущие убежища, беженцы*) и рационализация, псевдо-объективные факты не в пользу беженцев используются уже в заголовке и в повестке дня. Австрия представлена как жертва (*подмена жертва-агент*) волны мигрантов. Информация о принятии беженцев из Румынии размещается непосредственно после информации о волнах беженцев 1956, 1968 и 1981 гг. Тяготы расходов, связанные с притоком беженцев, намеренно передаются с помощью неопределенной репрезентации дискурса, где размыта граница между мнением автора и другими источниками, метафорами угрозы («экстренная

остановка») и концептуализацией группы как «экономические мигранты». Конструкцию связи между группой иностранцев и преступностью можно более точно исследовать подобным же образом.

Итог. Отказ румынам во въезде аргументируют в тексте в квази-объективной манере. С помощью включения контекстуальных знаний о дискурсе текст можно расположить в общем дискурсе. В любом случае, дискурс относительно румын можно понимать только со ссылкой на предыдущие дискурсы относительно разницы в более отдаленном и недавнем прошлом. Принимая во внимание контекстуальные знания и интертекстуальность, Матоушек и Водак заключают, «что дискурс относительно румын (в общем дискурсе СМИ и политики) можно рассматривать как определенный пример. Румыны представлены как пример с той целью, чтобы вообще остановить дальнейший поток «иностранцев», а восточных европейцев — особенно».

11.6. КРИТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ

Критика КДА возникла из конверсационного анализа — «обратная сторона» спора между конверсационным анализом[1] и КДА[2]. Щеглофф считает, что КДА, хотя и имеет другие цели и интересы, кроме локальной реконструкции взаимодействия, должен серьезно работать с материалом: «Однако если они намерены связать вопросы власти, доминирования и т.п. с дискурсивным материалом, то такой материал необходимо серьезно представить». Это означает, что этот материал необходимо, по крайней мере, сопоставить с тем, что релевантно по отношению к поведению участников взаимодействия. Только когда такие категории, как пол участников, становятся релевантными — например, с помощью явного упоминания («Женщины последние») — они становятся важными для анализа. Если бы КДА рассматривали таким образом, он — по мнению Щеглоффа — не был

[1] Schegloff, 1998
[2] van Dijk

бы *альтернативой* конверсационному анализу. Тогда возникло бы требование вначале выполнить конверсационный анализ. «Иначе критический анализ не будет «привязан» к данным и рискует стать просто идеологическим». Ван Дейк объясняет в критической оценке конверсационного анализа (см. гл. 8), что, по его мнению, анализ самого текста, которого требует Щеглофф, — это иллюзия.

Наряду с этими общими дебатами относительно всего направления КДА, особая дискуссия развернулась между Норманном Фэркло и Генри Уиддоусоном[1]. Уиддоусон критиковал тот факт, что термин *дискурс* стал неопределенным и модным: «Дискурс — это нечто, о чем говорит каждый, но без знания того, что это такое — это что-то модное и неопределенное». Также он критикует отсутствие четкого разграничения между текстом и дискурсом. Более того — и здесь его критика близка к критике Щеглоффа — КДА является идеологической интерпретацией и, потому, это не анализ. Понятие *критический дискурс-анализ* имеет противоречия в терминах. Уиддоусон полагает, что КДА — вдвойне предвзятая интерпретация: во-первых, он предвзят из-за идеологического ангажирования, во-вторых, он отбирает для анализа такие тексты, которые будут поддерживать предпочтительную интерпретацию. Анализ должен подразумевать проверку нескольких интерпретаций, а в случае с КДА это невозможно из-за предыдущих суждений. Фэркло в ответ на эту критику обращает внимание на *открытость* результатов как требование в принципах КДА. Также он указывает на то, что КДА, в отличие от других подходов, никогда не скрывает собственную позицию и приверженность.

11.7. КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА

Критический дискурс-анализ должен быть понятен в его интерпретациях и объяснениях. Должен быть понятен

[1] Widdowson, 1995, с. 158

способ, которым исследователи достигают своих результатов. Кроме того, валидность результатов КДА не является абсолютной и неизменной. Она всегда открыта для новых контекстов и информации, которые могут стать причиной изменения результатов. Взаимосвязь открытости и понятности и интерпретативной и объяснительной природы анализа — это важные критерии для КДА. Еще одно характерное требование, которому должны соответствовать результаты, — это их практическая релевантность. КДА работает с социальными проблемами, а значит, важное предусловие для его использования — это применимость его результатов.

11.8. ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПРЕДУСЛОВИЯ

Области применения КДА обусловлены тем, что он развился под влиянием политического контекста идеологических и политических движений 1960-х гг. В общем, интерес для КДА представляет доминирование и отношения власти между социальными сущностями и классами, между женщинами и мужчинами, между национальными, этническими, религиозными, половыми, политическими, культурными и субкультурными группами. Поэтому потенциальные области его применения — это все взаимоотношения и темы, которые имеют отношение к анализу социальной власти: исследования женского вопроса, антисеметизм, фашизм, ксенофобия, язык в политике или язык в организациях[1]. В качестве исходной точки он всегда берет посылку о том, что неравенство и несправедливость многократно воспроизводятся в языке и там легитимируются.

Из-за постулирования контекстуального значения и интертекстуальности КДА требует — как предусловие к любому применению — исчерпывающую информацию о преобладающих социальных и исторических условиях и исторических цепочках.

[1] *Wodak & Benke, 1997; Wodak et al., 1990; Maas, 1984; Matouschek & Wodak, 1995/96; Wodak & Menz, 1990; Fairclough, 1989, 1992a; Wodak, 1996*

Для подходов, представленнных здесь, разработаны специфические области применения. Модель Фэркло подходит для анализа контекстов социального и дискурсивного изменения. Это изменение анализируют со ссылкой на комбинацию дискурсов и жанров в текстах, которая приводит к перестройке взаимоотношений между различными дискурсивными практиками внутри и вне институтов, и относительно изменений внутри и между «порядками дискурса». В качестве примера изменения в дискурсе Фэркло анализирует изменения в способе продвижения и рекламы университетов в Англии. В ряде текстов, включая отчеты о встречах, академические автобиографии и объявления о работе, он находит изменение в дискурсивной практике современных университетов, обнаруживает конец стабильной институциональной идентичности и более масштабные инвестиции в конструирование предпринимательской идентичности. Еще один пример изменения в дискурсе — это «конверсационализация» публичного дискурса, которая подразумевает реструктурирование границ между публичной и частной жизнью через изменение в дискурсивных практиках. Фэркло иллюстрирует это на примере разговора доктор-пациент. В своем исследовании он затрагивал также интервью в СМИ и преподавание языка.

Рут Водак впервые применила свой исторический дискурс-метод к коммуникации в организациях и к языковым барьерам в судах, школах и больницах. Позже она исследовала проблемы сексизма, антисемитизма и расизма в установках с различной степенью публичного проявления. В частности, ее интересовала конструкция концепта «враг» в публичном дискурсе. Исторический дискурс-подход направлен на анализ скрытых предвзятых высказываний и помогает расшифровать намеки, обычно завуалированные в таких высказываниях, на основе фоновых знаний. Примеры этого можно найти в исследованиях послевоенного антисемитизма в Австрии, в дискурсах об эмигрантах и в отношениях к Центрально- и Восточноевропейс-

ким соседям[1]. Одна из важных целей этого подхода — это практическая релевантность результатов. Недавние исследования были связаны с дискурсивной конструкцией национальных идентичностей и сложной организацией Европейского Союза[2].

11.9. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С ДРУГИМИ МЕТОДАМИ

Различия между КДА, к которому принадлежат представленные нами подходы, и другими методами можно установить наиболее четко относительно общих принципов КДА. Во-первых, КДА работает с проблемами, которые определены заранее, этим он отличается от других методов, которые свой интерес заранее не определяют. Это такие методы, как контент-анализ или обоснованная теория. Также он отличается от методов, которые ясно представляют свой предмет исследования. Здесь КДА можно сравнить с этнометодологическим анализом текста и, в частности, с конверсационным анализом. В то время как для КДА основной интерес представляют социальные проблемы, конверсационный анализ работает со структурными проблемами, которые возникают при интеракциях.

Что касается объекта исследования, то КДА подходит к нему критически, так как его основанная цель — сделать явными часто скрытые отношения власти. В КДА стараются определить результаты этих отношений, которые часто имеют практическую релевантность. С этой целью используют и такой критический подход, как функциональная прагматика. Последняя, подобно КДА, также направлена на определение практической релевантности результатов, но явно не формулирует это как цель применения метода. Более того, в функциональной прагматике анализ и выявление отношений власти менее важны, чем прояснение условий ежедневной деятельности, которая может привести

[1] *Wodak et al., 1990; Matouschek et al., 1995; Projektteam, 1996*
[2] *Wodak et al., 1998; Straehle et al., 1999; Iedema & Wodak, 1999*

к ситуации, когда то, что кажется очевидным, больше нельзя приниматься на веру. Таким образом, здесь исследуют те отношения власти, которые обычно принимают как должное. Но эти отношения не занимают такую же центральную позицию, как в КДА. Этот вид критической ориентации отсутствует и в этнометодологическом текстовом анализе, который в первую очередь направлен на реконструкцию и описание повседневного поведения участников взаимодействия. Критические утверждения дискурс-анализа возникают из его теоретического обоснования.

Еще одно важное отличие связано с посылкой КДА — все дискурсы исторические и поэтому их можно понять только относительно их контекста. Некоторые другие методы тоже основаны на подобной посылке — например, для этнографии интерес представляет язык в его культурном контексте. А вот функциональная прагматика имеет дело не с контекстом, а с общими социальными условиями. Она исследует их, опираясь на свою посылку о некоторой цели, которая лежит в основе любого лингвистического поведения. Общее для всех этих подходов то, что они рассматривают контекст или условия относительно таких экстралингвистических факторов как культура, общество или идеология, которые также важны в КДА. Конверсационный анализ не признает эти влияния и «помещает» контекст внутрь текста. Но в нашем описании конверсационного анализа мы указали на то, что сейчас здесь развивается тенденция понимать контекст более широко. В любом случае, наиболее широко контекст понимают в КДА — здесь он включает социально-психологические, политические и идеологические компоненты и, таким образом, формулирует междисциплинарную процедуру. Однако эта междисциплинарная процедура часто остается эклектичной, так как данные не репрезентативны.

Более того, КДА — используя концепты интертекстуальности и интердискурсивности — анализирует отношения определенного текста с другими текстами, что не присуще другим методам. Таким образом, на основе базового определения понятия *дискурс* можно сделать вывод,

что КДА учитывает более широкий ряд факторов, которые влияют на текст.

Что касается понятия «контекст», то здесь возникает еще одно отличие, базирующееся на посылке об отношениях между языком и обществом. КДА не принимает такое простое детерминистское отношение и привлекает идею посредничества. Причем здесь мы должны указать на различия, которые существуют между представленными нами дискурс-подходами. Норманн Фэркло определяет такое отношение в соответствии с многофункциональной лингвистической теорией Холлидея[1] и концептом дискурс-строя Фуко, а вот Рут Водак, как и Теун ван Дейк, вводит социокогнитивный уровень. Такой вид посредничества между языком и обществом отсутствует в этнометодологическом текстовом анализе. Еще одна особенность, которая отличает КДА от других методов — это включение в анализ лингвистических категорий. В принципе, можно предположить, что такие категории, как дейксис и местоимения, могут быть предметом анализа при применении любого из методов (включая, например, контент-анализ или обоснованную теорию), но решающими они являются только для немногих методов. Пример такого настоящего «лингвистического» метода — это функциональная прагматика и КДА. В функциональной прагматике лингвистические категории размещают на так называемой лингвистической поверхности, в то время как в КДА говорят о *форме* и *структуре текста* на текстуальном уровне (Фэркло) или о *формах лингвистической реализации* (Водак). Конверсационный же анализ, например, отвергает такие преждевременные категоризации и генерализации и не придает основное значение лингвистическим категориям. Таким образом, КДА, как лингвистический метод, отличается от всех других социологически направленных методов анализа текста, поскольку придает значение лингвистическим особенностям.

[1] *Майкл А.К. Холлидей в 1960-х гг. разработал модель дескриптивной грамматики, которая интерпретирует грамматику языка как систему систем и рассматривает ее как систему сети. Сеть показывает комбинаторные возможности единиц дескриптивного уровня — т.е. каждую лингвистическую единицу можно объяснить подсистемой выборов. Упрощенная сеть для английского предложения, прежде всего, различает выбор между повелительным и изъявительным. Для изъявительного существовал бы выбор между вопросительным и повествовательным и т.д. (Malmkjaer, 1991с, с. 448). Холлидей рассматривает грамматику как функционально организованную, где «функция» — это ответ на главный вопрос — «Почему язык такой, какой он есть?». «Определенная форма, заимствованная из грамматической системы языка, тесно связана с социальными и личностными потребностями. Для их обслуживания необходим язык». Холлидей пытается связать языковую функцию с лингвистической структурой. Он соотносит сети выборов с 3-мя метафункциями — функцией представления, межличностной и текстуальной. Более подробно об этом у Halliday, 1970, 1985.*

Методы текстового анализа различаются между собой и по процедуре. Фэркло, как и Водак, рассматривают свою процедуру как герменевтический процесс; то же справедливо и для функциональной прагматики. Конверсационный анализ в этом смысле отличается. А вот обоснованная теория схожа с методами критического дискурс-анализа, так как и первая и последние учитывают требования междисциплинарности, описания объекта исследования с помощью различных подходов и непрерывной обратной связи между анализом и сбором данных.

Если провести грубое различие между «тексто-расширяющими» и «тексто-сокращающими» методами анализа, то КДА, с учетом его концентрации на очень четких формальных характеристиках и связанного с этим сокращения текстов в процессе анализа, можно охарактеризовать как «тексто-сокращающий» метод. В этом смысле он отличается от «тексто-расширяющей» теории различий и объективной герменевтики[1]. Метод теории различий отличается от КДА тем, что он не предполагает никакой экспериментальной вариации текста.

[1] *Oevermann et al., 1979*

ОНИ ДУМАЮТ, ЧТО ТАРЕЛКА АЛФАВИТНОГО СУПА ДАСТ ИМ ВСЕ ТЕ ДАННЫЕ, КОТОРЫЕ ИМ НУЖНЫ, ЧТОБЫ ИССЛЕДОВАТЬ ТИНЕЙДЖЕРСКИЙ ДИСКУРС.

ГЛАВА 12

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА

12.1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА

Наиболее общее и, возможно, наиболее правильное определение этого термина можно получить из характеристики, которую функциональная прагматика дает сама себе. В отличие от других прагматических подходов, функциональная прагматика исходит не из семиотического концепта Морриса и не из логической идеи лингвистической *прагматики* Карнапа. Функциональная прагматика сформировалась под влиянием идей, которые развивались в 1970-х гг. в исследовательской группе действие-центрированной прагматики Дитера Вундерлиха[1], основанной на работе Бюлера. Понятие «прагматика» базируется на комбинации семиотических и логических идей, критической точки зрения на теорию речевого акта и анализ дейксиса, а также работы Бюлера. Таким образом, функциональная прагматика организована в соответствии с действие-центрированным пониманием этого термина. Это означает, что прагматические аспекты не просто добавляют к не-прагматическому пониманию лингвистических форм, а, кроме всего прочего, задают вопрос к *действенному* основанию использования лингвистической системы и лингвистической системы как таковой[2]. Таким образом, функциональная прагматика рассматривает себя как реакцию на дополнительный

[1] *Wunderlich, 1972*
[2] *Ehlich & Rehbein, 1986, с. 46; Ehlich, 1993, 1991, с. 131*

процесс «компенсации потери» в лингвистике, который проявляется в создании таких терминов, как прагмалингвистика, социолингвистика или психолингвистика. Но вместо того чтобы добавить отсутствующее в «сердцевине» лингвистики, как в этих примерах, функциональная прагматика обращается к перформативной теории языка и ее способам использования. *Функциональная* означает, что она должна иметь дело с функциями лингвистических форм.

Функциональная прагматика — это подход, основанный на специфической *теории* действия, в нем разработаны собственные аналитические инструменты. Ребайн[1] описывает один детальный, часто применяемый инструмент функциональной прагматики — лингвистический паттерн — и приходит к заключению, что «теория, снабженная таким концептуальным и методическим инструментарием (т.е. анализом паттерна), называется «функциональной прагматикой». Полностью ли разработана школа функциональной прагматики — вопрос, который современные исследователи оставляют без ответа. Бруннер и Грефен[2] говорят только о «специфическом виде анализа», сформировавшемся на основе «общего интереса к фундаментальному обновлению научных процедур в лингвистике, и критики обычной исследовательской практики, которая привела к серьезным эмпирическим и аналитическим недостаткам и искажениям».

Функциональную прагматику разрабатывали и развивали, в первую очередь, Конрад Элих и Йохен Ребайн. Детальная презентация ее теоретических основ — это докторская диссертация Ребайна. В качестве аналитического примера часто цитируют «Ресторан» Элиха и Ребайна. Здесь авторы впервые показали, что в коммуникативных актах говорящие ссылаются на социально разработанные коммуникативные формы, которые заданы их целями. Дальнейшие теоретические разработки на основе конкретного эмпирического анализа можно

[1] *Rehbein, 1988, с. 1183*
[2] *Bruenner & Graefen, 1994b, с. 9*

найти в более поздних работах этих авторов. Функционально-прагматический анализ институциональной коммуникации был опубликован у Реддера[1], а примеры его применения — у Бруннера.

12.2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ

Точка отсчета — это представление о языке, основанное на перформативной теории: «Язык — объект использования, с помощью слов можно сделать нечто»[2]. Дальнейшее теоретическое развитие основано на критике Серля и Остина, чьи подходы — с точки зрения функциональной прагматики — не дают систематической теории речи как *действия*, они точно так же ограничены теорией языка как системы. Конкретно, эта критика ограничений теории речевых актов касается уровня отдельного предложения, который считают ответственным за неадекватную трактовку адресатов или слушателей. Этот анализ успешности речевого акта, основанный на предложении, ведет к созданию концепта перлокутивного акта, который Элих называет «несчастным членом категорий теории речевого акта». На основе этой критики теории речевого акта Вундерлих разработал социальную концепцию языка, которая объединяет и говорящих, и слушателей посредством концепта «речевых действий». Она имеет фундаментальное значение для функциональной прагматики: посредством различия между «речевыми действиями» и «речевыми актами» функциональная прагматика отделяет себя от теории речевого акта.

Речевые акты ориентированы на говорящего и концентрируются на отдельных предложениях; *речевые действия* — это действия, которые выполняются средствами языка и имеют статус социально принятых обязательных форм[3]. Они предназначены для сложных структур взаи-

[1] *Redder, 1983*
[2] *Ehlich & Rehbein, 1972, с. 209*
[3] *Ehlich, 1972*

модействий между говорящими и слушателями. Речевые действия состоят из 3-х актов:

a) высказывание,
b) пропозициональный акт и
c) иллокутивный акт.

Речевые действия могут быть связаны в цепочки «речь — действия — последствия»[1]. Понятие *перлокутивный акт* критикуют как ошибочную категоризацию по сути. Вместо нее в качестве центральной рассматривают категорию *цель*. «Взаимодействие между говорящим и слушателем — это действительно взаимное действие и последовательность действий между двумя и более участниками. Оно достигает кульминации в *цели лингвистического действия* (или в цели последовательности лингвистических действий)»[2].

Таким образом, аналитическое определение цели играет центральную роль в реконструкции лингвистического действия. *Цель* (по Ребайну) отличается от *задачи*: отдельный актор нацелен на задачу, и в следовании задачам и их реализации акторы используют социально принятые паттерны, которые связаны с целями. Трансформация индивидуальных задач в социально разработанные цели происходит через «стадии процесса действия».

Цель играет центральную роль для реконструкции лингвистического действия, в котором функциональный анализ лингвистического действия означает обратное движение «от действия к целям», которые им управляют. «Функциональный анализ можно выполнить, если только исследователь может обнаружить силы и структуры, которые лежат в основе социальной жизни. Только на их основе можно построить объяснение феноменов поверхности»[3]. Здесь уже обращаются к строгому методологическому разделению *поверхности* (отдельный специальный случай) и *структуры* (социально принятая форма). Это характеристика наиболее заметного функционально-прагматического инструмента — лингвистического *паттерна*.

[1] *Bruenner & Graefen, 1994b, c. 131*
[2] *Ehlich, 1991, c. 131*
[3] *Ehlich & Rehbein, 1986, c. 136*

Следовательно, функциональный анализ подразумевает обнаружение тех сил и структур, которые позволяют объяснить феномены поверхности. Вместе с идеей паттерна была разработана категория для разделения лингвистической поверхности и глубинной структуры. Элих определяет паттерны как «организационные формы лингвистического действия» и «отражение социальных обстоятельств в лингвистической форме», которые обеспечивают стандартизированные версии повторяющихся структур действительности. Следовательно, паттерны — это глубинные структурные категории, которые реализуются через лингвистическую поверхность. Таким образом, функциональная прагматика вводит свое, отличное от принятого определение понятия «паттерн».

Особую важность имеют знания о действиях или паттернах, о которых говорят Элих и Ребайн. Эти знания дают людям возможность подразумевать стандартизированную обработку повторяющихся целей действий. Во взаимодействии люди актуализируют общие знания о действиях — т.е. знания форм, используемых для достижения целей, — и ведут себя относительно предыдущего опыта с учетом прогнозов. Паттерны действия — это ансамбли и последовательности действий, которые конституируются таким образом.

Ребайн рассматривает каждое действие как встроенное в пространство действия или социально структурированные условия:

> *Пространство действия — это не только наблюдаемое место. Оно включает также специфически определяемый набор предусловий, которые кристаллизуются с помощью общей социальной структуры и ее воспроизводства. Эти предусловия возникают особым образом в тех действиях, которые происходят в определенном пространстве действия. «Предусловия», со своей стороны, не зависят от специ-*

фического пространства действия. То есть, в определенной степени, их можно проанализировать как независимые сущности[1].

Конкретнее, посредничество между языком и обществом происходит через институты[2]: институты рассматривают как сложные структуры-контексты, внутри которых акторы организуются для того, чтобы следовать целям действий.

Институты характеризуют большую часть того, как и где мы действуем лингвистически. По словам Альтюссера, институты — это «социальные машин» для реализации социальных намерений. В этом смысле, они сами по себе являются проводниками от общей цели общества к конкретному социальному действию, то есть, к действию социальных участников[3].

Следовательно, институты обеспечивают «стандартизированные способы обращения с повторяющимися структурами». Поэтому функционально-прагматический анализ лингвистического действия часто ссылается на действие внутри институтов.

Социальное детерминирование человеческого поведения, которое предполагает функциональная прагматика, подразумевает необходимость социального анализа. Для Элиха и Ребайна это означает анализ «базовых отношений различных культурных и социальных феноменов в деятельности по производству и их организацию в определенные взаимоотношения производства». В работе Элиха и Ребайна этот социальный анализ можно проследить до Гегеля и Маркса.

Основная посылка *целевой* природы языка — («акустическое производство не происходит само по себе. В основе него лежат цели, которые нельзя распознать сразу по их внешней форме») — не только связана с социально

[1] *Rehbein, 1977, с. 12*
[2] *Ehlich, 1991, с. 136; Ehlich & Rehbein, 1986, с. 136*
[3] *Ehlich, 1991, с. 136*

разработанными целями, но и с внутри-лингвистическими целями. Элих критикует тот факт, что в аддитивной прагматике этот целевой характер лингвистической структуры часто не рассматривают вовсе. Под *процедурами* в функциональной прагматике понимают типы лингвистического действия, в котором ментальную деятельность говорящих и слушателей рассматривают по отношению друг к другу. Типы процедур различают в соответствии с целями действий, которые лежат в их основе. Элих адаптирует идею Бюлера о «поле» и «закрепляет» типы процедур за полями, которые делают доступными соответствующие средства лингвистического выражения. Таким образом, он расширяет классификацию Бюлера на символическое и дейктическое поля, добавляя поля *побуждения, интонации* и *операций*. Отношения между полями, процедурами и целями действия, которые реализуют говорящие и слушатели, представлены в Таблице 12.1.

ТАБЛИЦА 12.1. Цель действия, процедуры и поля

Намерения действия	**Процедуры**	**Поле**
S передает *H* свои установки по отношению к *X* и *Y*	Изобразительная/экспрессивная	Интонационное
S прямо вмешивается в действие и структуру установок *H*	Ускоренная	Поле побуждения
S обращает внимание *H* на объект *X* в указанном пространстве, общем для *S* и *H*	Дейктическая	Дейктическое поле
S указывает на объект *X*, факт *Y*, ... для *H*	Аппелятивная/символическая	Символическое поле
S дает возможность *H* выполнять элементы лингвистического действия *S*	Операционная	Операционное поле

Посредством перемещения полей, лингвистические единицы можно использовать для различных типов процедур. Единицы, которые обычно классифицируют как местоимения, находятся, с одной стороны, в дейктическом

поле (указательные местоимения), а с другой стороны, в операционном поле (вопросительные и относительные местоимения). Существительные и глаголы в основном находятся в символическом поле. Восклицания расположены в поле побуждения.

Типологические различия между языками очень четко видны в интонационном поле, для которого немецкий или английский языки — в отличие от некоторых африканских языков — имеют в распоряжении значительно меньше слов. Вместо этого они «полагаются» на высоко развитые интонационные средства высказывания[1]. В таблице 12.2 мы подвели итог по методу функциональной прагматики. Как показывают примеры, функциональная прагматика использует категорию процедур, чтобы объяснить связь лингвистического действия и лингвистических форм.

ТАБЛИЦА 12.2. Итог по методу функциональной прагматики

Инструменты	**Цель**	**Посредник**	**Отношение к лингвистическим действиям**	**Пример**
Процедуры	Внутриязыковые	Лингвистическое действие и лингвистическая форма	Процедуры — это самые маленькие единицы лингвистического действия	Я, здесь, сейчас = дейктическая процедура
Паттерны	Внешнеязыковые	Лингвистическое действие и социальная форма	Паттерны — это потенциалы для действия, которое имеет реализацию в поверхности посредством одного или более лингвистических действий	Постановка задачи, выполнение задачи, эффективное обоснование

Фундаментальный характер цели лингвистического действия дал возможность разработать в функциональной прагматике аналитический инструмент — *паттерн* — как посредник между языком и обществом. В своем анализе процедуры и паттерна инструмент направлен на восстановление традиционных дихотомий, таких, как форма и функция, грамматика и прагматика.

[1] *Redder, 1994, с. 240*

12.3. ЦЕЛИ МЕТОДА

Конрад Элих и Йохен Ребайн рассматривает цели лингвистической прагматики в языковой теории действия. Для этого требуется:

> *... учитывать комплексные особенности такого действия, как компонент реальности, признавать его в его комплексности и в его контекстах как аналитический объект, распознавать ценность места для социального действия взаимодействующих акторов, всей специфической социальной деятельности и определять ее внешние и внутренние формальные особенности.*
>
> *Цель исследования социальной реальности — концептуальная реконструкция <u>конкретных</u> событий. Только тогда, когда такая реконструкция получена, мы можем распознать «слепой» контекст, который скрыт за поверхностью лингвистического действия (как за спиной социальных акторов).*

Под *конкретными* событиями понимают наблюдаемые феномены, такие, как коммуникация в школьном классе, в ресторане, и т.п. Авторы реконструируют эти феномены поверхности относительно их соответствия, которое определяет текст и лежит в его основе — это так называемая глубинная структура. Ценность места полного реконструированного контекста закрепляется за результатами анализа «в прогнозе» (т.е. пока это «совместимо с состоянием анализа»).

Функциональный прагматический анализ лингвистического действия направлен на реконструкцию цели, для которой актор предпринял действие; это могут быть вне-

шне-языковые цели общества, равно как и внутри-языковые цели лингвистической структуры. Цель — соотнести «внутренние взаимоотношения» с наблюдаемыми феноменами. Это способствует пониманию условий действий в *рамках нормы* и создает для акторов набор обстоятельств, где им больше не придется вслепую воспроизводить нормальную «систему очевидного».

Чтобы проиллюстрировать практическое значение этого понимания внутренней организации действий в реальности школьного класса, Элих и Ребайн перечислили 4 различных фактора. Во-первых, действия не должны происходить вслепую — нельзя допускать неправильную трактовку существующих противоречий. Во-вторых, акторы могут видеть, какие коммуникативные изменения возможны в результате изменений институциональных условий. В-третьих, акторы узнают, что краткосрочные изменения возможны через адаптацию опыта других и через индивидуальную коррекцию. Наконец, можно узнать, где изменения обязательно будут неудачными по причине общей слабости института.

Функциональная прагматика достигает этих целей путем анализа текстов и дискурсов. Здесь между дискурсом и текстом проводят систематическое различие, которое основано на теории действия[1].

Дискурс — это специфическая комбинация лингвистических действий: «Я понимаю дискурс как последовательности паттернов, конституированных через контекст намерений. Они проявляются на лингвистической поверхности как последовательность лингвистических действий»[2]. Обычно дискурсы устные, но эта особенность как в примере коммуникации с помощью компьютеров, не обязательно представлена. Предусловие для дискурса — это то, что говорящие и слушатели должны быть представлены одновременно.

Текст, подобно дискурсу, — это реализация и конкретизация лингвистического действия, но он отличается от дискурса благодаря своей особенности «расширять» речевую ситуацию. «Это расширение речевой ситуации означает, что фундаментальная категория «речевая ситуация» выходит за свои пределы. Расширение речевой ситуации возникает от специфической цели — передать информацию». Это значит, что лингвистическое действие отделяют от рецептивного действия читателя или слушателя. Письменная форма — это не ключевая особенность такой передачи информации.

[1] *Bruenner & Graefen, 1994b, c. 7-8; Ehlich, 1991, c. 136*
[2] *Ehlich, 1991, c. 135*

12.4. ОПИСАНИЕ МЕТОДА

12.4.1. Процедура анализа паттерна

Анализ паттерна — важный инструмент функциональной прагматики, который применяют в различных социальных условиях. Процесс исследования можно описать как совокупность этапов исследований. Но это последовательность без детерминирования конкретных этапов исследования. Элих и Ребайн утверждают даже, что любое пред-детерминирование отдельных этапов исследования можно приравнять к запрету креативного мышления и препятствию процессу исследования. Важная особенность процесса функционально-прагматического исследования — это прогнозирование общего контекста наблюдаемых феноменов с помощью аналитической цели — реконструировать реальность. Это подразумевает очень специфический вид действий, который отличает функциональную прагматику от других методов анализа.

> ***Отдельные результаты процесса исследования всегда необходимо соотносить с реальностью, которую анализируют, поскольку такие результаты изменяют общее понимание материала и, таким образом, расширяют его. Следовательно, процесс исследования происходит не линейно и не повторяющимся образом, поскольку в этом случае были бы утрачены любых новые догадки.***

Итак, функциональная прагматика отвергает наивные способы действия, она считает себя приспосабливающейся, герменевтической и интегративной. Это можно реконструировать, например, с помощью аналитических компонентов анализа паттерна. Отдельные пункты не следует понимать как те, что конституирует структурную последовательность, их стоит рассматривать как объединяющий процесс, соответствующий герменевтическим требованиям, сформулированным ниже:

1) Описать общий контекст, к примеру, в специфическом институте (например, школа, ресторан). Цель – обнаружить центральные структуры[1].
2) Найти повторяющиеся взаимозаменяемые элементы (такие, как элемент *D*; см. рис. 12.1).
3) Классифицировать эти взаимозаменяемые элементы в соответствии с местом происходящего и процедурами (например, «хм» как самодостаточная процедура или различие между оперативной и дейктической процедурами).
4) Найти места, где эти взаимозаменяемые элементы повторяются в таком же контексте.
5) Идентифицировать паттерн.
6) Обнаружить отличия (часто очень незначительные) от похожих паттернов.

12.4.2. Паттерн рассуждения

Элих и Ребайн проанализировали в контексте школьного класса ряд паттернов – постановку задачи, выполнение задачи, решение проблемы, чтение лекций и рассуждение. Паттерн рассуждения можно использовать для того, чтобы реконструировать функционально-прагматический метод анализа, можно проиллюстрировать такие теоретические посылки, как различия между поверхностной и глубинной структурой.

Паттерн действия «эффективное рассуждение» начинает функционировать, когда в системе действия возни-

[1] *Ehlich & Rehbein, 1972*

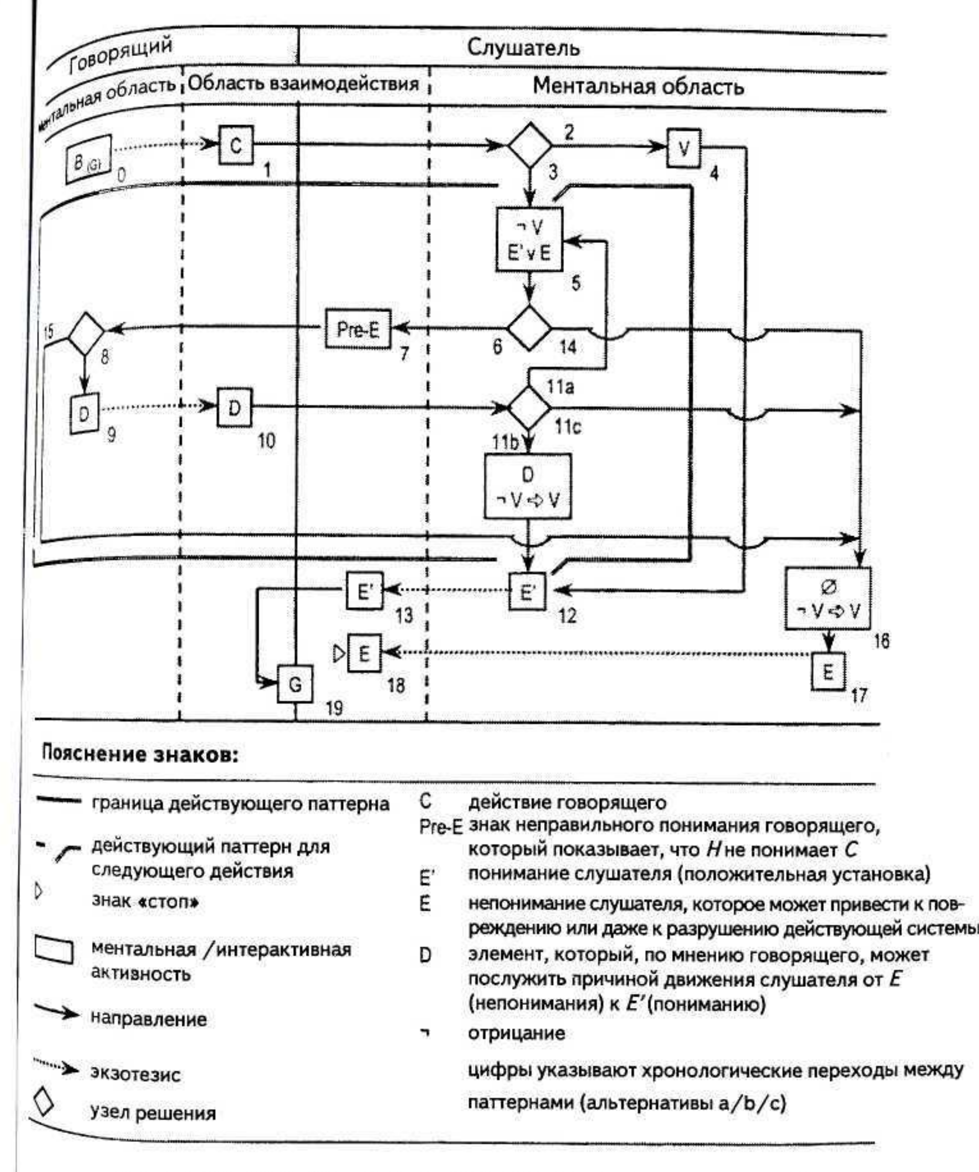

РИСУНОК 12.1. Паттерн эффективного рассуждения

кает или предполагается некий дефект, который можно исправить, если успешно продолжить коммуникацию. Таким образом, в коммуникацию необходимо вовлечь, по крайней мере, двух человек. Говорящий предполагает или распознает некий дефект в собеседнике и реализует пат-

терн эффективного рассуждения с целью исправить этот дефект. Цель паттерна эффективного рассуждения — привнести некоторые изменения в знания слушателя, которые необходимы для успешного продолжения коммуникации. Элих и Ребайн делают различие между *рассуждением* и *эффективным рассуждением* в соответствии с достигнутым результатом.

Типичная реализация паттерна аффективного рассуждения, согласно Элиху и Ребайну (см. рис. 12.1), можно представить так:

a) Говорящий *S* выполнил действие *C*.
b) *S* знает посредством некоторого сигнала непонимания со стороны слушателя *H*, что *H* не понимает *C*. Этот сигнал непонимания представлен как *Pre-E*.
c1)(i) *S* знает, что у *H* будет к *C* либо положительная установка *E'* (понимание), либо отрицательная *E*.
(ii) Отрицательная установка *E* включает «неполадки» (вплоть до прерывания действия) системы действия *S* и *H*.
(iii) Положительная установка *E' H* к *C* предполагает продолжение системы действия.
c2) *S* желает продолжить систему действия *S* и *H*.
d) Поэтому *S* должен повлиять на *H*, чтобы трансформировать альтернативу в *E'*.
e) Таким образом, *S*, ищет элемент *D*, который, предположительно, будет вызывать у *H* трансформацию альтернативы в *E'*.
f) *S* производит экзотезис *D*: экзотезис следует понимать как немодифицированное представление ментального элемента в пространстве взаимодействия *S* и *H*.

Это — идеальная реализация паттерна. Но паттерны не реализуются как жесткие линейные последовательности. Глубинная структура, описанная здесь, на лингвистической поверхности представлена совершенно разными способами. Например, *H* может реализовать *Pre-E* в вопросе, который одновременно включает просьбу разъяснить. Вместо того чтобы открыто спросить «Что ты делал?», *H* может также выказать свое непонимание мимикой и жестами. Разъяснение паттерна не исключено, даже когда нет указаний на непонимание со стороны слушателя, но *S*, тем не менее, осознает, что определенное действие потенциально проблематично, и трактует его как требующее разъяснения.

Возможные варианты паттерна на глубоком структурном уровне обозначены как узлы принятия решения. Абсолютно не исключено, что *S* не заинтересован в продолжении системы действия. Тогда поиск и вербализация элемента *D* будет отсутствовать, и *H* останется в ситуации непонимания. Также возможно, что *D* не может перевести слушателя из состояния непонимания в состояние понимания. В этом случае паттерн эффективного рассуждения может преждевременно прерваться, так и не достигнув своей цели. Однако в паттерне эффективного рассуждения может быть попытка: *H* выражает недостаток понимания в *Pre-E*, *S* решает найти элемент *D*, который переведет *H* в состояние понимания и производит экзотезис этого. Таким образом, если дать возможность *H* получить необходимые знания, он произведет экзотезис условий понимания и, таким образом, полностью завершит паттерн эффективного рассуждения. В принципе, повторения во время рассуждения могут быть бесконечны.

2 корневых элемента паттерна эффективного рассуждения — это *C* — само действие, которое не понимает *H*; и *D* — элемент, который вводит говорящий, чтобы привести слушателя в состояние понимания. Исходя из *C*, Элих и Ребайн различают несколько типов паттерна эффективного рассуждения: в разъяснении действия *C* — это действие, которое предшествует *S*. Говорят, что намеренное рассуждение происходит тогда, когда вместо *C* реализуется *Pre-E* — т.е. экзотезис некоторого будущего действия. Если вместо *C* говорящий адресует к слушателю требование будущего действия, Элих и Ребайн называют это *обязательным разъяснением*. В когнитивном рассуждении вместо *C* говорящий произносит заявление или утверждение.

Как вариант действия-рассуждения можно рассмотреть паттерн аргументирования. Здесь также внача-

ле может быть прошлое или будущее действие, но оно должно быть адресовано к честности и прямоте слушателя, чтобы привести в действие паттерн аргументации. Говорящий использует это, чтобы высказать серию вопросов о продолжении системы действия. Элих и Ребайн часто представляют паттерны в форме диаграммы, как мы уже это видели для паттерна эффективного рассуждения (рис. 12.1).

С помощью идентификации паттернов функциональная прагматика способна детально проанализировать речевые действия. Так как способ функционирования следует понимать как герменевтический процесс, результаты всегда необходимо взаимо-соотносить со всем контекстом. Этот пример паттерна эффективной коммуникации был взят из контекста коммуникации в школьном классе. Элих и Ребайн приводят пример реализации действия-рассуждения в контексте класса в предложении «Я вновь попробую написать это предложение, но только быстрее». Институциональная коммуникация в школьном классе — обязательная коммуникация в социально защищенном коммуникативном пространстве. Понимание со стороны учеников является обязательным, и поэтому нет необходимости аргументировать его с помощью рассуждения. Для учеников эта обязательная коммуникация означает, что они попытаются «распалить» систему действия. Чтобы предотвратить риск этого наверняка, учитель в приведенном примере изменяет свою стратегию действия и старается восстановить сотрудничество учеников с помощью процесса понимания. Он реализует это через паттерн рассуждения, который в приведенном примере помещает тип коммуникации «хорошие отношения» перед институциональной коммуникацией.

12.5. КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА

Классические критерии качества в функциональной прагматике не обсуждают, но это не значит, что функционально-прагматический анализ не должен отвечать этим критериям. В требованиях, которые стремится выполнить функциональная прагматика, можно усмотреть специфические критерии качества, хотя они и не описаны как таковые. Во всех смыслах категория *намерение* является центральной — и во внутри-лингвистическом и во вне-шне-лингвистическом отношениях. Реконструируют намерения, идентифицированные в анализе, конкретную реальность или нет — можно выяснить только путем сравнения текстов. Если паттерны или процедуры встречаются в других контекстах за пределами непосредственного текста, это становится критерием для демонстрации валидности лежащих в основе целей, которые участвуют в «обработке» паттернов или процедур.

Более того, как критерии качества мы можем принять:

a) систематическое вовлечение лингвистической поверхности дискурса в соответствии с требованиями эмпиризма;
b) качество рефлексии и
c) критику.

Функциональная прагматика не просто адаптирует повседневные категории, но тщательно рассматривает их и критически изучает их аналитический потенциал, чтобы пере-определить их границы[1].

Функционально-прагматические критерии качества приводят к цели исследования — концептуально реконструировать конкретные феномены. Это объясняет тот факт, почему требование Поппера — выдвигать и опровергать гипотезы — нельзя применить в функциональной прагматике, так как каждый отдельный случай представляет интерес как задача реконструировать, а не опровергнуть.

[1] *Echlich, 1991, c. 142*

12.6. ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПРЕДУСЛОВИЯ

Предусловие анализа — это транскрипция естественных текстов, в которой используют систему транскрипции самих авторов — «полу-интерпретативную рабочую транскрипцию»[1]. Наиболее широко эту систему транскрипции используют в немецко-язычных странах. Существуют 2 компьютерные версии этой системы транскрипции: *HIAT-DOS* для *PC* и *SyncWriter* для *Macintosh*.

Потенциальные области применения, в соответствии с основными теоретическими посылками, процедурами и инструментами паттерна, таковы: социальное использование языка при анализе паттерна и лингвистической структуры в случае анализа процедур. Для процедур существуют: грамматический анализ[2] и исследования дейксисов[3], *операционные* или *интонационные поля*[4]. Но большую важность представляет анализ паттернов. Работы Элиха и Ребайна обеспечили стартовую точку и заложили основу для важной области применения — а именно, для исследования языка в институтах. В качестве примера, мы можем привести конкретную профессиональную практику в области медицины, в судах, в переговорах о продаже и в дискурсе «учитель — ученик»[5].

Функциональная прагматика позиционирует себя как прикладное дискурс-исследование и направлена на объяснение и — где возможно — на улучшение социальной практики с помощью научных методов[6]. Анализ паттернов позволяет реконструировать контексты цели действия, актуальные примеры действий и лежащие в основе знания о том, что продвигает действие без работы на сознательном уровне. Пример этого — практическая ценность анализа коммуникации в школьном классе[1].

[1] *Метод письма «музыкальные заметки» дает возможность отметить одновременную речь нескольких говорящих. В принципе, знаки пунктуации соответствуют принятой орфографии, но полная остановка имеет специальную функцию — указывает на паузы. Несколько полных остановок указывают на более длительную паузу. Разрыв показывает перерыв в беседе. Неразборчивые фразы помещают просто в скобки, а комментарии — в двойные скобки, например — ((щелкает пальцами)).*
[2] *Redder, 1984*
[3] *Echlich, 1979*
[4] *Redder, 1994*
[5] *Menz, 1991; Koerfer, 1994; Bruenner, 1994; Becker-Mrotzek, 1994; Friedrich, 1994; Koole & ten Thije, 1994*
[6] *Bruenner & Becker-Mrotzek, 1992*

12.7. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С ДРУГИМИ МЕТОДАМИ

Параллели можно провести между функциональной прагматикой и критическим дискурс-анализом (см. гл. 11). Они основаны на практической полезности получаемых результатов, герменевтических процедурах, важности точной транскрипции и теоретической связи, которая, предположительно, существует между языком и обществом и поддерживается через посредника.

Отличия от других методов определить очень просто — они следуют из одной особенности функциональной прагматики, а именно — теоретического исследования *цели* как центрального концепта и на внутри-, и на внешне-лингвистическом уровнях. В терминах связи между языком и социальными структурами это означает, что функциональная прагматика при анализе паттерна и реконструкции лежащих в основе намерений соблюдает строгое методологическое отличие между *лингвистической поверхностью* (особым отдельным случаем) и *структурой* (социально разработанной общей формой)[2]. В этом функциональная прагматика схожа с методами, которые различают 2 уровня текста: объективная герменевтика признает уровень латентного значения; нарративная семиотика, так же, как и функциональная прагматика, проводит четкое различие между поверхностной и глубинной структурой. Конечно, в нарративной семиотике в отличие от функциональной прагматики, уровень глубинной структуры связан не с социальными формами, а с базовыми нормами, ценностями и установками[3].

[1] *Ehlich & Rehbein, 1986, с. 178*
[2] *Rehbein, 1988, с. 1183*
[3] *Greimas & Rastier, 1968; Fiol, 1990, с. 380*

Для внутри-лингвистических целей доступны инструменты в виде лингвистических процедур, которые — в отличие от конверсационного анализа — подразумевают предварительную работу с лингвистическими категориями (такими, как риторические средства). Более того, целенаправленность лингвистического действия придает форме и функции, как диалектическим детерминантам, новый смысл. Таким образом, функциональная прагматика восприимчива не только к дискурс-анализу и анализу текста, но и к грамматическому анализу, чем и отличается от всех других методов[1].

[1] *Redder, 1994, с. 239*

ГЛАВА 13

АНАЛИЗ ТЕКСТА: ТЕОРИЯ РАЗЛИЧИЙ

13.1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА

Подход *теории различий* в анализе текста разработали Тичер и Мейер в ходе своего исследовательского проекта *Дипломатия и язык*. С одной стороны, он основан на теоретических посылках Никласа Лумана[1], а с другой стороны — на его впечатлении от исчисления различий Джорджа Спенсера Брауна[2]. *Концепт различий* или *дифференциальной организации знаков* имеет традицию как в семиотике, так и в структурализме[3]. Понятие *маркированность* (в смысле *маркированный* как противоположность *немаркированному*) ввела в лингвистику Линда Во[4] и, возможно, даже Николай Трубецкой и Роман Якобсон.

13.2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ

Теория Никласа Лумана, на которой основана теория различия в анализе текста, подразумевает отход от современных моделей коммуникации. Основное внимание здесь уделяют не *метафоре передачи* (коммуникации как передаче информации внутри системы с обратной связью между получателем и отправителем), а *избирательности коммуникации*. Метод следует понимать как селективный

[1] *Niklas Luhman, 1984, 1995*
[2] *Gerge Spencer Brown, 1979; Baecker, 1993a, 1993b*
[3] *Titzmann, 1977, с. 12*
[4] *Waugh, 1982, с. 299*

процесс с 3-мя этапами, который состоит из компонентов *информация, высказывание и понимание*. *Информация* проявляется как отбор из репертуара (известного или неизвестного) возможных тем — т.е. различие, которое создает различие. Затем нужно выбрать поведение для передачи информации — второй отбор из широкого спектра возможных форм высказывания. Третий отбор — понимание — приводит к изменению состояния получателя, различает информацию и высказывание и отбирает одну из многих возможностей. Таким образом, коммуникация — это синтез избирательности самой информации, избирательности высказывания, ожидания успеха и ожидания выбора связи. Без понимания этого нет коммуникации, и это изменение состояния в принимающей системе относится к наблюдению различия между информацией и высказыванием. Это различие наблюдают, ожидают, оно лежит в основе последующего поведения — реакции на высказывание.

Следовательно, коммуникация — это трехсоставная единица, это синтез отбора, сделанного и для информации, и для высказывания, и для понимания[1]. Любое коммуникативное содержание по той или иной теме передается определенным способом — его могли передать и по-другому или не передать вообще. Его можно понять или понять неправильно, можно пропустить или даже не заметить. Коммуникация успешна, когда ее избирательное содержание — информация — принимают как конституирование предпосылок для последующего отбора — т.е. когда между ними устанавливают связь, и, таким образом, избирательность усиливается. Итак, коммуникация связана скорее не с «согласованностью, аргументируемостью, истинностью или рациональностью, а со связностью. И это должно порождать коммуникацию помимо готовности людей понимать, так как коммуникация связана только с коммуникацией. ... Сама по себе коммуникация создает все значения, которые производят резонанс в коммуникации и затем обсуждаются»[1]. Изначально Луман основывал свои рассуждения на модели органона Карла Бюлера[2], который различал *репрезентативную, экспрессивную и аппеллятивную* функцию языка, но впоследствии ушел от этого подхода.

[1] *Luhmann, 1984, c. 193*

Теория различий анализирует компоненты высказывания в коммуникации — т.е. только наблюдаемую часть процесса. При этом все наблюдение основано на различиях: «проводить различие» — инструкция, которая, согласно Спенсеру Брауну, ведет к любому открытию. Инструкция «проводить различие» включает 3 компонента:

a) проведение границ;
b) маркирование одной стороны и
c) наименование этой стороны.

Следование этой инструкции порождает *форму*, под которой Спенсер Браун понимает пространство, разделенное различием. Эту форму можно отличить от других форм, и ее называют *маркированной*. Название формы характеризует *идентичность* различия.

С помощью наименования указывают направление. В этом процессе, который идет извне, проводят границу и подчеркивают одну сторону (см. рис. 13.1). Таким образом, *ин-формация* означает — привнести к форме, отличить внутреннее от внешнего и маркировать внутреннее. Ин-формация становится причиной различия в немаркированных данных и всегда зависит от действия наблюдателя, который проводит границу, маркирует одну сторону и, таким образом, пересекает эту границу извне вовнутрь. Эта операция требует времени и является необратимой.

Проиллюстрируем рисунок 13.1 примером: если производитель текста наблюдает самоотдачу товарища в работе, он/она сначала проводит границу (1), маркирует одну сторону (2) и называет ее *вовлеченностью* [3]. Противоположное, внешнее {3} редко называют эксплицированно. Если производитель (или наблюдатель) текста делает это,

[1] *Bardmann, 1994, c. 106*
[2] *Karl Buhler, 1965, c. 24*

РИСУНОК 13.1. Операция различения

он/она может, например, отличить эту вовлеченность от других личностных качеств, навыков и знаний товарища по работе. Различие между [3] «вовлеченность» и {3} «мастерство» конституирует Форму I, которую теперь наблюдатели текста выделяют относительно других возможных различий (4). Форму I затем называют (5); *идентичность* первого различия — т.е. общее между вовлеченностью и навыком — называется [6] — например, «личные факторы достижения успеха». Когда выполняют наблюдения с помощью этой формы (идентичности), внешнее в [6] нельзя увидеть: производитель текста этого не видит. Однако наблюдатель текста может назвать это внешнее {6}, «слепое пятно» производителя текста — например, «организационные и структурные факторы достижения успеха». Подведем итог: если кто-то наблюдает товарищей по

работе, используя различие вовлеченность/мастерство, и использует его для объяснения их достижений, он/она остается слеп к структурным условиям организации. Никакое другое различие (например, «продвижение по службе/денежное вознаграждение») невозможно одновременно с различием вовлеченность/мастерство — оно станет возможным позже.

Коммуникация проводит различия, и текстовый анализ с помощью теории различий направлен на реконструкцию различий в высказываниях и, таким образом, только в наблюдаемых аспектах структур восприятия. Джордж А. Келли[1] в своей «Психологии личностных конструктов» также подчеркивает дифференциальный характер структур восприятия: «Выбор аспекта задает и то, что считается подобным, и то, что считается противоположным». Например, концепт мужественности зависит от связанного с ним концепта женственности, и только оба вместе они производят базу для конструкции. Келли рекомендует психотерапевтам вид процедуры, который мало чем отличается от нашего метода: «Задача терапевта — найти подразумеваемый контраст, который пациент не может выразить словами».

13.3. ЦЕЛИ МЕТОДА

Теория различий в анализе текста направлена на поиск ответов на 3 вопроса:

a) Какую информацию можно извлечь из текстовых сообщений?
b) Какую структуру восприятия можно вывести из текста?
c) Каковы «слепые пятна» говорящих в их текущих наблюдениях?

[1] George A. Kelly, 1955, с. 59

13.4. ОПИСАНИЕ МЕТОДА

13.4.1. Макро-дизайн

Процедуру анализа текста, направленного на поиск различий, можно представить так, как мы сделали это на рис. 13.2. Когда исследуемые тексты отобраны и идентифицированы, анализ проводят по следующим стадиям:

1. Анализ явных различий. На этой стадии из текста извлекают названные концепты и формулируют их оппозиции. Затем эти дифференциальные пары анализируют.
2. Анализ скрытых различий. Он состоит из поиска неназванных оппозиций к тем местам в тексте, которые считают важными.
3. Сравнение явных и скрытых различий.
4. Дальнейший анализ, возникающий из этих стадий (опциональный).
5. Итог.

13.4.2. Микро-дизайн

Функциональные синтаксические единицы — это базовые единицы анализа в теории различий текстового анализа и в связи с этим упоминают «грамматику непосредственных составляющих» (см. рис. 13.3). Здесь, несмотря на конкретный вопрос исследования, можно сделать выбор. Например, можно провести различие между содержанием и интерактивными отрывками в текстах.

В анализе как явных, так и скрытых различий, встает вопрос о назывании различий для характеристики обеих сторон формы. Аналитик спрашивает, во-первых — каковы аналитические единицы, в соответствии с которыми называют явные концептуальные противоположности; во-вторых — каков явный противоположный концепт по отношению к тем единицам анализа, которые не явно про-

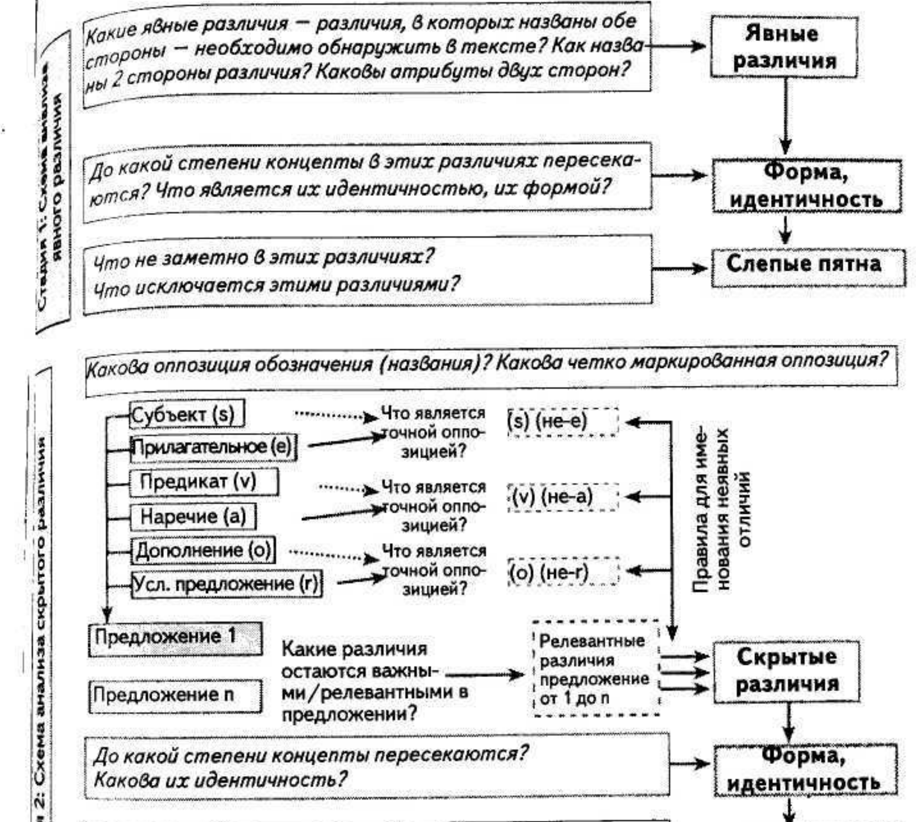

РИСУНОК 13.2. Блок-схема теории различий в текстовом анализе

тивопоставляет говорящий. Если обе стороны формы определены, то возникают следующие вопросы:

- Как можно назвать форму (т.е. идентичность) индивидуальных (явных и неявных) различий?
- Какие (возможные) «слепые пятна» есть в различии?
- Есть у форм и «слепых пятен» общие черты, и можно ли определить повторы?

13.4.2.1. Ключи для определения явных различий

Во-первых, аналитик должен выбрать все концепты и характеристики, к которым в тексте сформулированы явные оппозиции. Эти различия необходимо сделать на семантическом уровне, и в большинстве случаев для них могут быть найдены лексические и грамматические указатели. Например:

- противительные и уступительные предлоги — *вопреки, напротив, несмотря на, независимо от*;
- противительные союзы — *в то время как, тогда как, но, только, еще, однако*;
- альтернативные союзы — *или, или же*;
- противительные связки или причастные конструкции — *вчера было хорошо, но сегодня дождь.*

Очень редко явные различия остаются лексически немаркированными. Такие случаи требуют семантико-прагматического подхода, который также обращается к котекстуальной и контекстуальной информации. Эти различия используют, например, чтобы определить (немаркированные) оппозиции внутри структуры риторических фигур речи.

13.4.2.2. Единицы анализа

Стартовая точка в анализе текстов согласно теории различий — это грамматические предложения. Чтобы охарактеризовать концепты-оппозиции, изучают не отдельные слова, а непосредственные составляющие предложения (см. рис. 13.3). Грамматическая составляющая делит предложение на фразы и классифицирует их по их

синтаксической функции на глагол, существительное и предложные фразы. Эти отдельные составляющие (фразы существительного, глагольные и предложные фразы) состоят из слов, которые грамматически и синтаксически тесно взаимосвязаны. Как функциональные синтаксические единицы они определяют и содержат в себе значения концептов. Поэтому, первая задача — разбить отдельные предложения на составляющие. Следовательно, мы, строго говоря, не столько ищем «концепты-оппозиции», сколько «фразы-оппозиции»[1].

РИСУНОК 13.3. Структура составляющих предложения[2]

13.4.2.3. Отбор единиц анализа

Итак, единицами анализа являются непосредственные составляющие предложения. Если предмет анализа — это коммуникативное содержание, то анализировать то, как организована коммуникация, и метакоммуникативные компоненты беседы не имеет смысл. В этом случае из анализа можно исключить глаголы, которые выражают чувства и размышления и, таким образом, выполняют вводные функции (например, смягчают или подкрепляют основное

[1] *Аргументы экспериментальной прагматики также поддерживают этот вид процедур. Называние концептов-оппозиций для каждого отдельного слова в тексте и возникающие вследствие этого проблемы отбора ограничивают возможность применения метода к очень коротким текстам.*

[2] *Macheiner, 1991, с. 27*

действие). В основе такой процедуры лежит идея, что такие компоненты способствуют установлению отношений при взаимодействии, точно так же, как и модальные глаголы — используя их, говорящий определяет свое отношение к слушателям или к теме. Если этот аспект имеет высокую важность, то анализ концентрируют именно на этих фразах.

Для фраз, которые служат иллюстрациями тех, что уже проанализированы, ищут конкретные оппозиции. Предполагают, что примеры повторяют в перефразированной форме ту информацию, которая уже была передана, и подтверждают различия. Но здесь возникает еще один вопрос — почему отобраны именно эти примеры, а не какие-нибудь другие?

13.4.2.4. Правила для определения скрытых различий

Сформулируем несколько правил, чтобы упростить характеристику другой стороны формы, маркированная сторона которой представляет единицу анализа:

- *Правило 1.* Назвать концепт, противоположный основным глаголам и существительным. В общем, глагол в глагольных фразах и существительное в именных фразах — служат стартовой точкой для поиска концептов-оппозиций[1]. Это общее правило всегда валидно, даже если не приемлемо ни одно из правил 3-7.
- *Правило 2.* Определить концепт, противоположный предлогу. Первый шаг в предложных фразах (перед анализом встроенной именной фразы) — найти, где это возможно, противоположный предлог.
  Пример: *перед завершением — после завершения.*
- *Правило 3.* Назвать модальный глагол-оппозицию. Во фразах, которые содержат модальный глагол, необходимо найти концепт, противоположный самому модальному глаголу. Это правило не применяют, когда предметом анализа являются функции модального глагола, формирующие отношения, например, когда требования слушателя смягчают или усиливают.
  Например: *они не должны слышать — они не могут слышать.*
- *Правило 4.* Назвать залог-оппозицию. В глагольных фразах активный и пассивный залог обеспечивает дополнительные ключи — возможную пару в оппозиции всегда можно найти в другом залоге. Зачастую это подразумевает поиск глаголов-синонимов, которые, однако, могут быть антонимами в их значении в определенном залоге.
  Пример: *нами был предложен проект увеличения бюджета — мы потребовали более крупный бюджет.*
- *Правило 5.* Назвать концепт, противоположный местоимению. В именных фразах поиск концептов-оппозиций можно направить также на указательные местоимения, если из контекста стороны-оппозиции понятно, что исключается с помощью использования местоимения.
  Пример: *этот проект — другие проекты*; *такой особо отличающийся проект* (часто связано с интонацией (правила 6 и 7).
- *Правило 6.* Назвать концепт, противоположный наречиям и определениям (атрибутам). В глагольных фразах — это наречия и наречные конструкции, в именных фразах — это атрибуты и относительные предложения, которые служат стартовой точкой, так как детализируют значения этой характеристики. Чтобы определить противоположный концепт, ссылаются на эти специфические компоненты.
  Примеры: *дорогие компьютерные программы — дешевые компьютерные программы (но не: аппаратное обеспечение)*;
  Способные работники — некомпетентные/ленивые работники;
  Делать быстро — делать медленно.
  В словосочетаниях часто нужно искать концепты, противоположные отдельным компонентам.

[1] *Для этого процесса полезен такой инструмент, как словарь антонимов.*

- *Правило 7.* Определить концепты, противоположные концептам, на которые делается ударение. В устных текстах с точной транскрипцией и учетом паравербальных и суперсегментных феноменов (сомнения, модуляции, интонационные паттерны) такие феномены рассматривают только в том случае, если можно получить детализацию, которая противоречит предыдущим правилам. Интонация, несомненно, полезна при поиске концептов-оппозиций. Это правило появилось вслед за открытиями в исследованиях по интонации[1].
  Примеры:
  эта УСПЕШНАЯ встреча — проваленная встреча (здесь применяется правило 6);
  успешная ВСТРЕЧА — работа продвигается (правило 7)
- *Правило 8.* Позитивное пере-формулирование отрицаний. Негативные фразы можно перестроить в противоположные с позитивной формулировкой: негативные слова (*нет, ничто, никогда, нигде*) исключают или заменяют антонимами.
- *Первоочередность использования правил.* Эти правила расположены в порядке, соответствующем их детальности: правило 1 — самое общее, правило 7 — самое детальное. Если непонятна первоочередность правил — т.е. к определенной фразе применимы несколько правил, тогда считают, что детальное правило вносит больший вклад в обнаружение не названного концепта-оппозиции, чем общее правило. Таким образом, в именных фразах отрицание (правило 8) предшествует интонации (правилу 7), атрибуту (правилу 6), местоимению (правилу 5) и существительному (правилу 1).
  В глагольных фразах отрицание (правило 8) опять-таки предшествует интонации (правилу 7), наречию или наречной конструкции (правилу 6), залогу (правилу 4), модальному глаголу (правилу 3) и глаголу (правилу 1).

[1] *Jacobs, 1988*

В предложных фразах правило 2 необходимо применять первым и только затем анализировать встроенные именные или глагольные фразы.

При применении теории различий сначала необходимо установить все *правдоподобные* противоположные концепты. В ходе дальнейшего анализа текста отдельные дифференциальные пары станут более вероятными, а другие можно будет отбросить.

13.4.2.5. Реконструкция значимых различий

Чтобы выбрать из большого количества различий, которые скрыто переданы в текстах, те, что имеют особую значимость для анализируемого отрывка, перед реконструкцией различия необходимо задать следующие вопросы:

- Это различие новое или уже встречалось в такой же (или слегка модифицированной) форме?
- Какое более ранее различие получило подтверждение с помощью этого?
- Какое более раннее различие кажется из-за этого невероятным? Нужно ли его переформулировать?

Путем повторения различия получают подтверждение и «сжимаются». С одной стороны, повторение называния эквивалентно самому называнию[1]. С другой стороны, повторение — это такой образ действия, который сам по себе подтверждает различие, сделанное раньше.

> *По ходу чтения 2 действия «сжимаются» в одно или одно действие расширяется и подтверждается при первом и втором выполнении. В одном направлении обнаруживают, что идентичность возникает в результате «сжимания» большинства операций. В другом направлении обнаруживают, подтверждение — это вторая операция, и оно требует другой ситуации*[2].

⌉⌉=⌉ *«Сжатие» (Spencer Brown, c. 5).*

[2] *Luhmann, 1990b, c. 22*

В любом случае, кажется правдоподобным, что подтвержденные различия такого сорта особо ценны для реконструкции понятийных схем текстового сообщения.

Другая стартовая точка для значения различий находится в структуре непосредственных составляющих или синтаксической конструкции предложений. В большинстве языков существует «нормальная» структура предложения, в которой подлежащее (имя существительное) стоит на первом месте, за ним идет сказуемое (глагольная фраза) и второстепенные члены или предложные фразы. Например, в немецком языке место спрягаемого глагола фиксировано, за исключением тех случаев, когда есть отклонение от «нормальной» структуры. Обычно это связано со сдвигом значения[1]. Вот пример из немецкого языка:

Karl hat dem Kind das Buch geschenkt.

[Карл дал ребенку книгу]

Это нормальная структура предложения. Но из самого предложения не ясно — какая информация является новой или особенно важной. Однако если изменить порядок элементов на:

Dem Kind hat Karl das Buch gechenkt.

[Ребенку Карл дал книгу]

объект «Kind» становится особо заметным. Каждый из дальнейших мыслимых вариантов выполняет функцию специфического сужения информационного содержания. Вот здесь и начинается текстовый анализ по теории различий — отклонения от нормальной структуры имеют функцию, подобную интонации. Они маркируют новую или особо значимую информацию в предложении.

13.4.2.6. Наименование форм и «слепых пятен»

При наименовании возникает вопрос об идентичности — об общем знаменателе концептов для обеих сторон

[1] Hoehle, 1982; Cinque, 1993

различий[1]. Форму может назвать только наблюдатель второго порядка, который наблюдает различие, сделанное наблюдателем первого порядка, в оппозиции другим возможным различиям. Каждая форма связана с типичными «слепыми пятнами», которые не означают лишь совокупность других возможных форм. При идентификации «слепых пятен» и при назывании концептов-оппозиций возникает вопрос «другой» стороны — в этом случае той стороны, которая была «пропущена» из-за использования формы.

В ходе анализа именно из котекста исследователи узнают — какие «слепые пятна» особо «типичны». «Слепые пятна» можно найти в тексте повсюду. Например, если говорящий, который ссылается на ассистента (в отличие от босса), наблюдает в нескольких предложениях до и после «оплату» как форму, то, вероятно, нет «слепых пятен» в иерархии. Согласно котексту, другие пропуски — такие как мотивация или компетенция, служебные правила и т.д. — также вполне возможны.

13.5. ПРЕДУСЛОВИЯ, ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА

Теорию различий, которую используют для анализа текста, можно охарактеризовать как эвристический метод. Набор вопросов задает наблюдение текста, и с помощью этой стратегии исследования текст меняют (варьируют), действуя по четко определенным правилам. Область интерпретации для исследователя текста ограничена тесными взаимосвязями между вариациями и фразами (характеристиками) или синтагматическим расположением в тексте. Поэтому, его может повторить и проконтролировать в анализе другой исследователь.

В принципе, теорию различий можно применять для анализа любого текста. Но если проходить все этапы и

[1] Здесь проводится параллель с «совокупностями» анализа способов категоризации участия (Sacks, 1972a, 1972b). Если, например, босс и ассистент различаются, то организационная иерархия является формой различия.

учитывать все требования, то с большими объемами текста такой анализ провести будет весьма сложно. Можно остановиться на «сокращенной» версии и рассматривать только явные различия — т.е. сконцентрироваться на очевидных и явных понятийных схемах. Предусловие для использования теории различий — это знание концептов, которые встречаются в тексте, и значений, которые им придают в контексте. В этом смысле теория различий явно не обеспечивает контекстной информацией, но учитывает соответствующие фоновые знания аналитика. Вопросы, которые необходимо прояснить перед тем, как применять метод, не отличаются от обычной подготовительной работы в любом текстовом анализе: *Какой текст отобрать? На какие вопросы исследования необходимо ответить?* Для более строгого «интерпретативного» исследования — называния форм и слепых пятен — рекомендуется командная работа.

Степень, в которой результаты наблюдения текста с помощью теории различий будут соответствовать критериям качества, можно спрогнозировать очень приблизительно. Валидность, по-видимому, очень сильно зависит от контекста, в котором возник текст[1]: Является ли это вопросом «типичных» или повседневных ситуаций (внешняя валидность)? Как оценить реактивность сбора данных? (внутренняя валидность) В какой степени перцептуальная схема действительно собирается из фраз и фраз-противоположностей, форм и слепых пятен? (конструктная валидность) Достоверность, в смысле повторения похожего анализа, вероятно, возможна только в ограниченном смысле. Но результаты должны быть понятными и правдоподобными, а «интерсубъективность» необходимо гарантировать детальным объяснением правил.

[1] *Leithaeuser et al., 1977, c. 128*

13.6. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С ДРУГИМИ МЕТОДАМИ

В чем метод, основанный на различиях, отличается от других методов? Наш подход, по крайней мере, должен стать рефлексивным. Мы имеем дело с отличиями от других (отобранных) методов текстового анализа, и все отличия, которые мы здесь находим, имеют свои специфические «слепые пятна». Кроме различия между качественными и количественными методами, в котором часто игнорируют необходимость взаимодействия между этими двумя стратегиями исследования, есть и другие различия, которые можно здесь провести.

Так, Кляйнинг[1] проводит различие между субъектно- и объектно-ориентированными методами. Субъектно-ориентированные методы часто используют интроспективные процедуры, которые требуют от субъекта-исследователя таланта интерпретации. Объектно-ориентированные процедуры — это более строгие исследовательские или эвристические процедуры, их акцент скорее на обнаружении, чем на значении. Анализ по теории различий — это «объектно-ориентированным» метод — он сосредоточен на тексте, а не на способности аналитика понимать значение. С помощью своего детального описания последовательности и правил, а также благодаря своему интересу к парам различия скорее, чем к концептуальному содержанию, теория различий помогает дистанцироваться от текста и, таким образом, мало зависит от «интерпретативной» эмпатии исследователя. Таким образом, анализ по теории различий — это не творческий метод, в отличие от, например, объективной герменевтики[2].

Также методы текстового анализа различаются наличием эксплицированного теоретического обоснования. Вопросы, которые ставят в анализе, основанном на теории различий, теоретически обоснованны — они базируются на конструктивистской теории различий, и, таким обра-

[1] *Kleining, 1994, c. 118*
[2] *Oevermann et al., 1979*

зом, «обязаны» специфическому эпистемологическому концепту. Этим текстовый анализ по теории различий отличается от других эвристических процедур, которые подходят к текстам с «содержательными» вопросами. Важный результат теоретической приверженности теории различий и в том, что сознание производителя текста, как закрытой системы, в принципе «непостижимо». Поэтому реконструировать цели, намерения и стратегии, которых добиваются участники речевых действий, теми способами, которые постулируют другие подходы к текстовому анализу, невозможно[1].

Методы текстового анализа можно дифференцировать также по используемым в них инструментам и правилам — стандартны ли инструменты или можно ли их структурировать? Насколько точно и четко сформулированы правила, которые определяют последовательность и обеспечивают информацию для анализа? Своей таблицей для анализа пар различий, сконструированной в соответствии с четырьмя измерениями, текстовый анализ по теории различий предоставляет — по сравнению с другими «качественными» методами — достаточно стандартизированный инструмент. Упорядочивающие и аналитические правила здесь определены достаточно четко и ясно — по крайней мере, по сравнению со строго интерпретативными методами. Последние в этом отношении проблематичны и со следующей точки зрения: «То, что ... сознание делает с текстами, за некоторыми исключениями, непредсказуемо, так как тексты не «проникают в сознание», а лишь формируют стимулы для само-организации когнитивных операций»[2]. Эти когнитивные операции исследователя текста регулируются с помощью ограничения вопросов и ограничивающих стратегий исследования, в которых в процессе интерпретации их объединяют в организационные схемы и определенные устойчивые паттерны.

Наконец, можно сделать грубое различие между «тексто-расширяющими» и «тексто-сокращающими» методами

[1] *Ehlich & Rehbein, 1986, c. 5; Projektteam, 1989, c. 93*
[2] *Schmidt, 1992, c. 311*

анализа. Если первые производят дополнительные тексты с помощью специальных процедур на основе исходных материалов, последние направлены — особенно с помощью схем категорий — на «сжатие» текстов. Анализ по теории различий — тексто-расширяющий. Прежде, чем будут достигнуты результаты, дополнительно к единицам анализа необходимо произвести противоположные фразы, идентичности и «слепые пятна». В этом отношении метод похож на объективную герменевтику.

Текстовый анализ по теории различий отличается от этнографического метода и методов, ориентированных на обоснованную теорию. Этот анализ скорее исходит из вопросов, основанных на эпистемологической теории (перцептуальных схем), чем на списке «ощущаемых» и возможных, но теоретически не подтвержденных вопросов[1]. Теория различий располагает четкими упорядоченными и аналитическими правилами вместо кодирующих процедур и правил[2]. В ней придают меньшую важность контекстуальной информации. Методы похожи в том, что касается значимости самого текста, который всегда представляет центральную важность (объектная ориентация).

Предмет текстового анализа по теории различий такой же, как в анализе способа категоризации участия — оба метода нацелены на реконструкцию перцептуального аппарата. Но благодаря понятию «слепое пятно» теория различий более сильно сконцентрирована на латентной области.

Нарративные методы анализа также сориентированы на различия, даже если на первом плане находятся компоненты времени (до/после). Но нарративный анализ сосредоточен главным образом на уникальном событии и усложнении, которое возникает в ходе этого события. Нарративный жанр при упорядочивании подчиняется принципу времени. Если сравнить анализ по теории различий, например, с нарративной семиотикой, то оба метода предполагают наблюдением за скрытой областью. Да-

[1] *Hammersley & Atkinson, 1995, c. 173*
[2] *Strauss, 1987, c. 55*

же у Греймаса центральную роль играют отношения «оппозиции», представленные в семиотическом квадрате. Но в отличие от нарративной семиотики, теория различий не уделяет первостепенного внимания категоризации. Ось времени остается на заднем плане.

ГЛАВА 14

ОБЪЕКТИВНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА[1]

Объективная герменевтика принадлежит к группе процедур реконструкции, для которых характерно раскрытие латентных структур. Объективная герменевтика не основана на какой-либо научной эпистемологии, скорее она работает на базе повседневного понимания и совершенствует его путем четко мотивированного и точного набора правил. Исторически она «выросла из эмпирической процедуры, заимствованной из практики исследования, и, таким образом, основана на опыте такой практики и на его реконструкции»[2].

Развитие объективной герменевтики как метода текстового анализа происходило на фоне необходимости разработать новую методологию для социальных наук. Эта необходимость связана с расширением области социологических исследований до сфер социального подсознания. Таким образом, как герменевтический, метод вышел за пределы, навязанные классическим вариантом (подсознательного), поскольку этот вариант «зациклился» на индивидуальном мире и интенциях человека.

В дополнение, для объективной герменевтики, «заглядывающей за кулисы», характерно, прежде всего, сравнительно открытое определение принципов и процедур, которым должен следовать аналитик.

14.1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА

Процедуры объективной герменевтики были разработаны в контексте исследования социализации детей в се-

[1] *Эта глава основана на немецких работах Карла Бергера, Томаса Гамперла и Гизелы Хагмайр.*
[2] *Bohnsack, 1991, с. 69*

мьях, чтобы иметь возможность интерпретировать записи внутрисемейного взаимодействия. Решающим моментом в этом исследовании был вопрос — как дети участвуют в социальном мире семьи и как для этого они приобретают необходимую компетенцию. Классические, субъективистские теории обучения Эриксона, Мида и Пиаже не могли дать адекватный ответ на этот вопрос. Тогда, прибегнув к теориям, описанным ниже, разработали метод объективной герменевтики.

Из герменевтики метод заимствовал следующее представление — все понимание обусловлено первоначальными знаниями интерпретатора, знания расширяются с помощью интерпретации и, таким образом, создают новые условия для понимания (герменевтический круг). Таким образом, последовательную аналитическую процедуру можно считать особым случаем герменевтического круга.

Концепт подсознания заимствовали из психоанализа Фрейда и расширили его до социального подсознания. Его применяют к тем частям структур значений, которые не реализуются участниками, даже если они влияют как не опознанные условия или непреднамеренные последствия действия. Но ссылку на Фрейда следует понимать только как структурную аналогию, взятую для иллюстрации модели, но это не перенос концепта движущего мотива в область интеракций[1].

Подобно критической теории Хоркхаймера и Адорно, объективная герменевтика отвергает модели, которые направлены на понимание текстов с помощью предписанной системы категорий. Также она принимает требование просвещать, чтобы выявлять на лингвистическом уровне — как догмы, мифы и идеологии сковывают действия.

14.2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ

В объективной герменевтике возникает особый взгляд на отношения между человеком и обществом, которое

[1] *Oevermann et al., 1979, с. 368*

удерживается на одинаковом расстоянии от двух противоположных полюсов — субъективистской позиции, с одной стороны, и социально-теоретической объективности, с другой стороны. Эти 2 подхода рассматривают не как противоречия, а как дуализм, который позволяет правдоподобно описать интерактивное поведение человека. Здесь поддерживают точку зрения о напряжении между индивидуальной автономией и детерминированной природой общества. Предмет исследования — свободно действующий субъект, при этом учитывают ограничения, которые накладывают личная биография человека и доминирующие социальные структуры.

Эта модель влияет на определение текста — пропадает значимость производителей текста как людей, изучаемых с психологической точки зрения.

> *Интерактивные тексты конституируют, на базе реконструируемых правил, объективные структуры значений, и эти структуры значений представляют латентные структуры значений самой интеракции. Можно также сказать, что текст с момента своего появления конституирует социальную реальность со своими собственными правилами и своими собственными процедурами реконструкции. Эту реальность нельзя приписать ни отношению говорящего к действию, ни сопутствующим психическим обстоятельствам, ни внутренней психической реальности реципиента*[1].

Соответственно, объективная герменевтика понимает значение как объективную социальную структуру, которая возникает интерактивно. Это значит, что значение возникает при взаимном действии и что вклады участников в создание значения недоступны и поэтому не интересуют исследователя. Уровень скрытых структур значений (также известных как объективные структуры значений) постулируют как основную базу для индивидуальных

[1] *Oevermann et al., 1979, с. 379*

намерений. Из этого возникает следующая необходимость — ввести, по крайней мере, на описательном уровне, концепт подсознательного. Если связать это с моделью психоанализа, это означает, что «с точки зрения объективной герменевтики, разграничение между сознательным и пред-сознательным является решающим, так как это похоже на снятие границ с интенционального». Личностные структуры, с точки зрения объективной герменевтики, определены не как психологические структуры, а как «проявление социальных структур», соответственно, их так необходимо и интерпретировать[1].

С помощью центрального понятия *латентность* учитывают тот факт, что социальные субъекты связаны в контексте действия и участвуют в действиях, структуры значений которых они могут частично интерпретировать. Неслучайно стартовая точка метода появилась в исследовании социализации. Среди прочего, это связано с объяснением того, как дети активно участвуют в действиях по созданию значений, хоть им и не хватает компетентности для понимания созданного значения. Аналогичная ситуация возникает, когда мы рассматриваем объективных герменевтиков, которые анализируют, используя конструкцию, противоположную фактам, что предполагает наличие компетентного говорящего. Компетентный говорящий характеризуется полным пониманием созданных смысловых структур. Это обращение к компетентному говорящему в общем смысле — человек как вид, не как отдельная личность — формирует в объективной герменевтике основу для использования интуитивных оценок соответствия в передаче латентных смысловых структур интеракций. На основе лингвистической компетенции и компетенции в нормативном поведении, которое является результатом принадлежности к социальному обществу, интерпретатор обосновывает действия субъектов. В терминах эпистемологии, нет разницы между аналитиком и субъектом, вовлеченным в исследование. Аналитик имеет лишь преимущество объективной точки зрения, неотягощенной ограничениями ситуации.

[1] *Heinze, 1987, с. 76*

С помощью концепта латентных структур значений объективные возможности значения вводят как реальные, несмотря на то, намеренно ли их реализуют участники взаимодействия или нет. Объективная герменевтика предполагает, что интерпретативная процедура необходима, чтобы «подобрать ключик» к этой реальности[1].

Следовательно, цель метода — передать наблюдаемые объективные структуры интеракций. Структуры характеризуют как объективные, поскольку они действуют независимо от субъективных намерений участников. Это стимулирует расширить поле аналитически доступной социальной реальности, включив латентный уровень, детерминирующий действие.

«Цель Овермана поистине амбициозна. Он ищет практическую, ориентированную на исследование основу для социальной научной теории и методологии. В то же время это основа, выходящая за рамки поля, которое человечество способно прочувствовать на своем опыте»[2]. По словам самого Овермана, «Декларируемая общая значимость этой позиции для социологического анализа, *прежде всего*, отражена в строгом утверждении, что процедуры анализа значений, которые следуют этой модели, демонстрируют фундаментальную операцию измерения или производства теоретически ценных данных в социальных науках». Если вслед за Оверманом мы рассмотрим латентные значимые структуры как реальные, то это повлечет за собой требование полной переориентации социальных наук, которое не привело до сих пор к каким-нибудь адекватным понятным методам сбора данных. Это помогает объяснить, почему утверждения о конкретной цели метода обычно встроены в более широкий контекст обсуждения реальности вышеупомянутых объективных структур значений:

[1] *Oevermann et al., 1979, с. 381*
[2] *Garz & Kraimer, 1994, с. 7*

Однако мы можем в конечном итоге решить проблему, которая материализуется здесь в закреплении объективных значений за психическими причинами, это в первую очередь, вопрос доказательства существования двух фундаментально различных уровней реальности. С одной стороны, существует реальность латентных структур значения текста, которую можно реконструировать, несмотря на их ментальную репрезентацию у производителя текста и реципиента текста. Эта структура и должна конституировать стартовую точку социологического исследования, на любом уровне реальности. И с другой стороны, существует реальность субъективно и интенционально представленных значений в тексте у действующих субъектов[1].

Объективную герменевтику как метод и методологию текстового анализа можно резюмировать следующим образом: «это исключительно вопрос тщательного экстенсивного анализа объективного значения интерактивных текстов и латентного значения интеракций, и эта процедура реконструктивного понимания текстов не имеет ничего общего с ... пониманием процессов психики».

14.4. ОПИСАНИЕ МЕТОДА

14.4.1. Принципы и процедуры

Метод объективной герменевтики основан на процедурах двух видов — последовательном и детальном анализе, которые базируются на 4-х принципах, из которых 3 можно объединить под общим заголовком *контекстная вариация*. 4-й принцип — принцип последовательной процедуры — мы обсудим под заголовком *процедуры*.

[1] *Oevermann et al., 1979, с. 367*

14.4.1.1. Базовые концепты

Контекстная вариация. В экспериментах по мышлению *контекстная вариация* означает попытку поместить анализируемую единицу значений во все возможные контексты, чтобы с помощью полученных различий в значении реконструировать латентные структуры значений и конкретные условия действия.

Внешний и внутренний контекст. Другими словами Оверман проводит четкое различие между внутренним и внешним контекстом, так как они играют разные роли в анализе. Под *внешним контекстом* он понимает «информацию о случае или освещаемом событии, которая не содержится в отчете или тексте, который нужно реконструировать». Другими словами, это фактические прагматические условия, которые определяют текст извне и ограничивают возможности для интерпретации. По поводу внешнего контекста Оверман настаивает — «знание актуального контекста высказывания можно использовать, только если все толкования, совместимые с интерпретируемым текстом, действительно эксплицированы настолько полно, насколько это возможно». *Внутренний контекст* — это накопленная информация, которую извлекают при последовательном анализе. К этому контексту можно и, более того, необходимо прибегать для исключения некоторых полученных толкований. Это значит, что только то, что стоит на первом месте в последовательности, анализируют независимо от внутреннего и внешнего контекста.

Толкования. «Мы рассматриваем взаимосвязи между высказыванием и контекстуальным условием, которое прагматически реализует высказывание, как *толкование*»[1]. То есть, толкование включает текстовый сегмент и возможную прагматическую структуру, которая к нему относится. *Производство толкования* — центральная операция, которую выполняют в объективной герменевтике в ее процедуре последовательного анализа, основанной на модели латентных структур значений.

[1] *Oevermann et al., 1979, с. 415*

Принцип экстенсивной интерпретации. Экстенсивность анализа играет существенную роль. Оверман характеризуют это следующим образом:

> *Это означает ход против повседневных мотивов понимания, в котором интенцию действия партнера необходимо обнаружить не точнее и быстрее, а, напротив, как можно полнее. Это значит, что все пресуппозиции текста включают эксплицированно настолько, насколько это возможно, не игнорируя самые «невероятные» толкования или такие, которые — в свете первоначальных знаний о случае — можно вообще исключить.*

Таким образом, решающим является то, что в начале интерпретации присутствует как можно больше эксплицированных толкований и затем исследуют их в ходе детального анализа (на уровне 6 структуры категорий, которую разработал Оверман; см. раздел 14.4.3). Это делают для того, чтобы установить — какие толкования можно исключить и подтвердить на основе актуальной интеракции. В общем, даже самые невозможные толкования должны сохраняться до появления очевидного противоречия.

Принцип полной интерпретации. Этот принцип коренится в посылке, что все сказанное имеет смысл больший, чем актуально воспринимаемый. Поэтому все, что можно некоторым образом определить, необходимо включить в анализ. Это означает, что «каждая частица, каждый разборчивый, слышимый, видимый, осязаемый (и даже тот, который можно понюхать и попробовать) элемент — даже если он маленький и незаметный — необходимо эксплицированно проинтерпретировать относительно его мотива и включить в контекст целого». Но по прагматическим причинам обычно обходятся без аудиовизуального материала, отдавая предпочтение транскрибированному, хотя, благодаря анализу транскрипции, получают поразительные интонационные паттерны, речевые ритмы и т.п.

Принцип экономного использования индивидуальных гипотез (правило экономии). Согласно этому правилу, для обеспечения максимально возможной вариации контекста, пропускают все, что может ограничить многочисленность толкований. Это особенно влияет на внешний контекст и на так называемые индивидуальные гипотезы, поскольку одна из основных посылок этого метода — психологические и другие особенности, характерные для человека, — это следствие социальных феноменов[1].

14.4.1.2. Процедуры

Последовательный анализ. Последовательный анализ фундаментально важен в методологии объективной герменевтики. Суть его в том, что текст или выбранный для анализа материал разбивают на меньшие единицы и затем последовательно интерпретируют. Возможные значения, полученные таким образом, по ходу анализа постепенно ограничивают до тех пор, пока структура определенного случая не станет ясной. «Здесь индивидуальность случая становится очевидной. Она появляется во время последовательного анализа как последовательно сконструированный внутренний контекст». Дальше Оверман объясняет:

> *В последовательном анализе конституируют то, на что мы ссылаемся как на внутренний контекст интерактивного текста, последовательно сжимая его. Внешние контекстуальные условия в дальнейшем можно подразделить на те, которые остаются неизменными, и те, которые изменяются по ходу всего действия. В отличие от них внутренний контекст — это результат интерпретации сцены текста, его прослеживают только внутри этого текста.*

Детальный анализ. Разбиение текста на отдельные эпизоды — это предусловие для детального анализа, в ходе которого используют расширяющую интерпретационную процедуру, начиная с наименьших единиц значения. Здесь для каждой из единиц конструируют как можно большее количество контекстов, несущих значение. Посредством

[1] *Heinze, 1987, с. 79*

последовательности единиц в ходе анализа сокращают число возможных контекстов (или толкований); в идеальном случае все сводят к единственному контексту и, таким образом, четко очерчивают случай для анализа. Характерно — и это соответствует лежащему в основе принципу максимально возможной вариации контекста — что никакое предварительное знание, которое может воспрепятствовать толкованию, в анализе не учитывают.

Посредством анализа реконструируют реальный процесс выбора и исключения опций. Эта процедура отличается от повседневного способа интерпретации, в которой аналитики уделяют ей больше времени и пытаются понять опции, которые реально возможны.

14.4.2. Отбор материала и единиц анализа

Для объективной герменевтики последовательности интеракций — например, семейные разговоры или публичные выступления — играют роль первичных источников данных.

> *Настоящий объект для применения процедур объективной герменевтики — это записи реальных, символически переданных социальных действий или интеракций, будь они написанные, акустические, визуальные, скомбинированные из разнообразия медиасредств или зафиксированные другими способами. Точная материальная форма записи для процедур интерпретации в объективной герменевтике зависит от технических условий, так как интерпретируемость записи, несмотря на ее материальную форму, в принципе, обусловлена лингвистической возможностью осознать и перефразировать интерактивные значения*[1].

Здесь возникает вопрос транскрипций, которые получают из магнитофонных записей интеракций. Эту про-

[1] *Oevermann et al., 1979, с. 378*

цедуру можно применить к звуковому и ТВ-вещанию, к письменным отрывкам и — в противоречии с принципом лингвистической реализации — к киноафишам и фотографиям[1]. В таком статическом графическом материале, конечно, очень трудно проследить последовательности.

В связи с теоретической посылкой, что вся структура случая воспроизводится в каждой отдельной единице интеракции, отсутствует необходимость анализировать полную запись случая — можно ограничиться только отрывком (или «сценой»). Но это должно привести к устойчивой гипотезе о случае. Развитие такой гипотезы задает к отрывку требование минимальной длины. Для начального этапа выбора отрывка справедливо заметить, что в интеракционных системах привлечение истории (например, семьи) не имеет особого значения. Лишь во вновь возникших системах (таких, как «первые терапевтические контакты») важны первоначальные последовательности, так как начало особенно влияет на последующее развитие. «Поэтому мы понимаем, что в общепринятом смысле в анализе интеракций без предварительной истории верное начало — открывающая последовательность в терминах Щеглоффа — должно формировать начало анализируемой сцены интеракции»[2]. Во всех других случаях отрывок выбирают совершенно случайно. Затем результаты, полученные из первого отрывка, можно сравнить с результатами анализа последующих отрывков, которые в идеале должны иметь реконструируемые связи с первым отрывком, чтобы компенсировать риск ситуационной специфичности. Но процедура не предписывает минимальное количество анализируемых отрывков.

Принцип последовательного анализа требует, чтобы отрывок был разбит на отдельные единицы значений, чтобы создать предусловие для анализа внутреннего контекста, который необходимо рассматривать при производстве толкований. Размер таких последовательностей в процедуре жестко не установлен. На практике это реша-

[1] *Garz & Kraimer, 1994*
[2] *Oevermann et al., 1979, с. 434*

ется таким образом — у интерпретатора возникает впечатление, что он извлекают новую информацию о структуре с помощью новой последовательности. Но поскольку — на основе принципа полной интерпретации — в объективной герменевтике ничего не происходит случайно, и все рассматривают как структурно мотивированное, эти единицы значения обычно очень короткие — особенно на начальном этапе. Иногда, на самом деле, они просто состоят из «прокашливания». Вот пример установления таких границ: */до /сих пор /никто /не назвал мне, /Мистер Амбассадор/, ... тех, /кто включен в категорию Д /и кто, конечно, является квалифицированными академическими переводчиками/*. Как мы уже отмечали, единицы — особенно в начале — очень короткие и часто объединяются в грамматические паттерны в (частичных) предложениях к концу отрывка.

14.4.3. Структура интерпретации

С помощью объективной герменевтики интерпретатор получает конкретный инструмент в форме последовательного детального анализа, с которым он подходит к тексту, — это структура, состоящая из 8-ми аналитических уровней. Хотя в последние годы Ульрих Оверман дистанцировался от этой структуры, ее практичность как введения в интерпретацию по методу объективной герменевтики — особенно для начинающих — остается неоспорима.

О статусе и функции этой структуры Оверман утверждает: «Это не более чем фрейм для исключительно качественной описательной реконструкции актуальных высказываний, это вид «списка для проверки» для интерпретаторов, который нужен им, чтобы поставить детальные вопросы к их материалу».

В результате, нет ничего, что могло бы помешать придать различный вес отдельным уровням анализа или превратить их в конкретные шаги исследования. Даже если эти уровни не рассматривают как жесткую структуру классификации, они достаточно точны в формулировках,

чтобы служить правилами. В таблице 14.1 мы представили 8 уровней Овермана и сравнили их с конкретными переформулировками, которые мы применяли в нашей эмпирической работе. В этой краткой презентации мы применяем версию уровней, как их представил Шустер[1], который, в общем, сохранил оригинальное изложение Овермана. Впоследствии мы обратимся к проблеме совместимости оригинала с нашей переформулировкой и обратим внимание на возможные различия.

ТАБЛИЦА 14.1. Уровни интерпретации в объективной герменевтике и конкретные вопросы анализа

5 конкретных шагов исследования[1]	8 уровней интерпретации[2]
1. Как трансформировать единицу значения в понимании исследователя? Как обычно понимают единицу, какое значение придает этой единице «обычный» читатель/слушатель? Как можно перефразировать утверждение (переписать, свободно трансформировать, уточнить)?	**Уровень 1** Перефразирование всех значений единицы в соответствии со словесными выражениями в сопровождающей вербализации.
2. Что этим утверждением говорящий хочет представить или к чему стимулировать слушателя и каковы могли быть его намерения? Если кто-то принимает на себя роль актора, какое значение единица могла бы иметь для этого человека? Какую интенцию он, предположительно, преследует? Какая интерпретация для этого человека могла бы быть приемлемой?	**Уровень 2** Экспликация интенции взаимодействующего субъекта.

[1] *Schuster, 1994, с. 108-111*

3(1). Какие скрытые факторы могли лежать в основе единицы значения и какими могли быть объективные последствия для такого действия и мыслей или для этой системы? Как еще можно прочитать текст — с точки зрения третьего человека (неучастника)? Каков результат толкования с различными акцентами?	**Уровень 3** Экспликация объективных мотивов единицы и объективных следствий: т.е. объективные изменения в систематических условиях внутри структуры процесса взаимодействия.
3(2). Что означает следующее? Используемые грамматические формы (активная, страдательная, условная, и т.п.)? Упоминаемые темы и люди (группы людей)? Лингвистическое своеобразие (оговорки, нарушения, употребление и неправильное употребление слова)? Само разумеющиеся и генерализованные вопросы, которые встречаются? К чему может относиться значение единицы?	**Уровень 5** Характеристика лингвистических особенностей единицы: идентификация отличительных особенностей на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях.
3(3). Что еще может означать утверждение в других социальных обстоятельствах?	**Уровень 7** Экспликация общих отношений и структур, особенно, связанных с теорией социализации.
4. Какое ролевое распределение возникает в связи с этой единицей? Какие отношения и атрибуты приписывают людям (даже когда их прямо не называют) или могут быть включены в текст? Что можно сказать (в интервью) об отношениях между интервьюерами и интервьюируемыми?	**Уровень 4** Объяснение функции единицы в распределении интерактивных ролей.
5. Какие опции доступны для следующей единицы значения? Как это будет продолжаться? Каких аргументов можно ожидать? Какие важные связующие пункты есть в тексте?	**Уровень 0** Экспликация контекста непосредственно предшествующего интерактивной единице и систематического условия изучаемой единицы.

	Уровень 6 Экстраполяция интерпретации единицы на повторяющиеся коммуникативные фигуры: аспекты отношений или личностные особенности, которые выходят за пределы ситуации.

Уровни 1, 2 и 4 Овермана соответствуют конкретным формулировкам под такими же номерами. Пункт 3 нашей формулировки охватывает несколько уровней Овермана — 3, 5 и 7. В этом случае к любому сравнению применяют следующие ограничения:

1. Подразделение пункта 3 на подпункты в нашей конкретной реализации приводит к тому, что выделенные шрифтом секции левой колонки можно понимать лишь условно как противоположность уровням в правой колонке.
2. Вопрос подытоживающих строк интерпретации и оценивающих альтернативных толкований, расположенных друг напротив друга (как в пункте 7 у Овермана) мы не трактуем отдельно в каком-либо пункте нашей формулировки. Мы посчитали этот аспект интерпретативной работы как единственный, который присущ последовательной процедуре анализа и поэтому постоянно представлен. Соответственно, есть очень маленькое или совсем отсутствует соответствие на уровне 6 в правой колонке.

Что касается совместимости уровней 0 и 5, то нужно понимать, что нумерация в левой и в правой колонках обозначает не обязательное, но отчасти необходимое упорядочивание отдельных стадий исследования. Следовательно, идентификация новой единицы значения маркирует начало цикла интерпретации. Первостепенная важность этого шага в последовательном анализе связана с его экспериментальным аспектом. Поэтому на пятой стадии нашей перефор-

мулировки на основе успешной интерпретации «вслепую» создают посылки о правдоподобном продолжении текста и последовательно измеряют их по отношению к актуальному развитию событий. Процедура на уровне 0 по существу отличается только тем, что она не происходит «вслепую», то есть без учета актуального продолжения текста.

14.4.4. Толкования и интерпретации

Что касается производства толкований, то здесь решающим является критерий *совместимости*. Все, что требуется для выполнения этого критерия — это то, чтобы исследуемые высказывания находились в окружении контекстов в форме историй, которые создают некое значение. В объективной герменевтике исследователь исходит из общей посылки, что вопрос совместимости толкования можно прояснить недвусмысленно.

Внутри совместимых толкований есть следующие различия: «Здесь существуют (a) те, которые усиливают с помощью маркировки — т.е. внутри текста они читаемы, видимы, ощутимы или слышимы; и (b) те, которые интерпретатор добавил, — о них можно сказать, что утверждение может, но совсем необязательно указывает, на какой-то факт»[1]. Толкования второй категории представляют несколько неразрешенных предположений об альтернативных возможностях. Но то, что нельзя разрешить, непродуктивно для этой формы анализа. Более того, такие толкования имеют такой потенциал предположений, который уводит анализ от более вероятных значений текста и поэтому их можно исключить.

Продуктивность интерпретации в объективной герменевтике напрямую зависит от уместного использования контекстуальных знаний. Метод (как креативная процедура) показывает аналитикам, как можно использовать доступные им контекстуальные знания. В этом отношении можно провести различие между процессом «обнаружения» и подтверждением «валидности» толкования. Поэтому «теоретические подходы, которые наиболее эксплицированы» желательно использовать до тех пор, пока такие теории не вступят в противоречие с общими повседневными знаниями. Это применяют в процедуре обнаружения, в то время как проверка валидности толкования определяется исключительно так называемыми *правилами, генерирующими значение.* Согласно этим правилам, конкретные примеры контекстов, взятые из толкований, используют, чтобы принять решение о возможности существования таких контекстов. Если мы представим это в виде формулы, то требование Овермана звучит следующим образом: «Используйте все, что полезно при обнаружении толкований, совместимых с отрывком текста, и будьте осторожны при использовании информации о внешнем контексте зафиксированного события, чтобы принять решение о валидности толкований, совместимых с текстом».

[1] *Oevermann et al., 1996, c. 103*

Знания об актуальном контексте, на которые мы ссылались, можно учитывать только после наиболее полной возможной интерпретации текста. В противном случае, доступ к латентным структурам значения может стать невозможным из-за ограничения совместимости толкований с теми, которые соответствуют контекстуальным знаниям. Как следствие, любое нарушение может означать, что ничего нового обнаружить нельзя и что интерпретация идет по кругу.

14.5. КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА

Поскольку в объективной герменевтике латентные структуры значения обнаруживают как результат интуитивных суждений интерпретаторов о соответствии, можно высказать некоторое утверждение об отношении между разработанными типами репрезентации и лежащей в основе реальностью, которое существует внутри процедуры. Обнаруживает ли исследователь то, что намеревался обнаружить? На основе эпистемологического кругового

аргумента можно утверждать, что это неубедительно и потому бессмысленно. На основе этого Оверман прагматически заключает:

> *Если в теоретическом смысле можно предпринять предосторожности, которые помогут гарантировать совершенство этой интуитивной силы суждения, то нам больше не нужно создавать эксплицированные правила, которые образуют эту компетенцию как теоретическое предусловие валидности интерпретации в объективной герменевтике без фальсификации реконструкции значения.*

Эти предосторожности соответствуют 3-м факторам, которые неизбежно ограничивают повседневное понимание значения. Первый — это фактор времени, который требует уменьшения давления со стороны интерпретаторов. Затем интуитивную силу суждения нельзя «ограничивать невротически» или нейтрализовать групповой интерпретацией, когда толкования группы необходимо постоянно проверять. И последнее — это требование применять более чем один теоретический подход, чтобы избежать повседневных характеристик в интерпретации.

Что касается эффекта знаний, полученных с помощью объективной герменевтики, особенно в теории социализации, Оверман полагает, «что эмпирическую валидность общих концептов в теории социализации можно измерить тем, в какой степени индивидуальные единицы интеракции или серии таких единиц можно недвусмысленно адаптировать к своим общим определениям». Теории и их концепты в такой интерпретации должны подтверждать свою уместность для конкретных случаев анализа. Оверман не принимает отдельные случаи, в которых недвусмысленность невозможна. По его мнению, эмпирическую валидность концептов в теории, на которую влияет этот тип несовместимости, подвергают сомнению.

В качестве доступного выхода из такой проблемной ситуации он предлагает, с соответствующими примерами, следующее:

a) теоретическую основу поврежденных концептов необходимо модифицировать и пересмотреть концепты и/или
b) необходимо ввести дополнительные условия валидности.

Таким образом, предлагается стратегия, которая освобождает аналитика от необходимости следовать научному и жесткому понятию фальсификации.

14.6. ПРЕДУСЛОВИЯ И ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Мы уже упоминали о некоторых предусловиях, которые влияют на самих аналитиков и использование знаний при применении метода. Чтобы завершить картину, обратимся к вопросу о необходимом качестве (записанного) материала.

Что касается области применения, то ограничений не существует, в том смысле, что сама объективная герменевтика заявляет, что, в принципе, любые записи социальной интеракции можно использовать как материал для анализа — т.е. в дополнение к различным комбинациям записанного материала можно использовать аудио- и видеоматериал. В этой связи фундаментальное требование метода касается возможности располагать данные в некоторой последовательности, которую труднее организовать с непоследовательным видеоматериалом (например, фотографиями).

Отдельно следует рассмотреть исследования, которые, как требует Оверман, «должны быть выполнены настолько обширно и близко к реальности, насколько возможно, другими словами, на уровне звуковых записей высокого качества». Это требование к «буквальным» записям исследования можно понять с учетом, что данные, которые — как правило, для наблюдения — зависят от определенных структур категорий и значимых паттернов, препятствуют доступу к латентным структурам значения.

Несмотря на общую открытость анализируемого материала, объективная герменевтика отдает предпочтение использованию тщательно транскрибированных звуковых записей.

14.7. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С ДРУГИМИ МЕТОДАМИ И ПРОЦЕДУРАМИ

Объективная герменевтика отличается от других реконструктивных процедур, прежде всего, своей посылкой о латентности. Это обеспечивает наиболее подходящую базу для сравнения.

Даже если объективная герменевтика не рассматривает субъективные интенции только как «бездушное» отражение социальных структур, это четко отличает ее от социально-феноменологических методов, которые «продвигают» отдельные паттерны значений — такие, как «структурирующие, ориентировочные и процессы типизации»[1]. В такого сорта анализе объективная социальная структура, среда и окружение концептуализированы как маргинальное условие, которое противоречит способу объективной герменевтики, которым она оперирует.

> *Объективная герменевтика — в отличие от традиционной герменевтики, разработанной Хабермасом для социальных наук, — больше не ограничивается только ориентациями, переданными через психику и с помощью психического бессознательного. Скорее, она претендует на разработку социального бессознательного — т.е. «латентных» социальных структур значения*[2].

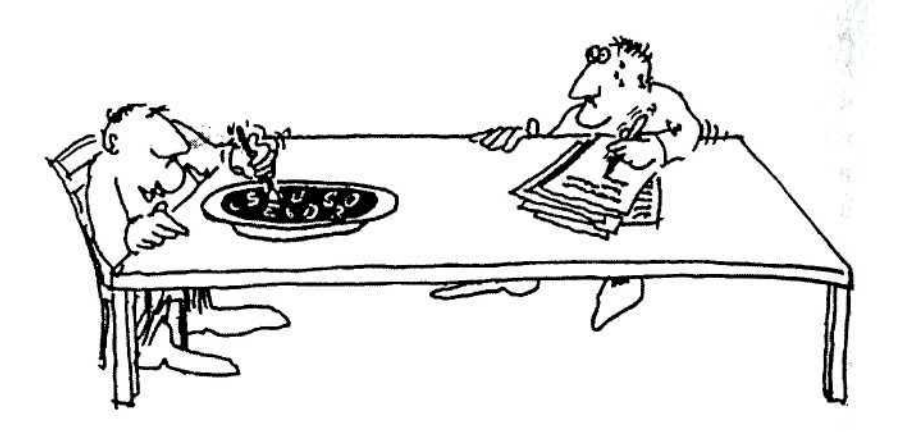
Следующее измерение для сравнения возникло из четкого разделения внешнего и внутреннего контекста, как это принято в объективной герменевтике. (Основой

[1] *Matthiesen, 1994, с. 81*
[2] *Bohnsack, 1991, с. 68*

для этого служит — процедура последовательного анализа и правило экономии.) «Классические герменевты», чтобы обнаружить значение отдельного сегмента, независимо от его позиции, привлекают информацию из полного текста и применяют контекстуальную информацию в различной степени.

Что касается подхода к исследуемому материалу и самого исследования материала, метод обеспечивает хорошо разработанные указания. Поэтому шаги, которым следуют при обнаружении латентных структур значения, для пользователя предопределены. Это оставляет объективную герменевтику в стороне от всех предлагаемых «методов», которые обеспечивают только одну предписанную структуру — обычно выходящую из специального подхода — внутри которой исследователь может действовать свободно. Но это также означает, что операционализация релевантных концептов — т.е. подхода к материалу — больше или меньше зависит от интуиции. Это затрудняет возможность понять и сравнить результаты, даже если позволенную свободу интерпретации априори нельзя оценить негативно. С этой позиции этнометодологические методы или те, которые собраны под названием «дискурс-анализ», можно рассматривать, прежде всего, как полярную оппозицию объективной герменевтики.

В сравнении с процедурами контент-анализа (такой, как SYMLOG), в которых текст анализируют с помощью предназначенной для этого структуры категорий, объективная герменевтика выделяется своим требованием анализировать на «языке случая». Нарушение этого принципа скорее привело бы к реконструкции предвзятых мнений интерпретаторов, чем к реконструкции латентного значения.

ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ТРАНСКРИПЦИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НАСТОЛЬКО ТОЧНОЙ, ЕСЛИ МЫ СОБИРАЕМСЯ ВЫБИРАТЬ НАШИ ТЕКСТЫ ПОДОБНЫМ ОБРАЗОМ?

ЧАСТЬ 3

ОБЗОР И СРАВНЕНИЕ

ГЛАВА 15

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ ОБЗОР: ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОВ АНАЛИЗА ТЕКСТА[1]

Как мы можем оценить — широко ли распространены методы анализа, представленные в этой книге? Какие методы особенно популярны, а какие остаются в тени в семье методов социального исследования?

1. В качестве первого шага мы исследовали — насколько часто тот или иной метод упоминают в специальной литературе. Эту частоту цитирования мы измерили с помощью базы данных CD-ROM SSCI[2].
2. Чтобы проверить результаты, полученные на первом этапе, мы провели второе библиометрическое исследование с использованием 4-х различных баз данных по социальной литературе. Здесь мы исследовали не цитаты, а ключевые слова.
3. На третьем этапе мы постарались библиометрически измерить близость методов посредством сети цитирования — какие связи существуют между отдельными методами? Насколько часто в научных публикациях приводят цитаты из двух или более различных работ, основных по изучаемому методу?

На первых двух этапах мы получили одномерные индикаторы. Двумерные индикаторы мы определили с помощью сравнения исследований цитирования и ключевых слов[3].

[1] *Библиометрическое исследование было проведено в сотрудничестве с Сибиллой Крауслер. Мы признательны за поддержку Информационному Союзу по социальным наукам при библиотеках в Венском университете экономики и бизнес-администрирования и особенно — Беттине Шмайкаль и Георгу Фесслеру.*
[2] *Индекс цитирования в социальных науках, 1994; Garfield 1991a, 1991b*
[3] *van Raan, 1994, с. 501*

15.1. ЧАСТОТА ЦИТИРОВАНИЯ: ИЗВЕСТНОСТЬ ПУБЛИКАЦИЙ

Первый этап библиометрического исследования представляет собой количественный анализ обращения к работам (и их авторам), которые являются либо основными и образующими для определенного метода, либо существенны для него[1]. Мы проанализировали работы, которые вышли в свет в период с 1991 по 1998 гг. Кроме того, мы сделали отбор из материала-источника. Затем мы согласовали и построили стратегию поиска, и в конце концов выбрали SSCI.

Затем возник вопрос — как измерить частоту цитирования. Качество цитаты — в какой степени и в какой форме цитируют соответствующую литературу — нельзя было показать на базе SSCI. Поэтому мы подсчитывали цитаты безотносительно того, были они короткими ссылками, критикой или применением метода. Хотя это и возможно с помощью SSCI, наш анализ не имел эксплицированной идентификации само-цитирования, также мы не обращали внимание на цитирование «картелей». Цитаты мы принимали как индикаторы репутации метода текстового анализа или его авторов. Вопреки слабости такого анализа, в будущем ученые должны будут все больше считаться с этими процессами оценки. Мы надеемся, что следующая презентация покажет, что такие результаты следует интерпретировать с большой осторожностью[2]. Смысл SSCI можно свести к двум основным моментам:

- SSCI — это база данных с заметным преобладанием англо-американских публикаций. Немецкие и французские источники представлены в меньшинстве. Например, общее число журналов на немецком языке в SSCI 50 (из общего числа журналов 1500)[3]. *Излишне ли представлены* англо-

[1] *Такой анализ проводили по всем 12 методам, но в контент-анализе и в критическом дискурс-анализе мы рассмотрели 2 различных метода.*
[2] *Schoepflin, 1993; van Raan, 1994; Winterhager, 1994; Stock, 1995*
[3] *Winterhager, 1994, с. 545*

американские публикации и до какой степени — мы не могли определить из-за недостатка информации об общем количестве и об актуальном влиянии различных языков в научном сообществе.

- SSCI — в чистом виде база данных журналов. В социальных науках, в отличие от естественных, монографии и сборники статей все еще играют существенную роль. Так, в немецкой базе данных Solis (Sozialwissenschaftliches Literaturinfornations-sytem; см. рис. 15.2) только 42% всех записей из журналов, 32% — это части в сборниках, и 26% — это монографии. Следовательно, в анализе SSCI почти 60% релевантных записей утеряно. С другой стороны, можно предположить, что в социальных науках не только больше опубликовано в журналах, но и в большей степени растет количество релевантных публикаций. Из-за равноправного обзора эта форма публикаций имеет больший престиж среди ученых.

Мы полагаем, что для каждого метода текстового анализа существуют литературные источники, которые имеют центральное значение для метода и написаны авторами, которые, так или иначе, занимаются этим методом и которых, значит, необходимо цитировать. Степень, в которой метод упоминается в SSCI, можно рассчитать, ответив на вопрос — в каком количестве документов цитировался один из базовых источников для данного метода.

Что касается отбора источников, различие между методами связано с частотой их упоминания. Для большинства методов вопрос источника ясен, потому что эти методы представлены только в маленьком количестве базовых публикаций. В этом отношении есть трудности только с тремя методами.

- В случае с *контент-анализом* — из-за его «возраста» и долгого становления не стоит ожидать, что он будет особо распространен в литературе[1]. Кроме того, из-за ее большого разнообразия есть трудности с выбором репрезентативных работ. Мы предприняли строгий отбор с помощью поиска цитат монографий Берельсона (1952) и Холсти (1969). Соответственно, этот метод может иметь тенденцию к *недостаточной репрезентации* в результатах. Это особо вероятно, поскольку доступные источники для открытого, нестандартизированного и «качественного» контент-анализа есть только в немецко-говорящих странах.
- *Анализ категоризации способов участия*, который используют в этнометодологии, хотя и восходит к одному автору — Харви Саксу — представлен в целом ряде публикаций, где редко есть только одна тема. Поскольку мы обнаружили все 4 публикации при помощи одной стратегии поиска, можно предположить, что частоту встречаемости этого анализа *переоценивают*.
- То же самое можно сказать и о текстовом анализе SYMLOG. Что касается него — по крайней мере при помощи SSCI — цитаты, касающиеся (принципиального) аспекта метода (теории групп, наблюдения интеракции) мы не могли исключить.

[1] *Lasswell, 1946*

В более общем смысле, искажающий эффект от применения SSCI можно игнорировать. В преобладающих англо-американских журналах в SSCI немецкие и французские публикации цитируют с меньшей вероятностью. Это касается нарративной семиотики, качественного контент-анализа, дискурс-анализа Рут Водак, функциональной прагматики и объективной герменевтики.

На втором этапе библиометрического анализа измеряют не только степень искажения, но и частоту упоминания разных методов в 4-х содержательно-ориентированных базах данных (см. рис.15.2).

В целом, за 1991-1998 гг. мы обнаружили 4134 цитат методов в выбранных литературных источниках (для 1998 года мы включили только период с января по август). Если сравнить все цитаты, то можно увидеть, что топ-позицию зани-

мает литература по обоснованной теории. (см. рис. 15.1). В 3-х публикациях по обоснованной теории, которые мы изучали, мы нашли 2622 цитаты. Это в 8 раз больше, чем в литературе по следующему методу — этнография коммуникации представлена 298 цитатами. Вслед за этими методами на отметке «выше среднего уровня» находится критический дискурс-анализ Фэркло (291 цитата), классический контент-анализ (289 цитат), конверсационный анализ (196) и метод категоризации способа участи (182). «Ниже среднего уровня» находится SYMLOG (103 цитаты, включая все цитаты о применении метода), качественный контент-анализ Мэйринга (65 цитат), нарративная семиотика (34 цитаты) и объективная герменевтика (29 цитат). Сразу за ними следует критический дискурс-анализ Водак (21 цитата). Значительно меньше цитат по функциональной прагматике (4).

РИСУНОК 15.1. Абсолютная частота цитирования методов в литературе[1]

В период с 1991 по 1998 гг. количество ссылок на литературу по текстовому анализу непрерывно изменялось. Если сравнить частоту по отдельным годам, можно проследить следующие тенденции для наиболее известных методов (см. табл. 15.1):

[1] *Источник: SSCI 1991-1998*

ТАБЛИЦА 15.1. Абсолютная ежегодная частота цитирования методов в литературе

№	Метод текстового анализа	91	92	93	94	95	96	97	98	Всего
1	Контент-анализ (стандартизированный)	38	26	38	40	31	35	50	31	289
2	Контент-анализ открытый (качественный)	2	3	13	5	13	9	15	5	65
3	Обоснованная теория	187	196	257	280	377	443	472	410	2622
4	Этнография коммуникации	36	48	46	32	39	32	39	26	298
5	Анализ способов категоризации участия	10	12	10	21	22	32	39	36	182
6	Конверсационный анализ	23	23	16	25	19	34	35	21	196
7	Нарративная семиотика	7	4	2	4	3	4	6	4	34
8	SYMLOG	22	11	12	19	11	11	11	6	103
9	Критический дискурс-анализ (Фэркло)	9	4	21	31	42	65	68	51	291
10	Критический дискурс-анализ (Водак)	3	2	3	1	5	3	3	1	21
11	Функциоальная прагматика	0	3	0	0	0	0	0	1	4
12	Объективная герменевтика	4	3	7	5	2	5	2	1	29
	Всего	341	335	425	463	564	673	740	593	4134

- Цитаты из литературы по обоснованной теории непрерывно учащались
- Цитаты из литературы по этнографии коммуникации и классическому контент-анализу не имели четко выраженной тенденции, они оставались на стабильном уровне.
- Резко возросло количество цитат по критическому дискурс-анализу Фэркло.
- В последние годы наметился рост количества ссылок на этнометодологический конверсационный анализ и на анализ способа категоризации участия.

У других методов ежегодная частота цитирования слишком маленькая, чтобы увидеть какую-то тенденцию.

По-видимому, неуместно соотносить доминирующую позицию в цитировании из работ Глейзера и Страусса непосредственно со степенью распространения этого метода. Это обусловлено не только ограничениями, сформулированными выше — SSCI-исследование никак не учитывает качество цитат. Ли и Филдинг[1] приходят к выводу, во-первых, что ссылка на обоснованную теорию гарантирует высокую степень узнавания работы, и, во-вторых, что детальное изучение работ с названием «обоснованные теории» могут отличаться от того, что имели в виду Глейзер и Страусс. Очевидно, что работы по обоснованной теории Ансельма Страусса, Барни Глейзера и Джульет Корбин действуют как аттрактор в так называемых «качественных социальных исследованиях».

15.2. ЧАСТОТА ВСТРЕЧАЕМОСТИ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ. ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ МЕТОДОВ

Результаты исследования ключевых слов в 15 методах[2] в базе данных WISO для социальных наук (FORIS, SOLIS) в Sociofile, Psyndex и MLA международной библиографии представлены на рисунке 15.2[3]. Здесь необходимо отметить, что ключевые слова *Inhaltsanalyse* и *контент-анализ* получили самые высокие показатели — более 12000 примеров (не включенные в рис. 15.2). Исследование в этой области необходимо ограничить дополнительными целями *качественный, стандартизированный, количественный, нестандартизированный* и *открытый*.

[1] *Lee & Fielding, 1996*

[2] *Названия методов занимают центральную позицию, поскольку несколько методов имеют более чем одно название. В конце мы извлекли заголовки, которые относятся к центральным отличительным концептам для изучаемых методов (например, открытое кодирование в обоснованной теории, лингвистическая процедура в функциональной прагматике, смена реплик в конверсационном анализе)*

[3] *База данных включает публикации различных периодов, но основной фокус для каждого сделан на периоде между 1980 и 1998 годами.*

РИСУНОК 15.2. Результат поиска из базы данных WISO-социальные науки, Psyndex, Sociofile, MLA Международная библиография

В процессе поиска в начале мы пытались найти ключевые слова в специфических областях (дескриптор, тема, заголовок), но это не привело к особому успеху. Только базы данных WISO содержали специальное поле метода. Внутри этого поля использовалось небольшое количество ключевых слов, и из наших слов было включено только слово *Inhaltsanalyse* (контент-анализ). Поэтому в конце мы выполнили только «свободное текстовое исследование», где поиск ключевых слов не ограничивался полями, включеннями только в специальную базу данных.

В этом исследовании наблюдалось заметное преобладание открытого и стандартизированного контент-анализ и конверсационного анализа (см. рис. 15.2). Широко представлена обоснованная теория, хотя менее явно, чем при анализе цитат. Удивило нас то, что объективная герменевтика заняла 5-ю позицию и упоминалась в базе данных почти в 220 записях. В общем, можно выделить 3 кластера:

- Широко представлены стандартизированный и открытый контент-анализ, конверсационный анализ и обоснованная теория;

- Среднюю позицию по представленности занимает объективная герменевтика, этнография коммуникации и другие этнографические методы анализа, а ткне все виды критического дискурс-анализа.
- Никакого влияния не оказали 2 конкретных варианта критического-дискурс-анализа, функциональная прагматика и анализ способа категоризации участия.

Специалисты акцентируют внимание на различных базах данных. Все зависит от того, какие методы их интересует — лингвистические или нелингвистические. Например, контент-анализ представлен в лингвистической MLA Международной библиографии сравнительно мало, в то время как конверсационный анализ имеет особую представленность именно в этой базе данных. Другие лингвистические методы (этнография коммуникации, нарративная семиотика, критический дискурс-анализ) представлены в MLA значительно больше. Остальные методы встречаются здесь сравнительно мало. Наиболее богатый источник в этом отношении — это база данных WISO-социальные науки (см. табл. 15.2)

ТАБЛИЦА 15.2. Результаты из Psyndex, Sociofile, WISO-социальные науки, и MLA Международная библиография

Метод текстового анализа	Psyndex	Sociofile	WISO	MLA	Всего
Контент-анализ (общий)	1181	3244	7778	80	12283
Контент-анализ (открытый/нестандартизированный)	287	278	1055	1	1621
Конверсационный анализ	83	357	71	402	913
Контент-анализ (стандартизированный)	166	176	458	5	805
Обоснованная теория	43	335	122	4	504
Объективная герменевтика	78	24	115	0	217
Этнография коммуникации	5	46	17	38	106
Этнография (как текстовый анализ)	4	42	16	7	69
Нарративная семиотика	1	13	4	40	58
Критический дискурс-анализ (общий)	0	22	4	29	55
Критический дискурс-анализ (Водак)	2	0	8	1	11
Функциональная прагматика	2	1	5	2	10
Критический дискурс-анализ (Фэркло)	0	2	0	5	7
Анализ способа категоризации участия	0	3	0	0	3
SYMLOG как текстовый анализ	2	0	1	0	3
Всего документов	1854	4543	9654	614	16665

Результаты анализа ключевых слов показывают существенное отклонение от анализа цитат, преставленного в табл. 15.1. Мы обобщили это в таблице 15.3. Если доверять полученным результатам, то обоснованную теорию цитируют явно больше, чем все остальные методы. Цитирование базовой работы Барни Глейзера и Ансельма Страусса мы обнаружили более чем в 63% разделов базы данных SSCI, в то время как в анализе ключевых слов мы обнаружили только 12% из всех разделов данных по текстовому анализу.

ТАБЛИЦА 15.3. Разница между анализом цитирования в SSCI и анализом ключевых слов (относительная частота в анализе SSCI минус относительная частота в анализе ключевых слов)

Метод текстового анализа	Процент в анализе SSCI	Процент в анализе WISO/Sociofile/Psyndex/MLA	Отклонение
Контент-анализ (стандартизированный)	6,99%	18,91%	-11,91%
Контент-анализ (открытый/нестандартизированный)	1,57%	38,07%	-36,50%
Обоснованная теория	63,43%	11,84%	51,59%
Этнография коммуникации	7,21%	2,49%	4,72%
Анализ способа категоризации участия	4,40%	0,07%	4,33%
Конверсационный анализ	4,74%	21,44%	-16,70%
Нарративная семиотика	0,82%	1,36%	-0,54%
SYMLOG как текстовый анализ	2,49%	0,07%	2,42%
Критический дискурс-анализ (Фэркло)	7,04%	0,16%	6,87%
Критический дискурс-анализ (Водак)	0,51%	0,26%	0,25%
Функциональная прагматика	0,10%	0,23%	-0,14%
Объективная герменевтика	0,70%	5,10%	-4,39%

Для контент- и конверсационного анализа можно обнаружить недостаточное цитирование[1]. Выбранные рабо-

[1] *Ming-Yulh, 1995, с. 334*

ты не включают стандартизированный контент-анализ[1]. Даже у открытого контент-анализа показатели выше, здесь обширные ссылки мы обнаружили в немецко-говорящих странах у Мэйринга. Также и для конверсационного анализа количество источников более обширно, чем в базе SSCI.

«Сверх-цитирование» этнографии коммуникации Делла Хаймса и критического анализа Нормана Фэркло, вероятно, обусловлено известностью авторов. Такое же положение SYMLOG и анализа способов категоризации участия также можно легко объяснить — здесь исследование ключевых слов было сведено к их применению в текстовом анализе. Это уменьшило их долю с 2,5% до 0,07%. Что касается анализа способа категоризации участия, то, вероятно, большое количество цитат относится к другим аспектам работ Сакса.

15.3. СЕТИ ЦИТИРОВАНИЯ: СВЯЗИ МЕЖДУ МЕТОДАМИ

Кроме исследования сети цитирования существует вопрос связи между 12 методами текстового анализа, где эти связи операционализируют, используя частоту цитат различных источников, где представлены эти методы, с единственным пунктом (упоминанием). Здесь необходимо помнить также, что библиометрические связи никоим образом не обозначают сходство по содержанию и адаптацию концептов. Наоборот, это может быть проявлением некоторого противоречия или различия между двумя методами. Из множества способов операционализации сетей методов мы сконцетрировались на следующих: в некотором независимом источнике А, который не принадлежит базовой литературе ни по методу 1, ни по методу 2, есть цитаты базового отрывка для метода 1 и базового отрывка для метода 2.

[1] *Berelson, 1952; Holsti, 1969*

Из общего количества 4134 групп данных, в которых цитируют литературу, имеющую отношение к 12 методам, есть только 210 пунктов, которые цитируют литературу по более чем одному методу (т.е. 5%). Соответственно, только очень небольшое количество пунктов, которые обсуждают и применяют методы текстового анализа, имеют более чем один метод в «активизированной группе». Когда методы анализа текста отобраны и применены, то выбор метода, по всей видимости, обсуждают очень редко.

Результаты, представленные на рисунке 15.3, позволяют провести анализ сети в соответствии с каждым из методов. Здесь показано, как и ожидалось, что самая сильная связь существует между этнометодологическими методами, анализом способа категоризации участия и конверсационным анализом (49 связей). Сильные связи (более 20 связей) мы нашли и между критическим анализом Фэркло и этнографией коммуникации Хаймса, а также между контент-анализом и обоснованной теорией.

Обоснованная теория показывает самую высокую степень «централизации», которая мало удивительна с позиции ее абсолютного влияния. Она связана с большим количеством других методов и особенно — с контент-анализом, объективной герменевтикой, конверсационным анализом и этнографией коммуникации. Последний метод особенно сильно приближается к «центральной позиции» обоснованной теории. Дополнительно к уже упомянутые связям, есть явное сходство ссылок между обоснованной теорией, с одной стороны, и критическим дискурс-анализом Фэркло и конверсационным анализом, с другой стороны. Однако если эти сети сравнить с общей частотой цитирования, становится ясно, что общего в цитировании одновременно многих методов очень мало (3%) в тех пунктах, где цитируется обоснованная теория. Общего больше всего в конверсационном анализе (40%) и в анализе СКУ (39%) — не только из-за повторяющихся ссылок. Высокий процент ссылок при множественном цитировании можно обнаружить также в статьях, где цитируют КДА Фэркло.

		2 Контент-анализ (открытый)	3 Обоснованная теория	4 Этнография коммуникации	5 Анализ способа категоризации участия	6 Конверсационный анализ	7 Нарративная семиотика	8 SYMLOG	9 Критический дискурс-анализ (Фэркло)	10 Критический дискурс-анализ (Водак)	11 Функциональная прагматика	12 Объективная герменевтика
Контент-анализ (стандартизированный)	1	3	27	1	1		1	1	1			1
Контент-анализ (открытый)	2		4									2
Обоснованная теория	3			8	7	11		3	12		1	8
Этнография коммуникации	4				6	7	2	1	25			
Анализ способа категоризации участия	5					49			7			1
Конверсационный анализ	6								10	1		1
Нарративная семиотика	7								1			1
SYMLOG	8								1			1
Критический дискурс-анализ (Фэркло)	9									4		
Критический дискурс-анализ (Водак)	10											
Функциональная прагматика	11											

РИСУНОК 15.3. Сети и методы за период 1991-1998 гг.

Близость методов, опреационализированная на основе частоты пунктов, где цитируют базовую литературу из более чем одной выборки методов, графически можно представить как сеть (см. рис. 15.4). Здесь мы также можем увидеть доминирующую позицию обоснованной теории, связи между лингвистическими методами (КДА, конверсационный анализ, этнография коммуникации) и периферийную позицию функциональной прагматики.

В этих результатах удивляет не только центральная позиция обоснованной теории и этнографии коммуникации, но и относительно слабая сеть классического контент-анализа.

Пункты, в которых цитируется литература по более чем двум методам, не имеют ничего общего. В период с 1991 по 1998 гг. в SSCI появилось только 9 научных статей, которые соответствуют этим критериям:

- 2 пункта цитируют литературу по обоснованной теории, СКУ и конверсационному анализу.
- 2 пункта ссылаются на СКУ и конверсационный анализ, а также на КДА Фэркло.
- 5 остальных примеров цитирования одновременно многих методов относятся к следующим триадам:
  a) обоснованная теория — этнография коммункиации — КДА Фэркло;
  b) этнография коммуникации — анализ СКУ — конверсационный анализ;
  c) стандартизированный контент-анализ — обосновнная теория — SYMLOG;
  d) обоснованная теория — SYMLOG — объективная герменевтика;
  e) стандартизированная контент-теория — обоснованная теория — анализ СКУ.

Поскольку научные работы по сравнению найти достаточно сложно, можно предположить, что методологическое сравнение, в общем, скорее редкость для текстового анализа.

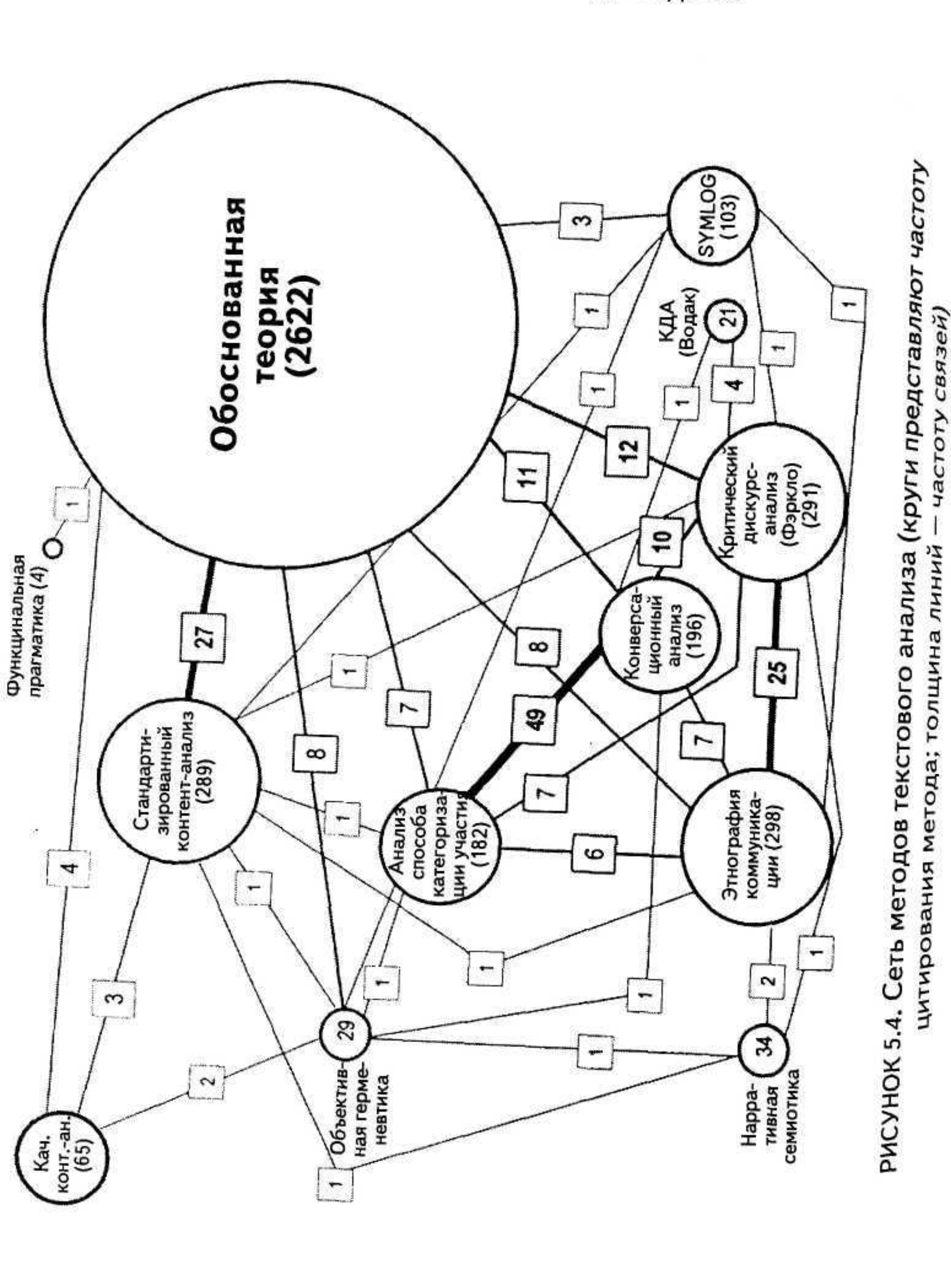

РИСУНОК 5.4. Сеть методов текстового анализа (*круги представляют частоту цитирования метода; толщина линий — частоту связей*)

ГЛАВА 16

СРАВНЕНИЕ МЕТОДОВ АНАЛИЗА ТЕКСТА

В Части 2 (главы 5-14) мы представили 12 методов анализа текста:

1. Контент-анализ
2. Обоснованная теория
3. Этнографический анализ текста, этнография речи
4. Этнометодологический анализ способа категоризации участия
5. Этнометодологический конверсационный анализ
6. Нарративная семотика
7. SYMLOG как метод текстового анализа
8. Критический дискурс-анализ (КДА) Нормана Фэркло
9. Критический дискурс-анализ (КДА), исторический дискурс-метод Рут Водак
10. Функциональная прагматика
11. Теория различий в текстовом анализе
12. Объективная герменевтика

Мы отобрали лингвистические методы (особенно, методы 5, 8, 9, 10) потому, что они отличаются теоретической базой, на которой основан их подход к контексту. Мы считали, что дополнительно желательно представить и другие методы — не только методы англо-американского мира. Остальные 8 методов (1, 2, 3, 4, 7, 11, 12) схожи в том, насколько они распространены, каково их теоретическое обоснование и развитие.

2 из представленных метода занимают особое место — и контент-анализ, и обоснованная теория меньше связаны с конкретными методами текстового анализа,

чем с (конкурентными) программами исследования. Если классический контент-анализ постулирует правила дедуктивно-количественной традиции исследования[1], обоснованная теория Барни Глейзера и Ансельма Страусса была разработана именно в результате критической трактовки этой традиции — критицизма, т.е. критики «дедуктивного формулирования теории перед контактом с объектом эмпирического исследования»[2]). Контент-анализ требует операционализации теоретических концептов во время эмпирического анализа.

Нам было очень трудно идентифицировать критерии для сравнения и различения 12 методов. Ведь общих критериев, которые можно применить ко всем 12 отобранным методам, очень немного. Дальше мы обсудим 6 пунктов, которые позволят сравнить методы более точно.

16.1. ОТЛИЧИЕ МЕЖДУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ И НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ

Лингвистические методы анализируют целостность и связность, а также связи между этими двумя «критериями текста» (см. гл. 2, раздел 2.3). А вот нелингвистические методы обычно анализируют только целостность. (Дело в том, что целостность (текстуальная семантика) конституирует значение текста.) Связность в них относят к компонентам поверхности текста — т.е. к текстуально-синтаксической связности — и анализируют лишь изредка (например, теория различий; см. гл. 13).

Таким образом, как лингвистические из представленных методов мы недвусмысленно можем охарактеризовать следующие методы: версии КДА, которые мы здесь обсудили (Фэркло и Водак) и функциональную прагматику. Все эти 3 метода — поскольку в них придают существенное значение внешне-тектовым факторам — можно классифицировать как виды дискурс-анализа (подробнее

[1] *Berelson, 1952*
[2] *Kelle, 1994, с. 283*

о различии между анализом текста и дискурс-анализом в гл. 2, раздел 2.2).

Анализ способа категоризации участия, этнометодологический конверсационный анализ, этнографию коммуникации и нарративную семиотику — сложно классифицировать. Даже если элементы связности играют для них важную роль, они не обязательно проводят систематический анализ связи «связность — целостность».

Не-лингвистические методы, в соответствии с этим критерием, — это объективная герменевтика, анализ текстов по теории различий, SYMLOG и, в некоторой степени, контент-анализ и обоснованная теория.

16.2. ДЕЙСТВИЯ ПО ПРАВИЛАМ

Методы социального исследования могут включать в себя процедуры, инструменты и правила (см. гл. 1). 12 методов анализа текста отличаются друг от друга по степени разработанности этих компонентов и, следовательно, предлагают пользователям различную степень свободы. Таким образом, повторяемость результатов при использовании каждого из методов, может быть более или менее вероятной.

Литература по контент-анализу предлагает множество процедур. Инструменты (например, схема категорий) явно предопределены, но их нужно «дорабатывать» для каждого конкретного анализа. Конент-анализ формулирует общие правила (например, для формирования выборки, для гарантирования выводов), но конкретные правила для определенной области интересов, для «закрепления» единиц анализа за категориями необходимо вновь разрабатывать отдельно для каждого случая применения метода. В обоснованной теории существует определенное количество процедур кодирования и серия правил (для открытого и осевого кодирования) для фиксирования данных по ходу исследования. Что касается инструментов, в последнее время было разработано определенное количество компьютерных программ (например, NUDIST, ATLAS/ti).

В этнографии коммуникации нет ни процедур, ни инструментов, а правил очень мало. Анализ способа категоризации участия и этнометодологический конверсационый анализ все-таки формулирует некоторые правила, но не предоставляет никаких процедур и инструментов. Нарртивная семиотика формулирует правила для анализа нарративных структур (актантов, изотопов) и глубинной структуры (семиотического квадрата) и предлагает для этих целей «грубые» инструменты (схемы категорий). Анализ SYMLOG обеспечивает исследователей рядом процедур и инструментов (схемы категорий, SYMLOG Atlas), существуют и некоторые правила. Для критического дискурс-анализа Фэркло не дает никаких процедур, правил или инструментов, в то время как Водак разработала определенное количество инструментов и правил. Функциональная прагматика предлагает 2 инструмента для анализа текста — паттерны и процедуры. Объективная герменевтика применяет хорошо разработанные процедуры (детальный и последовательный анализ) и некоторые правила. Теория различий формулирует для анализа текстов серию эвристических правил, позволяющих обнаружить эксплицированные и имплицированные различия.

16.3. ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ

Методы текстового анализ имеют различные области потенциального применения — некоторые методы можно применить ко всем типам текста, а другие имеют в этом некоторые ограничения.

Контент-анализ и обоснованная теория, как программы исследования, не имеют практических никаких ограничений по применению. 2 версии критического дискрс-анализа, объективная герменевтика и этнография коммуникации также не предусматривают никаких границ. А вот для нарративной семиотики ситуация отличается — в соответствии с ее названием она «призвана» анализировать только нарративные тексты. Этнометодологический

метод, анализ способа категоризации участия и конверсационный анализ хорошо подходят для анализа речевого материала со сменой реплик. Функциональная прагматика также наиболее полезна в области устной коммуникации, ее имеет смысл применять только к диалогам (даже если адресаты представлены имплицитно).

В этом кратком обзоре мы проигнорировали различия между лингвистическими и не-лингвистическими текстами и разные подходы в определении текста и содержания. Но мы можем предположить, что анализ способа категоризации участия, нарративная семиотика, анализ по теории различий, варианты критического дискаурс-анализа и функциональная прагматика в основном подходят для работы с лингвистическими текстами. Конверсационный анализ можно использовать также для обработки визуального материала — например, видеозаписи интеракции. Точно так же к не-лингвистическим текстам и системам знаков мы можем применять контент-анализ, обоснованную теорию, этнографию коммуникации и объективную герменевтику.

16.4. ТИПЫ ВОПРОСОВ В РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДАХ: ПОДТВЕРЖДЕНИЕ И ДЕТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ

Что касается вопросов, которые используют в разных методах текстового анализа, то здесь мы можем провести различие между 3-мя категориями методов:

а) Контент-анализ и обоснованная теория не предписывают никаких эксплицированных вопросов. Но если следовать этим программам исследования, формулировать конкретные вопросы обязательно. В контент-анализе эти вопросы — предусловия для разработки схемы категорий. Обоснованная теория предполагает наличие общих и абстрактных вопросов исследования, которые детализируют и конкретизируют на базе исследуемого материала.

b) Некоторые методы, такие, как этнография коммуникации (речевая решетка) и SYMLOG, формулируют точные вопросы к содержанию заранее. Другие методы требуют этого, по крайней мере, для некоторых компонентов, например, критический дискурс-анализ — для текстовой связности, а нарративная семиотика — для нарративной структуры текстов. В нарративной семиотике (глубинная структура) и критическом дискурс-анализе важную роль играет поиск латентных феноменов. На этом основании мы можем отнести их к третьей категории, но поскольку этот поиск основан на конкретных вопросах исследования, эти методы лучше трактовать как примеры категории (b).
c) В третьей группе методов формулируют общие, абстрактные вопросы исследования. Теория различий и объективная герменевтика — это примеры методов, которые за всем ищут скрытые феномены и выясняют перцептуальные структуры или латентный смысл текста. Подобным образом, в анализе способа категоризации участия, конверсационном анализе и функциональной прагматике принципиальный предмет — это латентный смысл и латентная структура.

Конкретные вопросы о содержании подразумевают определенные посылки о проблеме исследования, они систематизируют их (например, в форме категорий) и требуют и стимулируют выдвигать гипотезы. Переменные, которые необходимо исследовать, часто уже сформулированы в исследуемом вопросе или их можно выявить на его основе. Тогда результаты анализа позволяют исследователю (если он заинтересован в количественной обработке), построить утверждения о распределении этих переменных. Эта стратегия формирует такую цель исследования, как подтверждение. Посылки и гипотезы о проблеме исследования можно отвергнуть или обоснованно подтвердить.

Более общие и абстрактные вопросы о лежащей в основе структуре, латентном содержании или перцертуальной схеме, которые воспроизводятся в тексте, обычно приводят к расширению текста. Только на основе такого расширенного материала возможны выводы и результаты.

Все методы, которые имеют точные вопросы о содержании и направлены на подтверждение, используют правила и инструменты, которые операционализируют изучаемые переменные. Эти средства отчасти готовят заранее, но отчасти их необходимо разработать для специфического применения, чтобы гарантировать понятность анализа. Анализ текстовой связности, который проводят при использовании лингвистических методов, по крайней мере, отчасти направлен на подтверждение — синтаксис и грамматика обеспечивают схему категорий и детализируют исследуемые категории. Методы, в большей степени направленные на более подробное изучение, часто используют эвристические процедуры. Так, в анализе различий формулируют серию правил для обнаружения; объективная герменевтика не имеет каких-либо прямых правил, но создает предположения — как должен быть организован процесс создания гипотез.

16.5. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЧАСЫ КАРЛА ВЕЙКА

Несколько отстраненно от традиционных эпистемологических категорий организационный теоретик Карл Вейк[1] описывает модель «исследовательских часов» (см. рис. 16.1), которую мы используем здесь, чтобы предложить несколько непривычный подход к сравнению методов. Вэйк, руководствуясь работами Торнгейта[2], говорит о сложности того, что теория социального поведения не может быть в одно и то же время общей, точной и простой. Изображение часов (с двумя стрелками) демонстрирует, что только 2 из 3-х возможных критериев можно выполнить одновременно.

[1] *Karl Weick, 1979, с. 36*
[2] *Thorngate, 1976*

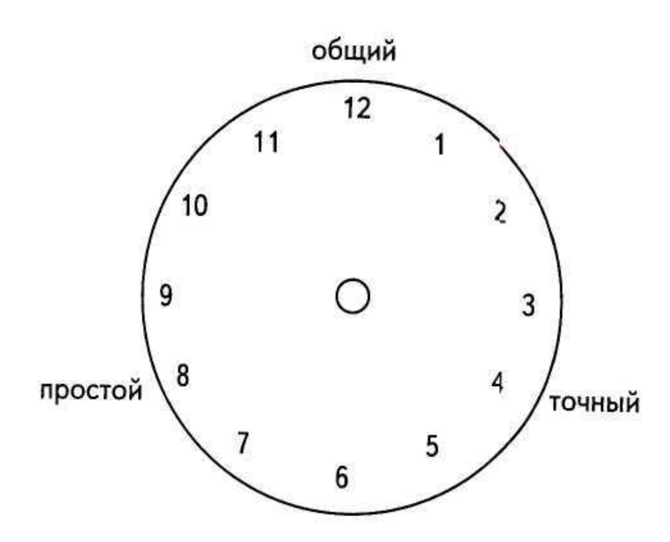

РИСУНОК 16.1. Исследовательские часы

- *Простота* метода обусловлена, прежде всего, предусловиями применения. Метод прост до той степени, до которой не сложна его теоретическая база, процедуры и правила.
- *Точность* метода зависит от комбинации 3-х аспектов и тем больше, чем:
  a) больше текстовых параметров анализируют целостность/связность, латентность/выраженность структуры текста;
  b) меньше единица анализа и
  c) чем больше переменных и чем более точна их операционализация.
- *Всеобщность* метода связана главным образом с широтой теоретического содержания и заключений, которые можно получить на его основе. Широта применения этого метода к особым вариантам текста или эпизодов (например, к смене реплик) кажется нам менее важной относительно этого критерия. Оба аспекта необходимо рассматривать с точки зрения

их теоретической генерализуемости (см. гл. 3), и это зависит, в очень специфичном применении, от выбора и количества текста, включенного в анализ.

Чтобы расположить отдельные методы в «исследовательских часах» мы, прежде всего, сделали ссылку на само-презентацию методов в первичных и вторичных источниках (см. описания методов в части 2).

Поскольку и контент-анализ, и обоснованная теория — это исследовательские программы, их расположение по критериям всеобщности, точности и простоты зависит от их конкретного применения. Можно отметить следующую тенденцию:

- *Контент-анализ* для большинства случаев применения, обсуждаемых в литературе, можно классифицировать как сравнительно простой. Его точность зависит от выбора единицы анализа и точности схемы категорий. Пока это касается потенциальной области применения, контент-анализ можно назвать «общим», но очень редко это можно сказать о конкретных процедурах или широте применения результатов, потому что в большинстве случаев вопросы исследования достаточно точные и узкие. С другой стороны, если следовать правилам и процедурам индуктивной статистики, то, используя результаты контент-анализа, можно сделать генерализацию о лежащих в основе массивах данных. Большинство предпринятых исследований по контент-анализу можно оценить как простые и точные.
- Анализ текста, основанный на *обоснованной теории*, скорее простой, потому что обычно он обходится без теоретических предусловий и благодаря своим правилам проводится просто и ясно. Обоснованная теория — общая, если судить по возможностям ее применения и гарантиям определенной эмпирической генерализуемости посредством теоретического

формирования выборки[1]. Но поскольку она была образована для точных целей — обеспечить позицию, противоположную «общим» теориям, широта ее результатов и заключений ограничена, но точна. Для ограниченного предмета исследования анализируют как можно больше различных переменных, опираясь на различные единицы анализа (от словесного фрагмента до целого текста). Поэтому, в общем, методы обоснованной теории можно оценить как простые и точные.

Таким образом, при помощи критериев «исследовательских часов» мы выяснили, что контент-анализ и обоснованная теория — это программы исследования, которые рассматривают как очень разные и в большей части полярные оппозиции — но на самом деле, они не сильно отличаются друг от друга. С одной стороны, это может означать, что контент-анализ и обоснованная теория — это «пустые концепты» до той степени, что их характеристики не дают никакого руководства — как проводить исследование и какие результаты можно получить.

- *Этнография коммуникации* на первый взгляд кажется общей. Ее можно применить к самым разным типам текстов и для разных целей, чтобы произвести далеко идущие утверждения о культурных паттернах социальных сущностей. Но эта общая применимость стоит точности: речевые решетки — это рудиментарная аналитическая схема, и речевой акт — это очень «грубая» единица анализа. Простота метода подвержена влиянию очень «требовательных» теоретических концептов (коммуникативного события, коммуникативной компетенции и т.д.)
- *Этнометодологический анализ способа категоризации участия* и *конверсационный анализ* — это простые и точные методы. Узкий теоретический подход, ограниченная область применения и

[1] Strauss 1987, с. 10

эмпирическая генерализуемость (которая также будет противоречить требованию ориентации на «участника» в микроанализе отдельных коммуникативных ситуаций) — все это приводит к необходимости расположить эти методы на полюсе, противоположном полюсу «общие». Эти методы точны в основном из-за единиц микро-анализа и их дифференцированных способов систематизации, которые включают множественные переменные.
- *Нарративную семиотику* можно охарактеризовать как точный метод именно по причине его детальной аналитической структуры. Но из-за такой детальности метод вряд ли можно назвать простым. Это проявляется в том, что семиотические теории, которые стоят за инструментами, в высшей степени сложны.
- Для *SYMLOG* — как специфической процедуры контент-анализа — особенно характерны простота и точность. Теоретическая база здесь управляема, ее правила и инструменты просты и хорошо подходят для точной операционализации переменных.
- Варианты *критического дискурс-анализа (КДА)* зависят от особой операционализации вопроса исследования и по своему характеру являются точными и общими. Здесь анализируют несколько параметров текста, единицы анализа варьируют от отдельных слов до завершенных аргументов, методы имеют общее применение. Если принять теоретические посылки КДА, то результаты также позволяют сделать выводы о социальных структурах.
- *Функциональная прагматика* тоже проявляется как точный и общий метод. Его всеобщность обеспечивает ограниченная область применения (только к диалогам).
- *Объективную герменевтику* однозначно нельзя назвать ни точной, ни общей. Но этот метод определенно нельзя назвать простым. Детальные

разработки правил и процедур, которые гарантируют тщательный анализ и «внимательный» выбор единиц анализа (наименьших единиц анализа) результируют достаточно высокой степенью точности. Неограниченная область применения и провозглашаемая генерализуемость результатов (коренящаяся в теории социализации) свидетельствует о высокой степени всеобщности.

- То же можно сказать и об *анализе на базе теории различий*, который также можно описать как точный и общий метод, но определенно не простой. Эта оценка основана на единице анализа (фразе) и рассмотрении различных параметров текста (явных и латентных), а также на коммуникативной теории как основе метода.

Расположение методов текстового анализа на исследовательских часах Вейка представлено на рисунке 16.2, где можно увидеть, что ни один из методов текстового анализа не располагается между точками «общий» и простой. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что метод в таком положении можно обвинить в ненаучности. С другой стороны, это может быть связано с интерпретацией представленного здесь как простое и общее — обе эти характеристики относятся строго к теоретической базе каждого из методов. Теории, которые имеют широкую область применения должны включать минимум различительных концептов, чтобы показать связи между микро(-текстами) и макро-феноменами, если они подпадают под критерий эмпирических методов.

16.6. ОБЪЯСНЕНИЕ И АТРИБУЦИЯ

Научные исследования можно рассматривать как социально различительные системы, детерминированные, как программы, теориями и методами, направленными на

РИСУНОК 16.2. Методы текстового анализа на исследовательских часах Вейка

поиск объяснений. Ученые — это всегда наблюдатели, чьи действия направлены на объяснение воспринимаемых событий как результатов действия определенных причин[1]. Паттерны объясняющего поведения в свою очередь — это предмет отдельной социально-психологической теории, известной как *теория атрибуции*[2]. В соответствии с этой теорией, методы текстового анализа (поскольку в основании они имеют теорию) также должны иметь объяснение. В большинстве случаев, они направлены на поиск объяснения лингвистических действий, которые проявляются в тексте посредством психических или/и социальных факторов. Каждый метод имеет определенные паттерны объяснения, которые могут быть расположены на хорошо известной схеме атрибуции:

- В соответствии с *локусом контроля* и *системой референции* можно провести различия между внешними и внутренними объяснениями. Следовательно, теория, которая объясняет

[1] *Luhmann, 1990a*
[2] *Heider, 1958; Kelley, 1967; Herkner, 1980; Weiner, 1986*

индивидуальное поведение с помощью социальных структур, является внешней атрибуцией.

- Согласно *устойчивости причин* можно провести различие между постоянными и переменными объяснениями. Следовательно, факторы *интенция* и *ситуация* относятся к переменным, в то время как *структура* и *предиспозиция* относятся к постоянным факторам.

В соответствии с этой схемой методы текстового анализа можно расположить так, как это показано на рисунке 16.3. Контент-анализ и обоснованную теорию нельзя поместить в эту схему, поскольку они являются программами исследования. Они не зависят от простых (объясняющих) теорий, а скорее привлекают их в соответствии с отдельным вопросом исследования для формулировки гипотезы (контент-анализ) или разрабатывают теории в ходе анализа (обоснованная теория). Таким образом, в схеме атрибуции можно отобразить только конкретное применение методов.

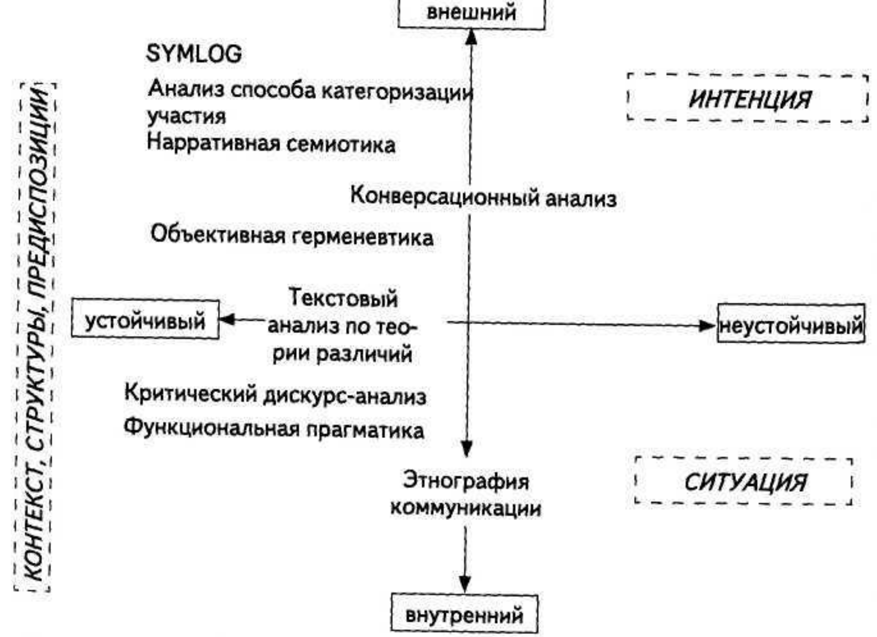

РИСУНОК 16.3. Тенденции атрибуции в методах текстового анализа

SYMLOG, анализ способов категоризации участия и нарративная семиотика — это методы, которые преимущественно имеют внешние/устойчивые основания. SYMLOG объясняет поведение группы, исходя из ее структуры. Анализ способов категоризации участия не ищет объяснений способов наблюдений и категоризации участников за пределами предиспозиций, которые производят и воспроизводят члены отдельных групп. Нарративная семиотика избегает любых социальных объяснений нарративных структур и лежащих в основе структур историй, и, таким образом, стоит полагать, что ответственным за этот процесс считают повествователя.

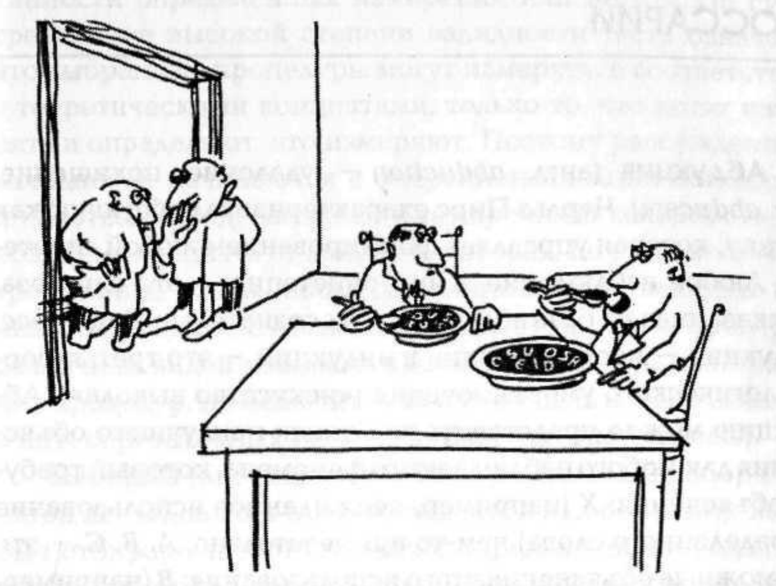
На пересечении внутренних/устойчивых и внутренних/неустойчивых объяснений мы находим этнометодологический конверсационный анализ. Здесь, что касается теоретической последовательности (этнометодология предпочитает не полагаться на «объективные» социальные структуры), внешние причины для воспринимаемых структур и процессов интеракции отсутствуют. Но в конверсационном анализе отдельная ситуация, изменчивая социальная обстановка, которые возникают из взаимодействия индивидуальных интеракций, не играют центральной роли.

Объективная герменевтика и метод анализа, основанный на теории различий, расположены на пересечении внешних и внутренних (но устойчивых) тенденций атрибуции. Эти методы имеют общее в том, что ссылаются на теории и ищут объяснение отдельному тексту через взаимодействие психических и социальных факторов. Так, объективная герменевтика объединяет внутренние изменяемые компоненты в форме концепта «мотивация».

Критический дискурс-анализ и функциональная прагматика в основном предлагают внешние устойчивые паттерны объяснения: обстоятельства, которые необходимо объяснить, тексы, как проявления речевых актов и дискурсов, объясняются с помощью социальных структур и социо-исторических контекстов, которые часто понимают как макро-структуры.

Этнография коммуникации расположена посередине, несмотря на то, что она дает внешние объяснения для отдельных (речевых) действий посредством паттернов культуры, она также приписывает эксплицированную и значимую роль ситуационным факторам.

Это примерное распределение методов анализа текстов, представленное на рисунке 16.3., показывает также, что *вариативное объяснение* играет вторичную роль. Это проявление одной из специфических особенностей любого научного исследования, а именно — поиска постоянных (хотя и ограниченных) причин; вариативные причины — будь они связаны с неустойчивыми интенциями говорящих или изменяемыми ситуативными условиями среды — не дают удовлетворительных научных объяснений. Все методы, в большей или меньшей степени, «схватывают» ситуативные факторы — в основном для того, чтобы определить общие особенности и соотнести их с постоянными причинами, независимо от флуктуаций этих факторов. Только конверсационный анализ и этнография дают открытые объяснения высокой степени изменчивости. Но даже в тех методах, которые направлены на поиск устойчивых оснований, не придерживаются этого «направления» постоянно. Особенно там, где теоретические идеи заимствованы из теории речевых актов, внутренние/изменчивые компоненты приписывают категории *интенция.* Это можно увидеть, к примеру, в версии КДА Водак — в ее теории планирования текста, интенции — совместно с экстра-лингвистическими факторами — играют значимую роль.

ГЛОССАРИЙ

Абдукция (англ. *abduction* — удаление, похищение; лат. *abducere*). Чарльз Пирс охарактеризовал *абдукцию* как логику, которая управляет формированием любой гипотезы. Любое наблюдение и интерпретация — это гипотеза, высказанная на базе абдукции. Как сознательный процесс, абдукция — после дедукции и индукции — это третья форма логического умозаключения («искусство вывода»). Абдукцию можно представить как поиск наилучшего объяснения для любого наблюдаемого феномена, который требует объяснения: *X* (например, неожиданное использование определенного слова) чем-то примечательно; *A, B, C* — это возможные объяснения этого использования; *B* (например, социальная позиция говорящего, которая отличает его от другого собеседника) кажется наиболее убедительным. Если *B* истинно, то феномен *X* более не является примечательным; таким образом, *B* принимают в качестве гипотезы, которая объясняет возникновение *X*. Абдукция — это поиск правила, с помощью которого можно объяснить определенное событие. Эта форма вывода всегда сопровождается высокой степенью неопределенности, но — в отличие от дедуктивных и индуктивных процессов — всегда обеспечивает заключения, которые приводят к новым идеям. Чтобы показать, что данное объяснение — это подходящая гипотеза с общей валидностью — скорее, чем просто наилучшее объяснение единственного феномена — этот вид обоснования требует проверки с помощью индукции и дедукции (чтобы определить его общую применимость). Абдактивный вывод играет центральную роль в формулировании гипотез и, следовательно, в качественном социальном исследовании, которое связано с разработкой объяснений (см. *дедукция и индукция).*

Валидность (англ. *validity*). Это один из основных критериев, который дает информацию о правильности, истинности определенных измерений или тестов. По сути, требование высокой степени валидности теста означает, что выбранные процедуры могут измерять, в соответствии с теоретическими концептами, только то, что хотят измерять и определяют, что измеряют. Поэтому рассуждения о валидности начинаются с операционализации концептов и гипотез исследования. Эту *внутреннюю* валидность необходимо отличать от *внешней*, которая, по сути, включает требования, чтобы любые результаты были валидны вне непосредственной области исследования. Для проверки различных видов валидности доступен перечень классических процедур, но большинство из них нельзя использовать в интерпретативных исследованиях (см. *надежность*).

Выборка (англ *sample*). Это определенный набор объектов исследования (людей, объектов или событий), которые отбирают в соответствии с определенными заданными критериями (например, набор экземпляров ежедневных газет, выбранных с помощью случайных чисел). Его считают репрезентативным для определенного общего массива. *Выборка* репрезентативна, если достигнутые результаты можно перенести на целое — другими словами, если заключения сделаны об исследуемом факте в соответствующем массиве. Обычно выборки оценивают именно на предмет их репрезентативности. Основные виды выборок — *случайная, стратифицированная, кластерная* (исследование определенного количества «кластеров» отобранных случайным образом) и *многоэтапная*.

Вывод (англ. *inference*). Статистический вывод связан с производством заключений для определенного массива на основе результатов выборки. Заключения такого сорта производят, только когда выборка репрезентативна относительно всего массива, о котором можно сделать утверждения на основе результатов выборки.

Герменевтика (англ. *hermeneutics*). Это искусство объяснять проявления культуры, особенно текстов, которое должна гарантировать общую валидность и адекватность интерпретаций и процессов понимания. Здесь — в отличие от (причинных) объяснений естественных наук — суть со-

стоит в «схватывании» и производстве отношений значения. Поведение человека всегда имеет значение. Важный элемент герменевтического круга — значение отдельной части можно понять в контексте целого, но это, в свою очередь, доступно только с позиции составляющих частей.

Гипотеза Сепира-Уорфа. Основная идея гипотезы Эдварда Сепир и Бенджамина Уорфа — язык функционирует не только как инструмент для описания опыта, но и как средство для определения опыта говорящего на этом языке. В этом смысле язык задает — на базе его формальной завершенности и подсознательной защиты от скрытых ожиданий — возможности и ограничения опыта.

Глубинная структура (англ. *deep structure*). Различные методы текстового анализа направлены на реконструкцию по-разному определяемой *глубинной структуры* текста. В основе этого лежит идея, что при производстве текста следуют за неким латентным значением, о котором не всегда знает и сам автор текста. Это «значение» по-разному концептуализируют в разных теоретических подходах. В нарративной семиотике речь идет о «фундаментальных ценностях», а в теории различий говорят о латентной перцептуальной структуре (*поверхностная структура*).

Грамматичность (англ. *grammaticality*). Это центральный объяснительный концепт в лингвистическом анализе Хомского. Этот концепт не зависит от акта коммуникации. Генеративную грамматику Хомского проверяют на ее способность порождать набор конкретных предложений и соответствующий набор новых предложений. Грамматическая компетенция означает когнитивную способность говорящих производить *корректные* и *приемлемые* (см. *приемлемость*) по структуре предложения (см. также *коммуникативную компетентность).*

Дедукция (англ. *deduction*; лат. *deducere* — происходить, следовать из определенных корней). Дедуктивное умозаключение следует от общего к частному. Из общих посылок выводится частный случай. Например, если полагать, что женщина (как противоположность мужчине) связывает свою карьеру скорее с внешними обстоятельствами, чем со своими способностями, можно ожидать, что в анализе определенного разговора, в котором женщина говорит о своей карьере, можно обнаружить эту особенность. С другой стороны, никто не удивится, если обнаружит подтверждение этому. Выводы, сделанные на основе дедукции истинны, если истинны посылки. Таким образом, дедуктивные выводы — при соблюдении логических правил — не дают никаких новых открытий. Они не расширяют знания исследователя. Исследования, которые реализуют принципы критического рационализма (К. Поппер), в основном организованы в соответствии с принципами дедукции; из теорий (системы общих утверждений) производят гипотезы (объяснения), валидность которых можно критически протестировать на специфических случаях эмпирических данных. Эту процедуру можно охарактеризовать как «управляемую правилами». Можно сказать, что текстовый анализ следует принципу дедукции, если в начале разработана схема категорий, а затем изучают текст, чтобы определить, с какой частотой и в какой форме встречаются эти теоретические конструкты (см. *абдукция* и *индукция*).

Дейксис (англ. *deixis*). Дейктические и индексальные выражения относятся к экстралингвистической реальности и получают свое значение только в референции к речевой ситуации, в которой они были произнесены. Примеры дейктических выражений — это личные местоимения (Я, Вы и т.д.), указательные местоимения (этот, тот и т.д.) и наречия (здесь, сейчас).

Дейктическая процедура (англ. *deictic procedure*). Этот термин используют в функциональной прагматике; он обозначает такой лингвистический акт, с помощью которого говорящий привлекает внимание слушателей к объекту в области общей референции — т.е. в их ситуации говорения. Дейктические процедуры являются индикативными по значению.

Дискурс-репрезентация (англ. *discourse representation*). Этот термин был разработан в ходе исторических

дискурс-исследований послевоенного анти-семитизма[1], чтобы обозначить воспроизводство высказываний третьей стороной. Оно может реализовываться несколькими различными способами — например, в прямой и непрямой речи. С помощью таких средств говорящий может выразить свою дистанцию от, или близость к, высказывания и/или легитимизировать свое мнение с помощью ссылки на третью сторону. Дискурс-репрезентации — это типичные медиа-тексты.

Изотопия (англ. *isotopy*). Концепт изотопии — центральный для структурной семантики Альгирдаса Греймаса. Для него этот концепт обозначает кластер избыточных семантических категорий, которые лежат в основе дискурса. Примеры — это изотопы времени, пространства действия и движения, которые характеризуют действие и движение по шкале времени. Изотопы указывают на повторяемость классем в синтагматической цепочке и гарантируют однородность высказываний в дискурсе. Этот концепт был заимствован из химии.

Индукция (англ. *induction*; лат. *inducere* — выводить, вести, *inductivus* — подходящий как предусловие). Индуктивные заключения следуют от частных случаев к общему. Общее заключение можно вывести из отдельного наблюдения, следовать от данных и приходить к гипотезе. Поэтому эту процедуру описывают как «управляемую данными». Например, в ходе исследования было установлено, что выступление лучше принимают, если оно сопровождается визуальным изображением. Или было обнаружено, что запоминаемость выступления существенно зависит от выбора запоминающихся ключевых слов. Такие обобщающие выводы подвержены ошибкам. В отдельных случаях заключения могут зависеть от того, были ли приняты в расчет другие соображения. Индуктивные заключения входят в репертуар постоянных техник исследования, обеспечивая движение исследователя от выборки к общему массиву. Текстовый анализ следует индуктивному принципу, когда общие категории вы-

[1] *Projektteam, 1989; Wodak, 1990*

кристаллизовывают из транскрипций. Один из примеров этому — это открытое кодирование в обоснованной теории (см. *абдукция, дедукция*).

Кластерное формирование выборки (англ. *cluster sampling*). Это форма многоэтапного формирования выборки и обозначает процедуру, в которой выборка сфокусирована не на отдельных элементах, а на кластерах (как подгруппах совокупности). Внутри этих случайно отобранных кластеров необходимо исследовать все элементы. Процедура отличается большей экономичностью, но в большей степени подвержена ошибкам при формировании выборки, чем формирование случайной выборки. Например, если кто-то хочет исследовать речь политических выступлений, то отдельный кластер может состоять их парламентских, предвыборных речей и выступлений на официальных вечерах и т.д.

Кодирование (англ. *coding*). В текстовом анализе *кодирование* означает, что текстовые феномены относятся к отдельным концептам. То есть, устанавливается связь между конкретными фрагментами текста (единицами анализа) и более абстрактными категориями. В обоснованной теории кодирование — это общий термин для концептуализации данных. В этой теории кодирование означает, что исследователь задает вопросы о категориях и их контекстах и предлагает промежуточные ответы (гипотезы).

Коммуникативная компетентность (англ. *communicative competence*) — в соответствии с тем, как он представлен в этнографии речи Делла Хаймса, этот термин означает любые способности говорящих, которые дают им возможность вести коммуникацию в коммуникативном сообществе соответствующим образом. Эти знания включают правила лингвистической и социолингвистической коммуникации, правила интеракции и те культурные правила, которые задают котекст и содержание коммуникативных событий и процессов интеракции. Коммуникативная компетентность гарантирует — то, что структурно возможно (в данном языке), вероятно и уместно для определенной ситуации, функций и контек-

стов, будет связано с актуальным культурным поведением (см. *приемлемость, грамматичноть*).

Коммуникативное сообщество (англ. *speech community*). Хотя в литературе отсутствует какое-либо общее соглашение об определении речевого сообщества, следующий критерий — по крайней мере, в «этнографии коммуникации» Делла Хаймса — по-видимому, суммирует концепт: (а) общее использование языка; (б) разделенные (общие) установки и ценности относительно лингвистической формы и ее использования и (в) разделенные социо-культурные посылки.

Контекст (англ. *context*) В лингвистике текста контекст означает ситуативное окружение (речевую ситуацию, обстановку, отношение, опыт и т.д.), которое является внешним по отношению по отношению к тексту. В прагмалингвистике понятие «контекст» относят: (а) к лингвистическим средствам, с помощью которых высказывание помещают в конкретную ситуацию, лексические выражения, (б) к лингвистическим средствам, которые делают высказывание текстом (прономинализация, анафора, катафора, тема-рема и т.д.); (в) к невербальным ресурсам (жесты, мимика); (г) ко всем экстралингвистическим особенностям коммуникативной ситуации (возраст, пол, профессия, уровень образования и др.) Текстово-лингвистическое использование термина *контекст* более привычно.

Котекст (англ. *cotext*). Этот термин используют для обозначения на лингвистической среды, которая предшествует или следует за конкретным местом текста. Согласно Глюку[1], котекст — это внутри-лингвистический контекст, который предшествует или следует за местом исследуемого текста, он противопоставлен внешне-текстовому ситуационному *контексту.* Петофи[2] обозначает котекстом грамматическую и семантическую репрезентацию поверхности текста (структуры текста), которая получает денотативное соответствие («структура мира») с помощью интерпретации.

[1] *Glueck, 1993*
[2] *Petoefi, 1971*

Метафора/метафорическая лексема (англ. *metaphor/metaphorical lexeme*). Метафора — это лингвистический образ, основанный на определенном сходстве между 2-мя объектами или концептами. Метафора формируется посредством переноса определенного слова на непрямое значение. Пример метафоры — «острый критицизм» (или «резкое утверждение»). Термин «метафорическая лексема» относится к отдельным словам, которые формируют метафору.

Многоэтапная выборка (англ. *multi-stage sample*). Речь идет о многоэтапной случайной выборке на различных иерархических уровнях внутри массива. Обычно — по экономическим причинам — этой процедуре предпочитают простую случайную выборку. Например, случайную выборку можно получить для всех штатов Америки. Из этой выборки можно выбрать определенное количество городов. Затем можно случайно выбрать газеты для этих городов, но эту процедуру можно скомбинировать со стратифицированной выборкой.

Модальность (англ. *modality*). Это семантико-прагматическая категория. Она указывает на ориентацию говорящего по отношению к высказыванию. Модальность может выражаться с помощью синтаксических средств (декларативов, вопросов) залогов глагола (активной/пассивной) или с помощью различных других лингвистических способов, таких, как наречия (*оптимистично, желательно*) и модальных глаголов (*может, следует*).

Модель индикаторов концептов (англ. *concept indicator model*). *Концепты* — это абстрактные термины и ярлыки, которые присваивают определенным событиям. Если такие события присвоены отдельным концептам (или категориям), то они функционируют как эмпирические индикаторы концептов.

Надежность (англ. *reliability*). В классической теории тестирования, надежность — это один из основных критериев, который используют для того, чтобы показать — каким результатам определенного измерения (или теста) можно доверять. По сути, требование — измерение долж-

но показывать самую высокую из возможных степеней надежности — передает идею, что используемая процедура должна измерять то, что хотят измерить, настолько точно и надежно, насколько это возможно, и, таким образом, другие исследователи должны иметь возможность это повторить. Например, в контент-анализе измерение согласованности между различными кодировщиками часто считают измерением надежности. В количественных исследованиях разработан перечень процедур проверки, которые, однако, часто нельзя использовать в их собственной, первоначальной форме в интерпретативном исследовании. Таким образом, надежность определенной части вопросников и тестов оценивают с помощью повторяющегося применения теста (метод тест-ретест) или путем сравнения результатов некоторых других таких же валидных процедур (параллельный тест). Высокую степень надежности считают необходимостью самой по себе, необходимым условием *валидности* (см. *валидность*).

Надстройка (англ. *superstructure*). В марксистской теории этот термин относится к совокупности политических идей, идеологий, социальных ценностей и норм. Она существенно определяется материальной, экономический «базой», однако на экономическую базу влияют условия производства. Для исследования с марксистской ориентацией или частичной приверженностью марксистским идеям это означает, что любое исследование ежедневных условий должно учитывать *суперструктуру* релевантной исторической ситуации или рассматривать в своей интерпретации различные формы социального сознания.

Непосредственные составляющие (англ. *constituent*). В грамматике Хомского (*constituent grammar*) предложения состоят из фраз, которые можно разделить на суб-категории, в соответствии с синтаксической функцией — на глагольные, именные и предложные фразы. Тогда эти фразы понимают как центральные, значимые компоненты текста.

Нормативное отношение (англ. *norm respect*). Означает следование общепринятым и обязывающим нормам.

Этот тип организации можно обнаружить в текстовых примерах, нормативное отношение выражается в высказывании: «Каждый из нас работает с огромной самоотдачей».

Ошибки формирования выборки (англ. *sampling error*). Речь идет об определенном отклонении значения, полученного в выборке, от «правильного» значения некоторых переменных общего массива. Оно возникает в процессе формирования случайной выборки. Например, если посчитано среднее значение для понятности серии текстов (таких, как информационные листовки для претендентов на общественную должность), то это значение будет отличаться от «реального» уровня понятности, который можно было бы посчитать, если бы действительно оценивали соответствующие тексты.

Побуждение (англ. *evocation*). Относится к определенному типу текстовых упоминаний и намеков, которые основаны скорее на лексических эффектах, чем на воспроизводстве лексических элементов. Например, побуждение в газетных статьях может стимулировать ассоциации с другими типами текстов, такими, как сказки или детективные истории.

Поверхностная структура (англ. *surface structure*). Поверхностная структура — это непосредственно распознаваемые и легко доступные формы текстов. Речь идет о структурах, которые регулярно исследуют традиционным способом анализа текста, т.е. о таких явных феноменах, как темы и лингвистические реализации (см. *глубинная структура*).

Предикация (англ. *prediction*). Это процесс приписывания или отрицания темы предложения (вещей, людей или событий) характеристик или способов поведения, которые выражены в предикате. Исторический дискурс-метод изучает предикацию — такую как *утверждение* — как эксплицированное приписывание характеристик и способов поведения относительно категорий и типизации групп.

Приемлемость (англ. *acceptability*). В то время как *грамматичность* задает, что структурно возможно в дан-

ном языке, *приемлемость* определяет то, какие структурно возможные формы действительно «пригодны» для выполнения определенной функции.

Речевое событие (англ. *speech event*). Речевое (или коммуникативное) событие — это наименьшая единица анализа в «этнографии коммуникации» Хаймса. Речевое событие определяется общей целью, общей темой и общими участниками, которые обычно используют язык одного и того же уровня в общей ситуации и следуют одинаковым правилам взаимодействия[1]. Хаймс привел следующие примеры классов речевых событий: Воскресная утренняя проповедь, обращение и инаугурации, разговор по сердцам, мужской разговор, женский разговор, политический разговор.

Речевой акт (англ. *speech act*). Как утверждает Серл, речевые акты — это базовые единицы человеческой коммуникации. В расширенном определении Серла они состоят из *локуции* (произнесения лингвистических элементов), *пропозиций* (формулирования содержания высказывания) и *иллокуции*, которая является действием, представленным самим речевым актом. Различные типологии для классификации иллокуции разработал Остин, Серл и Вундерлих. Чтобы охарактеризовать влияние речевого акта на слушателя, можно добавить термин *перлокуция*[2].

Если акт *высказывания* рассматривают как физическую активность человека, результирующую звуковыми и графическими феноменами, речевой акт — это «интерпретация такой активности относительно определенной лингвистической системы, определенной системы поведения и социальной ситуации, в которой и говорящие, и слушатели находят себя[3]. Речевой акт (или акт говорения) может иметь следующие функции: (а) прояснять конкретные действия; (б) приводить к конкретным действиям или (в) прояснять прошлые конкретные действия; (г) они готовят конкретные действия; (д) они устанавливают социальные

[1] *Saville-Troike, 1989, с. 27*
[2] *Austin, 1962*
[3] *Wunderlich, 1978, с. 51*

факты. Различные ориентации в теории речевых актов[1] различают разнообразные функции речевых актов.

Само-оценка (англ. *self-assessment*). Это процесс приписывания себе определенных положительных характеристик, как, например: «Наш отдел высоко профессионален в этой области».

Семантика (англ. *semantics*). Этот термин взят у Чарльза Морриса, который обозначал так под-дисциплину семиотики, которая занимается связями между знаками и объектами. В общих терминах, оставаясь в стороне от специфических различий между разными под-типами лингвистической семантики (такими, как лексическая, семантика предложения и текста) и подходами (такими, как структурная, генеративная и интерпретативная семантика или семантика стереотипов, инструкций и референций), мы можем описать семантику как теорию и практику анализа значений.

Семиотика (англ. *semiotics*). Современная семиотика или теория знаков берет начало в работах Чарльза Пирса, Чарльза Морриса и Фердинанда де Соссюра. В ней рассматривают использование знаков или *семиозис*. Она состоит из 3-х под-дисциплин: *семантики* (связи между знаками и объектами), *прагматики* (отношения знака и интерпретатора к теме исследования) и *синтаксиса* (формальные связи между знаками).

Символический интеракционизм (англ. *symbolic interactionism*). Этот термин ввел Герберт Блумер, чтобы охарактеризовать (микросоциологическое) направление социальных исследований, основанных на идее, что «значимые символы» (Мид) формируют базу для социальных связей. Это определение социальной ситуации стало возможным благодаря использованию символов, имеющих значение (слов, жестов, текстов, рисунков, пиктограмм и т. д.), которые таким образом формируют базу для всех *интеракций* (повторяющихся актов, сориентированных друг на друга). Социализация — это процесс, с помощью которого люди адаптируются к условиям своей среды, и, сле-

[1] *Austin, 1962; Searle, 1982; Wunderlich, 1978*

довательно, это обучение символам. В социолингвистике работы по *структурам и управлению впечатлением* таких ученых, как Гоффман, имеют особый статус. Более того, этот подход — одна из теоретических баз обоснованной теории и этнометодологии Гарфинкеля.

Случайная выборка (англ. *random sample*). Случайная выборка требует наличия и доступности списка, где указаны все элементы общего массива. Только на этой основе (например, используя случайные числа) можно сделать случайный выбор единиц исследования. Но поскольку маловероятно, что можно идентифицировать все элементы массива (и даже когда это возможно, исследователям редко доступны соответствующие документы), абсолютно случайная выборка возможна очень редко. Лингвистические исследования, которые соответствуют всем необходимым критериям, не встречаются практически никогда.

Стратифицированная выборка (англ. *stratified sample*). С помощью *стратификации* выборки можно снизить уровень ошибок формирования выборки. Массив подразделяют — в соответствии с переменными, релевантными для исследования, — на определенное количество подгрупп из которых берут случайные выборки. Эти выборки пропорциональны распределению переменных в общем массиве. Одно из предусловий такой процедуры — исследователь знает характеристики массива, поскольку только так он сможет классифицировать переменные в соответствии с категориями, релевантными для исследования.

Утверждение (англ. *assertion*) В определении, используемом в анализе функционально прагматического паттерна, утверждение (*assertion*) означает некое высказывание (*statement*) или заявление (*claim*) (введение основного партерна), требование (*request*), анонс будущего действия как уже свершившегося факта — и на базе этого различия подразделяет основной паттерн на 4 основных типа. Утверждение вводит когнитивную причину. Исторический дискурс-метод использует *утверждение* подобно *предикату*, чтобы сослаться на явную атрибуцию особенностей и стилей поведения.

Фонология (англ. *phonology*). Это лингвистическая дисциплина, которая изучает систему звуков определенного языка. Фонология двигается от наименьших единиц языка, которые имеют смысловое различие, — от фонем. Акценты в исследовании отличаются в зависимости от различных фонологических школ — таких, как *функциональная фонология* (Трубецкой и Пражская школа), *генеративная школа* (Хомский), *естественная фонология* (Дресслер).

Формирование выборки по мере необходимости (англ. *ad hoc sampling*). Это происходит в случае, когда для изучаемого отбора выборка конструируется после самого отбора. Следовательно, сделанные утверждения валидны только для выборки и сконструированной совокупности. При каких обстоятельствах это можно делать? Фактически, это происходит только, когда кто-то случайно натолкнулся на некий материал или доступны тексты, которые стоит исследовать без обычных критериев отбора. Тогда можно проводить анализ в виде кейс-исслдеования, но при этом можно углубляться в детали и не поддаваться искушению обобщить результаты.

Частичная выборка (англ. *quota sampling*). Этот способ формирования выборки нацелен — посредством скорее осознанного, чем случайного выбора — приблизить характеристики выборки к характеристикам массива. Эта техника довольно противоречивая, но ее часто используют в исследовании общественного мнения. В ней задают проценты определенных категорий или комбинаций особенностей (квоты) и используют это для контроля выбора субъектов исследования. Существует 2 предусловия: во-первых, должно быть известно распределение предзаданных переменных относительно целого массива; во-вторых, переменные должны быть релевантны по отношению к исследуемому вопросу. Это исследование репрезентативно не более чем для этих предзаданных переменных.

Эвристика (англ. *heuristic*; греч. *heurisko* — поиск). Это собирательный термин для различных техник поиска и обнаружения или для изучения этих процедур. *Эвристичес-*

кие процедуры предполагают получение знаний с помощью систематического обнаружения, в котором, конечно (в отличие от алгоритмических процедур), нет гарантии какого бы то ни было решения. Эвристические процедуры — такие, как эксперименты в обосновании или в инкрементализме (пошаговое приближение к сути) — обычно используют так называемые эвристические принципы — такие, как аналогия, абстракция или установка уровней пролонгации. Эвристические процедуры, правила и инструменты используют в методах анализа текста, чтобы обнаружить новые переменные и сгенерировать гипотезы.

Экзотезис (англ. *exothesis*). В функциональной прагматике означает вербализацию определенного ментального элемента, как, например, знак непонимания. Говорящий может проговорить ментальный компонент «непонимания» с помощью вопроса «Что это значит?»

ЛИТЕРАТУРА

1. Abraham, Werner (ed.) (1982) Satzglieder im Deutschen. Tuebingen: Narr. **2.** Agar, Michael (1986) Speaking of Ethnography. Qualitative Research Methods Series No. 2. London: Sage. **3.** Alexander, Jeffrey (ed.) (1987) The Micro-Macro Link. Berkeley: University of California Press. **4.** Althusser, Louis (1971) Lenin and Philosophy and Other Essays. London: New Left Books. **5.** Altmann, Gabriel (1996) «The nature of linguistic units». Journal of Quantitative Linguistics, 3 (1): 1-7. **6.** Altmann, Hans (ed.) (1988) Intonationsforschung. Tuebingen: Niemeyer. **7.** Ammon, U., Dittmar, N. and Mattheier, K.J. (eds) (1987/1988) Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society, Vols. 1/2. Berlin: de Gruyter. **8.** Arbeitskreis Qualitative Sozialforschung (eds) (1994) Verfuehrung zum qualitativen Forschen. Wien: WUV-Universitaetsverlag. **9.** Argyris, Chris (1995) «Interventionen und Fuehrungseffizienz», in Alfred Kieser, Gerhard Reber and Rudolf Wunderer (eds), Handwoerterbuch der Fuehrung, 2nd edn. Stuttgart: Poeschel, pp. 1253-72. **10.** Atkinson, J. Maxwell (1985) «Refusing invited applause: preliminary observations from a case study of charismatic oratory», in Teun A. van Dijk (ed.). Handbook of Discourse Analysis, Vol. 3: Discourse and Dialogue. London: Academic Press, pp. 161-81. **11.** Atkinson, J. Maxwell and Drew, Paul (1979) Order in Court. The Organization of Verbal Interaction in Judicial Settings. London: The MacMillan Press. **12.** Atkinson, J. Maxwell and Heritage, John C. (eds) (1984) Structures of Social Action Studies in Conversation Analysis. Cambridge: Cambridge University Press. **13.** Atkinson, Paul and Coffey, Amanda (1997) «Analysing documentary realities», in David Silverman (ed.), Qualitative Research. London: Sage, pp. 45-62. **14.** Atkinson, Paul and Hammersley, Martyn (1994) «Ethnography and participant observation», in Norman K. Denzin and Yvonna S. Lincoln (eds), Handbook of Qualitative Research. Thousand Oak, CA: Sage, pp. 248-61. **15.** Austin, John L. (1962) How to Do Things with Words. Oxford. Clarendon Press. **16.** Baecker, Dirk (1992) «Die Unterscheidung zwischen Kommunikation und Bewusstsein», in Wolfgang Krohn and Guenter Kueppers (eds). Emergent: Die Entstehung von Ordnung, Organisation und Bedeutung. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 217-68. **17.** Baecker, Dirk (ed.) (1993a) Kalkuel der Form. Frankfurt: Suhrkamp. **18.** Baecker, Dirk (ed.) (1993b) Probleme der Form. Frankfurt: Suhrkamp. **19.** Bakhtin, Mikhail M. (1986) Speech Genres and Other Late Essays. Austin: University of Texas Press. **20.** Bales, Robert F. (1950) Interaction Process Analysis. Cambridge: Addison-Wesley. **21.** Bales, Robert F. (1980) Symlog Case Study Kit. New York: The Free Press. **22.** Bales, Robert F. and Cohen, Stephan P. (1979) Symlog: A System for the Multiple Level Observation of Grotips. New York: The Free Press. **23.** Bardmann, Theodor (1994) Wenn aus Arbeit Abfall wird. Frankfurt: Suhrkamp. **24.** Barton, Allen A. and Lazarsfeld, Paul F. (1979) «Einige Funktionen von qualitativer Analyse in der Sozialforschung», in Christel Hopf and Elmar Weingarten (eds), Qualitative Sozialforschung. Stuttgart: Klett, pp. 41-89. **25.** Baszanger, Isabelle and Dodier, Nicolas (1997), «Ethnography: relating the part to the whole», in David Silverman (ed.), Qualitative Research. London: Sage, 8-23. **26.** Beaugrande, Robert de (1996) Foundations of a New Theory of Discourse. London: Longman (in print). **27.** Beaugrande, Robert de and Dressler, Wolfgang U. (1981) Einfuehrung in die Textlinguistik. Tuebingen: Niemeyer. **28.** Becker-Beck, Ulrich (1989) «Freie Personenbeschreibung als interaktionsdiagnostische Methode», in Johannes F. Schneider (ed.), Inhaltsanalyse alltagssprachlicher Beschreibungen sozialer Interaktionen. Beitraege zur SYMLOG-Kodierung von Texten. Saarbruecken-Scheidt: Dadder, pp. 109-39. **29.** Becker-Mrotzek, Michael (1994) «Schreiben als Handlung. Das Verfassen von Bedienungsanleitungen», in Gisela Bruenner and Gabriele Graefen (eds), Texte und Diskurse. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 158-75. **30.** Bensman, Joseph and Gerver, Israel (1973) «Vergehen und Bestrafung in der Fabrik: Die Funktion abweichenden Verhaltens fuer die Aufrechterhaltung des Sozialsystems» in Heinz Steinert (ed.), Symbolische Interaktion. Stuttgart: Klett, pp. 126-38. **31.** Berelson, Bernhard (1952) Content Analysis in Communication Research. New York: Hafner. **32.** Berger, Peter and Luckmann, Thomas (1967) The Social Construction of Reality. New York: Doubleday. **33.** Bergmann, Joerg R. (1981) «Ethnomethodologische Konversationsanalyse», in Peter Schroeder and Hugo Steger (eds), Dialogforschung. Jahrbuch 1980 des Instituts fuer Deutsche Sprache. Duesseldorf: Schwann, pp. 9-51. **34.** Bergmann, Joerg R. (1994) «Ethnomethodologische Konversationsanalyse», in Gerd Fritz and Franz Hundsnurscher (eds), Handbuch der Dialoganalyse. Tuebingen: Niemeyer, pp. 3-16. **35.** Bernstein, Basil (1990) The Structure of Pedagogic Discourse: Class, Codes and Control. London: Routledge. **36.** Bilmes, Jack (1993) «Ethnomethodology, culture and implicature. Toward an empirical pragmarics», Pragmatics 3 (4): 387-411. **37.** Blom,

Jan-Petter and Gumperz, John J. (1972) «Social meaning in linguistic structure. Code-switching in Norway», in John J. Gumperz and Dell Hymes (eds), Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication. New York: Rinehart and Winston 407-439. **38.** Bloor, Michael (1978) «On the analysis of observational data: a discussion of the worth and uses of inductive techniques and respondent validation», in Sociology 12 (3), pp. 545-557. **39.** Blum-Kulka, Shoshana (1990) «You don't touch lettuce with your fingers», in Journal of Pragmatics 14: 259-288. **40.** Boehm, Andreas (1994) «Grounded Theory – Wie aus Texten Modelle und Theorie gemacht werden», in Andreas Boehm, Andreas Mengel and Thomas Muhr (eds): Texte verstehen. Konzepte, Methoden, Werkzeuge. Schriften zur Informationswissenschaft 14. Konstanz: Universitaetsverlag, pp. 121-140. **41.** Bohnsack, Ralf (1991) Rekonstruktive Sozialforschung. Einfuehrung in Methodologie und Praxis qualitativer Forschung. Opladen: Leske. **42.** Bortz, Juergen and Doering, Nicola (1995) Forschungsmethoden und Evaluation. 2nd edn. Berlin: Springer. **43.** Bourdieu, Pierre (1987) [1979] Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft. Frankfurt: Suhrkamp [orig.: La distinction. Critique social du jugement. Paris: Les editions de minuit]. **44.** Brown, M.H. and Kreps, G.L. (1993) «Narrative analysis and organizational development», in S.L. Henderson and G.L. Kreps (eds). Qualitative Research: Applications in Organizational Communication. Cresskill, NJ: Hampton Press, pp. 47-62. **45.** Bruenner, Gisela (1994) «Wuerden Sie von diesem Mann einen Gebrauchtwagen kaufen?» Interaktive Anforderungen und Selbstdarstellung in Verkaufsgespraechen, in Gisela Bruenner and Gabriele Graefen (eds), Texte und Diskurse. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 328-50. **46.** Bruenner, Gisela and Becker-Mrotzek, Michael (1992) «Angewandte Gespraechsforschung: Ziele-Methoden-Probleme», in Reinhard Fiehler and Wolfgang Sucharowski (eds), Kommunikationsberatung und Kommunikationstraining. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 12-23. **47.** Bruenner, Gisela and Graefen, Gabriele (eds) (1994a) Texte und Diskurse. Methoden und Forschungsergebnisse der Funktionalen Pragmatik. Opladen: Westdeutscher Verlag. **48.** Bruenner, Gisela and Graefen, Gabriele (1994b): «Einleitung: Zur Konzeption der Funktionalen Pragmatik», in Gisela Bruenner and Gabriele Graefen (eds), Texte und Diskurse. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 7-21. **49.** Buehler, Karl (1965) [1934] Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Vol. 2, Stuttgart: Fischer. **50.** Burgoyne, J.G. (1994) «Stakeholder Analysis», in C. Cassell and G. Symon (eds), Qualitative Methodes in Organizational Research. London: Sage, pp. 187-207. **51.** Chomsky, Noam (1965) Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge: MIT Press. **52.** Cicourel, Aaron V. (1964) Method and Measurement in Sociology. Glencoe: The Free Press. **53.** Cicourel, Aaron V. (1992) «The interpenetration of communicative contexts: examples from medical encounters», in Alexander Duranti and Charles Goodwin (eds), Rethinking Context. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 291-311. **54.** Cinque, Gugliemo (1993): «A null theory of phrase and compound stress», Linguistic Inquiry, 24: 239-97. **55.** Clark, Herbert H. (1985) «Language use and language users», in Gardner Lindzey and Elliot Aronson (eds), The Handbook of Social Psychology. 3rd edn. Vol. 2: Special Fields and Applications. Research Methods. Reading: Addison-Wesley, pp. 179-231. **56.** Coffey, Amanda, Holbrook, Beverley and Atkinson, Paul (1996): «Qualitative data analysis: technologies and representations», Sociological Research Online, http://www.soc.surrey.ac.uk/socresonline, Vol. 1, No. 1. **57.** Cook, Thomas D. (1993) «A quasi-sampling theory of the generalization of causal relationships», New Directions for Program Evaluation, 57: 39-82. **58.** Corbin, Juliet and Strauss, Anselm (1990) «Grounded tlieory research: procedures, canons, and evaluative criteria», Qualitative Sociology, 13: 3-21. **59.** Coulmas, Florian (1979) «Einleitung: Sprache und Kultur», in Dell Hymes, Soziolinguistik. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 7-25. **60.** Coulmas, Florian (ed.) (1997) The Handbook of Sociolinguistics. Oxford: Blackwell. **61.** Danielson, W.A. and Lasorsa, D.L. (1997) «Perceptions of social change: 100 years of front-page content in die New York Times and the Los Angeles Times», in C.W. Roberts (ed.), Text Analysis for the Social Sciences. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, pp. 103-115. **62.** de Sola Pool, Ithiel (ed.) (1959) Trends in Content Analysis. Urbana: University of Illinois Press. **63.** Demirovic, Alex (1992) «Vom Vorurteil zum Neorassismus»: Das Objekt «Rassismus» in Ideologiekritik und Ideologietheorie, in Institut fuer Soziaiforschung (eds), Aspekte der Fremdenfeindlichkeit. Frankfurt: Campus, pp. 21-54. **64.** Denzin, Norman (1970) The Research Act in Sociology. London: Butterworth. **65.** Denzin, Norman K. and Lincoln, Yvonna S. (eds) (1994) Handbook of Qualitative Research. Thousand Oaks: Sage. **66.** Devereux, G. (1976) Dreams in Greek Tragedy. An Ethno-Psycho-Analytical Study Oxford: Blackwell. **67.** Dewey, John (1937) Logic. The Theory of Inquiry. New York: Wiley. **68.** Dressler, Wolfgang U. (1989) Semiotische Parameter einer textlinguistischen Natuerlichkeitstheorie. Wien: Oesterreichische Akademie der Wissenschaften. **69.** Drew, Paul and Heritage, John (eds) (1992) Talk at Work. Interaction in Institutional Settings. Cambridge: Cambridge University Press. **70.** Durand, Allessandro and Goodwin, Charles (eds) (1992) Rethinking Context. Language as an Interactive Phenomenon. Cambridge: Cambridge University Press. **71.** Eco, Umberto (1991) Einfuehrung in die Semiotik. 7th edn. Muenchen: Fink UTB. **72.** Ehlich, Konrad (1972) «Thesen zur Sprechakttheorie», in Dieter Wunderlich (ed.), Linguistische Pragmatik. Frankfurt: Athenaeum, pp. 122-126. **73.** Ehlich, Konrad (1979) Verwendungen der Deixis beim sprachlichen Handeln. Frankfurt: Lang. **74.** Ehlich, Konrad (ed.) (1984) Erzaehlen in der Schule. Tuebingen: Narr. **75.** Ehlich, Konrad (1986/1996) «Funktional-pragmatische Kommunikationsanalyse»: Ziele und Verfahren, in Ludger Hoffmann (ed.), Sprachwissenschaft. Ein Reader. Berlin: de Gruyter. **76.** Ehlich, Konrad (1991) «Funktional-pragmatische Kommunikationsanalyse. Ziele und Verfahren», in Dieter Flader (ed.), Verbale Interaktion. Studien zur Empirie und Methodologie der Pragmatik. Stuttgart: Metzler, pp. 127-43. **77.** Ehlich, Konrad (1993) «Diskursanalyse», in Helmut Glueck (1993), Metzler-Lexikon Sprache. Stuttgart: Metzler, pp. 145-6. **78.** Ehlich, Konrad (ed.) (1994) Diskursanalyse in Europa. Frankfurt: Lang. **79.** Ehlich, Konrad and Rehbein, Jochen (1972) «Zur Konstitution pragmatischer Einheiten in einer Institution: Das Speiserestaurant» in D. Wunderlich (ed.), Linguistische Pragmatik. Frankfurt: Athenaeum, pp. 209-54. **80.** Ehlich, Konrad and Rehbein, Jochen (1976) «Halbinterpretative Arbeitstranskriptionen (HIAT)», Linguistische Berichte, 45: 21-41. **81.** Ehlich, Konrad and Rehbein, Jochen (1979) «Sprachliche Handlungsmuster», in Hans-Georg Soeffner (ed.), Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften. Stuttgart: Metzler, pp. 243-74. **82.** Ehlich, Konrad and Rehbein, Jochen (1986) Muster und Institution. Untersuchungen zur schulischen Kommunikation. Tuebingen: Narr. **83.** Eisler, Rudolf (ed.) (1927) Woerterbuch der philosophischen Begriffe. Berlin: Mittler. **84.** Fairclough, Norman (1989) Language and power. London: Longman. **85.** Fairclough, Norman (1992a) Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press. **86.** Fairclough, Norman (1992b) «Discourse and text: linguistic and intertextual analysis within discourse analysis», Discourse & Society, 3: 193-219. **87.** Fairclough, Norman (1993) «Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities», Discourse & Society, 4 (2): 133-68. **88.** Fairclough, Norman (1994) «Conversarionalization of public discourse and the authority of the consumer», in K. Russel, N. Whiteley and N. Abercrombie (eds), The Authority of the Consumer. London: Routledge, pp. 253-68. **89.** Fairclough, Norman (1995a) Media Discourse. London and New York: Arnold. **90.** Fairclough, Norman (1995b) Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language. London and New York: Longman. **91.** Fairclough, Norman (1996) «A reply to Henry Widdowson's discourse analysis: a critical view», Language & Literature, 5: 1-8. **92.** Fairclough, Norman and Wodak, Ruth (1997) «Critical discourse analysis: an overview», in Teun van Dijk (ed.), Discourse and Interaction. London: Sage, pp. 67-97. **93.** Fetterman, David M. (1989) Ethnography Step by Step. Newbury Park, CA: Sage. **94.** Fiehler, Reinhard and Sucharowski, Wolfgang (eds) (1992) Kommunikationsberatung und Kommunikationstraining. Anwendungsfelder der Diskursforschung. Opladen: Westdeutscher Verlag. **95.** Fielding, Nigel G. and Fielding, Jane L. (1986) Linking Data. Qualitative Research Methods Series No. 4. London: Sage. **96.** Fiol, C. Marlene (1990) «Narrative semiotics: theory, procedure and illustration», in Anne Sigismund Huff (ed.), Mapping Strategie Thought, Chichester: Wiley, pp. 377-402. **97.** Firestone, W.A. (1993) «Alternative arguments for generalizing from data as applied to qualitative research», Educational Researcher, 22: 16-23. **98.** Firth, Alan (1995) «Ethnomethodology», in J. Verschueren, Jan-Ola Oestman and J. Blommaert (eds), Handbook of Pragmatics. Manual. Amsterdam: Benjamins, pp. 269-78. **99.** Fitch, Kristine L. and Philipsen, Gerry (1995) «Ethnography of speaking», in J. Verschueren, Jan-Ola Oestman and J. Blommaert (eds), Handbook of Pragmatics. Manual. Amsterdam: Benjamins, pp. 263-9. **100.** Flader, Dieter (eds) (1991) Verbale Interaktion. Studien zur Empirie und Methodologie der Pragmatik. Stuttgart: Metzler. **101.** Flader, Dieter and von Trotha, Thilo (1988) «Ueber den geheimen Positivismus und andere Eigentuemlichkeiten der ethnomethodologischen Konversationsanalyse», Zeitschrift fuer Sprachwissenschaft, 7 (1): 92-115. **102.** Flick, Uwe, Kardorff, Ernst v., Keupp, Heiner, Rosenstiel, Lutz v. and Wolff, Stephan (eds) (1991) Handbuch Qualitative Sozialforschung. Muenchen: Psychologie-Verlags-Union. **103.** Forster, Nick (1994) «The analysis of Company documentation», in C. Cassell and G. Symon (eds), Qualitative Methods in Organizationl Research. London: Sage, pp. 147-66. **104.** Foucault, Michel (1972) The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language, trans. A.M. Sheridan. London: Tavistock. **105.** Foucault, Michel (1981) History of Sexuality, Vol. I. Harmondsworth: Penguin. **106.** Foucault, Michel (1990) [1972] Archaeologie des Wissens. Frankfurt: Fischer. [English: The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language. New York: Random House.] **107.** Foucault, Michel (1993) (1971] Die Ordnung des Diskurses. Frankfurt: Fischer. [Orig.: Vordre du discours. Paris: Gallimard.] **108.** Fowler, Roger (1991) «Critical linguistics», in Kirsten Malmkjaer (ed.), The Linguistic Encyclopedia. London: Routledge, pp. 89-93. **109.** Fowler, Roger, Hodge, Bob, Kress, Gunther and Trew, Tony (eds) (1979) Language and Control. London: Routledge & Kegan Paul. **110.** Friedrich, Georg (1994) «Zur Funktionalen Pragmatik der Kommunikation im Unterricht sehgeschaedigter Schueler», in G. Bruenner and G. Graefen (eds), Texte und Diskurse. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 374-85. **111.** Fritz, Gerd and Hundsnurscher, Franz (eds) (1994) Handbuch der Dialoganalyse.

Tuebingen: Niemeyer. **112.** Garfield, Eugene (1991a) «How to use the Social Sciences Citation Index® (SSCI®)», in SSCI® Social Sciences Index® (ed.): Guide and Lists of Source Publications. Philadelphia, PA: Institute for Scientific Information Inc.®, pp. 45-52. **113.** Garfield, Eugene (1991b) «The Citation Index as a search tool», in SSCI® Social Sciences Index® (ed.): *Guide and Lists of Source Publications. Philadelphia, PA: Institute for Scientific Information* Inc.®, pp. 24-44. **114.** Garfinkel, Harold (1952) The perception of the other: A study in social order. Ph.D. dissertation. Harvard University, MA. **115.** Garfinkel, Harold (1967) Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. **116.** Garfinkel, Harold (1972) «Studies of the routine grounds of everyday activities», in D. Sudnow (ed.), Studies in Social Interaction. New York: The Free Press, pp. 1-30. **117.** Garfinkel, Harold (1974) «On the origins of the term «ethnomethodology»», in *R. Turner (ed.), Ethnomethodology. Harmondsworth:* Penguin, pp. 15-18. **118.** Garz, Detlef and Kraimer, Klaus (eds) (1994) Die Welt als Text. Theorie, Kritik und Praxis der objektiven Hermeneutik. Frankfurt: Suhrkamp. **119.** Geertz, Clifford (1973) The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books. **120.** Geertz, Clifford (1987) Dichte Beschreihung. Beitraege zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt: Suhrkamp. **121.** Gerbner, George, Holsti, Ole, Krippendorff, Klaus, Paisley, William J. and Stone, Philip J. (eds) (1969) The Analysis of Communication Content. Development in Scientific Theories and Computer Techniques. New York: Wiley. **122.** Giles, Howard and Robinson, William P. (eds) (1990) Handbook of Language and Social Psychology. New York: Wiley. **123.** Girnth, Heiko (1996) «Texte im politischen Diskurs. Muttersprache», 106 (1): 66-80. **124.** Glaser, Barney G. (1978) Theoretical Sensitivity. Mill Valley, CA: Sociology Press. **125.** Glaser, Barney G. (1992) Emergence vs. Forcing. Advances in the Methodology of Grounded Theory. Mill Valley, CA: Sociology Press. **126.** Glaser, Barney G. and Strauss, Anselm L. (1965) Awareness of Dying. Chicago, IL: Aldine. **127.** Glaser, Barney G. and Strauss, Anselm L. (1967) The Discovery of Grounded Theory. Strategies for Qualitative Research. Chicago, IL: Aldine. **128.** Glaser, Barney G. and Strauss, Anselm L. (1968) Time for Dying. Chicago, IL: Aldine. **129.** Glueck, Helmut (1993) Metzler-Lexikon Sprache. Stuttgart: Metzler. **130.** Goffman, Erving (1974) Frame Analysis. New York: Harper & Row. **131.** Goffman, *Erving (1981) Forms of Talk. Oxford: Blackwell.* **132.** Goode, W.J. and Hart, P.K. (1952) Methods in Social Research. New York: McGraw-Hill. **133.** Gramsci, Antonio (1971) Selections from the Prison Notebooks. London: Lawrence & Wishart. **134.** Gramsci, Antonio (1983) Marxismus und Kultur. Ideologie, Alltag, Literatur. Hamburg: VSA. **135.** Greimas, Algirdas J. (1974) «Die Isotopie der Rede», in W. Kallmeyer, W. Klein, R. Meyer-Hermann, K. Netzer and H.-J. Siebert (eds), Lektuerekolleg zur Textlinguistik. Frankfurt: Athenaeum, pp. 126-52. **136.** Greimas, Algirdas J. (1983) [1966] Structural Semantics. An Attempt at a Method. Lincoln: University of Nebraska Press. [Orig.: Semantique structural. Recherche de methode. Paris: Larousse.] **137.** Greimas, Algirdas J. (1987) On Meaning. Selected Writings in Semiotic Theory. London: Frances Pinter. **138.** Greimas, Algirdas J. and Rastier, Francois (1968) The Interaction of Semiotic Constraints. Yale French Studies: Game, Play and Literature. New Haven, CT: Eastern Press. **139.** Grice, H. Paul (1975) «Logic and conversation», in P. Cole and J.L. Morgan (eds), Syntax and Semantics, Vol. 3: Speech Acts. New York: Academic Press, pp. 41-58. **140.** Gruber, Helmut (1996) Streitgespraeche. Zur Pragmatik einer Diskursform. Opladen: Westdeutscher Verlag. **141.** Guelich, Elisabeth and Kotschi, Thomas (1987) «Reformulierungshandlungen als Mittel der Textkonstitution. Untersuchungen zu franzoesischen Texten aus muendlicher Kommunikarion», in W. Motsch (ed.), Satz, Text, sprachliche Handlung. Berlin: Akademie Verlag, pp. 199-261. **142.** Guelich, Elisabeth and Quasthoff, Uta M. (1985) «*Narrative analysis», in* Teun A. van Dijk (ed.), Handbook of Discourse Analysis, Vol. 2: Dimensions of Discourse. London: Academic Press, pp. 169-97. **143.** Gumperz, John J. (1982) Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press. **144.** Gumperz, John J. and Levinson, Stephen, C. (eds) (1996) Rethinking Linguistic Relativity. Cambridge: Cambridge University Press. **145.** Gumperz, John J. and Hymes, Dell (eds) (1964) «The Ethnography of Communication», American Anthropologist, 66 (6). **146.** *Gumperz, John J. and Hymes, Dell (eds) (1972) Directions in Sociolinguistics.* The Ethnography of Communication. New York: Holt, Rinehart and Winston. **147.** Habermas, Juergen (1970) Zur Logik der Sozialwissenschaften. Frankfurt: Suhrkamp. **148.** Habermas, Juergen (1971) Erkenntnis und Interesse. Frankfurt: Suhrkamp. **149.** Hakim, C. (1992) Research Design. Strategies and Choices in the Design of Social Research. London and New York: Routledge, pp. 61-74. **150.** Halliday, Michael A.K. (1970) «Language structure and language function», in John Lyons (ed.), New Horizons in Linguistics. Harmondsworth: Penguin, pp. 140-65. **151.** Halliday, Michael A.K. (1973) Explorations in the Functions of Language. London: Arnold. **152.** Halliday, Michael A.K. (1978) Language as Social Semiotic. London: Arnold. **153.** Halliday, Michael A.K. (1985) An Introduction to Functional Grammar, 2nd edn. 1994. London: Arnold. **154.** Halliday, Michael A.K. and Hasan, Raquiah (1976) Cohesion in English. London: Arnold. **155.** Hammersley, Martyn (1992) What's Wrong with Ethnography. Methodological Explanations. London: Routledge. **156.** Hammersley, Martyn and Atkinson, Paul (1995) Ethnography. Principles in Practice, 2nd edn. London: Routledge. **157.** Hare, A. Paul and Naveh, David (1986) «Conformity and creativity: Camp David, 1978», Small-Group-Behavior, 17 (3): 243-68. **158.** Hartley, J.F. (1994) «Case studies in organizational research», in C. Caselle and G. Symon (eds), Qualitative Methods in Organizational Research. London: Sage, pp. 208-29. **159.** Heckmann, Friedrich (1992) «Interpretationsregeln zur Auswertung qualitativer Interviews und sozialwissenschaftlich relevanter «Texte». Anwendungen der Hermeneutik fuer die empirische Sozialforschung», in Juergen H.P. Hoffmeyer-Zlotnik (ed.), Analyse verbaler Daten. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 142-67. **160.** Heider, Fritz (1958) The Psychology of Interpersonal Relations. New York: Wiley. **161.** Heinemann, Wolfang and Viehweger, Dieter (1991) Textlinguistik: eine Einfuehrung. *Tubingen: Niemeyer.* **162.** *Heinze, Thomas (1987) Qualitative Sozialforschung: Erfahrungen,* Probleme und Perspektiven. Opladen: Westdeutscher Verlag. **163.** Helm, June (ed.) (1967) «Essays on the verbal and visual arts». Proceedings of the 1966 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society. Seattle: University of Washington Press for the American Ethnological Society. **164.** Hempel, Carl G. (1952) Fundamentals in Concept Formation in Empirical Science. Chicago, IL: University of Chicago Press. **165.** Heritage, John (1984) Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge: Polity Press. **166.** Heritage, John (1985) «Analysing news interviews: aspects of the production of talk for an overhearing audience», in Teun A. van Dijk (ed.), Handbook of Discourse Analysis, Vol. 3: Discourse and Dialogue. London: Academic Press, pp. 95-131. **167.** Herkner, Werner (1974) «Inhaltsanalyse», in Juergen von Koolwijk and Maria Wieken-Mayser (eds), Techniken der empirischen Sozialforschung, Muenchen: Oldenbourg, vol. 3, pp. 158-91. **168.** Herkner, Werner (eds) (1980) Attribution. Psychologie der Kausalitaet. Bern: Huber. **169.** Hildenbrand, Bruno and Jahn, Walter (1988) ««Gemeinsames Erzaehlen» und Prozesse der Wirklichkeitskonstruktion in familiengeschichtlichen Gesprachen», Zeitschrift fuer Soziologie, 17: 203-17. **170.** Hoefert, Hans Wolfgang and Klotter, Christoph (eds) (1994) Neue Wege der Psychologie. Eine Wissenschaft in der Veraenderung. Heidelberg: Asanger. **171.** Hoffmann, Ludger (ed.) (1996) Sprachwissenschaft. Ein Reader. Berlin: de *Gruyter.* **172.** *Hoffmeyer-Zlotnik, Juergen H.P. (ed.) (1992) Analyse verbaler Daten. Opladen:* Westdeutscher Verlag. **173.** Hoehle, Tilman (1982) «Explikationen fuer «normale Betonung» und «normale Wortstellung»», in W. Abraham (ed.), Satzglieder im Deutschen. Tuebingen: Narr, pp. 75-153. **174.** Holstein, James A. and Gubrium, Jaber F. (1994) «Phenomenology, Ethnomethodology, and interpretive practice», in Norman K. Denzin and Yvonna S. Lincoln (eds), Handbook of Qualitative Research. Thousand Oak, CA: Sage, pp. 262-72. **175.** Holsti, Ole R. (1968) «Content analysis», in G. Lindzey and E. Aronson (eds), The Handbook of Social Psychology, 2nd edn., Vol. 2: Research Methods. Reading: Addison-Wesley, pp. 596-692. **176.** Holsti, Ole R. (1969) Content Analysis for the Social Sciences and Humanities. Reading: Addison-Wesley. **177.** Hopf, Christel (1979) «Soziologie und qualitative Sozialforschung», in Ch. Hopf and E. Weingarten (eds), Qualitative Sozialforschung. Stuttgart: Klett-Cotta, pp. 11-37. **178.** Huff, Anne Sigismund (ed.) (1990) Mapping Strategic Thought. Chichester: Wiley. **179.** Hughes, Everett C. (1993) The Sociological Eye, 2nd edn. New Brunswick, NJ: Transaction Books. **180.** Hutchby, Ian and Drew, Paul (1995) «Conversation analysis», in J. Verschueren, J.-O. Ostman and J. Blommaert (eds), Handbook of Pragmatics. Manual. Amsterdam: Benjamins, pp. 182-9. **181.** Hymes, Dell (1962), «The ethnography of speaking», in Thomas Gladwin and William C. Sturtevant (eds), Anthropology and Human Behavior. Washington, DC: Anthropolological Society of Washington, pp. 13-53. **182.** Hymes, Dell (1970), «Linguistic method in ethnography», in P. Garvin (ed.), Method and Theory in Linguistics. The Hague: Mouton, pp. 249-325. **183.** Hymes, Dell (1971), «Sociolinguistics and the Ethnography of Speaking», in E. Ardener (ed.). Social Anthropology and Language. London: Tavistock. **184.** Hymes, Dell (1972), «Models of interaction of language and social life», in John J. Gumperz and Dell Hymes (eds), Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication. New York: Holt, Rinehart and Winston, pp. 35-71. **185.** Hymes, *Dell (1974), Foundations in Sociolinguistics, Philadelphia:* University of Pennsylvania Press. **186.** Hymes, Dell (1976), «The state of the art in linguistic anthropology», in Anthony F.C. Wallace (ed.). Perspectives on Anthropology. Washington: American Anthropologics Association. **187.** Hymes, Dell (1979) Soziolinguistik. Zur Ethnographie der Kommunikation, ed. by Florian Coulmas. Frankfurt: Suhrkamp. **188.** Iedema, Richard and Wodak, Ruth (1999) Special issue «Discourse in organizations», Discourse and Society, 10 (1). **189.** Iedema, Rick and Wodak, Ruth (1999) «Introduction: organizational discourses and practices», Discourse & Society, 10 (1): 5-20. **190.** Ihwe, Jens (ed.) (1971) Literaturwissenschaft und Linguistik. Ergebnisse und Perspektiven. Bad Homburg v. d. H.: Gehlen, pp. 173-212. **191.** Institut fuer Sozialforschung (eds) (1992) Aspekte der Fremdenfeindlichkeit. Frankfurt: Campus. **192.** Jacobs, Joachim (1988) «Fokus-Hintergrund-Gliederung und Grammatik», in H. Altmann (ed.), Intonationsforschung. Tuebingen: Niemeyer, pp. 89-134. **193.** Jager, Siegfried (1993) Kritische Diskursanalyse. Eine Einfuhrung.

Duisburg: Diss. **194.** Jakobson, Roman (1960) «Concluding statement: linguistics and poetics», in T.A. Sebeok (ed.), Style in Language. Cambridge, MA: John Wiley and MIT Press. **195.** Jefferson, Gail (1972) «Side sequences», in D. Sudnow (ed.), Studies in Social Interaction. New York: The Free Press, pp. 294-338. **196.** Jung, Thomas and Mueller-Doohm, Stefan (eds) (1993) «Wirklichkeit» im Deutungsprozess. Verstehen in den Kultur- und Sozialwissenschaften. Frankfurt: Suhrkamp. **197.** Kallmeyer, Werner (1988) «Konversationsanalytische Beschreibung», in U. Amnion, N. Dittmar and K. Mattheier (eds), Sociolinguistics. Berlin and New York: de Gruyter, pp. 1095-108. **198.** Kallmeyer, Werner and Schuetze, Fritz (1976) «Konversationsanalyse», Studium Linguistik 1: 1-28. **199.** Kallmeyer, Werner, Klein, Wolfgang, Meyer-Hermann, Reinhard, Netzer, Klaus and Siebert, Hans-Juergen (eds) (1974) Lektuerekolleg zur Textlinguistik. Frankfurt: Athenaeum. **200.** Kant, Immanuel (1974) [1781] Kritik der reinen Vernunft. Frankfurt: Suhrkamp. **201.** Kearny, M.H., Murphy, S., Irwin, K. and Rosenbaum, M. (1995) «Salvaging self: a grounded theory of pregnancy on crack cocaine», Nursing Research, 44: 208-13. **202.** Keat, Russel, Whiteley, Nigel and Abercrombie, Nicholas (eds) (1994) The Authority of the Consumer. London: Routledge. **203.** Kelle, Udo (1994) Empirisch begruendete Theoriebildung. Zur Logik und Methodologie interpretativer Sozialforschung. Weinheim: Deutscher Studienverlag. **204.** Kelley, Harold H. (1967) «Attribution theory in social psychology», in D. Levine (ed.), Nebraska Symposium on Motivation. Lincoln: University of Nebraska Press, pp. 192-238. **205.** Kelly, George A. (1955) «The Psychology of Personal Constructs» Vol. 1. A Theory of Personality. New York: Norton. **206.** Kenny, Anthony (1974) Wittgenstein. Frankfurt: Suhrkamp. **207.** Keppler, A. (1994) Tischgespraeche. Ueber Formen kommunikativer Vergemeinschaftung am Beispiel der Konversation in Familien. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. **208.** Kieser, Alfred, Reber, Gerhard and Wunderer, Rudolf (eds) (1995) Handworterbuch der Fuehrung, 2nd edn. Stuttgart: Poeschel. **209.** Kintsch, Walter and van Dijk, Teun A. (1983) Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Press. **210.** Kleining, Gerhard (1994) «Qualitativ heuristische Sozialforschung», Schriften zur Theorie und Praxis. Hamburg-Harvestehude: Fechner (printed in 2nd edn., 1995). **211.** Kluckhohn, C. (1944) Navaho Witchcraft. Boston, MA: Beacon Press. **212.** Knauth, Bettina, Kroner, Wolfgang and Wolff, Stephan (1990/91) «Konversationsanalyse von Texten», Angewandte Sozialforschung, 16 (1-2): 31-43. **213.** Koerfer, Armin (1994) «Interkulturelle Kommuntkation vor Gericht. Verstaendigungsprobleme beim fremdsprachlichen Handeln in einer kommunikationsintensiven Institution», in G. Bruenner and G. Graefen (eds), Texte und Diskurse. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 351-73. **214.** Koenig, Eckhard and Zedier, Peter (eds) (1995) Bilanz qualitativer Forschung, Vol. 2. Methoden. Weinheim: Deutscher Studienverlag. **215.** Koenig, Hans-Dieter (ed.) (1996) Neue Versuche, Becketts Endspiel zu verstehen. Sozialwissenschaftliches Interpretieren nach Adorno. Frankfurt: Suhrkamp. **216.** Koenig, Rene (ed.) (1974) Handbuch der empirischen Sozialforschung, Vol. 4: Komplexe Forschungsansaetze. Stuttgart: Enke. **217.** Koole, Tom and ten Thije, Jan (1994) «Der interkulturelle Diskurs von Teambesprechungen. Zu einer Pragmatik der Mehrsprachigkeit», in G. Bruenner aud G. Graefen (eds) Texte und Diskurse. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 412-34. **218.** Koolwijk, Juergen von and Wieken-Mayser, Maria (eds) (1974) Techniken der empirischen Sozialforschung, Vol. 3: Muenchen: Oldenbourg. **219.** Kotthoff, Helga (1996) Spass verstehen. Zur Pragmatik von konversationellem Humor. Wien: Habilitationsschrift, Universitaet Wien. **220.** Kracauer, Siegfried (1952) «The challenge of qualitative content analysis», Public Opinion Quarterly, 16: 631-42. **221.** Kress, Guenther (1993) «Against arbitrariness: the social production of the sign», Discourse & Society, 4 (2): 169-93. **222.** Kress, Guenther and Hodge, Bob (1979) Language as Ideology. London: Routledge. **223.** Kress, Guenther and Threadgold, Terry (1988) «Towards a social theory of genre», Southern Review, 21: 215-43. **224.** Kress, Guenther and van Leeuwen, Theo (1996) Reading Images. The Grammar of Visual Design. London: Routledge. **225.** Kreutz, Henrik (1988) «Die Integration von empirischer Forschung, theoretischer Analyse und praktischem Handeln», in Henrik Kreutz (ed.). Pragmatische Soziologie. Opladen: Leske and Budrich, pp. 11-32. **226.** Krippendorff, Klaus (1969) «Models of messages: three prototypes», in G. Gerbner, O. Holsti, K. Krippendorff, W.J. Paisley and P.J. Stone (eds), The Analysis of Communication Content. Development in Scientific Theories and Computer Techniques. New York: Wiley, pp. 69-106. **227.** Krippendorff, Klaus (1980) Content Analysis. An Introduction to its Methodology. Beverly Hills, CA: Sage. **228.** Kriz, Juergen and Lisch, Ralf (1988) Methodenlexikon. Muenchen: Psychologie-Verlags-Union. **229.** Krohn, Wolfgang and Kueppers, Guenter (1989) Die Selbstorganisation der Wissenschaft. Frankfurt: Suhrkamp. **230.** Kromrey, Helmut (1994) «Strategien des Informationsmanagements in der Sozialforschung», Angewandte Sozialforschung, 18: 163-83. **231.** Labov, William and Waletzky, Joshua (1967) «Narrative analysis: oral versions of personal experience», in J. Helm (ed.), Essays on the Verbal and Visual Arts. Proceedings of the 1966 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society. Seattle: University of Washington Press for the American Ethnological Society, pp. 12-44. **232.** Lalouschek, Johanna, Menz, Florian and Wodak, Ruth

(1990) Alltag in der Ambulanz. Gespraeche zwischen Aerzten, Schwestern und Patienten. Tuebingen: Narr. **233.** Lamnek, Siegfried (1988) Qualitative Sozialforschung, Vol. 1: Methodologie. Muenchen: Psychologie-Verlags-Union. **234.** Lamnek, Siegfried (1989) Qualitative Sozialforschung, Vol. 2: Methoden und Techniken. Muenchen: Psychologie-Verlags-Union. **235.** Lasswell, Harold D. (1941) Describing the Contents of Communication. Experimental Division for the Study of Wartime Communication. Vol. 9. Washington, DC: Library of Congress. **236.** Lasswell, Harold D. (1946) «Describing the Contents of communication», in B.L. Smith, H.D. Lasswell and R.D. Casey (eds), Propaganda, Communication and Public Opinion. Princeton, NJ: Princeton University Press, pp. 74-94. **237.** Lazarsfeld, Paul, Berelson, Bernhard and Gaudet, Hazel (1955) The People's Choice. How the Voter Makes up bis Mind in a Presidential Campaign, 2nd edn. New York: Columbia University Press. **238.** Lee, Penny (1996) The Whorf Theory Complex. A Critical Reconstruction. Amsterdam: Benjamins. **239.** Lee, Raymond M. and Fielding, Nigel (1996) «Qualitative data analysis: representations of a technology: a comment on Coffey, Holbrook and Atkinson», Sociological Research Online, 1(4). http:/vvww.socreonline.org.uk/socreonline **240.** Leithaeuser, Thomas, Volmerg, Birgit, Salje, Guenther, Volmerg, Ute and Wutka, Berhard (1977) Entwurf zu einer Empirie des Alltagsbewusstseins. Frankfurt: Suhrkamp. **241.** Lemke, Jay L. (1995) Textual Politics. Discourse and Social Dynamics. London: Taylor & Francis. **242.** Lepenies, Wolf (ed.) (1981) Geschichte der Soziologie: Studien zur kognitiven, sozialen und historischen Identitaet einer Disziplin. Frankfurt: Suhrkamp. **243.** Levinson, Stephen C. (1983) Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press. **244.** Lewin, Kurt (1951) Field Theory in Social Science. New York: Harper & Brothers. **245.** Lindzey, Gardner and Aronson, Elliot (eds) (1968) The Handbook of Social Psychology, 2nd edn. Vol. 2: Research Methods. Reading: Addison-Wesley. **246.** Lindzey, Gardner and Aronson, Elliot (eds) (1985) The Handbook of Social Psychology, 3rd edn. Vol. 2: Research Methods. Reading: Addison-Wesley. **247.** Lisch, Ralf and Kriz, Juergen (1978) Grundlagen und Modelle der Inhaltsanalyse. Reinbek: Rowohlt. **248.** Lobel, Sharon A. (1989) «Inhaltsanalysen von Tiefeninterviews», in J.F. Schneider (ed.), Inhaltsatialyse alltagssprachlicher Beschreibungen sozialer Interaktionen. Beitraege zur SYMLOG-Kodierung von Texten. Saarbruecken-Scheidt: Dadder, pp. 67-87. **249.** Lucy, John (1992) Grammatical Categories and Cognition. A Case Study of the Linguistic Relativity Hypothesis. Cambridge: Cambridge University Press. **250.** Luhmann, Niklas (1981) Soziologische Aufklaerung, Vol. 3. Opladen: Westdeutscher Verlag. **251.** Luhmann, Niklas (1984) Soziale Systeme. Frankfurt: Suhrkamp. **252.** Luhmann, Niklas (1990a) Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt: Suhrkamp. **253.** Luhmann, Niklas (1990b) Soziologische Aufklaerung, Vol. 5: Konstruktivistische Perspektiven. Opladen: Westdeutscher Verlag. **254.** Luhmann, Niklas (1995) «Was ist Kommunikation?», in N. Luhmann, Soziologische Aufklaerung, Vol. 6. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 113-24. **255.** Lutz, Benedikt and Wodak, Ruth (1987) Information fuer Informierte. Linguistische Studien zu Verstaendlichkeit und Verstehen von Hoerfunknachrichten. Wien: Akademie der Wissenschaften. **256.** Lyons, John (ed.) (1970) New Horizons in Linguistics. Harmondsworth: Penguin. **257.** Maag, Gisela (1989) «Zur Erfassung von Werten in der Umfrageforschung», Zeitschrift fuer Soziologie, 18: 313-23. **258.** Maas, Utz (1984) «Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand». Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse. Opladen: Westdeutscher Verlag. **259.** Maas, Utz (1988) «Probleme und Traditionen der Diskursanalyse», Zeitschrift fuer Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 41 (6): 717-29. **260.** Mach, Ernst (1968) [1905] Erkenntnis und Irrtum. Skizzen zur Psychologie der Forschung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft [zuerst Leipzig]. **261.** Macheiner, Judith (1991) Das grammatische Variete oder die Kunst und das Vergnuegen, deutsche Saetze zu bilden. Frankfurt: Eichborn. **262.** Maingueneau, Dominique (1987) Nouvelles tendances en Analyse du Discours. Paris: Hachette. **263.** Maisel, Richard and Perseil, Caroline Hodges (1996) How Sampling Works. Thousand Oaks, CA: Pine Forge. **264.** Malinowski, Bronislaw (1966) [1935] Coral Gardens and their Magic, Vol. 2: The Language of Magic and Gardening. London: Bloomington [New York: American]. **265.** Malmkjaer, Kirsten (ed.) (1991a) The Linguistics Encyclopedia. London: Routledge. **266.** Malmkjaer, Kirsten (1991b) «Discourse and conversational analysis», in K. Malmkjaer (ed.), The Linguistics Encyclopedia. London: Routledge, pp. 100-10. **267.** Malmkjaer, Kirsten (1991c) «Systemic grammar», in K. Malmkjaer (ed.), The Linguistics Encyclopedia. London: Routledge, pp. 447-52. **268.** Manning, Peter K. and Cullum-Swan, Betsy (1994) «Narrative, content, and semiotic analysis», in N.K. Denzin and Y.S. Lincoln (eds), Handbook of Qualitative Research. Thousand Oak, CA: Sage, pp. 463-77. **269.** Mathes, Rainer (1992) «Hermeneutisch-klassifikatorische Inhaltsanalyse von Leitfadengespraechen. Ueber das Verhaeltnis von quantitativen und qualitativen Verfahren der Textanalyse und die Moeglichkeit ihrer Kombination», in J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik (ed.), Analyse verbaler Daten. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 402-24. **270.** Matouschek, Bernd and Wodak, Ruth (1995196) «Diskurssoziolinguistik. Theorien, Methoden und Fallanalysen der diskurs-

historischen Methode am Beispiel von Ausgrenzungsdiskursen», in Wiener Linguistische Gazette, 55-6, pp. 34-71. **271.** Matouschek, Bernd, Wodak, Ruth and Januschek, Franz (1995) Notwendige Massnahmen gegen Fremde?: Genese und Formen von rassistischen Diskursen der Differenz. Wien: Passagen. **272.** Matthiesen, Ulf (1994) «Standbein-Spielbein. Deutungsmusteranalysen im Spannungsfeld zwischen objektiver Hermeneutik und Sozialphaenomenologie', in D. Garz (ed.), Die Welt als Text. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 73-113. **273.** Mayring, Philip (1988) Qualitative Inhaltsanalyse. Grundlagen und Techniken. Weinheim: Deutscher Studienverlag. **274.** Mayring, Philip (1991) «Qualitative Inhaltsanalyse», in U. Flick, E. von. Kardorff, H. Keupp, L. von. Rosenstiel and S. Wolff (eds), Handbuch Qualitative Sozialforschung. Muenchen: Psychologie-Verlags-Union, pp. 209-13. **275.** McClelland, David C., Atkinson, John W., Clark, Russell A. and Lowell, Edgar L. (1953) The Achievement Motive. New York: Appleton Century Crofts. **276.** Mead, George H. (1938a) The Philosophy of the Act. Chicago, IL: University of Chicago Press. **277.** Mead, George H. (1938b) Mind, Self, and Society. Chicago, IL: University of Chicago Press. **278.** Meinefeld, Werner (1997) «Ex-ante Hypothesen in der Qualitativen Sozialforschung: zwischen «fehl am Platz» und «unverzichtbar»», Zeitschrift fuer Sozialforschung, 26: 22-34. **279.** Menz, Florian (1991) Der geheime Dialog: medizinische Ausbildung und institutionalisierte Verschleierungen in der Arzt-Patient-Kommunikation: eine diskursanalytische Studie. Frankfurt: Lang. **280.** Merten, Klaus (19S3) Inhaltsanalyse. Einfuehrung in Theorie, Methode und Praxis. Opladen: Westdeutscher Verlag. **281.** Meulemann, Heiner and Elting-Camus, Agnes (eds) (1993) Lebensverhaeltnisse und soziale Konflikte im neuen Europa, Sektionen, Arbeits- und Ad hoc-Gruppen. 26. Deutscher Soziologentag. Opladen: Westdeutscher Verlag. **282.** Mey, Jacob (1985) Whose Language? Philadelphia, PA: Benjamins. **283.** Mey, Jacob (1993) Pragmatics: An Introduction. Oxford: Blackwell. **284.** Ming-Yulh, Tsay (1995) «The impact of the concept of post-industrial society and information-society: a citation analysis study», Scientometrics, 33: 329-50. **285.** Moi, Toril (ed.) (1986) The Kristeva Reader. New Yotk: Columbia University Press. **286.** Moreno, Jacob L. (1953) Who Shall Survive? Foundation of Sociometry, Group Psychotherapy and Sociodrama. New York: Beacon House. **287.** Morris, Charles (1938) Foundations of a Theory of Signs. Chicago, IL: University of Chicago Press. **288.** Morris, Charles (1946) Signs, Language and Behavior. New York: Prentice Hall. **289.** Motsch, Werner (ed.) (1987) Satz, Text, sprachliche Handlung. Berlin: Akad. Verlag. **290.** Muhr, Thomas (1991) «ATLAS/ti – a prototype for the support of text Interpretation», Qualitative Sociology, 14 (4): 349-71. **291.** Muhr, Thomas (1994) «ATLAS/ti: Ein Werkzeug fuer die Textinterpretation», in Andreas Boehm, Andreas Mengel and Thomas Muhr (eds), Texte verstehen. Konzepte, Methoden, Werkzeuge. Schriften zur Informationswissenschaft, Konstanz: Universitaetsverlag, pp. 317-24. **292.** Mullins, Nicholas C. (1973) Theory and Theory Groups in Contemporary American Sociology. New York: HarperCollins. **293.** Mullins, Nicholas C. (1981) «Ethnomethodologie. Das Spezialgebiet, das aus der Kaelte kam», in Wolf Lepenies (ed.), Geschichte der Soziologie: Studien zur kognitiven, sozialen und historischen Identitaet einer Disziplin. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 97-136. **294.** Oevermann, Ulrich (1983) «Zur Sache. Die Bedeutung von Adornos methodologischem Selbstverstaendnis fuer die Begruendung einer materialen soziologischen Strukturanalyse», in Ludwig von Friedeburg and Juergen Habermas (eds), Adorno Konferenz 1983. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 234-89. **295.** Oevermann, Ulrich (1993) «Die objektive Hermeneutik als unverzichtbare methodologische Grundlage fuer die Analyse von Subjektivitaet. Zugleich eine Kritik der Tiefenhermeneutik», in Thomas Jung and Stefan Mueller-Doohm (eds), «Wirklichkeit» im Deutungsprozess. Verstehen in den Kultur- und Sozialwissenschaften. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 106-189. **296.** Oevermann, Ulrich (1996) «Becketts «Endspiel» als Pruefstein hermeneutischer Methodologie. Eine Interpretation mit den Verfahren der objektiven Hermeneutik (Oder: Ein objektiv-hermeneutisches Exerzitium)», in Hans-Dieter Koenig (ed.), Neue Versuche, Becketts Endspiel zu verstehen. Sozialwissenschaftliches Interpretieren nach Adorno. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 93-249. **297.** Oevermann, Ulrich, Allert, Tilman, Konau, Elisabeth and Krambeck, Juergen (1979) «Die Methodologie einer «objektiven Hermeneutik» und ihre allgemeine forschungslogische Bedeutung in den Sozialwissenschaften», in Hans-Georg Soeffner (ed.), Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften. Stuttgart: Metzler, pp. 352-434. **298.** Oevermann Ulrich, Allert, Tilman, Konau, Elisabeth and Krambeck, Juergen (1983) «Die Methodologie der objektiven Hermeneutik», in Peter Zedier and Heinz Moser (eds), Aspekte qualitativer Sozialforschung. Studien zu Aktionsforschung, empirischer Hermeneutik und reflexiver Sozialtechnologie. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 95-123. **299.** Orlik, Peter (1987) «Ein semantischer Atlas zur Codierung alltagssprachlicher Beschreibungen nach dem SYMLOG-Raummodell», International Journal of Small Group Research, 3: 88-111. **300.** Orlik, Peter and Schario, Reinhild (1989) «Die Analyse sozialer Interaktionsfelder in der Romanliteratur», in Johannes F. Schneider (ed.), Inhaltsanalyse alltagssprachlicher Beschreibungen sozialer Interaktionen. Beitraege zur SYMLOG-Kodierung von Texten. Saarbruecken-Scheidt: Dadder, pp. 19-51. **301.** Osgood, Charles E. (1959) «The

representational model and relevant research methods», in Ithiel de Sola Pool (ed.), Trends in Content Analysis. Urbana: University of Illinois Press, pp. 33-88. **302.** Osgood, Charles E., Saporta, Sol and Nunnally, Jum (1954) Evaluation Assertive Analysis. Chicago, IL: University of Chicago Press. **303.** Parsons, Talcott (1951a) The Social System. Glencoe, EL: The Free Press. **304.** Parsons, Talcott (1951b) Toward a General Theory of Action. Cambridge, MA: Harvard University Press. **305.** Peirce, Charles S. (1958-67) Collected Papers Vol. 1-8. Cambridge, MA: Harvard University Press. **306.** Pennycook, Alistair (1994) «Incommensurable discourses?», Applied Linguistics 15 (2): 115-37. **307.** Petoefi, Janos S. (1971) «Probleme der kotextuellen Analyse von Texten», in Jens Ihwe (ed.), Literaturwissenschaft und Linguistik. Ergebnisse und Perspektiven. Bad Homburg v. d. H.: Gehlen, pp. 173-212. **308.** Phillipsen, Gerry (1992) Speaking Culturally. New York: State University Press. **309.** Pittenger, Robert E., Hockett, Charles F. and Danehy, John J. (1960) The First Five Minutes. A Sample of Microscopic Interview Analysis. Ithaca, NY: Martineau. **310.** Projektteam «Sprache und Vorurteil» (1989) «Wir sind alle unschuldige Taeter!» Studien zum antisemitischen Diskurs im Nachkriegsoesterreich. 2 Vol., Endbericht, unpublished. **311.** Projektteam (1996) «Identitaetswandel Oesterrichs im reraenderten Europa», Endbericht, unpublished. **312.** Propp, Vladimir I. (1958) [1928] Morphology of the Folktale. The Hague: Mouton. **313.** Psathas, George (ed.) (1979) Everyday Language. Studies in Ethnomethodology. New York: Irvington. **314.** Redder, Angelika (ed.) (1983) Kommunikation in Institutionen. Osnabruecker Beitraege zur Sprachtheorie, 24. **315.** Redder, Angelika (1984) Modalverben im Unterrichtsdiskurs. Zur Pragmatik der Modalverben am Beispiel eines institutionellen Diskurses. Tuebingen: Niemeyer. **316.** Redder, Angelika (1990) Grammatiktheorie und sprachliches Handeln: «denn» und «da». Tuebingen: Niemeyer. **317.** Redder, Angelika (1994) ««Bergungsunternehmen» – Prozeduren des Malfeldes beim Erzaehlen», in Gisela Bruenner and Gabriele Graefen (eds), Texte und Diskurse. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 238-64. **318.** Rehbein, Jochen (1977) Komplexes Handeln. Elemente zur Handlungstheorie der Sprache. Stuttgart: Metzler. **319.** Rehbein, Jochen (1984) «Beschreiben, Berichten und Erzaehlen», in Konrad Ehlich (ed.), Erzaehlen in der Schule. Tuebingen: Narr, pp. 7-41. **320.** Rehbein, Jochen (1988) «Ausgewaehlte Aspekte der Pragmatik», in Ulrich Ammon, Norbert Dittmar and Klaus Martheier (eds), Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society. Soziolinguistik, Vol. 2. Berlin and New York: de Gruyter, pp. 1181-95. **321.** Rehbein, Jochen (ed.) (1997) Funktionale Pragmatik im Spektrum. Opladen: Westdeutscher Verlag. **322.** Reichertz, Jo (1994) «Von Gipfeln und Taelern. Bemerkungen zu einigen Gefahren, die den objektiven Hermeneuten erwarten», in Detlef Garz and Klaus Kraimer (eds). Die Welt als Text. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 125-52. **323.** Reichertz, Jo (1995) «Die objektive Hermeneutik – Darstellung und Kritik», in Eckhard Koenig and Peter Zedier (eds), Bilanz qualitativer Forschung, Vol. II: Methoden. Weinheim: Deutscher Studienverlag, pp. 379-423. **324.** Reichertz, Jo and Schroeer, Norbert (1994) «Erheben, Auswerten, Darstellen. Konturen einer hermeneutischen Wissenssoziologie», in Norbert Schroeer (ed.), Interpretative Sozialforschung. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 56-84. **325.** Reisigl, Martin (1999) Wie man eine Nation herbeiredet. Dissertation Universitaet Wien. **326.** Reisigl, Martin and Wodak, Ruth (1999) ««Austria first»: a discourse-historical analysis of the Austrian «Anti-Foreigner-Petition» in 1993», in Martin Reisigl and Ruth Wodak (eds), The Semiotics of Racism. Vienna: Passagenverlag. **327.** Renkema, Jan (1993) Discourse Studies. An Introductory Textbook. Amsterdam: Benjamins. **328.** Richards, Tom and Richards, Lyn (1991) «The NUDIST qualitative data analysis System», Qualitative Sociology, 14 (4): 307-24. **329.** Ricoeur, Paul (1992) Oneself as Another. Chicago, IL: University of Chicago Press. **330.** Ritsert, Juergen (1972) Inhaltsanalyse und Ideologiekritik. Ein Versuch ueber kritische Sozialforschung. Frankfurt: Athenauum. **331.** Sacks, Harvey (1971) «Das Erzaehlen von Geschichten innerhalb von Unterhaltungen», in R Kjolseth and F. Sack (eds) Zur Soziologie der Sprache. KZfS 1971, Sonderheft 15, pp. 307-14. **332.** Sacks, Harvey (1972a) «An initial investigation of the usability of conversational data for doing sociology», in David Sudnow (ed.), Studies in Social Interaction. New York: Free Press, pp. 31-73. **333.** Sacks, Harvey (1972b) «On die analysability of stories by children», in John J. Gumperz and Dell Hymes (eds), Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication. New York: Holt, Rinehart and Winston, pp. 325-45. **334.** Sacks, Harvey (1974) «On die Analysability of Stories by Children», in R. Turner (ed.), Ethnomethodolgy: Harmondsworth: Penguin. pp. 216-32. **335.** Sacks, Harvey (1984) «Notes on methodology», in J. Maxwell Atkinson and John C. Heritage (eds), Structures of Social Action. Studies in Conversation Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 21-7. **336.** Sacks, Harvey (1985) «The interference-malcing machine: notes on observability», in Teun A. van Dijk (ed.), Handbook of Discourse Analysis, Vol. 3: Discourse and Dialogue. London: Academic Press, pp. 13-23. **337.** Sacks, Harvey (1992a, 1992b), Lectures on Conversation. 2 Vols, Gail Jefferson (ed.). Cambridge: Blackwell. **338.** Sacks, Harvey and Schegloff, Emanuel A. (1979) «Two preferences in the Organization of reference to persons in conversation and their

interaction», in George Psathas (ed.), Everyday Language. Studies in Ethnomethodology. New York: Irvington, pp. 15-21. **339.** Sacks, Harvey, Schegloff, Emanuel A. and Jefferson, Gail (1978) «A simplest systematics for the Organization of turn taking for conversation», in Jim Schenkein (ed.), Studies in the Organization of Conversational Interaction. New York: Academic Press, pp. 7-55. **340.** Sandig, Barbara and Rothkegel, Annely (eds) (1984) Text-Textsorten-Semantik: linguistische Modelle und maschinelle Verfahren. Hamburg: Buske. **341.** Saville-Troike, Muriel (1987) «The ethnography of speaking», in Ulrich Ammon, N. Dittmar and K.J. Mattheier (eds), Sociolinguistics. An International Handbook of Science of Language, Vol. 1. Berlin and New York: de Gruyter, pp. 660-71. **342.** Saville-Troike, Muriel (1989) The Ethnography of Communication. An Introduction, 2nd edn. Oxford: Blackwell. **343.** Schegloff, Emanuel A. (1987) «Between micro and macro: contexts and other connections», in Jeffrey Alexander (ed.), The Micro-Macro Link. Berkeley: University of California Press, pp.207-34. **344.** Schegloff, Emanuel A. (1992) «On talk and its institutional occasions», in Paul Drew and John Heritage, Talk at Work: Interaction in Institutional Settings. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 101-34. **345.** Schegloff, Emanuel A. (1998) «Text and context paper», Discourse & Society 3: 4-37. **346.** Schegloff, Emanuel A. and Sacks, Harvey (1973) «Opening up closings», Semiotica, 8: 289-327. **347.** Schegloff, Emanuel A., Jefferson, Gail and Sacks, Harvey (1977) «The preference for self-correction in the organization of repair in conversation», Language, 53: 361-82. **348.** Schenkein, Jim (ed.) (1978a) Studies in the Organization of Conversational Interaction. New York: Academic Press. **349.** Schenkein, Jim (1978b) «Sketch of an analytic mentality for the study of conversational interaction», in Jim Schenkein (ed.), Studies in the Organization of Conversational Interaction. New York: Academic Press, pp. 1-6. **350.** Schiffrin, Deborah (1994) Approaches to Discourse. Oxford: Blackwell. **351.** Schlobinski, Peter (1996) Empirische Sprachwissenschaft. Opladen: Westdeutscher Verlag. **352.** Schmidt, Siegfried, J. (1992) «Ueber die Rolle von Selbstorganisation beim Sprachverstehen», in Wolfgang Krohn und Guenter Kueppers (eds), Emergenz: Die Entstehung von Ordnung, Organisation und Bedeutung. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 293-333. **353.** Schneider, Johannes F. (ed.) (1989) Inhaltsanalyse alltagssprachlicher Beschreibungen sozialer Interaktionen. Beitrage zur SYMLOG-Kodierung von Texten. Saarbruecken-Scheidt: Dadder. **354.** Schoepflin, Urs (1993) «Bibliometrische Analysen der Entwicklung einer Disziplin: Zur Geschichte der Soziologie», in Heiner Meulemann and Agnes Elting-Camus (eds), Lebensverhaeltnisse und soziale Konflikte im neuen Europa, 26. Deutscher Soziologentag, Sektionen, Arbeits- und Ad hoc-Gruppen. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 566-7. **355.** Schramm, Wilbur (1954) The Process and Effects of Mass Communication. Urbana: University of Illinois Press. **356.** Schroeder, Peter and Steger, Hugo (eds) (1981), Dialogforschung. Jahrbuch 1980 des Instituts fuer Deutsche Sprache. Duesseldorf: Schwann. **357.** Schroeer, Norbert (eds) (1994) Interpretative Sozialforschung. Opladen: Westdeutscher Verlag. **358.** Schuster, Gudrun (1994) «Die objektive Hermeneutik nach Oevermann», in Arbeitskreis Qualitative Sozialforschung (eds), Verfuehrung zum qualitativen Forschen. Wien: WUV-Universitatsverlag, pp. 101-15. **359.** Schuetz, Alfred (1932) That's not what I meant. New York: Morrow. **360.** Searle, John R. (1969) Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press. **361.** Searle, John R. (1982) [1979] Ausdruck und Bedeutung. Untersuchungen zur Sprechakttheorie. Frankfurt: Suhrkamp. [Expression and Meaning. Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge: University Press.] **362.** Shannon, Claude E. and Weaver, Warren (1949) The Mathematical Theory of Communication. Urbana: University of Illinois Press. **363.** Shi-xu (1996) Cultural Representations. Understanding Chinese and Dutch Discourse about the Other. Universitaet Amsterdam: Dissertation. **364.** Silbermann, Alphons (1974) «Systematische Inhaltsanalyse», in Rene Koenig (ed.), Handbuch der empirischen Sozialforschung, Vol. 4: Komplexe Forschungsansatze. Stuttgart: Enke, pp. 253-339. **365.** Silverman, David (1993) Interpreting Qualitative Data. Methods for Analysing Talk, Text and Interaction. London: Sage. **366.** Silverman, David (ed.) (1997) Qualitative Research, London: Sage. **367.** Sirkin, R. Mark (1995) Statistics for the Social Sciences, London: Sage. **368.** Smith, Bruce L., Lasswell, Harold D. and Casey, Ralph D. (eds) (1946) Propaganda, Communication and Public Opinion. Princeton, NJ: Princeton University Press. **369.** Soeffner, Hans-Georg (eds) (1979) Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften. Stuttgart: Metzler. **370.** Spencer Brown, George (1979) [1969] Laws of Form. New York: Dutton. **371.** Sperber, Dan and Wilson, Deidre (1986) Relevance, Communication, and Cognition. Oxford: Blackwell. **372.** SSCI® Social Sciences Citation Index® (1994) SSCI User Guide, ISI® CD Editions, Version 3.05 Upgrade, 12/94. **373.** Stock, Wolfgang G. (1995) «Wissenschaftsevaluation mittels Datenbanken-methodisch einwandfrei?», Spektrum der Wissenschaft, Nov.: 118-21. **374.** Straehle, Carolyn, Wodak, Ruth, Weiss, Gilbert, Muntigl, Peter and Sedlak, Maria (1999) «Struggle as metaphor in European Union discourses on unemployment». Discourse and Society, 10 (1): 67-100. **375.** Strauss, Anselm (1987) Qualitative Analysis for Social Scientists. Cambridge: Cambridge University Press. **376.** Strauss, Anselm and Corbin, Juliet (1990) Basics of Qualitative Research. Newbury Park, CA: Sage. **377.** Strauss, Anselm and Corbin, Juliet (1994) «Grounded theory methodology: an overview», in Norman K. Denzin and Yvonna S. Lincoln (eds), Handbook of Qualitative Research. Thousand Oak, CA: Sage, pp. 273-85. **378.** Strauss, Anselm and Corbin, Juliet M. (eds) (1997) Grounded Theory in Practice. Thousand Oak, CA: Sage. **379.** Streeck, Juergen (1983) «Konversationsanalyse: Ein Reparaturversuch», Zeitschrift fuer Sprachwissenschaft, 2: 72-104. **380.** Streeck, Juergen (1987) «Ethnomethodologie», in Ulrich Ammon, Norbert Dittmar and Klaus Mattheier (eds), Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society. Soziolinguistik. Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Geselischaft: Vol. 1. Berlin de Gruyter, pp. 672-9. **381.** Sturm, Gabriele (1989) «Strukturanalyse persoenlicher Konstruktsysteme von Erstgebarenden», in Johannes F. Schneider (ed.), Inhaltsanalyse alltagssprachlicher Beschreibungen sozialer Interaktionen. Beitrage zur SYMLOG-Kodierung von Texten. Saarbruecken-Scheidt: Dadder, pp. 89-108. **382.** Sudman, Seymor (1976) Applied Sampling. New York: Academic Press. **383.** Sudnow, David (ed.) (1972) Studies in Social Interaction. New York: The Free Press. **384.** Swales, John M. (1991) Genre Analysis. English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press. **385.** Tannen, Deborah (1986) «That's Not What I Meant» New York: Morrow. **386.** Tellis, Winston (1997a) «Introduction to case study», The Qualitative Report, 3 (2) [http://www.nova.edu/ssss/QR/QR3-2/tellisl.html] August 1999. **387.** Tellis, Winston (1997b) «Application of a case study methodology», The Qualitative Report, 3 (3) [http://www.nova.edu/ssss/QR/QR3-2/tellisl2.html] August 1999. **388.** Thorngate, Warren (1976) ««In general» vs. «it depends»: some comments on the Gergen-Schlenker debate», Personality and Social Psychology Bulletin, 1: 404-10. **389.** Titscher, Stefan (1995a) «Das Normogramm», Zeitschrift fuer Soziologie. 24: 115-36. **390.** Titscher, Stefan (1995b) «Kommunikation als Fuehrungsinstrument» in Alfred Kieser, Gerhard Reber and Rudolf Wunderer (eds), Handwoerterbuch der Fuehrung, 2nd edn. Stuttgart: Poeschel, pp. 1309-18. **391.** Titzmann, Michael (1977) Strukturale Textanalyse. Muenchen: Fink. **392.** Turner, Roy (ed.) (1974) Ethnomethodology. Harmondsworth: Penguin. **393.** van Dijk, Teun A. (1977) Text and Context. Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London: Longman. **394.** van Dijk, Teun A. (1980) Textwissenschaft. Eine interdisziplinaere Einfuehrung. Muenchen: DTV. **395.** van Dijk, Teun A. (1984) Prejudice in Discourse. Amsterdam: Benjamins. **396.** van Dijk, Teun A. (ed.) (1985a) Handbook of Discourse Analysis, Vol. 1: Disciplines of Discourse. London: Academic Press. **397.** van Dijk, Teun A. (ed.) (1985b) Handbook of Discourse Analysis, Vol. 2: Dimensions of Discourse. London: Academic Press. **398.** van Dijk, Teun A. (ed.) (1985c) Handbook of Discourse Analysis, Vol. 3: Discourse and Dialogue. London: Academic Press. **399.** van Dijk, Teun A. (ed.) (1990a) Discourse Analysis in the 90s. Special issue of TEXT. **400.** van Dijk, Teun A. (1990b) «Social Cognition and discourse», in Howard Giles and William P. Robinson (eds), Handbook of Language and Social Psychology. New York: Wiley, pp. 163-86. **401.** van Dijk, Teun A. (1993) «Editor's foreword to Critical Discourse Analysis», Discourse & Society, 4 (2): 131-2. **402.** van Dijk, Teun A. (ed.) (1997) Discourse and Interaction. London: Sage. **403.** van Leeuwen, Theo (1993) «Genre and fields in critical discourse analysis: a Synopsis», Discourse & Society 4 (2): 193-223. **404.** van Leeuwen, Theo and Wodak, Ruth (1999) «Legitimizing Immigration Control: A discourse-historical analysis», Discourse Studies, 1(1): 83-118. **405.** van Raan, Antony F.J. (1994) «Assessment of research performance with bibliometric methods», in Heinrich Besi (ed.), Informations- und Wissenverarbeitung in den Sozialwissenschaften. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 499-524. **406.** Vass, Elisa (1992) Diskursanalyse als interdisziplinaeres Forschungsgebiet. Universitaet Wien: Diplomarbeit. **407.** Verschueren, Jef, Oestman, Jan-Ola and Blommaert, Jan (eds) (1995) Handbook of Pragmatics. Manual. Amsterdam: Benjamins. **408.** Vogt, Rudolf (ed.) (1987a) Ueber die Schwierigkeit des Verstaendigem beim Reden: Beitraege zu einer Linguistik des Diskurses. Opladen: Westdeutscher Verlag. **409.** Vogt, Rudolf (1987b) «Zwei Modelle zur Analyse von Diskursen», in Rudolf Vogt (ed.), Ueber die Schwierigkeit des Verstaendigem beim Reden: Beitraege zu einer Linguistik des Diskurses. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 3-34. **410.** Volosinov, Valentin N. (1975) [1929] Marxismus und Sprachphilosophie. Grundlegende Probleme der soziologischen Methode in der Sprachwissenschaft. Frankfurt: Ullstein. **411.** von Aleman, H. and Ortlieb, P. (1975) «Die Einzelfallstudie», in J. van Koolwijk and M. Wieken-Mayser (eds), Techniken der empirischen Sozialforschung, Vol. 2. Muenchen: Oldenbourg, pp. 157-77. **412.** von Friedeburg, Ludwig and Habermas, Juergen (eds) (1983) Adorno Konferenz 1983. Frankfurt: Suhrkamp. **413.** Waugh, Linda R. (1982) «Marked and unmarked: a choice between unequals in semiotic structure», Semiotica, 38 (3): 299-318. **414.** Weber, Robert Philip (1990) Basic Content Analysis. 2nd ed. Newbury Park: Sage. **415.** Weick, Karl (1979) The Social Psychology of Organizing, 2nd edn. Reading: Addison Wesley. **416.** Weiner, Bernhard (1986) An Attributional Theory of Motivation and Emotion. New York: Springer. **417.** Weiss, Gilbert and Wodak, Ruth (1999a) «Debating

Europe: Globalization rhetoric and European Union employment policies», in Irene Bellier (ed.). European Identities. Boulder, CO: Westview Press. **418.** Weiss, Gilbert and Wodak, Ruth (1999b) The EU Committee Regime and the Problem of Public Space. Strategies of Depoliticizing Unemployment and Ideologizitig Employment Policies. (forthcoming). **419.** Weitzman, Eben A. and Miles, Mathew B. (1995) Computer Programs for Qualitative Data Analysis. Thousand Oaks: Sage. **420.** Werner, Oswald and Bernard, H. Russell (1994) «Ethnographic sampling», Cultural Anthropology Methods (CAM), 6 (2): June, [http://www.lawrence.edu/fac/bradleyc/ossie.html] August 1999. **421.** Wersig, Gernot (1968) Inhaltsanalyse. Einfuehrung in ihre Systematik und Literatur. Schriftenreihe zur Publizistikwissenschaft vol. 5. Berlin: Volker Spiess. **422.** Widdowson, Henry G. (1995) «Discourse analysis: a critical view», Language and Literature, 4 (3): 157-72. **423.** Wiedemann, Peter (1991) «Gegenstandbezogene Theoriebildung», in Uwe Flick, Ernst von Kardorff, Heiner Keupp, Lutz v. Rostenstiel and Stephan Wolff (eds), Handbuch Qualitative Sozialforschung. Muenchen: Psychologie-Verlags-Union, pp. 440-5. **424.** Wilke, Stefanie (1992) Die erste Begegnung. Eine konversations- und inhaltsanalytische Untersuchung der Interaktion im psychoanalytischen Erstgespraech. Heidelberg: Asanger. **425.** Willems, Herbert (1996) «Goffman's qualitative Sozialforschung. Ein Vergleich mit Konversationsanalyse und Strukturaler Hermeneutik», Zeitschrift fuer Soziologie, 25: 438-55. **426.** Willis, Paul (1977) Learning to Labour. Columbia, NY: Columbia University Press. **427.** Winterhager, Matthias (1994) «Bibliometrische Basisdaten zur Entwicklung der Sozialwissenschaften in Deutschland», in Heinrich Best (ed.), Informations- und Wissenverarbeitung in den Sozialwissenschaften. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 539-52. **428.** Wittgenstein, Ludwig (1984) Werkausgabe Vol. 1: Tractatus logico-philosopbicus, Tagebuecher 1914-1916, Philosophische Untersuchungen. Frankfurt: Suhrkamp. **429.** Wodak, Ruth (1981) Das Wort in der Gruppe: linguistische Studien zur therapeutischen Kommunikation. Wien: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften. **430.** Wodak, Ruth (1984) Hilflose Naehe? Muetter und Toechter erzaehlen. Eine psycho- und soziolinguistische Untersuchung. Wien: Deuticke. **431.** Wodak, Ruth (1986) Language Behavior in Therapy Groups. Los Angeles: University of California Press. **432.** Wodak, Ruth (1989) Language, Power and Ideology. Amsterdam: Benjamins. **433.** Wodak, Ruth (1995) «Critical linguistics and critical discourse analysis», in Jef Verschueren, Jan-Ola Oestman and Jan Blommaert (eds), Handbook of Pragmatics. Manual. Amsterdam: Benjamins, pp. 204-10. **434.** Wodak, Ruth (1996) Disorders of Discourse. London: Longman. **435.** Wodak, Ruth and Benke, Gertraud (1997) «Gender as a sociolinguistic variable: new perspectives on Variation studies», in Florian Coulmas (ed.), The Handbook of Sociolinguistics. Oxford: Blackwell, pp. 127-50. **436.** Wodak, Ruth and Matouschek, Bernd (1993) ««We are dealing with people whose origins one can clearly tell just by looking»: critical discourse analysis and the study of neoracism in contemporary Austria», Discourse & Society, 2 (4): 225-48. **437.** Wodak, Ruth and Menz, Florian (eds) (1990) Sprache in der Politik – Politik in der Sprache. Analysen zum oeffentlichen Sprachgebrauch. Klagenfurt: Drava. **438.** Wodak, Ruth and Reisigl, Martin (1999) Discourse and Discrimination. The Rhetorics of Racism and Antisemitism. London: Routledge. **439.** Wodak, Ruth and Schulz, Muriel (1986) The Language of Love and Guilt. Mother-Daughter Relationships from a Cross-Cultural Perspective. Amsterdam: Benjamins. **440.** Wodak, Ruth and Vetter, Eva (1999) «Competing professions in times of change: the discursive construction of professional identities in TV talk-shows», in R. Wodak and Chr. Ludwig (eds), Challenges in a Changing World. Issues in Critical Discourse Analysis. Wien: Passagen. **441.** Wodak, Ruth, De Cillia, Rudolf, Blueml, Karl and Andraschko, Elisabeth (1989; Sprache und Macht-Sprache und Politik. Wien: Bundesverlag. **442.** Wodak, Ruth, Nowak, Peter, Pelikan, Johanna, Gruber, Helmut, de Cillia, Rudolf and Mitten, Richard (1990) «Wir sind alle unschuldige Taeter!» Diskurshistorische Studien zurn Nachkriegsantisemitismus. Frankfurt: Suhrkamp. **443.** Wodak, Ruth, Menz, Florian, Mitten, Richard and Stern, Frank (1994) Die Sprachen der Vergangenheiten. Oeffentliches Gedenken in oesterreichischen und deutschen Medien. Frankfurt: Suhrkamp. **444.** Wodak, Ruth, de Cillia, Rudolf, Reisigl, Martin, Liebhart, Karin, Kargl, Maria and Hofstaetter, Klaus (1998) Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identitaet, Frankfurt: Suhrkamp (translated as Wodak, R., De Cillia, R., Reisigl, M. and Liebhart, K. (1999) The Discursive Construction of National Identity. Edinburgh: EUP). **445.** Wunderlich, Dieter (ed.) (1972) Linguistische Pragmatik. Frankfurt: Adienaeum. **446.** Wundeilich, Dieter (1978) (1976] Studien zur Sprechakttheorie, 2nd edn. Frankfurt: Suhrkamp. **447.** Yin, Robert K. (1993) Applications of Case Study Research. Newbury Park, CA: Sage. **448.** Yin, Robert K. (1984) Case Study Research: Design and Methods. Beverly Hills, CA and London: Sage. **449.** Zedler, Peter and Moser, Peter (eds) (1983) Aspekte qualitativer Sozialforschung. Studien zu Aktionsforschung, empirischer Hermeneutik und reflexiver Sozialtechnologie. Opladen: Westdeutscher Verlag.

С. Тичер, М. Мейер,
Р. Водак, Е. Веттер

Методы анализа текста и дискурса

Methods of Text and Discourse Analysis

Научный редактор: кандидат филологических наук Анна Аркадьевна Киселева

Главный редактор: Ольга Алексеевна Шипилова

Дизайн и компьютерная верстка: Андрей Юрьевич Каменев

Свидетельство ДК №2009 от 10.11.2004

Издательство «Гуманитарный Центр»
Отдел продаж (Россия, Украина – 057-719-52-40),
e-mail: huce@kharkov.ua
Подписано в печать 29.07.09
Формат 60×90/16. Бумага оф.
Усл. печ.л. 22,25. Тираж 2000 экз. Заказ № 83

Отпечатано
в типографии «ПолиАРТ»,
Харьков, ул.Тобольская 42, оф.108
(057) 759-11-35